

Вячеслав Петрович ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1960

К двухсотлетию со дня, рождения Гракха Бабефа,
великого революционера-коммуниста (1760-1960)

Веб-публикация: Антон К* и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*,
2009

Содержание

Введение

Часть 1. УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ XVII И XVIII ВЕКОВ

I. Верас

II. Мелье

III. Морелли 4

IV. Эскирос. Констан

V. Бабувизм

VI. После революции

Часть 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ КОММУНИЗМА В 30-40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

I. Рабочий класс на путях к коммунизму

II. Коммунистическая пресса

Часть 3. ТЕОРЕТИКИ УТОПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА ПЕРЕД 1848 ГОДОМ

I. Кабе

II. Лаотьер

III. Вильгардель

V. Эскирос. Констан

V. Дезами

VI. Пийо

VII. Бланки

Заключение

Библиография

ВВЕДЕНИЕ

Отдельные произведения, проникнутые «духом общности», проповедующие в той или иной форме принципы общественной собственности и общественной организации труда, могут быть отмечены уже во французской литературе XVII века. Особенно много книг, критикующих строй частной собственности и защищающих принципы коммунизма, появилось во Франции в XVIII веке. Но все это были разрозненные выступления отдельных писателей, связанных друг с другом лишь общностью принципов. В конце XVIII века, в эпоху революции, коммунизм впервые стал, в так называемом заговоре Бабефа, лозунгом политической борьбы.

После разгрома бабувизма коммунистическая мысль как бы отступает перед натиском торжествующей реакции, чтобы затем выйти из подполья в посвященной заговору Бабефа книге Буонарроти и в пропаганде тайных обществ тридцатых годов. Коммунизм, примыкающий к традициям XVIII века, к традициям Морелли и Бабефа, распространяется вширь и вглубь. Пытаясь установить связь с классовой борьбой пролетариата, он вновь, и на более широкой, чем во времена бабувизма, основе, приобретает в сороковых годах характер общественного движения.

За десятилетие от 1837 до 1848 года во Франции появились десятки книг и памфлетов, множество журналов, хотя и эфемерных, посвященных пропаганде принципов «общности»; возникло немало тайных организаций, служивших той же цели. Сороковые годы XIX века - время наибольшего влияния и наибольшего распространения во Франции идей утопического коммунизма.

«Разрушительные идеи, - пишет об этом периоде великий немецкий поэт Гейне, - завладели низшими классами... В Париже 400000 грубых кулаков ждут только лозунга, чтобы осуществить абсолютное равенство, - не равенство прав, но равенство в пользовании земными благами. Подлинными руководителями этих масс Гейне признает коммунистов. Все другие течения социалистической мысли должны, в конце концов, слиться с партией коммунистов. Пропаганда коммунизма, - продолжает поэт, - владеет языком, понятным народам; элементы этого языка так же просты, как понятие голода или понятие смерти. Коммунисты, противопоставляющие современному обществу господство пролетариата, являются самыми опасными антагонистами буржуазного государства».

Гейне полагает, что появление на исторической арене этой новой силы придает совсем иной смысл политическим понятиям. Республика, говорит он, может быть теперь только формой господства пролетариата, формой выражения вдохновляющего его принципа материального равенства. Коммунистов Гейне считает партией, в наибольшей мере заслуживающей уважения, партией, которой принадлежит будущее.

Высокую оценку исторического значения рабочего движения 40-х годов дал после революции 1848 г. великий русский мыслитель и политический деятель А.И.Герцен. Характеризуя происшедшие в 40-х годах изменения в соотношении политических сил в Западной Европе и сурово оценивая непоследовательность и недальновидность либерально-буржуазных группировок, А.И.Герцен видел основную черту эпохи в появлении на политической арене пролетариата. «Либералы... - писал Герцен, - со времени реставрации, звали народы на низвержение монархически-феодалного устройства во имя равенства, во имя слез несчастного, во имя страданий притесненного, во имя голода неимущего... Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле - пролетарий, работник с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем. Этот «несчастный обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство... Сила социальных идей велика, - продолжал Герцен, - особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по праву существующего гражданского порядка - пролетарии, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды».¹

Наблюдавший политическую жизнь Франции с диаметрально противоположной политической позиции префект полиции Делессэр, конечно, оценивает деятельность вдохновляемых коммунистическими идеями организаций резко отрицательно. Он видит в них прежде всего опасность для существующего порядка вещей. Но и он считает их деятельность весьма значительной и непрерывно растущей в своем значении. «Стремление анархических партий, - пишет он в своем докладе 1847 года, - пренебрегать чисто политическими вопросами ради идей социального обновления... теперь сильнее, чем когда-либо, и заслуживает серьезного внимания со стороны властей... В этом именно истинное зло нашей эпохи, и надо признать, что оно с каждым годом возрастает». Как мы видим, наблюдатели, при всем различии их точек зрения, весьма высоко оценивают общественное значение и перспективы коммунистического движения сороковых годов. Революция 1848 года показала, что эта оценка была преувеличенной. Утопический коммунизм был не в состоянии привести народные массы к победе, к разрушению общественного строя, основанного на эксплуатации человека человеком. Тем не менее изучение утопического коммунизма сороковых годов - периода, непосредственно предшествовавшего возникновению коммунизма научного, - представляет значительный интерес для историка.

Именно этот период в истории утопического коммунизма занимает центральное место в настоящем исследовании. Ему посвящены целиком вторая и третья части нашей книги. В первой ее части я считал необходимым подвести итоги достижений французской коммунистической мысли XVII и XVIII веков. Это придает книге необходимую целостность: в своем настоящем виде она охватывает историю французского утопического коммунизма от его зарождения до революции 1848 года.

Считаю своим долгом выразить мою благодарность товарищам, оказавшим мне помощь в работе над этой книгой: Пьеру Ангран, любезно предоставившему мне возможность ознакомиться с его неопубликованными записями, И.И.Голубцовой и Ю.П.Мадору, помогавшим мне в выявлении необходимых для моей работы материалов.

Часть 1. УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ XVII и XVIII веков

I. ВЕРАС

1

Возникновение идей утопического социализма и утопического коммунизма тесно связано с процессом первоначального накопления капитала и с характерными для раннего капитализма формами эксплуатации. Ранее всего тягостные для масс последствия проникновения капитала в производство сказались в Англии. Массовая экспроприация английского крестьянства, вызванная потребностями растущего капиталистического хозяйства, послужила, несомненно, толчком к созданию одного из самых замечательных произведений ранней коммунистической мысли - «Утопии» Томаса Мора.

¹ А.И.Герцен. С того берега. Собрание сочинении под ред М.К.Лемке, т.V, Пгр., 1919, 421, 423.

В «Утопии» отразились характерные черты эпохи рождающегося капитализма, буйно прорастающего сквозь толщу феодальных отношений и уже несущего в себе зачатки свойственных ему новых общественных антагонизмов. Политическая и социальная литература знает мало произведений, которые имели бы такое длительное влияние, как маленькая книжечка Т.Мора. «Утопия» - книга, в которой впервые отчетливо сформулирован ряд положений, характерных для утопического коммунизма. Можно условно говорить об элементах социализма в древнем мире, разумея под этим коммунизм потребления, представление об общности благ на заре человеческого общества, неопределенную идею организации общественного производства и т.п. Но все это были намеки, разрозненные мысли, не связанные в единое целое. Как законченная система утопический коммунизм мог возникнуть лишь в новое время, на основе, созданной ростом капиталистических отношений, и заслуга первой разработки и изложения этой системы принадлежит бесспорно Т.Мору.

«Утопия» была написана на международном языке своего времени - по-латыни. Одно из ее изданий было напечатано в Париже. Не подлежит сомнению, что с ней были знакомы высшие культурные слои французского общества XVI-XVII вв. Но круг ее распространения был очень ограничен. Первое оригинальное произведение, посвященное пропаганде идей утопического коммунизма, появилось во Франции лишь во второй половине XVII в. (1677 г.). Это была «История севарамбов» Дени Вераса.

Автор «Севарамбов» был, по-видимому, человеком весьма незаурядным. Он принадлежал к протестантской семье. После кратковременной службы в рядах французской армии он занялся изучением права. Но судебное поприще, как и военная служба, не смогло надолго удержать Вераса. В 1665 г. мы находим его, в Англии - в странной роли не то преподавателя французского языка, не то «доверенного» переводчика, не то фактотума в свите известного английского вельможи и политического деятеля Бекингема. Верас имел возможность познакомиться с рядом выдающихся английских деятелей, в том числе с Локком, близость с которым он сохранил и после своего возвращения во Францию. В Англии же Верас издал на английском языке первую часть своей «Истории севарамбов». Его возвращение на родину было как будто, не вполне добровольным: он принимал, по-видимому, очень деятельное участие в каких-то политических интригах, и неудача той группировки, которую он обслуживал, вынудила его покинуть Англию. По возвращении во Францию Верас поселился в Париже, где занимался главным образом преподаванием английского и французского языков, истории и географии. После отмены Нантского эдикта Верас, как и многие другие гугеноты, эмигрировал в Голландию, где через некоторое время и умер. Во время своего пребывания в Париже Верас издал «Историю севарамбов» (уже в двух частях) на французском языке. Книга Вераса получила широкое распространение и послужила в XVIII веке образцом для многочисленных подражаний.

2

«История севарамбов» принадлежит по своей форме к типу «романов-путешествий». Канва романа обычна для этого жанра и, в сущности, очень проста. Это - рассказ путешественника, потерпевшего крушение в южном море и выброшенного бурей на неизвестный континент. Он находит на этом континенте своеобразно организованное общество, которое и описывает. Народ открытой им страны - севарамбы - оказывается весьма гуманным и гостеприимным. Беседы с севарамбами и чтение их книг позволяют автору восстановить историю возникновения их общественного порядка. Верас достаточно подробно говорит о том, как жили туземцы в прошлом, до преобразования, проведенного их просвещенным правителем Севарисом. Народ севарамбов образовался из двух туземных народов, проживавших на этой территории издавна, и из пришельцев - парси. Туземные народы жили в условиях примитивного коммунизма большими семьями, представлявшими самоуправляющиеся общины. Каждая семья, или община, выбирала вождя и его помощников для ведения хозяйственных дел, для отправления правосудия, для командования в случае войны. Вождь имел при себе совет (по-видимому, состоявший из должностных лиц и стариков), приказам вождя все должны были беспрекословно повиноваться. Для общей обороны семьи объединялись, избирали общего вождя, при котором состоял общий совет. У одного из туземных народов общность являлась принципом не только имущественных, но и брачных отношений. Формально у них существовала моногамная семья: женщина имела одного мужа, который считался отцом ее детей. Но, по существу, допускалось половое общение женщин с любым из мужчин, принадлежащих к данной большой семье. Лишь половые сношения с мужчинами из других семей считались преступлением и карались смертью. Обычно браки заключались в пределах одной и той же семьи. Иногда брали женщин из соседних семей; но мужчины из своей семьи никогда не выходили.

Основными занятиями этих первобытных народов являлись охота, рыбная ловля и сбор диких плодов; однако эти народы знали уже зачатки земледелия в форме огородничества. Возможно, что примитивный коммунизм первоначальных жителей страны с ростом культуры сменился бы у них такими же порядками, какие установились в других обществах. Но на их счастье в их страну прибыла из Персии группа парси, возглавляемая Севарисом, который отличался высокой добродетелью и разумными общественными взглядами. Он поставил себе задачу развить культуру этих полудикарей, не затрагивая основ их общинного быта.²

Севарис считал, что во всех человеческих обществах существуют три основных источника зол. Это - гордость, алчность и праздность. Необходимо установить такие принципы общежития, которые не давали бы пищи для развития этих пороков.

Едиственное законное различие между людьми - это различие по умственным способностям и по добродетели. В силу этого Севарис отменил навсегда всякие преимущества, связанные с рождением. Так как второй порок, алчность, развивается под влиянием богатства и в основе ее лежит частная собственность, Сева-рис издал законы, направленные к полной отмене частной собственности. Он установил, что вся земля и все богатства принадлежат народу. Все необходимое граждане получают от общественных должностных лиц. Севарис был убежден в том, что отмена частной собственности, устраняя алчность, в то же время приведет к увеличению общего богатства, а к возможно более полному удовлетворению потребностей всех граждан. Наконец, принимая во внимание третий порок - праздность, Севарис объявил труд обязательным для всех - как мужчин, так и женщин. Женщины занимаются лишь более легким трудом - прядением, ткачеством, шитьем. От труда освобождаются только старики и больные. Труд, - говорит Верас, - упражняя тело и занимая душу разумным делом, предохраняет людей от многочисленных пороков и изнеженности. Грязные работы возлагаются в обществе севарамбов на рабов.³

Таковы принципы, на которых было построено реформированное общество севарамбов. Оригинальна в этом обществе организация производства. Основной производственной ячейкой является товарищество, которое носит название «осмазия», в каждой осмазии около тысячи человек. Группы трудящихся, входящих в осмазию, объединяются как для производства, так и для потребления. Каждая осмазия имеет особый большой дом, в котором живут и работают ее члены. Члены осмазии, по-видимому, обычно разделяются на дюжины, причем трудом каждой дюжины руководит особый бригадир. Верас, предвосхищая Фурье, очень подробно описывает устройство самого дома, в котором живут члены осмазии, устройство внутреннего двора осмазии, украшающие его цветники и т.д. Осмазии, находящиеся вне города, занимаются по преимуществу сельским хозяйством, городские осмазии - по преимуществу промышленностью. Лица, заведующие соответственными отраслями производства, получают сырой материал (например, хлопок, лен, шелк) там, где он производится, и доставляют его для обработки в города. Из городов затем готовые продукты рассылаются повсюду, где в них имеется надобность.⁴

То, что необходимо для удовлетворения потребностей членов осмазии из продуктов ее собственного производства, остается в осмазии. Все остальное поступает в общественные склады. Каждая осмазия имеет своих должностных лиц, которые непосредственно управляют производством, распределением и потреблением. У осмазии имеются свои магазины, куда продукты, необходимые для потребления членов осмазии и для их производства, поступают из магазинов государственных.

Основным принципом распределения продуктов между гражданами является у Вераса, как и у Мора, распределение по потребностям. «Если какой-либо подданный в этой нации имеет нужду в чем-либо необходимом для жизни, - говорит Верас, - ему нужно только обратиться к должностному лицу, которое всегда его удовлетворит. Никогда ему не надо беспокоиться ни о своем питании, ни о своей одежде, ни о своем жилище, ни о содержании жены и детей...

² D.Vairasse dAllais Histoire des Sevarambes, peuples qui habileni. une partie du troisieme continent communement appelle La Terre Australe. Amsterdam, 1715, t.I, 200-202. 2 Ibid., 225-226, 206, 259, 260.

³ Histoire des Sevarambes, t. I, 270.

⁴ Histoire des Sevarambes,

Государство обо всем этом позаботится».⁵ Следует при этом отметить, что системе севарамбов не чужды некоторые черты аскетизма. В стране севарамбов запрещены «бесполезные и пустые искусства, которые служат только роскоши и тщеславию, которые порождают гордость, зависть и раздоры и отвращают людей от любви и добродетели». В стране севарамбов невоздержанность в чем бы то ни было карается законом, так как она разрушает тело и душу⁶. С другой стороны, при практическом применении, принцип распределения по потребностям уступает место принципу вознаграждения по заслугам. «Так как должностные лица, - говорит Верас, - возвышены над народом, так как их функции более благородны, чем у простых граждан, то они заслуживают большего вознаграждения и получают его - пропорционально рангу, который они занимают в республике». Они имеют не только почетные преимущества, они имеют преимущества в пользовании предметами первой необходимости: у них обычно лучшее помещение, лучшая пища и лучшая одежда⁷.

Принцип распределения граждан по осмазиям проведен у Вераса весьма последовательно. Наряду с осмазиями чисто производственного характера существуют осмазии-школы, основная задача которых - воспитание подрастающего поколения. Образование общее соединено у севарамбов с образованием профессиональным. Дети обучаются в осмазиях, наряду с науками, земледелию и ремеслам. Каждая осмазия имеет общую кухню и общий стол, которым пользуются все ее члены⁸. Само собой разумеется, при коммунистическом распределении стране севарамбов совершенно не нужны деньги. Денег у севарамбов нет. Но Верасу не свойствен аскетический взгляд на драгоценные металлы. Он считает, что драгоценные металлы должны быть использованы для изготовления тех предметов роскоши, которыми жители Севарамбии вправе пользоваться⁹.

Верас предполагает, что при такой организации производства и распределения, какую он изобразил в своем романе, общий жизненный уровень должен быть значительно выше, чем средний уровень современных ему стран Европы. В республике нет богатых бездельников, которые облечены властью, хотя и недостойны ее. С другой стороны, среди севарамбов нет бедных. При умеренном 8-часовом рабочем дне никто не испытывает нужды в необходимом, все принимают участие в общественных удовольствиях: «им принадлежат все богатства государства, и каждый из них может считать себя столь же счастливым, как самый богатый в мире монарх»¹⁰.

Организация управления в стране севарамбов представляет собою избирательную монархию с некоторым теократическим оттенком, сближающим ее с «Государством солнца» Кампанеллы и, пожалуй, с государством инков в изображении писателей XVI-XVII вв. Монарх, избираемый народом, именуется вице-королем, ибо он почитается лишь наместником верховного властителя и божества-солнца; власть его ограничена выборными коллегиальными учреждениями. В случае, если монарх проявит склонность к тирании и к нарушению основных законов, по решению совета он может быть отстранен от исполнения своих обязанностей, «пока божество не соблаговолит вернуть ему утраченный им разум»¹¹. Следует подчеркнуть чисто практическое, служебное значение религии в этом построении Вераса. Севарис широко использует средства религиозного воздействия, не брезгуя и прямой мистификацией - подделкой во время богослужения «голоса свыше» - для придания большего авторитета своим повелениям¹².

3

Утопический коммунизм Вераса, как и утопический коммунизм Мора, возник в тот исторический период, когда связанный с развитием капиталистических отношений процесс пролетаризации масс проходил лишь свои первые стадии. Пролетариат, как класс, еще не сложился. Мыслители, пытавшиеся противопоставить злу существующего общества общественные отношения, свободные от эксплуатации, не могли найти в окружающей действительности реальных общественных сил, способных осуществить этот общественный идеал. Их построения носили поэтому, говоря словами «Манифеста Коммунистической партии», совершенно фантастический характер - характер изображения фантастического общества. «Утопия» Мора и «История севарамбов» Вераса - лучшие образцы этого периода в развитии коммунистической мысли.

⁵ Ibid, 224.

⁶ Ibid., 227.

⁷ Ibid., 254.

⁸ Ibid., 267-268.

⁹ Histoire des Sevarambes, 248.

¹⁰ Ibid., 236, 223-224.

¹¹ Ibid., 258.

¹² Ibid., 209 et suiv.

Многое сближает эти произведения. Верас, как и Мор, - противник частной собственности; он, как и Мор, считает основным принципом идеального общества принцип общности имущества; он, как и Мор, защищает идею всеобщности труда. Но, сопоставляя «Историю севарамбов» с «Утопией», нельзя не отметить в ней также ряд своеобразных, новых черт, отражающих как новые вкусы, так и новую социальную обстановку. Прежде всего следует сказать о внешней форме романа. У Вераса мы находим гораздо больший интерес к конкретному описанию, к конкретному изображению будущего общества. Он больше останавливается на бытовых подробностях. У него мы не находим традиционной, унаследованной у античных авторов формы диалога. «История севарамбов» - связный рассказ от первого лица. В этом рассказе много внимания уделено перипетиям путешествия, всякого рода приключениям, взаимоотношениям путешественников, описаниям природы, городов, охоты, рыбной ловли и т. п. Социальные идеи автора и черты социальных отношений описываемой страны вкраплены в занимательный рассказ. Все эти особенности романа заставляют вспомнить о некоторых явлениях литературной жизни Франции второй половины XVII века. Мы знаем, с одной стороны, какое развитие получила во Франции ко времени Вераса тема романа (Сорель, Скаррон и др.). Мы знаем также, какое распространение получили в эту пору, в связи с ростом колониальных интересов Франции, описания путешествий. В смысле литературной техники Верас, несомненно, опирается на развитие их этих жанров.

Вторую особенность романа Вераса составляет попытка автора показать историю возникновения изображаемого им общественного порядка. Очень интересна характеристика примитивных общественных отношений, господствовавших в первоначальных общинах «Севарамбии». Эта характеристика позволяет сравнить Вераса с теоретиками естественного права и с коммунистами XVIII века. Идея изначальной общности как естественного состояния весьма характерна для XVIII века и чужда более, чем утопистам.

Не менее интересны представления Вераса о путях преобразования человеческого общества. Мы находим у него чисто рационалистическую веру в возможность построения силами разума «естественного» для человечества порядка. Последовательно рационалистическим является у него обоснование социального идеала. Весь план преобразования Севариса дается в романе как рациональный вывод из природных свойств человека. Его осуществление обеспечивается лишь его разумностью и доброй волей просвещенного законодателя, как бы воплощающего в своем образе получившую в XVIII веке столь широкое распространение идею просвещенного абсолютизма.

Наконец, большой интерес с точки зрения истории развития коммунистических идей представляет изображаемая Верасом система производственно-потребительских организаций, на которые распадается общество севарамбов. Напомним, что у Мора роль первоначальной производственной ячейки играла еще семья. Она составляет в «Утопии» основную хозяйственно-политическую корпорацию. Осмазия - организация, в основе которой лежит не семейное начало, а производственные функции. Семейно-ремесленный строй «Утопии» связывает ее с традициями средневекового города. Разрывая пуповину, соединяющую хозяйство с семьей, Верас делает, несомненно, большой шаг вперед, отражая разрушительные для ремесла сдвиги в экономической действительности XVII в. Известно, что время Людовика XIV было во Франции временем развития мануфактуры. В осмазии можно видеть прототип разнообразных форм общественных мастерских, трудовых ассоциаций, коммун и т.п., характерных для социалистических построений XVIII и первой половины XIX века

II. МЕЛЬЕ

1

В XVIII веке развитие идей утопического коммунизма вступает в новую, чрезвычайно интересную фазу. До XVIII в. коммунизм находит свое выражение в форме фантастического изображения идеального общества или идеальной коммуны. Лишь отдельные замечания, иногда мимоходом брошенные, связывают утопические построения Мора или Вераса с их представлением о прошлом и настоящем человеческого общества. Литература XVIII века знает также немало образцов этого старого жанра. Но утопические романы XVIII века вносят мало нового в те изображения коммунистического общества, которые оставили предыдущие века. Подлинный интерес для истории коммунизма представляют не они, а возникающая в XVIII веке новая форма выражения коммунистической мысли. Литература XVIII века дает нам первые образцы коммунистической теории, коммунистического учения об обществе и его судьбах. Первым по времени произведением этого рода является «Завещание» Мелье.¹³

¹³ Meslier J. Le Testament, I-III. Amsterdam, 1865.

Жан Мелье - один из самых своеобразных представителей французского утопического коммунизма и французского материализма XVIII века. Среди французских мыслителей XVIII века немало сторонников идей социального равенства и общности имущества. Но только у Мелье эти идеи сочетались с призывом объединению угнетенных для борьбы с угнетателями. Среди Французских мыслителей XVIII века немало решительных противников христианской церкви и религиозного мирозерцания. Но только у Мелье воинствующий атеизм служит прямым орудием борьбы против принципов классового общества.

Вся жизнь Мелье была связана с деревней. Он родился в 1647 году в деревне Мазерни в Шампани, где он провел свое детство и получил первоначальное образование. По окончании семинарии Мелье занял место священника в одном из приходов Шампани, где жил, почти безвыездно, до конца своих дней. Нищета и страдания угнетенной деревни - основной фон его «Завещания».

Начало XVIII века - время, когда жил и писал свое «Завещание» Мелье, - один из самых тяжелых периодов в тяжелой жизни французского крестьянства феодальных времен. Уже в середине XVII века современники отмечают проникновение в деревню капиталистических отношений, появление слоя зажиточных фермеров-предпринимателей, с одной стороны, безземельной бедноты-с другой. На рубеже XVII и XVIII веков специфические особенности капиталистического развития Франции в условиях феодального порядка привели французскую деревню к тяжелому кризису. Факт общего обеднения, общего хозяйственного и культурного упадка деревни в конце XVII и начале XVIII века подчеркивается всеми наблюдателями. Комиссары короля, обследовавшие положение деревни в 1687 г., констатировали повсеместное обнищание деревенского населения. В деревнях разрушаются и не восстанавливаются дома, - сообщали комиссары, - крестьяне-собственники распродают свои участки, зажиточных фермеров, имеющих свой скот и обладающих некоторым капиталом, не видно более. В деревнях остались лишь бедные половники, полунищие, не имеющие нужного инвентаря, обремененные к тому же непоплатными долгами. Малейшее стихийное бедствие разрушает их хозяйство и заставляет идти по миру. В иных местах у крестьян не хватает для пропитания даже черного хлеба.

Такую же пессимистическую оценку положения деревни дают авторитетнейшие экономисты этого времени Вобан и Буагильбер. Нет сомнения в том, что мы имеем перед собой общий экономический упадок деревни, нивелировку в общей нищете основной массы сельского населения. Деревенская беднота держится за землю как за единственное средство спасения от необходимости идти по миру: теряя последнюю связь с землей, крестьянин превращается в нищего и бродягу. Такова была социально-политическая среда, в которой возникло «Завещание» Мелье.

Судя по литературным ссылкам в «Завещании», эрудиция Мелье была довольно обширна. Наиболее изученная и чаще всего цитируемая им книга-это, конечно, Библия. Знакомы ему также произведения раннехристианской литературы, сочинения так называемых «отцов» и «учителей» церкви. Большое место в цитатах Мелье занимают латинские и греческие авторы. Лукреций - один из наиболее чтимых им писателей. С интересом и сочувствием цитирует он описание «Золотого века» у Овидия. Известны ему Вергилий, Лукиан, Ливии, Тацит и др. Семинария познакомила Мелье также с французским богословием и с французской философией XVI и XVII веков. Он, несомненно, знал произведения проповедников Католической Лиги XVI века, он посвящает целые главы «Завещания» опровержению философии Декарта и Мальбранша. Из французских светских писателей чаще всего цитируется в «Завещании» Монтень. Знаком он, несомненно, с монархомахами. Но под руками у него были при работе над «Завещанием» и более близкие по времени авторы, например Лабрюйер. Он цитирует немало современных ему книг политического характера: «Esprit de Mazarin», «Espion turc» и т.п.

Мелье умер в преклонном возрасте, после многих лет добросовестного исполнения противоречивших его убеждениям обязанностей священника. По-видимому, он покончил с собою. «Завещание» было им написано тогда, когда он уже знал, что его конец близок. Готовясь к уходу из жизни, он почувствовал себя в силах сделать то, на что он не мог решиться раньше: открыто сказать давно и глубоко им продуманную правду о человеческих отношениях, о религии, о государстве, об общественном строе. «Мои дорогие друзья, - пишет он во вступлении к «Завещанию», - я не мог сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мыслями после смерти». Так, мыслью о близкой смерти начинается «Завещание», этой же мыслью оно и заканчивается.

Мелье подвергает в «Завещании» беспощадной и всесторонней критике общественные отношения современной ему Франции, но его критика выходит за эти пределы. По существу он анализирует и осуждает классовое общество вообще, свойственные ему социальные противоречия, охраняющий его политический порядок и освящающую его религию. В своей оценке существующего строя и его учреждений Мелье исходит из постулатов морали. Величайшее благо, - говорит он, - мир, доброжелательное отношение друг к другу, справедливость. Самое ужасное в жизни - раздоры, злоба, ложь, несправедливость, лицемерие и тирания. Они являются источниками всех пороков и бедствий, среди которых люди проводят свою жизнь. В мире царят ложь и несправедливость. Слезы обиженного, страдающего народа, угнетаемого богатыми и сильными, внушают отвращение и презрение к жизни.

На первое место среди зол жизни Мелье ставит «непропорциональное распределение благ между сословиями». Одни, говорит Мелье, как будто рождены, чтобы тиранически господствовать над другими и получать в жизни всякие удовольствия, а другие - чтобы быть ничтожными, жалкими рабами и стонать всю жизнь под бременем труда и нищеты. Эта несправедливость не основывается ни на личных заслугах, ни на заслугах предков. Предки людей, которые столько кричат о своей знатности, - на самом деле кровожадные и жестокие тираны, предатели, воры, отцеубийцы. Нечестивые и жестокие грабители - знатные делают вид, что они охраняют свободу и права народов, их религию и законы; на самом деле они - лицемеры и безбожники.

Все люди равны по природе, утверждает Мелье. Все имеют равное право жить и ходить по земле, пользоваться своей естественной свободой и некоторой частью благ земных, занимаясь полезным трудом для приобретения всего, что необходимо в жизни. Зависимость между людьми, которая одних чересчур возвышает, а других унижает, одним дает слишком много, а другим ничего, - такая зависимость несправедлива и ненавистна, она явно противоречит естественному праву. Король, князь, монарх, повелитель, знатный, подданный, вассал, вольноотпущенный, раб - все это звания, созданные тщеславием, несправедливостью и тиранией.

От этих общих рассуждений Мелье переходит к конкретной характеристике общественных отношений в современной ему французской деревне. Нет, говорит он, ничего более жалкого и несчастного, чем французский крестьянин. Работая на «благородных», напрягая все свои силы, он едва зарабатывает на пропитание себе самому. Дворяне не довольствуются тем, что им принадлежат лучшие земли. Они заставляют крестьян платить себе подати, отбывать барщину, они требуют, чтобы крестьяне ползали перед ними на коленях. Самый маленький дворянчик заставлял крестьян трепетать перед собою и старается урвать у них, что только сможет. Бедные люди будут вечно несчастны, если они не отделаются от этих гадов. Вам говорят о дьяволах, дорогие друзья, - восклицает Мелье, - вас заставляют поверить, что эти отвратительные и злые существа являются худшими врагами человеческого рода. Но знайте, что для вас нет более злых дьяволов, чем те люди, о которых я сейчас говорю, у вас нет худших и злейших врагов, чем знатные, великие и богатые. Живописцы ошибаются, рисуя дьяволов в виде безобразных противных чудовищ. Их следует изображать в виде красивых господ или в виде прелестных дам и девиц, наряженных, напудренных, завитых. Дьяволы, которых рисуют проповедники и художники, существуют только в воображении, они не могут причинить реального зла. Дамы и господа, о которых я говорю, вполне реальны, как реально и причиняемое ими зло.

Второе зло, - продолжает Мелье, - состоит в том, что за счет народного труда живет множество людей, совершенно для него бесполезных. Многие из них имеют своим специальным назначением грабить и угнетать народ. К разряду таких вредных людей Мелье относит тех «каналей», которые из попрошайничества сделали себе ремесло, и богатых бездельников, которые живут в праздности, заботясь лишь о том, как приятней провести жизнь.

Среди многочисленных категорий тунеядцев Мелье обращает особое внимание на духовенство. Какую пользу, спрашивает Мелье, приносят народу все эти аббаты, приоры, каноники, монахи и монахини? Особенно возмущают Мелье монахи. Они дают обет бедности и отречения от мира с его тщетой и суетой, а в то же время они обладают большими богатствами и живут в свое удовольствие. К числу бездельников, живущих за счет народа, приносящих ему явный вред, Мелье относит также юристов, откупщиков, сборщиков податей, «плутов, каналей и мошенников соляного и табачного надзора», которые рыщут по всей стране в поисках добычи. Богатые бездельники говорят, что им не нужно трудиться, так как у них достаточно доходов. Но их богатства, говорит Мелье, приносят доход лишь благодаря труду других людей.

Центральное место в критике Мелье занимает явным образом критика общественных отношений, господствующих в феодальной деревне. Угнетаемый знатными и богатыми народ - это Крестьянство. Эксплуатирующие народ знатные и богатые - это светские и духовные феодалы. Буржуазия и зарождающиеся буржуазные отношения остаются как будто вне поля зрения Мелье. Ему чуждо понимание той грани, которая отделяет эти Каления от отношений феодальных. Вообще, исторический анализ общественных явлений мало интересует Мелье.

С критикой социальных отношений феодального порядка у Мелье непосредственно связана критика его политической формы абсолютизма. Все властители, все короли и князья - тираны, таково основное положение Мелье. Они всегда и везде угнетают подвластные им народы. В своей гордости и наглости они считают, что их воля может служить достаточным основанием для издаваемых ими повелений. Французские короли, говорит Мелье, как бы маленькие боги. Они убеждены, что им принадлежит абсолютная власть над жизнью и имуществом подданных. И они не жалеют ни этой жизни, ни этого имущества, принося их в жертву своему честолюбию и своей жадности. Чтобы заполучить золото и серебро своих подданных, короли налагают на народ все новые и новые подати. Если деревня оказывается не в состоянии их платить, туда посылаются солдаты, чтобы выколачивать подати у крестьян. Короли стремятся высосать из народа все соки, считая, что нищих легче держать в покорности. Они совершенно забыли ту старую истину, что вводить налоги без согласия тех, кто должен их платить, могут лишь тираны и насильники. Еще пагубней для народа постоянно затеваемые королями войны. Солдат, деньги, провиант - все это берут короли у народа. Ни один король не принес народу своими войнами столько несчастий, сколько принес их Людовик XIV. Ни один король не пролил столько крови, не разорил столько провинций и городов. Его прозвали великим, но он заслужил это название не великими и достойными похвалы деяниями - таких за ним нет, - а великими несправедливостями, великими опустошениями, великими убийствами, виновником которых он был.

Обязанность правителей состоит в обеспечении народам спокойствия и безопасности. Это признают даже такие сторонники абсолютизма, как Ришелье. Но льстецы убеждают королей, что благосостояние располагает народ к мятежам, что только нищета делает его покорным. Это - наглая ложь. Истинные причины революции - страдания народа, в которых виноваты сами короли.

Среди публицистов XVIII века, вплоть до кануна революции, Мелье резко выделяется радикализмом своих критических суждений, своим последовательным демократизмом. Его рассуждения пропитаны гневом и ненавистью к угнетателям, подлинно революционным пафосом. Источник этого революционного настроения Мелье, несомненно, в нищете и страданиях деревенской бедноты его времени. Но в той борьбе, основное направление которой было дано окружающей его жизнью, он сумел прекрасно использовать свои книжные знания. Он часто прибегает к цитатам, искусно используя для подтверждения своих антимонархических положений даже Библию. Влияние политической литературы нового времени особенно сказывается в той части рассуждения Мелье, где он говорит о монархии вообще. Основные положения критики монархии в «Завещании» явным образом восходят к монархомахам XVI века, хотя Мелье на них и не ссылается. Надо думать, что Мелье был знаком также с трактатом Ла Боэси «О добровольном рабстве»; многие фразы «Завещания» почти буквально повторяют соответственные положения Ла Боэси.

С критикой феодализма и абсолютизма тесно сплетается у Мелье критика частной собственности и семьи. Одно из самых распространенных зол общественной жизни, говорит он, состоит в том, что все блага и богатства земли находятся в частном владении. При частном владении и частном пользовании богатствами каждый стремится иметь их как можно больше и приобретать их какими угодно средствами, ибо жадность ненасытна и пробуждает в человеке все его порочные наклонности. Люди ведут ожесточенную борьбу за богатство. Самые сильные, хитрые, ловкие, а часто самые злые, недостойные побеждают в этой борьбе и захватывают в свои руки все жизненные блага. В обществе возникает вопиющее неравенство; одни обжираются, тогда как другие умирают от голода, одни ничего не делают, а другие изнемогают от труда; одни живут в изобилии и блаженстве, как будто в раю, другие в страданиях и в нужде - в настоящем аду. Особенно отвратительно то, что заслуживающие райского блаженства страдают в аду, а заслуживающие адских мук преспокойнейшим образом пользуются блаженством рая. Неравенство в распределении богатств порождает среди людей зависть и взаимную ненависть, толкает людей на воровство и на убийства. Бедность отцов отражается и на детях. Отцы, необразованные, голодные, не имеют! ни желаний, ни возможности должным образом кормить, воспитывать и обучать своих детей. И дети растут и живут всю жизнь в невежестве, грубости, грязи и нищете.

Рассуждения Мелье о вреде частной собственности носят весьма общий характер. Мелье устанавливает некоторый общий закон, который он, подобно другим политическим мыслителям XVIII века, выводит из свойств человеческой природы. Подобного рода теоретические рассуждения Мелье легко мог найти у многих известных ему античных и раннехристианских авторов (Платон, Сенека, Лактанций). Но он вспомнил о них и воскресил к новой жизни, конечно, под влиянием собственных наблюдений над окружающей его действительностью. Непосредственные наблюдения над жизнью французской деревни придавали характер злободневности традиционным формулам античных авторов и в то же время подтверждали в сознании Мелье их правильность как общего закона.

3

«Природа достаточно плодородна, - сочувственно цитирует Мелье Фенелона, - чтобы дать все, что нужно, бесконечному Числу умеренных и трудолюбивых людей». Тунеядство одних повергает в нищету других. Только труд является источником богатства. Поэтому все имеют право пользоваться частью благ земных, но при условии выполнения какого-либо полезного труда. В нормальном обществе должен царить, по мнению Мелье.

Принцип равенства в труде и в пользовании благами земли. А для осуществления этого принципа необходимо, чтобы производство и потребление были построены на началах общности. «Люди должны владеть всеми благами и богатствами земли сообща и на равных правах и пользоваться ими также сообща и равномерно»¹⁵.

Все жители одного города или одного прихода, говорит Мелье, должны составлять как бы одну семью. Они должны любить друг друга как братья и сестры, должны жить вместе, пользоваться одинаковой или подобной пищей, иметь одинаково хорошие жилища, одинаково хорошую одежду. Но, с другой стороны, все обязаны принимать участие в труде, каждый сообразно своей специальности. Работы должны распределяться между членами общины по временам года, в зависимости от потребности в тех или иных продуктах и от условий их производства. Таким образом, идеальное общество представляется Мелье совокупностью общин-приходов. Эти общины, в целях сохранения мира и взаимной помощи, заключают между собою союзы: без взаимной помощи, говорит Мелье, их благосостояние непрочное. При всей жесткости его оценки существующих форм государственной организации, Мелье чуждо отрицательное отношение к власти. «Никакое человеческое общество, - говорит он, - даже будучи хорошо организовано, не может само собою сохранить порядок без некоторой зависимости между его членами, без подчиненности одних другим»¹⁶. Руководство общины должно принадлежать, по мнению Мелье, наиболее мудрым и опытным ее членам, иногда Мелье говорит - старцам. С другой стороны, он защищает идею выборности должностных лиц; по-видимому, Мелье предполагает, что выбор народа будет естественно останавливаться на наиболее опытных, наиболее мудрых.

В характеристике основных ячеек «нормального» общества у Мелье чувствуется некоторая тенденция к уравнительности и к потребительскому коммунизму. Взаимоотношения между членами общины определяются моральным постулатом «братской любви». Все эти черты сближают представление Мелье об идеальном обществе с представлениями, свойственными так называемому еретическому коммунизму средних веков.

Как материальные, так и нравственные последствия замены частной собственности собственностью коллективной будут, по мнению Мелье, поразительны и неожиданны для бедняков. Никто ни в чем не будет нуждаться, всякий будет получать в общине необходимые для него и для его детей пищу, одежду и жилище. Не будет краж, грабежей и убийств, не будет судебных процессов, никто не будет стремиться к чужому кошельку. Никому не придется надрываться на чрезмерной работе. Все будут работать, никто не будет праздным, и поэтому каждый будет работать только за себя. «Вы удивляетесь, бедные люди.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

¹⁵ Le Testament, t.II, 310

¹⁶ Ibid., 170.

Вы спрашиваете, почему же вам приходится столько трудиться и столько страдать. Причина очень проста. Вы содержите своим трудом бесконечное количество тунеядцев... Вы доставляете им все необходимое для их существования и их удовольствий. Когда труд будет распределен между всеми людьми, то ваша доля труда неизбежно сократится. Вы будете жить счастливее, а трудиться меньше»¹⁷. Мы не находим у Мелье аскетического противопоставления изобилия и добродетели, которое мы встречаем у многих демократических писателей XVIII века (Мабли, Руссо). В том обществе, о котором он мечтает, люди смогут жить, по его мнению, не только хорошо, но и роскошно.

Брака в смысле юридической связи в «нормальном» обществе не должно быть. Женщины и мужчины должны быть, по мнению Мелье, в своих половых отношениях совершенно свободны. Когда они почувствуют, что им тяжело жить друг с другом, они будут свободно расходиться и заключать новые союзы. Тогда не будет несчастных браков; единственным мотивом брачного сожителства будет взаимное влечение и доброжелательство. Улучшится и положение детей. Они не будут с самого раннего детства страдать от нужды, голода и холода. Община будет содержать их за свой счет, будет заботиться об их воспитании и образовании. Дети будут вырастать людьми сведущими и честными, людьми, способными служить с пользой своей родине.

В изображении внутреннего устройства идеального общества (община-приход) Мелье явным образом исходит из круга деревенских отношений. Мы не находим в «Завещании» идеи общей народнохозяйственной организации, подчиненной в своей деятельности какому-либо плану: самое представление о народном хозяйстве остается вне пределов кругозора Мелье. В формировании общинного идеала Мелье, вероятно, сыграло известную роль наличие во французской деревне общинных традиций и основ общинного землевладения. Возможно, что он знал об уравнивательных лозунгах некоторых крестьянских восстаний его времени (например, восстания камизаров). Не надо забывать, однако, и о традиции литературной. При резко отрицательном отношении Мелье к неравенству и к частной собственности, он, конечно, должен был с особым интересом относиться к тем авторам, которые противопоставляли порядку, основанному на неравенстве, порядок общности. В части «Завещания», посвященной социальным идеям, мы находим ссылки на Сенеку, на Овидия, на «Деяния апостолов». Стремясь подкрепить свои доводы в пользу общности, Мелье приводит широко распространенную в античной литературе легенду о «золотом веке», с которого начинается история человечества и при котором люди жили, не зная ни собственности, ни власти. С особым вниманием он останавливается на рассказе «Деяний» о первых временах христианства, что опять-таки связывает его с «коммунистическими» ересями средних веков. По-видимому, говорит Мелье, христианская религия в начале своего существования стремилась к осуществлению идеала общности как лучшей формы общежития, Она не только проповедовала принципы равенства и братства, первые христиане жили согласно этим принципам. Они отдавали все, что имели, в общее пользование, и среди них не было бедных. Но эта общность, говорит Мелье, недолго среди них просуществовала; жадность вскоре проникла в их сердца и разделила их, вернув в прежнее состояние.

Более близких к нему по времени писателей, проповедовавших общность имуществ, Мелье, по-видимому, не знает. Совершенно не заметно в «Завещании» влияние первых утопистов нового времени - Мора и Кампанеллы. Не упоминает он также о весьма распространенных в его время утопических романах. Мелье, конечно, известна теория естественного права как права, вытекающего из природы человека. Термин «естественное право» не раз встречается в «Завещании». Но существенной, методологической роли в его рассуждениях теория естественного права не играет.

4

Несправедливость существующего общественного строя для Мелье бесспорна. Как будто две расы людей живут в одном обществе, говорит Мелье: одна ничего не делает, наслаждается и повелевает, другая трудится, страдает и повинуется. Первых несравненно меньше, чем вторых. Каким же образом держится столь явная несправедливость? Каким образом меньшинство ухитряется властвовать над большинством и эксплуатировать его?

Сильные мира, конечно, пользуются для поддержания выгодного им порядка прямым насилием¹⁸. Организацией, служащей целям такого насилия, является государство. Всякий, кто осмелится сопротивляться государственной власти, кто осмелится противоречить ее повелениям, подвергается риску быть схваченным ее агентами и погибнуть.

¹⁷ Ibid., 236 et suiv.

¹⁸ Le Testament, t.I, 7-15.

Но средства такого рода не имели бы решающего значения, если бы народы, одураченные хитрой ложью, не подставляли добровольно свои шеи под ярмо, - налагаемое сильными и богатыми. Эта хитрая ложь - заблуждения и предрассудки, называемые обычно религией. Тесный симбиоз двух видов лжецов - духовенства и светских правителей - истинный источник всех бедствий человеческого общества. Служители религии, будто бы ведущие людей к небу и спасающие их от несуществующего ада, в действительности обрекают человечество на все муки подлинного ада в земной жизни. Будущая жизнь - это средство держать людей в страхе и вместе с тем не давать им приходиться в отчаяние.

Заклучив между собой союз, светские и духовные властители великолепно уживаются друг с другом. Религия поддерживает правительство, хуже которого не может быть, правительство поддерживает религию, глупее которой не может быть. Духовенство заставляет людей повиноваться властям, как поставленным от бога, под страхом вечного осуждения. Светская власть обеспечивает духовенству хорошие доходы и охраняет своей силой религиозные предрассудки. Христианская религия пуста и суеверна не менее других, она не менее ложна в своих основах, не менее смешна в своих учениях и правилах. Ведь именно христианская религия оправдывает и санкционирует все злоупотребления существующего строя. Если бы она была истинной религией, она должна была бы проклинать его несправедливость. Бесконечно мудрый, добрый и справедливый бог, о котором твердят христиане, не мог бы поддерживать такое вопиющее зло, как общественное неравенство или как тирания королей¹⁹.

Первые религиозные представления людей имеют, по мнению Мелье, своим источником невежество. Вначале это были только суеверия, не имевшие серьезного значения. Но затем из народа выделились люди умные, честолюбивые, жадные к богатству.

Они задумали воспользоваться轻信 людей для своих корыстных целей. Выдавая себя за богов или за посланников бога, они заставили людей повиноваться своим приказам, как велениям божества, и приобрели таким способом власть, а вместе с нею почет и богатство... Наивный рационализм этих рассуждений Мелье очевиден. Мелье, как и буржуазные просветители XVIII в., не был в состоянии подняться до материалистического понимания законов развития человеческого общества. Самое понятие развития общества ему чуждо, критика общественных зол носит у него статический характер. Но все же его представления о жизни общества более реалистичны и трезвы, чем у большинства его современников. Он верит во всепобеждающую силу истины. Однако он прекрасно понимает сложность того процесса, который приводит к победе истины. Он прекрасно понимает, что поведение различных групп общества зависит от их интересов, что одни слои общества по самому своему положению являются защитниками общественного порядка, а другие - естественными его противниками. Нет никого, говорит Мелье, кто бы решился выступить на борьбу со злом: одни не хотят, другие не могут. Не говоря уже о королях и знати, - они сами носители общественного зла, - разве захотят бороться с несправедливостью люди, занимающие какие-либо духовные или светские должности? На лжи и суеверии, на общественной несправедливости основывается почет, которым они пользуются, их власть, их крупные доходы. Не станут бороться с несправедливостью богатые купцы, ибо покровительство власти обеспечивает их благосостояние. Наконец, не станут бороться все те, кто любит сладкую жизнь, ее удобства и удовольствия, ибо борьба связана с мучениями и преследованиями. Тот же страх преследований заставляет молчать умных и просвещенных людей, знающих всю ложность религии, всю несправедливость законов, но не решающихся идти на гибель во имя истины. Все эти люди не разделяют суеверий религии, к обрядам и таинствам относятся пренебрежительно. Они заботятся лишь о благах земной жизни, нисколько не опасаясь адских мучений. Суеверия предназначаются для других.

Естественными противниками существующего порядка являются люди, несущие его бремя на своих плечах. Они терпят это бремя прежде всего потому, что они по своей невежественности не в состоянии распутать всю сеть заблуждений, в которой их умышленно держат. Живя в вечной нищете, в вечном тяжелом труде, не получая никакого образования, они не понимают, что их положение противоречит правам человека. К тому же они разрозненны, между ними нет солидарности. А в деле такой важности, как борьба с угнетателями, необходимы взаимное доверие и сплоченность.

¹⁹ Le Testament, t.II, 181, 287.

Если главную опору существующего строя составляет невежество масс, то все усилия должны быть направлены на просвещение этих масс. В этом - долг всех передовых людей. Мелье не рассчитывает на то, что таких людей найдется много. Образованные люди, говорит он, в большинстве своем являются прислужниками власти имущих. Мелье знает также, что книги, враждебные религии и государству, не доходят до народа. И все же он убежден в неизбежном торжестве справедливости²⁰. Пора народу узнать правду. Необходимо освободить народ от власти религиозных суеверий, внушить ему ненависть и презрение к сильным мира, решимость сбросить ярмо тирании. Освобождение от заблуждений христианства будет, по мнению Мелье, не только умственным, но и нравственным освобождением человека. Христианская мораль, как и христианская догма служит цели порабощения человека. Прославляя страдания и осуждая естественные влечения физической природы человека, она как бы советует людям терпеливо сносить голод и холод, угнетение и унижение. Стремиться к благам жизни, по учению христианства, - грех, а покоряться своей несчастной участи - добродетель. Но опаснее всего повеление любить своих врагов и делать им добро. Это правило, противоречащее здравому смыслу и справедливости, явно покровительствует злым и содействует угнетению добрых. Вполне естественно ненавидеть зло и защищаться от несправедливости. Лишь освободившись от христианской морали, угнетенные поймут, что они имеют право бороться за свое земное счастье.

Первое условие успешности этой борьбы - единодушие, солидарность. «Объединяйтесь же, народы! - восклицает Мелье. - Помогайте друг другу: дело идет о том, что одинаково важно для всех народов. Вас губит то, что вы сражаетесь друг против друга вместо того, чтобы сражаться в одних рядах за общее дело... Все зависит от народа, все держится на нем; стоит вам захотеть, и тирания падет... У знатных не было бы больше богатства, чем у вас, если бы вы не давали им своего богатства; у них не было бы больше власти, чем у вас, если бы вы не хотели подчиниться их законам. Ваши дети, ваши родные, ваши друзья служат тиранам; без них и без вас они не могли бы обойтись. Они пользуются вашими силами против вас же самих... Чтобы задушить корни тирании, - говорит Мелье, - надо лишить тиранов тех питательных соков, которые они извлекают из народного труда. Не давайте ничего гордым и бесполезным бездельникам, не давайте ничего монахам и духовенству, не давайте ничего дворянам, которые вас презирают, не давайте ничего тиранам, которые вас угнетают. Пусть ваши дети, ваши родные и друзья перестанут им служить. И вы увидите, как эти люди завянут, подобно траве, корни которой не получают соков из земли»²¹.

Для Мелье хороши все формы борьбы против тирании. Примыкая к традиции тираноборцев, Мелье считает допустимым даже тираноубийство. «Где благородные тираноубийцы минувших времен? - пишет он; - где Брут и Кассий? Где убийцы Калигулы? Нет у нас более таких великих людей, как Жан Клеман и Равальяк, нет благородных душ, которые шли на смерть за счастье своей родины, которые доблестную гибель предпочитали позорной жизни».

* * *

Представления Мелье о справедливом и разумном порядке общности примитивны и утопически наивны. Утопически наивны также и его представления о путях и способах борьбы против царящей в обществе неправды. И тем не менее, «Завещание» этого деревенского священника начала XVIII века представляет исключительный интерес. Среди утопической литературы XVI-

XVIII веков оно резко выделяется глубиной и последовательностью критики, открытым призывом к революционному действию. Революционно-демократическая страстность «Завещания» порождена, несомненно, социальными отношениями французской деревни его времени - теми же отношениями, которые определили основные черты его представлений об идеальном обществе. Мелье интересен не только как отдаленный предшественник современного коммунизма. Его «Завещание» важно для историка как своеобразное отражение тех революционных настроений и социальных чаяний, которые в период кризиса феодально-крепостнического строя зарождались в сознании деревенской бедноты.

Мы уже знаем, какую роль отводит Мелье религии в своей социальной теории. Понятно, почему опровержение религии занимает центральное место в его «Завещании». Среди многообразных доводов, приводимых Мелье против религии, наибольший интерес сохраняют до наших дней его рассуждения об общих основах всякой религии. Подвергая критике понятия божества, сотворения мира, божественного промысла, бессмертия души, Мелье противопоставляет им свою собственную философию бытия.

²⁰ Lc Testament,

²¹ Ibid.. t.III,

Эта последовательно материалистическая философия во многом предвосхищает материализм более поздних французских философов - Гельвеция, Гольбаха и др. Если социально-политические взгляды Мелье не получили в XVIII веке широкого распространения («Завещание» было напечатано полностью лишь в середине

XIX века), то его философские построения, изложенные Гольбахом в его книге «Здравый смысл», оказали на дальнейшее развитие философской мысли несомненное влияние.

«Завещание» Мелье - произведение, замечательное по своей цельности и последовательности. Социально-политические построения, критика христианства, материалистическая философия - все эти составные части «Завещания» тесно спаяны между собой и логически и эмоционально. Они пронизаны единым чувством - чувством ненависти к господствующему в мире злу, единой идеей - идеей борьбы против всех видов угнетения, за торжество разума и справедливости. Частная собственность порождает неравенство и эксплуатацию бедных богатыми; монархия охраняет порядок, основанный на неравенстве; религия своими нелепыми сказками усыпляет угнетенных, освящает существующее зло; учение о боге, о бессмертии души, о будущей жизни служит средством держать бедных в покорности. Придя к этим выводам, Мелье с неуклонной последовательностью отвергает и частную собственность, и монархию, и христианскую религию, и идеалистическую философию. Разрушив, таким образом, до основания свое официальное мировоззрение, он естественно приходит к коммунизму и материализму - в тех их формах, какие соответствовали условиям его времени и его умственному кругозору.

III. МОРЕЛЛИ

1

Имя Морелли - одно из самых загадочных имен в истории французской литературы XVIII века. О его жизни мы в сущности ничего не знаем. До сих пор еще возможны споры о том, является ли Морелли подлинным именем автора или псевдонимом. Для историка коммунизма представляют наибольший интерес два произведения Морелли - «Базилиада» и «Кодекс природы». «Базилиада» - один из наиболее интересных образцов французского утопического романа XVIII века. Как и в «Истории севарамбов», коммунистический порядок показан здесь как порядок, осуществленный в некоторой фантастической стране ее мудрым законодателем. «Кодекс природы или истинный дух ее законов» - трактат, посвященный теоретическому обоснованию принципов коммунизма. «Кодекс природы» был опубликован анонимно в 1755 г., вплоть до XIX века его приписывали Дидро, причем с такой уверенностью, что даже включили «Кодекс» в одно из собраний его сочинений (Лондон, 1773).²³ В 1796 году на судебном процессе участников коммунистической организации, подготовлявшей так называемый «Заговор равных», Бабеф в своей защитительной речи ссылался на Дидро, как на автора «Кодекса природы» и учителя коммунизма. Бабеф был, несомненно, прав, указывая на Дидро-Морелли как на своего учителя. Идеиная связь бабувизма с теорией Морелли не может быть оспариваема. Но непосредственное пропагандистское воздействие книги Морелли не ограничивается XVIII в. Морелли, несомненно, остался учителем и для следующего поколения коммунистов - для утопических коммунистов XIX в. Подъем коммунистических настроений во Франции 1830-1840-х годов возродил интерес к старым коммунистическим писателям, - и среди них, наряду с бабувистами (Буонарроти), одно из первых мест занимал Морелли. В 1841 г. Вильгардель переиздал «Кодекс природы» со своим, весьма сочувственным, предисловием. Влияние этого издания на коммунистическую утопию Кабе бросается в глаза. Автор наиболее оригинальной коммунистической книги того времени, крупнейший представитель утопического коммунизма, Дезами сам неоднократно указывает на Морелли, как на высший авторитет в теории коммунизма, как на своего непосредственного предшественника. В той или иной мере знакомство с «Кодексом природы» сказывается и в других коммунистических построениях этого периода.

Морелли - типичный представитель того этапа в развитии утопического коммунизма, который можно назвать рационалистическим. Для рационализма как одного из направлений идеалистической философии общества характерно противопоставление разумного порядка неразумному. Существует некий порядок, соответствующий природе и разуму. Этот порядок может быть «открыт» разумом или выведен из некоторых предпосылок, принимаемых как аксиомы.

²³ *Naufrage des iles flottante» ou la Basiliade de celebre Pilpai, Poeme heroique en 14 chants traduit de l'indien par Mr. M*****. Messine, 1753. Code de la Nature ou le veritable esprit de ses loix, de tout temps negligé ou meconnu. s1. 1755.*

Существующий человеческий строй неразумен, он - плод человеческого невежества и ошибок разума. Чтобы перейти к разумному строю, необходимо, чтобы свет разума рассеял тьму неведения. Нужно открыть истину и распространить ее среди людей, - и она не может не победить. История человечества, таким образом, складывается из ошибок человеческого разума и его открытий.

Элементы этой рационалистической концепции мы можем найти у всех представителей утопического коммунизма и социализма, начиная с Томаса Мора и Вераса и кончая утопистами XIX века. Для социальных систем XVII и XVIII веков рационализм составляет как бы основной фон всех построений. Чем ближе к середине XIX века, тем явственнее звучат в социалистических теориях ноты исторического реализма, тем больше находим мы в них зачатков материалистического понимания общественных отношений. Но полностью освободиться от рационалистических традиций коммунизм смог лишь тогда, когда он, порвав с утопизмом, нашел подлинно научную основу в диалектическом материализме.

Стойкость влияния на утопический коммунизм рационалистических концепций придает большой интерес изучению того периода в истории коммунизма, когда это влияние достигало наибольшей силы. Морелли - несомненно самый оригинальный мыслитель этого времени, его «Кодекс природы» - самый яркий и самый последовательный образец «рационалистического» коммунизма.

Исходным понятием общественной философии Морелли является понятие природы человека. Представление о человеке, каким он выходит из рук природы, о человеке, свободном от всего, что прививает ему тот или иной общественный строй, об естественных свойствах, присущих «человеку вообще, независимо от условий места и времени, было в середине XVIII века весьма распространенным, почти общепринятым. Абстрактный «естественный человек» является предпосылкой - осознанной или неосознанной - учения о естественном праве как системе норм, вытекающих из природы человека. Ко времени Морелли учение о естественном праве, это детище рационалистического мирозерцания, отлилось уже в совершенно законченные классические формы в учениях философов и юристов XVII и XVIII веков - Гоббса, Спинозы, Гречия, Пуффендорфа и др. Можно сказать, что рационалистическая общественная мысль почти не знала иного подхода к анализу социальных и политических явлений. Проповедуемый ею «разумный» порядок является в то же время порядком естественным, поскольку исходным пунктом логического процесса служит «природа человека». «*Nunquam aliud natura, aliud sapientia elicit*», - цитирует Морелли Ювенла²⁴.

Из тех же предпосылок вытекало распространенное также в XVIII веке историческое воззрение, согласно которому жизнь человечества началась с «естественного» состояния, когда человек жил, повинаясь лишь тем нормам, которые диктовала ему его природа. Дальнейшее развитие человеческого общества представляется, с точки зрения этой концепции, как утрата человечеством этого счастливого состояния с переходом его под власть положительного права, порывающего с природой и ее велениями. Идея естественного состояния представляла как бы рационалистический вариант старинной легенды о «золотом веке» в прошлом человечества. В XVII и особенно в начале XVIII века она не раз уже находила отражение не только в теоретических рассуждениях, но и в художественных зарисовках образа «доброе дикаря», противопоставляемого испорченному культурой европейцу. Влияние этого построения мы уже отмечали в нашей характеристике «Истории севарамбов» Вераса. Морелли, приступая к анализу общественных отношений, имел перед собой, таким образом, пути, уже достаточно проторенные. Естественный человек - естественное право - естественное состояние - все эти этапы были уже неоднократно пройдены рационалистической общественной мыслью.

2

«В области морали природа одна, постоянна и неизменна» - таков основной принцип общественной теории Морелли. Правда, факты говорят об изменчивости нравов и диких и цивилизованных народов, но это отнюдь не значит, что происходит изменение в их природе; это означает лишь, что некоторые народы удаляются от ее требований, тогда как другие остаются им верны. «Человек покидает истину, но истина не погибает». Всякий народ может быть приведен в согласие с природой и ее законами. Задача разума законодателя состоит в том, чтобы открыть эти законы. Человеческое общество, чтобы быть счастливым и нравственным, должно жить по кодексу природы.

²⁴ Морелли. Опыт о человеческом уме, 1743.

Идея «природы», являясь центральной идеей построения Морелли, сочетается у него, как у многих утопических коммунистов, с идеей «бога». Морелли решительно отмежевывается от материализма. Он считал материализм учением, не выдерживающим критики. Материалистическому мировоззрению он противопоставляет, как сообразное с разумом, мировоззрение деистическое, утверждающее, что мир сотворен «архитектором», который не может оставаться равнодушным к судьбе своего творения. По мнению Морелли, существование и устройство мира и человека служат сами по себе достаточным доказательством существования божества. Но господствующие в мире религии искажают первоначальную идею божества. Они должны быть очищены полностью от всех суеверий, от всех монашеских басен, которые только дискредитируют истину²⁵. Сохраняя в своих построениях идею божества как законодателя природы, Морелли, естественно, приходит к тому выводу, что бог является также законодателем и для человеческого общества. Бог, говорит он, дал неизменный принцип движения в мире физическом; он, несомненно, должен был дать такой же неизменный принцип и для человеческих действий. Человек, постигая разумом закон природы, тем самым постигает план бога; подчиняясь закону природы, он тем самым выполняет волю бога.

Природа, говорит Морелли, мудро соразмерила потребности и силы человека. Если бы потребности находили свое удовлетворение без всякого напряжения сил человека, то человек оставался бы в первоначальном состоянии, у него не было бы никаких стимулов к развитию. Человек был бы не более общителен, чем животное. Но в действительности потребности человека всегда немного превосходят пределы его возможностей. Слабость отдельного человека толкает его к объединению с другими людьми, чтобы в объединении с себе подобными найти недостающую силу. Так человек становится существом общественным²⁶.

Мы видим, что Морелли в согласии с материалистической философией XVIII века выводит общественные свойства человека из присущего ему инстинкта самосохранения. Однако у Морелли можно найти также элементы другой моральной концепции, связанной с идеей божества и божественного плана. Так, он утверждает, что божество вложило в человеческое сердце чувство, повелевающее творить добро. Это чувство - внутренний голос природы, результат бесконечно мудрого предначертания в общем порядке вселенной. Иногда Морелли объявляет даже братскую любовь, вложенную природой в сердца всех людей, основным двигателем общественной жизни.

Равенство потребностей и разнообразие способностей должны были закреплять общественный дух, солидарность в человечестве. Чтобы ничто не смущало этой солидарности, природа дала человечеству землю в неделимое общее владение: плодами земли все имеют равное право пользоваться. Естественный человек не знает частной собственности. «Мир есть стол, достаточно уставленный для всех сотрапезников, - говорит Морелли, - и все его блюда принадлежат иногда всем, потому что все голодны, иногда лишь некоторым, потому что остальные уже насытились».

Общественный порядок, соответствующий этим принципам, - не только факт отдаленного прошлого. Людей, свято соблюдающих эти священные законы общей матери - природы, можно найти и сейчас, утверждает Морелли. Их он видит в североамериканских племенах, идеализация «естественного быта» которых была так широко распространена во французской литературе XVIII века²⁷.

«Почти все народы, - говорит Морелли, - имели или имеют еще и теперь представление о золотом веке». Таким «золотым веком» и был, в действительности, тот век, о котором говорилось выше. Как же произошел переход от этого первоначального общественного строя, основанного на равенстве и общности, к существующему строю, основанному на неравенстве и частной собственности?

Золотой век - век первобытной невинности. Человек живет в порядке общности, не сознавая, что это - наилучший для него порядок. В этой несознательности, по мнению Морелли, - его единственный недостаток, делающий возможным его порчу²⁸.

²⁵ «Code de la Nature» ed. Collection des économistes, Paris, 23. С наибольшей обстоятельностью Морелли излагает свои взгляды на религию в своих ранних произведениях, предшествовавших «Кодексу природы». См. Morelly. Basiliade, II, 218-223; Essai sur le Coeur humain, 186; 1-e Prince, 122.

²⁶ Code, 12-13.

²⁷ Ibid., 13.

²⁸ Ibid., 64.

Непосредственную физическую причину разложения первоначальных человеческих обществ, - причину, которая сама по себе не имела бы решающего значения, будь человек более сознателен, - Морелли видит в размножении человечества и в его последствиях. «Всякий народ, - говорит Морелли, - сколь бы многочисленным он ни стал..., обязан своим началом одной или несколькими объединившимся семьям». Пока эти семейства невелики, они подчиняются естественной и мягкой власти отцов. Единственные законы в этот патриархальный период - законы родственной привязанности и нежности. Нужды в писаных законах, продолжает Морелли, эти народы не знают. Но по мере роста населения, по мере роста числа членов семейств, связывавшие их родственные чувства и покоившаяся на этих чувствах власть отцов неизбежно должны были ослабевать. Еще скорее разлагались общественные связи в тех случаях, когда народу под давлением роста населения приходилось переселяться на новые места. Старый порядок разрушался, и пока на его место не становился новый, человечество неизбежно должно было вступить в период смут и раздоров, в период хаоса. Выход из воцарившегося беспорядка общество должно было искать в создании новой власти, новых учреждений, основанных уже не на чувствах, а на точных законах. Так человек утратил свое естественное состояние²⁹.

Возникающая в обществе суверенная власть, кому бы она ни была вверена, всегда имеет в своей основе соединенную волю граждан и создается во имя их общего блага. Рассматривая относительную ценность различных форм правления, Морелли приходит к тому выводу, что теоретически наиболее приемлемой для человека является та форма, при которой суверенная власть остается в руках самого народа. Но демократия не обладает, по его мнению, гармонией, необходимой для прочности власти, и потому вскоре вырождается. Соперничество между гражданами ведет к торжеству интересов частных над общим интересом. В конце концов более сильные овладевают властью. Но установление господства немногих не прекращает борьбы, она заканчивается лишь тогда, когда в обществе устанавливается единовластие, монархия. В более ранних своих произведениях Морелли объявлял монархию формой правления, наилучшим образом обеспечивающей благосостояние граждан. Только абсолютная власть («le vrai despotisme»), говорит он, может сделать людей счастливыми. Идеал власти - власть абсолютного государя, заботящегося о благе своих подданных и обожаемого ими. Именно такой просвещенный абсолютизм господствует в идеальном обществе, изображенном в «Базилиаде», где «добрый» монарх являлся организатором и руководителем коммунистического государства. В «Кодексе природы» Морелли как будто склоняется к той мысли, что при коммунистическом строе общества форма правления безразлична. Народ, говорит он, может сохранить демократию, т.е. власть отцов семейства; может ввести аристократию, т.е. передать власть мудрым; может создать монархию, т.е. для большей точности и правильности действий политического организма вручить власть одному. Монархия никогда не вырождается в тиранию, если в обществе не будет частной собственности³⁰.

В процессе создания законов и государственных учреждений была совершена, по мнению Морелли, величайшая ошибка в истории человечества. Народы, или, вернее, те законодатели, которым они доверили создание новых учреждений, совершенно не поняли стоявшей перед ними задачи. Законы должны были стремиться к одной цели - к восстановлению разрушенного естественного порядка первоначальной общности. Во всяком случае, создаваемые людьми правила должны были согласоваться с законами природы. Морелли пытается представить наглядно, что делал бы мудрый законодатель в таких условиях. Для этого он отправляет своего гипотетического мудреца в Америку и заставляет его законодательствовать среди американских охотничьих племен. Конечно, этот мудрец постарается научить дикарей новым для них искусствам и ремеслам. Он разъяснит им всю пользу земледелия и скотоводства, все их преимущества над охотой и рыбной ловлей, которыми они добывают себе средства к существованию. Но он, конечно, не посоветует им разделить для обработки на отдельные участки их общую землю. Он постарается сохранить общность земли, на которой покоится общественность. Переход к новым производствам потребует, конечно, создания некоторых регулирующих его норм. Нужно будет определить потребность всего общества в различных продуктах; нужно будет распределить работу между отдельными группами граждан в зависимости от их способностей; нужно будет определить время работы для каждого трудящегося и количество производимых им продуктов. Но не будет никакой надобности в установлении частной собственности, которая вовсе не является необходимым условием перехода от варварства к культуре³¹.

²⁹ Ibid., 34-35.

³⁰ Code, 51.

³¹ Ibid., p 24-25.

Образец разумного законодательства Морелли видит в законах инков в Перу, о которых он, вероятно, узнал из очень популярной в XVIII веке книги Гарсиласо де ла Вега³². Но у большинства древних законодателей не было правильного понимания стоявших перед ними задач. Законодатели исходили не из порядка природы, а из того состояния общества, которое возникло в результате постигших общество смут. Они попытались лишь внести в эти отношения некоторое равновесие. Так благодаря невежеству первых законодателей получились искусственные и случайные законы, противоречащие «вечному закону» природы. Установив частную собственность, законодатели навсегда утвердили разрыв общества с природой, создали почву, на которой выросли все общественные бедствия. Частная собственность - источник и причина всяческих общественных зол, *summa materia mali*, как выражается Морелли.

Критический анализ общественного строя, основанного на частной собственности, не представляет в системе Морелли большого интереса. Круг экономических знаний Морелли весьма ограничен. В своей критике существующего он прежде всего моралист; для него важны моральные последствия ухода человечества от природы, моральное разложение, вызываемое частной собственностью.

Нельзя говорить о пороках естественного человека, утверждает Морелли. Человек становится порочным лишь тогда, когда порывает с природой. Ложная политика и ложная мораль превращают его естественные качества в пороки. В сущности говоря, есть только один порок - жадность. Это - основание и проводник всех пороков. «Анализируйте тщеславие, фатовство, гордость, честолюбие, хитрость, лицемерие, злодейство... всюду Вы получите, в конечном результате, этот тонкий, губительный элемент - любостяжание»³³. Ясно, что желание владеть и жадность могли возникнуть только там, где возможен частный интерес, там, где существует частная собственность.

Пока существует частная собственность, говорит Морелли, все мероприятия, направленные на улучшение общественного порядка и общественной морали, останутся только паллиативами.

Путем репрессий, путем всякого рода полицейских и административных мер можно достигнуть в обществе видимости порядка, но этот порядок лишь узаконит нищету тех, у кого нет ничего, кому труд едва обеспечивает жалкое существование. В обществе по-прежнему останутся люди богатые и бедные, люди просвещенные и невежественные, люди праздные и изнемогающие от труда.

Общественная теория Морелли оптимистична. Он исключительно последователен в своем рационализме, для него сила разума - превыше всего. Как недостаток разумного понимания, недостаток просвещения обусловил ошибку первоначальных законодателей, установивших частную собственность, так успехи просвещения, успехи разума дадут возможность эту ошибку исправить и вернуться к естественному строю.

Морелли является горячим защитником теории прогресса. Прогресс, говорит он, - всеобщий закон природы. Но понятие прогресса носит у него явно телеологический характер. Необходимым представляется Морелли лишь то, что вытекает из свойств, данных человеку природой. Удаление человека от природы и все развитие человечества в рамках искусственных законов, с его естественно-правовой точки зрения, случайны. Мы не находим у Морелли представления о сменяющих друг друга и причинно связанных друг с другом этапах исторического развития. Но зато все «случайности» истории складываются очень стройно в цепь телеологическую. Через них «всемогущая сила» замышляет провести человеческий род к постоянному состоянию доброты, «по этим ступеням провидение ведет человеческий род к совершенству».

Согласно теории Морелли, в начале своей жизни народы не знали, какое общество является наилучшим. Они пользовались всеми благами естественного состояния, не размышляя о нем и не понимая его преимущества. Только пройдя через тысячу испытаний, человеческий разум мог открыть, что нет более счастливого состояния, чем то состояние, которое было ему свойственно по самой его природе. Чтобы убедиться в этом, чтобы перейти от бессознательного золотого века к сознательному, - а только сознательность и может придать прочность общественному строю, - человечество должно было пройти через ряд бедствий. Законы, создаваемые людьми, различные формы правления, которые они устанавливали, представляли, по существу, попытки людей приблизиться к естественному состоянию. Пройти через разные формы правления было необходимо, чтобы люди поняли, в чем их истинное благо. Так по ступеням испытаний поднимается человечество от коммунизма бессознательного в прошлом к коммунизму сознательному в будущем.

³² Книга Гарсиласо де ла Вега была переведена на французский язык еще в XVII веке: Garcilasode la Vega. Le comtoentaire royal on l'histoire des Incas. Paris, 1633.

³³ Code, 16.

Коммунистическое общество будущего, как оно изображено в «Кодексе природы», представляет собою единое централизованное хозяйственное целое, руководимое единым хозяйственным планом; общество учитывает потребности всех своих членов и распределяет между ними труд. Нужно, однако, отметить, что Морелли дает изображение коммунистического общества дважды: в «Базилиаде» и в «Кодексе природы». В «Базилиаде» больше чувствуется влияние предшественников Морелли, более ранних французских утопистов: Вераса, Гедвиля и др. Здесь видим общество, раздробленное на мелкие, самодовлеющие хозяйственные единицы (по тысяче человек в каждой). Изображение коммунистических порядков в «Кодексе природы» оригинальнее, даже по форме. В «Кодексе» Морелли дает - впервые в истории коммунизма - проект законов, регулирующих жизнь коммунистического общества. Не подлежит сомнению, что этот проект был хорошо известен утопическим коммунистам первой половины XIX века.

Принципы строя, соответствующего повелениям природы, формулированы Морелли в виде трех «священных законов»³⁴.

Первый из них отменяет частную собственность. Но здесь же делается оговорка, чрезвычайно характерная для Морелли и его времени. В виде исключения сохраняется собственность на предметы непосредственного потребления, а также на предметы, необходимые для «повседневного труда». Таким образом, очевидно, орудия ремесла сохраняются в частной собственности ремесленника. Ничего удивительного в том, что Морелли приравнивает орудия ремесла к предметам потребления: в этом отражаются реальные отношения его времени, тот уровень техники, при котором в большинстве отраслей производства орудие труда непосредственно связано с личностью трудящегося. Только эпоха промышленного капитализма разорвала окончательно эту связь как в жизненной практике, так и в социалистической теории.

Второй закон обеспечивает гражданину «право на существование» и «право на труд». Здесь говорится, что каждый гражданин будет получать от общества содержание и занятие. В связи с этим законом следует обратить внимание на то, как толкует Морелли понятие политической свободы. Он едва ли не первый связывает это понятие не с абстрактными политическими правами, а с обеспечением удовлетворения широко понимаемых человеческих потребностей. «Истинная политическая свобода человека, - говорит он, - состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворить его естественные и, следовательно, законные желания».

Третий закон дополняет второй, устанавливая в соответствии с правами граждан их обязанность принимать участие в общественном труде.

Все частные законы коммунистического общества логически вытекают из законов основных, представляют развитие их положений в применении к отдельным сторонам общественного строя. Для определения места Морелли в истории социализма особенно существенны законы, регулирующие производство и распределение продуктов. В области производства Морелли проводит резкую грань между сельским хозяйством и промышленностью. Сельскохозяйственный труд есть повинность всех граждан в возрасте от 20 до 25 лет. Граждане этого возраста составляют как бы особый корпус, который имеет в городе свои особые помещения и мастерские со складами при них³⁵.

Противоположность между городом и деревней государство Морелли не знает. Гражданин, достигший 25 лет, может покинуть сельскохозяйственный корпус. Те же, кто добровольно остается в нем, становятся с 26 лет мастерами и руководителями сельскохозяйственных работ. Утописту XVIII века земледельческий труд представляется слишком тяжелым для того, чтобы можно было рассчитывать на достаточное число лиц, занимающихся им добровольно в обществе, где нет места экономическому принуждению. Отсюда, при исключительной важности сельского хозяйства в общественной экономике, своеобразная его постановка как трудовой повинности, падающей на все население.

Иначе организована городская промышленность. Каждая профессия составляет здесь корпорацию, цех. Каждый ребенок, начиная с 10 лет, поступает в ведение того или иного цеха. Там, в помещениях цеха, он живет, там получает техническую выучку до 15 или 16 лет. От 16 до 20 лет граждане - простые рабочие той же профессии. В 25 лет, отбыв земледельческую повинность, они могут вернуться вновь к своей старой работе, но могут избрать себе и другую. Однако эта свобода выбора профессии ограничена тем, что общество фиксирует число рабочих каждого цеха в зависимости от общественных потребностей. В каждой профессии наиболее опытные работники имеют звание мастера. Мастер обучает известную группу более молодых рабочих, следит за их работой, отвечает за нее перед главой цеха.

³⁴ Basiliade, I, 107.

³⁵ Code, 89, 90.

Звание мастера пожизненно, звание главы цеха несут мастера поочередно, каждый в течение одного года. По достижении 40 лет гражданин освобождается от труда, подчиненного этой цеховой регламентации. Он может выбирать себе работу свободно, по вкусу, но, во всяком случае, ту или иную работу на пользу общества он по-прежнему должен нести³⁶.

Как обучение ремеслу детей, так и работа взрослых оторваны от семьи. Семья не является у Морелли производственной единицей. Иерархия труда освобождена от патриархальных традиций - руководят производством мастера, а не отцы семейств (как у Мора). Организация производства по своему типу ближе к мануфактуре, чем к средневековому ремеслу. Организация производства соразмеряется с общественными потребностями. Все продукты производства берутся на учет и затем распределяются между гражданами. Ни торговли, ни обмена между гражданами не допускается: все необходимое им они получают от государства. Распределение производится лицами, достигшими 40-летнего возраста, т.е. свободными в выборе своего труда³⁷.

Ко времени Морелли основной принцип коммунистического распределения был уже достаточно отчетливо формулирован в социалистической литературе. Следуя за своими предшественниками, Морелли, в качестве общего правила, предполагает распределение по потребностям, не стесняемое арифметическими расчетами. Однако в его идеальном обществе существуют законы против роскоши, предписывающие умеренность в потреблении и, таким образом, ограничивающие применение принципа: каждому по потребностям. Некоторое ограничение этого принципа он допускает также в тех случаях, когда производство того или иного продукта отстает от спроса на него. В таких случаях для установления должного равновесия выдачи либо принудительно сокращаются, либо вовсе прекращаются до тех пор, пока производство не покроет дефицита. Общественная организация потребления, по «Кодексу природы», существует лишь для определенных категорий граждан. Общественное питание получают в своих домах, где они и живут, все дети от 5 до 10 лет; общественное питание получают в мастерских, где они и живут, подростки от 10 до 15 лет; по-видимому, общественные столовые имеются и у корпуса земледельцев, которые тоже живут в особых помещениях; наконец, полное содержание получают больные и инвалиды. Потребление всех прочих граждан приурочено к семьям, связано с домохозяйством семье³⁸.

Морелли совершенно чужда восходящая к Платону идея полного растворения семьи в более широкой общественной организации. Он принимает и освящает в своем государстве индивидуальный брак. Он подчиняет брак довольно суровой регламентации, но эта регламентация имеет целью закрепить индивидуальную семью, ввести в законное русло и тем смирить силы, ее разлагающие. Морелли делает брак в известном возрасте обязательным для всех граждан; он разрешает развод, но допускает его лишь после 10-летнего брака; он ограничивает права разведенных и сурово карает прелюбодеяние. Крепкая, устойчивая семья играет существенную роль в его государстве, являясь в нем основной политической ячейкой: нация делится у Морелли на города, город - на трибы, триба - на семейства. Политические права приурочиваются в «Кодексе природы» не к гражданину, а к отцу семейства. Только отец семейства может быть главою трибы, города и нации³⁹.

Морелли оставляет ребенка в семье только до 5-летнего возраста. С 5 лет все дети поступают в детские дома, где они получают общественное воспитание. Здесь их наставляют в правилах морали, разъясняют им законы государства. Параллельно идет их физическое воспитание; в играх и занятиях, соответствующих их возрасту, дети готовятся к предстоящему им труду.

С 10 лет, как мы уже знаем, дети передаются в мастерскую, где центр тяжести лежит уже в профессиональном образовании. Однако в связи с профессиональным продолжается и образование морально-политическое. Основная цель последнего - уяснение разумности и целесообразности существующего строя, искоренение тех черт характера, развитие которых может повести к возрождению духа собственности.

С 15 лет подростки вступают в жизнь и возвращаются к семейному очагу, продолжая заниматься той профессией, которой они обучились: лишь очень немногие из них, в числе, определенном государством, совершенствуются в науках, что не освобождает их, однако, в установленном возрасте от отбывания земледельческой повинности. Пределы научных изысканий в области морали и метафизики строго ограничены истолкованием основных принципов, сформулированных в законах; всякое мудрствование, выходящее за эти пределы, по мнению Морелли, должно быть воспрещено.

³⁶ Ibid., 103-104, 92.

³⁷ Ibid., 98.

³⁸ Ibid., 102, 103, 90, 88.

³⁹ Code, 99. 100, 107, 86, 94.

Ведь законы идеального общества Морелли - это законы природы. Всякое отклонение от них он считает опасным. Зато в отношении наук о природе и наук технических предоставляется полная свобода исследования⁴⁰. Интерес к развитию естественных наук роднит Морелли с буржуазной просветительской литературой его времени и соответствует его стремлению к возможно полному удовлетворению всех человеческих потребностей. Идея стабилизации наук общественно-философских еще раз напоминает о том, что недостаток материальных условий для освобождения пролетариата необходимо отражается в сопутствующей его ранним движениям литературе реакционными чертами⁴¹.

Социальная философия Морелли и его план экономической организации будущего общества типичны для известного момента в истории коммунизма и именно поэтому оказали на его дальнейшее развитие большое влияние. Особняком стоит план организации управления в «Кодексе». Он очень своеобразен; он порывает и с традицией выборности должностных лиц, восходящей к Мору, и с традицией просвещенного абсолютизма, которой, как мы говорили, отдал дань сам Морелли в «Базилиаде». Как я уже указывал, политические права имеют у Морелли только отцы семейств. Но они не избирают должностных лиц, а сами поочередно и в восходящем порядке занимают общественные должности. Каждая семья поочередно дает начальника трибы, каждый начальник трибы поочередно в течение года исполняет обязанности начальника города, причем в должности начальника трибы его замещает следующий отец, и т.д. вплоть до главы всего государства. Члены городского сената - это отцы семейств, достигшие 50 лет. Члены городского сената поочередно, в течение одного года каждый, исполняют обязанности членов общего сената государства. Порядок, предлагаемый Морелли, является своеобразной патриархальной демократией, причудливым преобразованием и расширением патриархального порядка, достигаемым при помощи применения очередности и с полным исключением каких бы то ни было выборов. Очевидно, выборы достойнейшего представляются Морелли нарушением принципа равенства граждан: в обществе равных все должны быть равно достойны.

* * *

XVIII век во Франции - век наивысшего подъема буржуазной общественной мысли, век идеологической подготовки революционного наступления буржуазии на твердыни старого феодально-абсолютистского порядка. Пролетариат ко времени Морелли еще не сложился как класс; французские рабочие XVIII века были еще весьма далеки от понимания своих классовых интересов. Но в массах городской и деревенской бедноты во Франции XVIII века тлели подспудно, а иногда и вырывались на поверхность, социальные чаяния, выходявшие далеко за пределы требований и целей буржуазии. Заслуга Морелли состоит в том, что он, исходя из принципов буржуазной общественной мысли XVII-XVIII веков - рационализма, естественного права и общественного договора, попытался теоретически осмыслить эти неясные социальные чаяния французского предпролетариата.

Учение Морелли не могло стать и не стало теорией широкого массового движения. Оно осталось смелой мечтой оригинального мыслителя-одиночки. Тем не менее в развитии социалистической мысли «Кодекс природы» знаменует крупный шаг вперед как по своей форме, так и по своему содержанию. В идейной борьбе XVIII века голос Морелли звучит как грозное предвестие грядущей борьбы пролетариата против буржуазного порядка.

IV. ДИДРО. МАБЛИ

1

Следы влияния коммунистических представлений, сочувствия, - более или менее глубокого, - к «порядкам общности» можно найти у весьма далеких друг от друга представителей общественной мысли XVIII века. Исчерпывающий обзор литературных произведений, отражающих в той или иной мере коммунистические идеи, попытался дать в свое время А.Лихтанберже в своей книге «Le socialisme au XVIII siecle». В громадном материале, собранном Лихтанберже, многое имеет лишь весьма отдаленное отношение к коммунизму в точном смысле этого слова, многое имеет для истории общественной мысли лишь третьестепенное значение. Тем не менее не подлежит сомнению, что коммунистические идеи распространялись в изучаемое нами время самыми разнообразными путями, что от их влияния не были свободны весьма авторитетные представители общественной мысли XVIII века.

⁴⁰ Ibid, 104-106.

⁴¹ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. т. IV, 455.

Большой интерес к коммунизму, а иногда и подлинные хвалебные гимны порядку общности находим мы у одного из величайших французских просветителей XVIII века - у Дидро. Еще более последовательным в защите коммунистического идеала был популярный в свое время историк и влиятельный политический мыслитель аббат Мабли.

Среди произведений Дидро, затрагивающих проблемы социального строя, особенно выделяется сочувствием к принципам общности «Добавление к путешествиям Бугенвиля»⁴². Центральное место в этом произведении занимает рассказ о быте и нравах таитян до их знакомства с европейцами. Это одна из самых ярких утопий XVIII века, художественный очерк, явным образом преследующий пропагандистские цели. Дидро, в сущности, и не старается это скрыть.

«Таитяне, - говорил Дидро, - находятся в начале мира, а европейцы - у конца его». В противоположность сложной жизни европейских обществ, их дикая жизнь проста. Самое глубокое чувство у дикарей - чувство свободы. Они не могут понять наших нравов и наших законов, в которых они видят лишь различные формы стеснения свободы. Таитяне - народ, строго придерживающийся законов природы; и они ближе к хорошему законодательству, чем народы цивилизованные. Человек, желающий людям счастья и свободы, не должен поэтому вмешиваться в дела дикарей, - найдется достаточно обстоятельств, которые поведут их по пути просвещения и испорченности. Слово «собственность» имеет у таитян весьма ограниченный смысл. По существу, все у них общее; сообща они производят и сельскохозяйственные работы. Все они составляют как бы единую семью, руководствующуюся двумя надежнейшими правилами: общим благом и интересом отдельных членов. Среди них царит полная свобода половых сношений; детей и стариков содержит общество, выделяя на это одну шестую часть своих доходов⁴³.

Наибольшего пафоса в восхвалении «естественных» первобытных нравов, наибольшей резкости в осуждении людей «цивилизованного» общества достигает утопия Дидро в речи мудрого старца-таитянина, произнесенной при проходах европейцев, покидавших Таити. Многие таитяне обнимали уезжавших и плакали при расставании с ними. Но среди таитян был старец, все время державшийся в стороне от европейцев. Он выступил вперед и, обращаясь к Бугенвилю, сказал ему: «Удались скорее с послушными тебе разбойниками от наших берегов. Мы невинны, мы счастливы, и ты можешь лишь повредить нашему счастью. Мы повинемся чистому инстинкту природы, а ты попытался вытравить его из наших душ. Здесь все принадлежит всем, а ты проповедовал нам какое-то неизвестное различие между моим и твоим... Оставь нам наши нравы. Они более мудры и более добродетельны, чем твои; мы не желаем променять то, что ты называешь нашим невежеством, на твое бесполезное знание... Поезжай к себе домой волноваться и мучиться сколько тебе угодно, а нас оставь наслаждаться покоем. Не внушай нам ни твоих мнимых потребностей, ни твоих химерических добродетелей».

«Добавление к путешествию Бугенвиля» с рисуемым им «естественным» порядком - не единственное доказательство сочувствия Дидро коммунистическим идеям и его отрицательного отношения к частной собственности. В конце 60-х годов Дидро имел возможность познакомиться с коммунистическими идеями малоизвестного мыслителя XVIII века Дешана. До нас дошли написанные им в связи с этим строки, опубликованные Бабелом в издании писем Дидро к Софи Волан. «Один монах, - пишет Дидро» - по имени Дешан, дал мне прочесть одно из самых резких и самых оригинальных произведений, какие мне известны.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

⁴² Д.Дидро. Добавление к путешествию Бугенвиля. Соч. (русское издание), т. II, 41.

⁴³ Д.Дидро. Добавление к путешествию Бугенвиля. Соч. (русское издание), т. II, 58, 67, 73.

В нем изложена идея социального устройства, к которому человечество должно прийти после того, как оно, выйдя из дикого состояния и пройдя через состояние организованное, познает всю тщету самых важных установлений и придет, наконец, к пониманию той истины, что человеческий род будет несчастен, пока у него будут короли, священники, судьи, законы, твое и мое, понятие пороков и добродетелей. Посудите, сколько должно было доставить мне удовольствия это произведение... я внезапно оказался в мире, для которого я был рожден... Вернувшись к себе, я начал мечтать о принципах и о выводах моего толстого бенедиктинца, по своему виду и своему тону настоящего старого философа. Его произведение, из которого я не вычеркнул бы ни одной строчки, полно новых идей и смелых утверждений»⁴⁴.

Таитянская утопия Дидро очень близка по своим основным тенденциям к коммунистическим теориям и фантастическим романам XVIII века. Не только общее настроение, но и некоторые детали в «Добавлении к путешествию Бугенвиля» напоминают о соответственных описаниях в «Базилиаде» Морелли⁴⁵. Не приходится удивляться, что другое произведение Морелли - «Кодекс природы», как мы говорили, в XVIII веке приписывали Дидро.

Симпатии к коммунизму находят иногда свое отражение и в статьях «Энциклопедии» Дидро. С наибольшей яркостью они выражены в статье «Законодатель», если не написанной Дидро, то во всяком случае им отредактированной. Для приближения общества к его цели законодательство, какова бы ни была форма правления, должно, по мнению автора статьи, при всяких обстоятельствах стремиться к тому, чтобы заменить дух собственности (*l'esprit de propriete*) духом общности (*l'esprit de communaute*). Народы, у которых господствует дух общности, меньше чувствуют утрату преимуществ естественного состояния: равенства и независимости. Граждане в таких странах - не рабы, а друзья законов. Они понимают, что, вредя обществу, они неизбежно наносят вред самим себе, ибо благо отдельных лиц тесно связано с общим благом. Любовь к отечеству - их единственная страсть; она гасит все возможные раздоры между ними. Каждый гражданин видит в другом полезного члена государства. Люди, среди которых царит дух общности, не сожалеют о том, что они подчинили свою волю общей воле.

В изложенных рассуждениях понятие «дух общности» имеет несколько неопределенное содержание. Однако далее в статье есть пример, который свидетельствует с несомненностью о сочувствии автора коммунистическому порядку. В качестве образца законов, располагающих граждан к взаимным услугам, гуманным привычкам и духу общности, автор указывает на законы Перу. «Законы Перу,- говорит он,- стремились соединить граждан узами человечности; в то время как законодательство других стран запрещает причинять друг другу зло, в Перу они предписывали непрестанно творить добро. Эти законы, устанавливая (насколько это возможно вне естественного состояния) общность имуществ, ослабляли дух собственности - источник всех пороков. Самыми торжественными днями были в Перу те дни, когда обрабатывалось общественное поле. Тот, кому в виде наказания запрещалось работать на общественном поле, считал себя несчастнейшим человеком. Каждый гражданин трудился для всех граждан, сносил плоды своего труда в государственные амбары и в награду получал плоды труда других граждан. Статья «Законодатель» составляет интересную параллель таитянской утопии Дидро. Сопоставление этих произведений, написанных в разные годы, дает основание прийти к выводу о глубине сомнений Дидро в пользу частной собственности, о силе его интереса к идее коммунизма. Следует, однако, подчеркнуть, что в других своих работах Дидро неоднократно выступал против предложений, направленных к каким-либо изменениям в существующих отношениях собственности.

2

Аббат Габриель Бонно де Мабли оставил после себя обширное литературное наследие [см. в нашей библиотеке «О законодательстве, или принципы законов», «О правах и обязанностях граждан» <http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm>]. Он считался в XVIII веке большим авторитетом по вопросам политики и истории. Мабли полагал, что коммунистические порядки неосуществимы в современном обществе. Признавая существующее общество порочным, он считал практически возможными лишь частичные к нему поправки, направленные на уравнивание состояний. Но это не мешало Мабли дать весьма высокую оценку коммунистическим порядкам, существовавшим будто бы на заре человеческого общества.

⁴⁴ Дидро Д. Собрание сочинений, т.VIII, М.-Л, 1937.

⁴⁵ Naufrage des iles flottantes ou la Basiliade Messine, 1753, t. I, 16 et suiv.

Мабли разделяет с другими мыслителями XVIII века теории естественного права, права, положения которого вытекают из природы человека, и естественного состояния, как близкого к природе изначального состояния человеческого общества. Мабли решительно подчеркивает наличие в природе человека социальных качеств, составляющих необходимую предпосылку его общественной жизни. При образовании общества, - этой, согласно Мабли, естественной формы жизни человечества, - социальные качества играли большую роль, чем потребность в увеличении средств существования. Состояние изолированности индивидов противоречит основным свойствам человеческой природы. Общественный порядок отнюдь не отменяет естественных прав человека. Общественный порядок обеспечивает естественные права и благо граждан.

По своим политическим взглядам Мабли принадлежит к левому крылу буржуазных политических теоретиков XVIII века. Но ему совершенно чужда характерная для буржуазных мыслителей идеализация порядка, основанного на частной собственности. Строй, основанный на частной собственности, - утверждает Мабли, - нарушение общественного порядка. Природа предназначила людей быть равными. Она наделила нас одинаковыми органами и потребностями и объединила нас при помощи социальных качеств. Она не разделила полей границами: все блага земли она предоставила людям сообща. Природа говорит нам на тысячу ладов: вы все мои дети и я вас всех одинаково люблю; я дала вам равные права и обязанности, вся земля - достояние каждого из вас⁴⁶. Чем ближе люди к равенству, тем ближе они к счастью. В естественном состоянии, говорит Мабли, нет высших и низших, нет тщеславия и жадности. Пока население было редко, люди «или охотой и рыболовством, они были кочевниками и не знали земельной собственности. Общие потребности побуждали их к взаимопомощи, а стремление упорядочить борьбу с несправедливостями вело к установлению общественной власти. Когда рост населения заставил людей перейти к земледелию и оседлой жизни, люди, руководствуясь своими привычными идеями, должны были объединить свои силы для общего труда. На землю они привыкли смотреть как на общее достояние, все направляло их мысли в сторону общности, переход к земледелию вовсе не требовал установления частной собственности. Возникший естественно коммунистический порядок мог с легкостью удовлетворить потребности общества. Более сильные обрабатывали землю, более слабые занимались ремеслами. Продукты труда составляли общее богатство. Это был золотой век в истории человечества, утверждает Мабли вслед за античными поэтами. Раздел имущества был величайшей глупостью, и трудно даже понять, как он мог произойти. Возможно, что люди искали средств борьбы с ленью и злоупотреблениями должностных лиц. Надо было искать средство борьбы с этими бедами, не разрушая основ коммунистического строя. Но люди не знали еще тогда, что частная собственность грозит им еще большими несчастьями, и поэтому пошли на раздел земли. Оправдание наших предков - в их невежестве; но невежество не может служить оправданием для современных философов, которые, вместо того, чтобы бороться с человеческими заблуждениями, объявляют их законами природы.⁴⁷

Частная собственность, при самом справедливом ее распределении, ведет через некоторое время к неравенству имущества, общество распадается на классы, социальные качества вырождаются в пороки. Неравенство разлагает человека, порождает болезненные желания, наполняет душу предрассудками, заблуждениями, открывает двери тщеславию, корыстолюбию. Равенство соединяет людей, неравенство разъединяет их. У богатых возникают воображаемые потребности, беднякам не хватает на удовлетворение самых насущных нужд. Рабочий глубоко несчастен среди производимого им изобилия: за свой тяжелый труд он получает лишь плохую пищу, и у него нет уверенности, что он получит ее завтра⁴⁸. Все это лишь начало целой цепи бед. В частной собственности видит Мабли источник всех страданий человека. Богатые стремятся узурпировать власть, а бедные бессильны оказать им сопротивление. Аристократия богатых с неизбежностью ведет к олигархии, а затем и к тирании. Закон сменяется произволом. Собственность, разорвав связи граждан между собой в отдельном обществе, разрывает также связи между частями человеческого рода в целом, то есть между государствами. Люди, привыкшие к отношениям собственности, полагают, что их благосостояние увеличится, если их государство возрастет за счет соседних государств. Граждане, богатые лишь общественным богатством, равные между собою, имели бы больше мотивов не смущать спокойствие своих соседей. Нищета, тирания и войны - все это кары, постигающие людей за удаление от предуказанного природой равенства.

⁴⁶ Mably G. Oeuvres complètes. Paris, vol.XI, 11-12.

⁴⁷ Maby G. Oeuvres complètes. Paris, vol.IX, p.57-58, 63-64, t.XI, 18-20. 351 etc.

⁴⁸ Ibid., vol.IX, 26-33.

Так как равенство не может быть обеспечено при частной собственности, то следует прийти к выводу, что только общность владения может дать человечеству счастье. Размышляя о бедах, переживаемых человечеством, говорит Мабли, невольно мечтаешь об учреждении республики где-либо на пустынном острове. В этой республике все должны быть равны, все-братья, считающие своим основным законом не иметь ничего своего. Продукты труда каждого гражданина поступают в общественные магазины как общее достояние всех. Из этой общественной сокровищницы должностные лица выдают отдельным гражданам все, что им необходимо; те же должностные лица распределяют между гражданами труд. Противники общности утверждают, что отсутствие частной собственности лишит людей необходимых побуждений к труду и поведет общество к всеобщей бедности. Мабли решительно отрицает это положение. Известные стимулы к труду могут существовать и без собственности. У людей есть и другие побуждения к труду, кроме тех, которые связаны с собственностью. Люди, испорченные веками противоестественного порядка, этого не понимают. Однако любовь к славе и уважению может быть для человека весьма действенным мотивом. Даже теперь есть люди, готовые принести себя в жертву ради общего блага. Тем большее значение будут иметь эти стимулы в обществе, где труд будет окружен общим почетом. В идеальной республике законы будут побуждать к труду и воспитывать уважение и любовь граждан к общему достоянию⁴⁹.

Мабли отнюдь не считает существующий порядок чем-то неприкосновенным; народ всегда сохраняет за собой право его изменить. Как бы ни был разумен акт, устанавливающий форму правления, с просвещением разума представления о разумном порядке могут меняться, и человечество не должно приносить себя в жертву заблуждениям прошлого, подчиняясь законам которых оно сегодня считает несправедливыми. Мабли признает право народа на восстание против тирании. Революции, говорит он, не только допустимы, но и желательны. Утверждают, что деспотизм едет к спокойствию, а революции - к смутам и к гражданским войнам. Но спокойствие деспотического порядка подобно смерти: народы коснеют при нем в невежестве и предрассудках. Наоборот, гражданская война может быть полезна для общества. Подобно операции, отсекающей больной член, она содействует оздоровлению больного организма. Нечего опасаться частых революций. Народы слишком склонны держаться за существующие учреждения, к которым их привязывает привычка. Если бы в истории было больше революций, это послужило бы на пользу человечеству⁵⁰. Оправдывая гражданскую войну и революцию, Мабли считает, однако, что они бессильны как средства достижения коммунистического порядка. Общество при настоящем его состоянии не может, по мнению Мабли, вернуться к естественному состоянию. Многие думают, говорит Мабли, что естественный порядок сразу установится, как только люди узнают, в чем он состоит: ведь он соответствует природе человека, и люди, естественно, должны к нему стремиться. Это верно для естественного человека, говорит Мабли, но это совершенно неверно для человека, воспитанного в строе, основанном на неравенстве. После того, как совершен раздел имущества, люди осуждены навеки нести последствия этой глупости. В обществе, где царит неравенство, не разум, а страсти руководят поведением людей. Общество разделено на классы, а классы имеют враждебные интересы. В существующем обществе никакой порядок не может казаться всем наилучшим порядком. В таких условиях никакая человеческая сила не в состоянии возродить равенства: попытка вернуться к нему вызовет в обществе большие беспорядки, чем те, которые хотят уничтожить. В окружающей действительности нет материала для построения идеального здания коммунизма.

Мабли дает очень яркую, быть может, самую яркую в дореволюционной Франции, формулировку идеи противоречия классовых интересов, их влияния на идеологию. Но силы, способные разрешить эти противоречия и тем самым создать порядок действительной гармонии - бесклассовое общество, - Мабли в окружающей его действительности не находит. Это приводит его к социальному пессимизму, к отказу от осуществления его социального идеала. Все законы, говорит он, стремящиеся установить коммунизм, не считаясь со страстями, которые развиты в человеке собственностью, будут совершенно бесполезны. Так Мабли приходит к заключению: раз собственность уже установлена, - как бы ошибочно ни было это решение в свое время, - на нее следует смотреть как на основу мира, безопасности и порядка. Не уничтожение собственности, а возможное равенство собственников - такова цель, к которой, по мнению Мабли, можно и должно стремиться.

⁴⁹ Mably G. Oeuvres completes, vol. IX, p.66-68; t.XI, 8-10 etc.

⁵⁰ Ibid., vol.XI, 304, 320, 340-343 etc.

Мабли нельзя считать последовательным коммунистом. Тем не менее, его теория естественного коммунизма, его рассуждения о преимуществах коммунистического порядка и о пороках строя, основанного на частной собственности, несомненно, содействовали распространению коммунистических идей. Мабли бесспорно имеет право на место в истории коммунизма XVIII в.

У. БАБУВИЗМ

1

Борьба французской буржуазии с феодализмом, достигшая наивысшего напряжения в буржуазной революции конца XVIII века, имела громадное историческое значение. Ликвидируя устаревший феодальный порядок, французская буржуазия делала большое прогрессивное дело, расчищая путь для дальнейшего движения вперед всего человечества. В этом смысле она, борясь за свои классовые интересы, боролась за интересы общества в целом. С другой стороны, грань, отделяющая интересы трудящихся вообще, и рабочих в частности, от интересов буржуазии, возглавлявшей революционные массы, была накануне и в начале революции еще не вполне ясна. Своеобразное положение французской буржуазии в общественном движении XVIII века не могло не отразиться на ее идеологии. Вдохновленная своей ролью всенародного руководителя, буржуазия могла подняться в своем идеологическом творчестве до больших высот. Буржуазные просветители XVIII века в своей критической работе не оставили камня на камне от старой политической доктрины абсолютизма. В своей борьбе за освобождение умов от обветшалых традиций феодального порядка просветители противопоставили им незыблемые права человеческой природы и свободу человеческого разума. Конечной целью общественного союза они провозгласили благо человека, высшим Законом государства - счастье народа. Буржуазное просвещение XVIII века внесло немало новых и прогрессивных идей в сокровищницу общественной мысли. Немало дало оно и для дальнейшего развития коммунизма. Мы увидим, как чтили утопические коммунисты 40-х годов XIX века передовых мыслителей предреволюционной поры.

Радикализм буржуазных идеологов имел, однако, свои пределы. Исключительно смелая во многих своих теоретических построениях, их мысль не могла, однако, выйти за грани буржуазного кругозора в вопросах, затрагивающих непосредственные классовые интересы буржуазии. Этим объясняется характерное для буржуазной идеологии XVIII века противоречие: выдвигая в теории положения, подрывающие корни всякого порядка, основанного на эксплуатации человека человеком, всякого классового общества, ее представители предлагают на практике лишь идеализированное буржуазное общество, в котором сохраняется эксплуатация, хотя и в новых формах. Противоречие между высокими социальными идеалами (общее благо, наибольшее счастье наибольшего числа людей) и сохраняющимися в обществе эксплуатацией и неравенством составляло проблему, которую были неспособны разрешить даже самые радикальные буржуазные мыслители XVIII века.

Весь глубокий социально-политический смысл отмеченной нами двойственности в построениях предреволюционных мыслителей раскрыла до конца революция. Революция пробудила к политической жизни все слои населения. Без участия широких масс, деревенских и городских, она не могла бы двигаться вперед, она не могла бы победить. Эти вступавшие в борьбу крестьянские, мелкобуржуазные, предпролетарские и пролетарские массы приносили в революцию не только необходимую ей физическую силу, но и свои социальные настроения, свои - пусть еще далеко не ясные - социальные идеалы и надежды. В классовой борьбе времени революции теоретические противоречия предреволюционной эпохи выступают как противоречия интересов различных группировок внутри революционного лагеря. Практически эти противоречия, поскольку речь идет о буржуазных революционных группировках, были сняты открытым торжеством буржуазных принципов частной собственности и индивидуального накопления после 9 термидора, после разгрома защитников уравнилельных идей. Теоретический выход из противоречия могла дать лишь идеология растущего нового класса буржуазного общества - коммунистическая идеология пролетариата.

Французские рабочие вступали в буржуазную революцию, не осознав еще себя как особый общественный класс с особыми классовыми интересами. Но напряженная политическая и социальная борьба времени революции не могла пройти бесследно для самосознания пролетарских элементов французского общества. В первый период революции рабочие, совместно с мелкобуржуазными слоями населения, не отделяя себя от них политически, боролись против господствовавшей в Учредительном собрании буржуазной верхушки, стремившейся сохранить ненавистные народу остатки старого режима. Рабочие принимали активное участие в борьбе парижских масс против монархии, - в борьбе, завершившейся переворотом 10 августа 1792 года.

Из многочисленных клубов, возникавших в 1789-1791 гг., наибольший интерес к социальным вопросам проявлял «Cercle sociale» Фоше и Бонвиля. Программу этого клуба можно считать умеренно-уравнительной, хотя отдельные его представители в своих выступлениях приближались порой к построениям социалистическим. Фоше признавал право на существование естественным правом человека и выводил из него право каждого на землю. Право общества, утверждал он, выше прав частных лиц, и общество должно пользоваться своим правом в целях достижения равенства. Какое влияние имел «Социальный клуб» в рабочих кругах, сказать трудно.

Когда установилась якобинская диктатура, рабочие в своей массе на первых порах считали, вероятно, ее своим народным правительством. Якобинцы говорили от имени бедноты, от имени санкюлотов; они довели до конца разрушение старого порядка, удовлетворили ряд основных требований крестьянства. Но даже самые радикальные представители якобинского клуба и якобинского правительства не могли пойти в своей идеологии дальше мелкобуржуазного уравниательства со всей его половинчатостью в социальных вопросах. Рабочим якобинская диктатура не могла дать и не дала ничего существенного. «Весьма характерно для Робеспьера, - писал Маркс, - что в то время, когда „конституционность“ в духе Собрания 1789 года считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжали сохранять свою силу...»⁵¹ Социальные чаяния рабочих масс были еще весьма неопределенны; однако пробуждавшееся сознание того, что эти чаяния не могут быть удовлетворены якобинским правительством, вызывало в рабочих массах недовольство и брожение. Парижские рабочие, несомненно, участвовали в движении «бешеных» и оказывали известную поддержку выступлениям левых якобинцев с их радикально-уравнительными лозунгами.

После 9 термидора, после установления ничем не прикрытого господства буржуазии, оглядываясь на пройденный путь революции, рабочие не могли не испытывать глубокого разочарования во всех тех рецептах исцеления общественных зол, какие предлагались политическими группировками, сменявшими друг друга у власти в процессе революции. Под влиянием классовой борьбы 1789-1794 годов начинался процесс идеологического выделения предпролетариата как особой социальной группы из той плебейской массы, частью которой он сознавал себя до этого времени. В рабочих массах росло сознание того, что те или иные изменения в политическом строе еще отнюдь не обеспечивают улучшения их положения; шла усиленная работа мысли в поисках каких-то новых путей разрешения социальной проблемы; укреплялось убеждение в том, что на этих новых путях нечего ждать помощи от тех социальных сил, в руки которых революция передала власть. Последовательного классового мирозерцания французские рабочие этой эпохи выработать еще не могли; но элементы, зачатка этого мирозерцания были уже налицо.

Бабувистское движение явилось политическим отражением этого процесса идеологического роста предпролетариата. Бабувисты пытались выразить в отчетливой форме смутные социальные чаяния рабочих, дать им организационное выражение. Вожди движения в большинстве своем принадлежали к тем представителям французской демократической интеллигенции, которые вступали в революцию с уверенностью в возможности добиться на ее путях реального улучшения социального положения масс. Некоторые из них и до революции, и в ходе революции не раз выступали в качестве сторонников уравнительных или коммунистических идей. Многие еще недавно боролись в рядах якобинцев, считая себя защитниками интересов плебейской массы, соединявшей в себе, в их представлении в нерасчлененном виде, и мелкобуржуазные и пролетарские элементы. Процесс политической дифференциации плебейства вызывал соответствующую дифференциацию и в среде его политических руководителей. Их левые, наиболее последовательные группы, разочарованные в достижениях революции, обращались к коммунизму как к единственному радикальному средству исцеления общественных зол, как к единственному лозунгу, могущему найти отклик в пролетаризированных массах населения. Этот поворот революционной интеллигенции к коммунизму составлял как бы идеологическую параллель процессу выделения рабочих из общей плебейской массы.

Как мы знаем, коммунистические идеи не были во время революции чем-то абсолютно новым. Коммунистические теории имели распространение во Франции уже в дореволюционное время. Среди них наибольшей последовательностью отличалась теория Морелли. Нет никакого сомнения в том, что бабувисты во многих отношениях были учениками предреволюционных коммунистов. Вождь «Заговора равных» Бабеф уже в предреволюционные годы питал большой интерес к коммунистическим теориям, хотя, по-видимому, и проявлял иногда колебания, выдвигая предложения уравнительного характера.

⁵¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма. 1948, 159.

В 1787 г. в письме президенту Аррасской Академии наук Дюбуа де Фоссе Бабеф ставил вопрос о возможности и целесообразности установления коммунистического порядка. «При общем состоянии имеющихся в настоящее время знаний, - писал Бабеф, - каково было бы положение народа, социальные установления которого обеспечивали бы господство между всеми его гражданами возможно более совершенного равенства, земля которого не принадлежала бы никому в отдельности, а была бы достоянием всех; наконец, где все было бы общим, вплоть до продуктов всех видов производства? Соответствовали бы подобные установления естественному закону? Возможно ли, чтобы такое общество существовало; имеются ли практические средства достигнуть абсолютно равного распределения?» В одном из последующих писем Бабеф вновь возвращается к той же проблеме. Ссылаясь на некоего неизвестного нам «реформатора», Бабеф пишет: «Реформатор считает необходимым, чтобы все были в абсолютно равной мере обеспечены всем, чем можно пользоваться в нашем мире. Это может быть достигнуто установлением такого порядка, при котором никто не должен ничем владеть частным образом, в котором все должны пользоваться всем сообща». Такой порядок представляется Бабефу значительно более совершенным, чем современный. В заключение Бабеф выражает горячее желание одним из первых эмигрировать в республику, основанную на началах равенства.

В одном из неопубликованных дореволюционных писем Бабефа содержится интересная мысль о создании крупных сельскохозяйственных коллективов (*fermes collectives*). Бабеф исходит из того, что мелкие фермы препятствуют необходимому развитию сельского хозяйства, задерживают рост его производительности. Бабеф не ставит в рассматриваемом письме вопроса о разделе крупных земельных владений. Он считает, что подобное глубокое преобразование в настоящий момент невозможно. Еще менее возможен был бы, по его мнению, переход к совершенно новому порядку, основанному на общности, хотя такой порядок и представляется ему желательным. Организацию «коллективных ферм» он предлагает, очевидно, как некоторый компромисс, преимущества которого в том, что он может быть осуществлен без радикальной ломки основ существующего порядка. Идеальным, окончательным решением социальной проблемы он свой проект не считает⁵².

В 1789 г. в предисловии к своей книге «*Cadastre perpetuel*» Бабеф пытался наметить желательные, по его мнению, преобразования общественного порядка. Великая цель общества, говорит он, - счастье народа. Люди имеют разные способности, которым определяются их занятия. Все, в соответствии со своими данными, соучаствуют в обеспечении обществу разнообразных выгод. Общество составляет как бы единую семью, члены которой должны пользоваться равным благосостоянием и равными правами. Для того, чтобы это равенство было обеспечено, необходимо прежде всего установить новый порядок пользования землей. Земля, говорит Бабеф, могла бы быть разделена на неотчуждаемые участки, предоставляемые пожизненно лицам, ее обрабатывающим. Такая система землепользования, говорит Бабеф, соответствует требованиям разума и законам природы. Как мы видим, в 1789 г. Бабеф наряду с положениями, сближающими его со сторонниками коммунизма, предлагает проект уравнительной аграрной реформы. Но уроки революции не прошли бесследно для Бабефа, как не прошли они бесследно для французского пролетариата. В 1793 году Бабеф решительно, и даже с некоторой обидой, опровергает представление о нем, как об «апостоле аграрного закона». Очевидно, уже до 1793 года он пришел к твердому убеждению в невозможности компромиссных решений социальной проблемы, в необходимости установления порядка общности. Это убеждение он сохранил до конца своих дней, оно стало руководящим принципом всей его последующей революционной деятельности.

Используя наследие теоретиков XVIII века и традиции революционного якобинства, Бабеф и его соратники попытались дать ответ на запросы нового общественного слоя - пролетариата, начинающего пробуждаться к самостоятельной политической жизни. Разумеется, эта первая попытка неизбежно была несовершенна. В ней много элементов, отражающих незрелость классовых отношений, в частности незрелость французского рабочего класса. Тем не менее, бабувистское движение составило, бесспорно, весьма значительный этап в истории домарксовского коммунизма. Коммунистическая пропаганда бабувистов имела целью не только распространение в узком кругу читателей правильных взглядов на способы разрешения социальных вопросов, - эта пропаганда, происходившая в атмосфере, еще насыщенной возбуждением революционной поры, была рассчитана на то, чтобы поднять народные массы на новый революционный переворот во имя коммунизма. В этом коренное отличие коммунизма бабувистов от коммунизма дореволюционных теоретиков.

⁵² Текст письма, хранящегося в архиве ИМЛ, сообщен мне нашедшим его В.М.Далиным.

Поставив перед собой задачу революционным путем свергнуть существующий строй, бабувисты неизбежно должны были, с одной стороны, выдвинуть ряд новых вопросов, вовсе не существовавших для утопистов XVII-XVIII веков, с другой - пересмотреть многое в их теоретическом наследии. И в том и в другом отношении бабувизм дал много ценного и интересного. Впервые в истории коммунизма бабувисты - наряду с основными контурами будущего коммунистического строя - наметили ряд непосредственных мероприятий, с одной стороны облегчающих положение бедноты, с другой - подавляющих сопротивление враждебных революции сил. Впервые в истории коммунизма они сделали попытку разрешить проблему организации власти после победоносной революции, выдвинув идею революционной диктатуры трудящихся. Наконец, они попытались дать конкретную характеристику процесса этого преобразования, его основных этапов. Наконец, они внесли существенные поправки к рационализму коммунистических теорий XVIII века, выдвинув положение, что история есть непрерывная борьба между бедными и богатыми.

2

Бабувизм возник в обстановке революции. Перед глазами бабувистов прошла борьба революционного периода, они сами были не только свидетелями, но «участниками ожесточенных классовых битв. Они не могли представлять себе ход истории так, как представляли его себе дореволюционные просветители. Рационалистическая схема Морелли была явным образом недостаточна для понимания революционной действительности, она была еще более недостаточна для обоснования революционных планов. Бабувисты не могли остановиться на рационализме; жизнь заставила их внести в рационалистическую философию истории весьма существенные дополнения, признав основным содержанием исторического процесса вечную борьбу бедных и богатых, патрициев и плебеев. Бабувисты, как и их предшественники, верили в то, что будущий общественный строй, за который они борются, есть единственный строй, соответствующий естественным свойствам человеческой природы. Но мы не находим у них характерной для большинства дореволюционных мыслителей идеализации естественного состояния как исходного пункта истории человечества. Первобытное общество, по их представлению, отнюдь не отвечало требованиям естественного права. Естественное состояние – случайное и несовершенное состояние. Это продукт первых впечатлений и невежества. Естественное право - результат опыта и рефлексии; его положения вытекают из природы вещей, но для их открытия требуется работа разума, для их осуществления нужна борьба⁵³.

Природа дала всем людям равное право пользоваться ее благами. Равенство - основной принцип естественного права. Целью общества, сменившего естественное состояние и основанного на законах, должна была стать охрана равенства от сильных и злых; общественный договор должен был обеспечить общее благосостояние. «Все люди, - писал Бабеф в своем журнале «Народный трибун», - имеют право на счастье, и целью их соединения в общества является прочное обеспечение каждому из них достаточных средств к существованию⁵⁴. Однако этого нет нигде. Гражданские законы - варварские законы всеобщего грабежа. Естественное право не реализовано в праве положительном. Везде царит неравенство, имеющее своим источником частную собственность⁵⁵. Основной причиной этого разрыва между естественным правом и действительностью является своекорыстный и злонамеренный заговор одной части общества против другой. Невежество масс лишь обеспечивает успех этого заговора, поэтому, чтобы добиться реализации естественного права, недостаточно просвещения, необходима борьба за право. Общественный договор, если он не соответствует естественному праву, должен быть расторгнут силой.

Необходимость борьбы за право бабувисты обосновывали своей теорией исторического процесса как «непрерывной борьбы между патрициями и плебеями». «Эта война между бедными и богатыми, - говорит Бабеф, - начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена; она идет вечно, она начинается вместе с появлением институтов стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других»⁵⁶. Одни заинтересованы в сохранении этих институтов, другие – в их разрушении и в установлении естественного права, согласно которому целью общежития является всеобщее счастье.

⁵³ Buonarroti Ph. Conspiration pour l'Egalite. Bruxelles, 1828, II. 215

⁵⁴ «Le Tribun du peuple», N. 4.

⁵⁵ Buonarroti Ph., I, 84.

⁵⁶ «Le Tribun du peuple», N 34

Просвещению бабувисты отводят в своей теории большую роль, но оно является для них лишь одним из условий и средств борьбы. Для богатых самым надежным оплотом является невежество бедных, их уверенность в неизменности существующего положения. Но под давлением тяжелых жизненных условий к массам неизбежно приходит в конце концов просвещение - понимание того, что их обкрадывают. «Восстания угнетенных против угнетателей обыкновенно вспыхивают тогда, когда большинство доведено до нестерпимого положения». «Только тогда масса начинает задумываться над естественными правами человека, только тогда людям становится ясным, что природа создала каждого человека равным в правах и потребностях со всеми его братьями». Только тогда начинают они понимать, что их бедственное положение является результатом господствующих в обществе законов, составляющих ужасный кодекс грабительства.

Когда народ совершает революцию, говорил Бабеф в своей защитительной речи, это значит, что воздействие дурных учреждений так сжало пружины общества, что большая его часть не может более оставаться в прежнем положении. «В настоящее время гангрена мнимого права собственности распространилась настолько, что не осталось ни одного не охваченного ею места». Это создает необходимые условия для торжества естественного права. Настоящая эпоха - наиболее благоприятна для достижения этой цели. Люди, когда они учреждали право собственности, не предвидели всех тех бедствий, к которым она приведет. С течением времени порядок собственности начали считать естественным, неизменным и фатальным. Невежество, предрассудок и власть соединились для утверждения этого мнения. Сейчас, когда пагубные последствия собственности ясны, нет препятствий к тому, чтобы народ, естественно стремящийся к своему благу, торжественно заявил, что он желает жить в единственном мирном и счастливом порядке. Французская революция показала, что даже самые древние злоупотребления не являются неискоренимыми⁵⁷. Неужели можно думать, что негодование 24 миллионов ничего не в состоянии достигнуть? Правительство принимает все меры, чтобы потушить это негодование. Но этим оно только концентрирует взрыв. Пагубные последствия права собственности достигли крайних пределов. Корни собственности по большей части уже подгнили, все дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка. Экспроприируйте массу, отдайте ее во власть кучки прожорливых эксплуататоров - и роковой институт частной собственности уже потеряет свою непоколебимую крепость. Когда эта масса лишена возможности существовать и не обладает ничем, когда вся сумма общего богатства присвоена немногими, общий переворот в системе собственности становится неизбежным. Экспроприированная масса не может не стремиться к низвержению существующего порядка и к установлению порядка, при котором плоды будут принадлежать всем, а земля - никому.

С точки зрения исторической концепции Бабефа, французская революция есть последний эпизод в вечной борьбе между патрициями и плебеями. - Я различаю, говорит Бабеф, две партии, диаметрально противоположные одна другой - и по своим системам, и по своим планам общественного управления. Я верю, что обе они хотят республики, но каждая хочет республики на свой лад. Одна хочет республики буржуазной и аристократической. Другая хочет, чтобы республика оставалась народной и демократической. Одна хочет республики одного миллиона граждан, которые неизбежно будут врагами, повелителями, эксплуататорами, угнетателями, кровопийцами для остальных 24 миллионов. Этот миллион - тот слой, который в течение веков пребывает в праздности за счет нашего пота и нашего труда. Вторая партия хочет республики для этих 24 миллионов, которые заложили ее основы, которые цементировали ее своей кровью, которые питают отечество, снабжают его всем необходимым, защищают его, умирают во имя его безопасности и славы. Первая партия желает сохранить в республике патрициев и плебеев, небольшое число привилегированных и господ... и большинство, сведенное к уровню илотов и рабов; вторая партия желает для всех не только равенства в правах, но и достойного благосостояния, равного обеспечения всех физических потребностей, всех социальных преимуществ, справедливого вознаграждения за труд, который каждый отдает общему делу.

Французская революция, - продолжает развивать этот ряд мыслей Бабеф, - не привела пока к тем результатам, к которым она должна была привести. В то время как трудящийся класс проявил в революции чудеса самопожертвования и добродетели, прочие слои населения все время противодействовали общественному возрождению. Французская революция шла вперед до 9 термидора; с этого момента она пошла назад... «Она не доведена до конца, так как не сделано ничего для обеспечения счастья народа, - наоборот, сделано все для того, чтобы заставить народ вечно проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды кучки ненавистных богачей»⁵⁸. Одна группа тиранов отняла силу и власть у другой.

⁵⁷ «Le Tnbun du peuple», NN 31, 34 et 37, Advielle. Histoire du Gracchus Babeuf, II, 30-31

⁵⁸ «Le Tribun du peuple».

Пока положение останется таким, как сейчас, самая свободная политическая форма пойдет на пользу только тем, кто может обойтись без труда. Масса народа, подчиненная необходимости тяжелого и неизбежного для нее труда, не может разобраться в общественных делах, не может даже участвовать в собраниях, где они обсуждаются. Там, где существует неравенство, использование бедной своими прав является иллюзией. Революцию нужно продолжить, пока она не станет народной революцией, пока она не найдет своего необходимого завершения. Иногда бабувисты выражают эту мысль иначе: французская революция - предтеча новой, более великой революции, которая будет революцией последней⁵⁹.

Те, кто утверждает, что революция окончена, являются врагами народа. На самом деле завершена не революция, а контрреволюция. Революция - счастье для всех. Контрреволюция - несчастье для большинства. Истинная революция - революция масс, революция, которую может сделать только сам народ, установив подлинную демократию, навсегда обеспечив счастье народа. Именно такой революции, говорит Бабеф, мы и хотим⁶⁰.

Ясно понимая контрреволюционный характер правительства Директории, Бабеф считает, что несчастья масс дошли до такого предела, что народ в определенный момент готов вступить в бой против правящей касты. Это революционное настроение масс, утверждает он, не может не вызывать страха у буржуазии. Богатые не могут не видеть, до какой степени их ненавидят угнетаемые ими массы. В такой ситуации, с редкой прозорливостью указывает Бабеф, не стоим ли мы перед возможностью военного правительства, которое в интересах богатых подавило бы и навсегда устрасило санкюлотов?

Правящая каста утверждает, что она грабит массы на законном основании. И действительно, ограбление большинства могло быть осуществлено лишь при помощи отвратительных учреждений, созданных правительствами, при помощи известных основных законов. Патрицист-стяжатели и правящая каста - сообщники. Законы отдали все общество на разграбление небольшой группе захватчиков; законы составляют как бы кодекс грабительства. Если наиболее полезная часть общества оказывается экспроприированной, то это могло произойти лишь в результате ряда махинаций, опирающихся на существование законов, благоприятствующих жадности и тщеславию⁶¹. Свои общие положения о грабительской сущности законов Бабеф иллюстрирует примером «принудительного займа у богатых», доказывая, что по существу этот заем является принудительным займом у бедных⁶².

Тем же интересам эксплуатации служит, по мнению Бабефа, существующая система воспитания, при которой массы коснеют в невежестве и предрассудках, орудием в руках правительств» является пресса. Мнения правят миром, - напоминает Бабеф формулу просветителей XVIII века. Но видимые властители используют этого невидимого властелина для упрочения своего господства. Можно пожалеть об участи народа, восклицает Бабеф, когда его просвещают те, чьи интересы требуют его гибели⁶³. Наконец, когда наглость правительств и мера их злодеяний достигают высшей точки, когда долготерпение и легкоеверие народа истощены, правящие обращают взоры на армию и устанавливают военный режим, чтобы держать массы в покорности⁶⁴.

Резко осуждая, как мы видим, существующий политический порядок, государство, его законы и его политику, Бабеф протестует против обвинения его и его сторонников в анархизме. О нас говорят, что мы анархисты. Но подлинными дезорганизаторами общества - не мы, а те, кто объявляет контрреволюцию революцией, кто защищает порядок, обсуждающий на бедствия и смерть большинство населения. Порядок, противоположный существующему, обеспечивающий благосостояние масс, я называю организацией. Организаторами я именую тех, которые трудятся над созданием и обеспечением этого благосостояния⁶⁵.

Несмотря на все средства, которыми располагают правительства, они не в состоянии предотвратить рост революционных настроений в народе. «Если вы доводите меня, - говорит Бабеф, - до такого положения, что я не в состоянии приобрести ни хлеба, ни дров, ни одежды..., если вы затыкаете мне рот, когда я высказываю справедливые жалобы, вы доводите меня до грани отчаяния, и вынуждаете меня размышлять о причинах моих бедствий»⁶⁶. Не трудно понять, что причина - в вас, в тех, кто всем управляет и всем руководит. Так как каждому ненавистна причина его страданий, я неизбежно буду ненавидеть вас, считать вас своими врагами.

⁵⁹ Buonarroti Ph., II, 131.

⁶⁰ «Le Tribun du peuple», N 36.

⁶¹ Ibid., N 34.

⁶² Ibid., N 39.

⁶³ «Le Tribun du peuple» N 35.

⁶⁴ Adville, op.cit., t.II, 14

⁶⁵ «Le Tribun du peuple», N 3d.

⁶⁶ Ibid, N 31

В предвидении народной революции, заявляет Бабеф, друзья народа, глубоко убежденные в том, что без народа нельзя сделать ничего значительного, должны полностью довериться народу, должны со всей откровенностью и прямотой сказать ему правду. Опыт истории учит, что хитросплетения и уловки, применяемые в политике котериями, приводят лишь к тому, что народ утрачивает энергию, теряет уверенность, начинает колебаться и, в конце концов, дает возможность беспрепятственно утвердиться тирании.

Спасения отечества, утверждает Бабеф, нельзя ожидать ни от правителей, ни от каких-либо иных «освободителей». Спасение может принести лишь Союз равных - эта организация добродетельных и мужественных людей. Только они способны вырвать страну из рук партий, составляющих против нее заговоры. Однако для победы «равных» Бабеф считает необходимым создание своего рода демократического фронта, объединение всех «свободных» людей, разумея под этим, очевидно, демократические группы, не входившие в организацию равных. Эти люди, говорит он, также хотят торжества равенства, уничтожения аристократии 1795 года и роялизма, хотят счастья для французского народа. Они отличаются от равных лишь в определении пути, по которому следует идти к этим целям. Они могут объединиться во имя низвержения тирании и освобождения народа от его угнетателей. Необходимо противопоставить роялизму национальную волю. Это приведет нас к блестящей победе. К сожалению, добавляет Бабеф, друзья свободы не пришли еще к единству, которое должно составлять их силу. Они склонны забывать о великом целом, которое их объединяет, и придают слишком большое значение частностям, которые их разделяют. В заключение этих рассуждений о необходимости единства Бабеф указывает и лозунг, вокруг которого может произойти такое объединение: этот лозунг - восстановление Конституции 93 года⁶⁷.

Бабеф не верит в возможность устранения зол общественного порядка на путях компромисса, частичных улучшений. Ожидаемая и подготовляемая равными революция не должна останавливаться на полдороге. Она должна довести свое дело до конца. Старый режим угнетения, предрассудков и суеверий необходимо уничтожить, писал Бабеф в письме Жермену 25 июля 1795 года; если этого не сделать, то народ вынужден будет вновь начать все сначала. Необходимо, чтобы экспроприированные не имели возможности вновь установить режим узурпации. Надо сделать так, чтобы их эгоистические сожаления не смягчались никакими надеждами. Если бы я мог, я бы разбил в прах все прошлое, я бы одним ударом воздвиг все то, чего требует Общество равных⁶⁸.

В будущем обществе, говорит Бабеф в том же документе, характеризуя основные принципы своего общественного идеала, все должны участвовать в производстве и в потреблении, все потребности должны быть удовлетворены, никто не должен страдать ни от нищеты, ни от утомления. В обществе не должно быть ни высших, ни низших, ни первых, ни последних, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых; усилия всех сограждан будут соединены для достижения великой братской цели общего благосостояния. Во всех отношениях будут царить справедливость, лояльность, честность и искренность. Не будет ни купцов, ни негоциантов, если не считать таковыми агентов системы распределения. Все работники производства будут поставлять продукты своего труда в общие магазины; а работники системы распределения будут доставлять всем гражданам равные, но разнообразные доли общей массы продуктов производства в компенсацию за то, что они сделали для увеличения этой массы или для ее улучшения. Такой порядок, очевидно, будет выгоден для всех. Следует еще раз отметить, продолжает Бабеф, что все мы, - за исключением детей, стариков и инвалидов, - каковы бы ни были наши функции, будем агентами этой хозяйственной системы. В ней все будут объединены на основах совершенного равенства: крестьяне, рабочие и ремесленники, артисты и ученые, работники магазинов и агенты распределения. Все объединенные в этой системе профессии будут подняты до некоторого общего уровня. Все сказанное о распределении не относится к внешней торговле: внешняя торговля будет существовать, поскольку она не вредна для ассоциации. Она будет служить одним из орудий политики, пока высокий принцип равенства и всеобщего братства не станет единственной религией народов и не найдет повсеместного применения. Мало-помалу границы, являющиеся результатом плохого управления, исчезнут, и круг человеческих отношений расширится.

⁶⁷ Проспект журнала «Le Tribun du peuple». «L'Eclaireur du peuple», N 5. См. Babeuf. Textes choisies par C. et C. Willard. Paris, 1950, p. 64-65, 67-68.

⁶⁸ Babeuf. Lettre a Germain 28 juillet 1795; Dommanget M. Pages choisies de Babeuf. Paris, 1935, 207-211; см. также Babeuf. Textes choisies (изд. G. et C. Willard), 83.

Наши учреждения (т.е. учреждения, предлагаемые равными) все упорядочивают и разумно направляют и не упраздняют ничего, за исключением того, что противоречит справедливости. Все отрасли полезного труда будут сохранены. Но ассоциация будет зорко наблюдать за тем, чтобы ни одна из них не производила ни больше, ни меньше необходимого. Она будет определять число граждан, которые должны быть заняты в каждой профессии, и количество молодежи, которая должна к ней готовиться. Все будет соответствовать как существующим потребностям, так и потребностям, предусматриваемым в связи с ростом населения. Все реальные потребности будут учитываться и полностью удовлетворяться; в случае необходимости те или иные продукты будут перебрасываться из одной местности в другую. С того момента, как индустрия начнет служить интересам нации, она потеряет свой характер раздробленной индустрии. Каждая мастерская будет составлять часть большой мастерской, все продукты будут учитываться как части общей массы ресурсов республики. Каждый будет свободно трудиться, выполняя возложенное на него задание. Каждый будет убежден, что его труд обеспечит достаточное удовлетворение его потребностей и потребностей его семьи. Если кто-либо изобрел новую машину или новый прием, упрощающий и сокращающий труд, он не должен бояться, что у него украдут его секрет. Он передаст этот секрет ассоциации для хранения в ее архивах; его использование увеличит досуг не только изобретателя, но всех трудящихся в данной отрасли, причем никто не должен будет бояться безработицы, вызываемой новыми машинами в настоящее время. Общество примет на себя заботу о детях, о стариках и о больных. По отношению к детям это как бы аванс тем, кто в зрелом возрасте будет трудиться на общество. По отношению к старикам и больным это будет выполнением долга гуманности.

Равенство в распределении продуктов, говорит Бабеф, основывается на строгом равенстве в труде с учетом природных, интеллектуальных и физических способностей каждого. Все паразиты, пользующиеся сейчас излишним, обвиняют нас в том, что мы хотим вернуть общество к варварству. Они называют нас вандалами, желающими уничтожить науки, искусства и индустрию. В действительности науки, искусства и индустрия не только не погибнут - они получают новый импульс к своему развитию. Изменится лишь то, что они будут служить общественной пользе. Они не будут более рабски приспосабливаться к желанию меценатов, они поднимутся к обобщениям, достойным нашей цивилизации⁶⁹.

В 1796 г., незадолго до ареста руководителей созданной Бабефом революционной организации, ставившей себе целью осуществление коммунистического переворота, бабувисты сочли необходимым опубликовать документ, как бы подводный итог пропаганде Бабефа. Этот программный документ носил название «Анализ доктрины Бабефа».⁷⁰ Он состоял из пятнадцати статей, каждую из которых сопровождали пояснения. «Анализ доктрины» дает наиболее сжатое общее изложение основных принципов бабувизма. Воспроизводим здесь его статьи, опуская пояснения.

Статья 1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

Статья 2. Цель общества - защищать это равенство, часто подвергающееся нападению со стороны сильных и злых, и увеличивать совместным трудом всех общественное благосостояние.

Статья 3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не может уклониться от труда, не совершив тем самым преступления,

Статья 4. Производство и потребление должны быть общественными.

Статья 5. Когда один истощает себя в труде и испытывает нужду во всем, в то время как другой, ничего не делая, утопает в изобилии, - это означает, что в обществе царит угнетение.

Статья 6. Никто не может присвоить в свое исключительное владение те блага, которые дает земля или промышленность, не совершая тем самым преступления.

Статья 7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

Статья 8. Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

Статья 9. Никто не вправе путем присвоения всех средств лишать другого просвещения, необходимого для его счастья: образование должно быть общим для всех.

Статья 10. Цель революции - уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье.

Статья 11. Революция еще не завершена, так как богачи захватывают все блага и одни пользуются властью, в то время как бедняки трудятся как настоящие рабы, изнемогают в нищете и не имеют в государстве никакого значения.

⁶⁹ Lettie a Germaine 28 juillet 1795. Babeuf. Textes choisis, par G. et C. Willard, 89-93, 94. Этот взгляд на науки и искусства, как мы увидим ниже, разделялся не всеми «равными».

⁷⁰ Buonarroti Ph., II, 137-150.

Статья 12. Конституция 1793 г. является для французов подлинным законом, ибо народ ее торжественно принял; ибо Конвент не имел права вносить в нее изменения; ибо для того, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее исполнения; ибо он изгнал и убил депутатов, которые защищали ее, исполняя свой долг; ибо террор против народа и влияние эмигрантов играли руководящую роль при выработке и так называемом утверждении конституции 1795 г., не собравшей даже четверти избирательных голосов, полученных Конституцией 1793 г.; ибо Конституция 1793 г. утвердила неотъемлемые права каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические свободы, пользоваться правом собраний, требовать того, что он считает полезным, получать образование и не умирать от голода. Эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 г.

Статья 13. На каждого гражданина возлагается обязанность восстановить и защищать в Конституции 1793 г. волю и счастье народа.

Статья 14. Все органы власти, ведущие свое происхождение от мнимой конституции 1795 г., противозаконны и контрреволюционны.

Статья 15. Лица, поднявшие руку на Конституцию 1793 г., виновны в нанесении оскорбления народному суверенитету.

3

Дореволюционные коммунисты не представляли себе, какие конкретные задачи встанут перед ними в процессе перехода от существующего строя к строю, который они считали совершенным. Непосредственно, практически, они вопроса о социальном перевороте перед собой не ставили; не задумывались они поэтому ни о его условиях, ни о его этапах. Положение бабувистов, стремившихся путем насильственного захвата власти получить возможность коммунистического переустройства общества в интересах трудящихся, было совершенно иным. Они не могли отмахнуться от непосредственных интересов тех социальных слоев, которыми и для которых переворот совершается. Французская революция многому их научила; ограничиться рассуждениями о необходимости просвещения было в 1795 году для бабувистов совершенно невозможным.

Бабувисты прекрасно понимали - они узнали это из опыта революции - что для прочности правительства, захватившего власть в результате удачного переворота, для того, чтобы это правительство могло удержаться у власти сколько-нибудь длительный период, в который оно могло бы осуществить свою программу общественных преобразований, - необходимо закрепить узы, связывающие его с теми общественными слоями, в интересах которых оно действует, посредством мероприятий, дающих немедленный эффект⁷¹. Бабувисты намечали целый ряд таких мероприятий.

Время бабувистского движения было чрезвычайно тяжелым временем для парижской бедноты, страдавшей и от недостатка! съестных припасов, и от дороговизны, и от удручающих жилищных условий. Роскошь нажившейся на революции новой буржуазии резко подчеркивала бесплодность революции с точки зрения самых насущных потребностей плебса. С этой обстановкой бабувисты должны были неизбежно считаться, поднимая плебс на новое восстание.

Понимание руководителями заговора всего значения этой проблемы нашло свое отражение в документе, намечающем первые Мероприятия революционной власти, - так называемом Акте о восстании⁷². «Народ, - говорится в этом документе, - захватит в свои руки государственное казначейство, почту, дома министров, все общественные и частные магазины, в которых имеются съестные припасы; съестные припасы всякого рода будут вынесены для раздачи народу на площади, все булочки будут обязаны в порядке реквизиции выпекать хлеб, который будет бесплатно распределяться среди народа; булочникам будет, затем, заплачено по предъявленным ими счетам». Далее в том же акте излагается мера более длительного значения, в которой проявляется внимание бабувистов к жилищным нуждам бедняков: «Бедняки по всей республике будут немедленно поселены в домах заговорщиков и снабжены мебелью». Затем намечается способ облегчения задолженности бедняков: «предметы, принадлежавшие народу и заложенные в ломбарде, будут немедленно возвращены ему обратно». В заключение бабувисты обещают провести мероприятия, направленные к частичному перераспределению имущества:

⁷¹ Buonarroti Ph., I, 155-196.

⁷² Документ опубликован в книге Буонарроти: Buonarroti Ph, II, 244.

«Все имущества эмигрантов, заговорщиков и всех врагов народа будут безотлагательно распределены между защитниками отечества и бедняками»⁷³. Один из пунктов приведенной нами программы мероприятий повторяется в другом бабувистском документе, вступительная часть которого дает этому мероприятию общее обоснование. «Народ, - говорится здесь, - долгое время убаюкивали пустыми обещаниями. Настало время, наконец, действительно содействовать его благосостоянию - этой единственной цели революции. Принимая во внимание, что великое восстание настоящего дня должно навсегда уничтожить нищету - этот вечный источник всякого угнетения, - повстанческая директория постановляет:

1. По окончании восстания бедные граждане, имеющие в настоящее время плохие помещения, не возвратятся в их обычные жилища: они будут немедленно помещены в домах заговорщиков.

2. У вышеупомянутых богатых людей возьмут мебель, необходимую для того, чтобы прилично снабдить мебелью санкюлотов».

Таким образом, установившаяся в результате революции власть оказывает немедленную и реальную помощь тому общественному слою, в интересах которого революция совершена и в котором новая власть видит свою опору. В то же время, отбирая имущество у контрреволюционных элементов (у «заговорщиков»), революционное правительство лишает их ряда средств борьбы с революционным преобразованием. Бабувисты прекрасно понимают, как важно обезвредить врагов революции. «Железной рукой нужно подавить всех противников». Это положение революционной тактики Бабеф и его друзья твердо усвоили и не раз формулировали. Экспроприация богатых является, таким образом, для бабувистов составной частью системы террора, направленной против враждебных революции сил.

Старые власти, правившие страной в силу буржуазной конституции III года, - Директория, Советы Пятисот и Старейшин - должны быть после переворота не только немедленно низложены, но и преданы суду народа⁷⁴. Этой теме бабувистами был посвящен особый проект приказа, во вступительной части которого комитет восстания заявляет, что наказание неверных уполномоченных народа и узурпаторов народного суверенитета является долгом восставших по отношению ко всему народу. Исходя из этого положения, указ провозглашает: «Узурпация и тирания членов обоих Советов и Исполнительной Директории очевидны. Закон (в сноске указана 27-я статья Декларации прав 1793 г.) карает смертью узурпаторов народного суверенитета»⁷⁵. Их может помиловать только сам народ решением своих секционных собраний. В дальнейших параграфах приказа намечаются меры, которые должны ускорить наказание изменников. Заслуживает внимания, что бабувисты, наряду с категорией заранее признанных виновниками «изменников» - членов правящих корпораций, выделяют также, следуя традиции Конвента, особую категорию «подозрительных»; к ней относят всех «нетрудящихся».

Утописты XVII-XVIII вв. сохраняли в своих построениях государственную власть как политическую форму сложившегося коммунистического общества. Но они мало внимания уделяли вопросу о том, как должна быть организована власть в период перехода от существующего порядка к коммунистическому - власть, строящая коммунизм. В своих рассказах о возникновении Изображаемого ими идеального порядка они чаще всего ограничивались ссылкой на деятельность мудрого и доброго законодателя. Для бабувистов, готовившихся к революции во имя коммунизма, вопрос об организации власти в переходное время между переворотом и полным утверждением коммунизма был вопросом самой острой актуальности. Постановка проблемы государства переходного периода составляла значительный шаг вперед в истории Коммунистической мысли. Еще существеннее для дальнейшего развития коммунизма было намеченное бабувистами решение этой проблемы.

Критикуя политический режим, установленный, Конституцией 795 года, бабувисты противопоставляли ему демократическую Конституцию 1793 года. Лозунг возвращения к Конституции 1793 г был близок и понятен всем, кто оставался в эпоху Директории верен якобинским традициям. Конечно, бабувисты не все одобряли в Конституции 1793 г., - в частности, они осуждали ее отношение к собственности. Но они рассчитывали, что недостатки этой конституции можно будет легко исправить. К тому же ввести ее в действие сразу же после переворота они, как увидим, не считали возможным. Тот политический режим, который они предполагали установить, свергнув Директорию и захватив власть в свои руки, был весьма далек от Конституции 1793 г.

⁷³ Buonarroti Ph., II, 252. Под заговорщиками разумеются везде в тексте декрета правящие круги, контрреволюционеры - заговорщики против общего блага.

⁷⁴ Уже упомянутый «Акт восстания» - Buonarroti Ph., II, 250.

⁷⁵ Ibid., II, 285.

Пройдя школу революционных лет, считая себя продолжателями дела якобинцев, бабувисты прочно усвоили идею революционной диктатуры. После победы народа, полагали они, должна быть установлена твердая революционная власть. Однако в вопросе о форме этой власти бабувисты отнюдь не повторяли якобинцев; эти формы во многом новы и своеобразны, определяясь новой политической обстановкой и новыми социальными целями.

Народ, - говорит Буонарроти в своей истории заговора, - мнения которого образовались в период неравенства и деспотизма, мало способен в начале революции избрать людей, пригодных к тому, чтобы ею руководить и ее завершить... Именно из уважения к реальному суверенитету народа нужно заботиться не столько о том, чтобы собирать голоса, сколько о том, чтобы передать власть в руки мудрых и твердых революционеров⁷⁶. Принимая во внимание эти соображения, бабувисты предполагали сначала свергнуть старую власть и образовать «Национальное собрание» путем его провозглашения восставшим парижским народом. Список членов этого собрания должен был составить и предложить народу революционный комитет. Впоследствии, как рассказывает Буонарроти, бабувисты приняли решение заключить союз с группой старых якобинцев - бывших членов Конвента. В связи с этим решением в первоначальные предположения о составе «Национального собрания» были внесены изменения. Было решено восстановить Конвент в составе тех его членов, которые не скомпрометировали себя контрреволюционной деятельностью, лишь пополнив его согласно первоначальному плану.

Эти колебания бабувистов были вызваны явным образом соображениями конъюнктурного характера, политической обстановкой момента. Для понимания политических идей бабувистов в их существовании необходимо от рассказа Буонарроти обратиться к приводимому им документу - к составленному руководством движения проекту «Декрета об управлении». Положения этого проекта представляют большой исторический интерес: они несомненно вносят новые черты в старую концепцию революционной диктатуры. По словам Буонарроти, руководящий комитет не успел окончательно утвердить проект ввиду последовавшего ареста. Но проект, конечно, отражал мнения, господствовавшие в среде бабувистского руководства.⁷⁷

Первая статья декрета гласит: «Лица, ничего не делающие для отечества, не могут пользоваться никакими политическими правами; они - иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство». Вторая статья разъясняет, что «ничего не делают для отечества те, кто не служит ему полезным трудом». Третья статья перечисляет занятия, которые считаются в республике полезными. Это - земледелие, скотоводство, рыбная ловля, судоходство, механические и ремесленные мастерства, розничная торговля, транспорт, военное дело, преподавательская и научная деятельность. Преподавание и научная деятельность не случайно поставлены на последнем месте: статья четвертая указывает, что лица, занимающиеся наукой и преподаванием, должны представить удостоверения о своей гражданской честности, - и лишь в этом случае их труд будет признан полезным.

Таким образом, политический идеал бабувистов - республика трудящихся, причем только физический труд является в ней бесспорным основанием для приобретения прав гражданина.

Признание человека гражданином или иностранцем имеет весьма существенное значение. Иностранцы находятся под постоянным и прямым надзором администрации, которая может выслать их из места жительства, может их помещать в случае надобности в исправительные учреждения. В то время как граждане снабжаются оружием, иностранцы должны сдать свое оружие под страхом смерти. Иностранцам воспрещено посещение общественных собраний. Для подозрительных иностранцев приспособляются специальные места заключения. Словом, положение иностранцев (а в этом положении оказываются, очевидно, духовенство, дворянство, значительная часть буржуазии и лиц так называемых свободных профессий) - это положение человека, перед которым плотно закрыты двери собраний, где решаются вопросы политической жизни страны, и всегда гостеприимно раскрыты двери тюрьмы.

В разработке проблемы политического строя переходного к коммунизму периода бабувисты не имели учителей. Революционная диктатура бабувистов, конечно, не есть диктатура пролетариата. До этой идеи они не могли подняться; для этого не было предпосылок ни в социальных условиях Франции их времени, ни в их понимании исторического процесса. Они мечтали установить для переходного периода диктатуру трудящихся вообще. Но и это было большим шагом вперед по сравнению с представлениями их предшественников - утопистов XVI-XVIII веков.

⁷⁶ Buonarroti Ph, I 253 282-283.

⁷⁷ Ibid, II, 301-302

Наиболее тщательно разработана была у ранних утопистов, - конечно, в плане фантастического построения, - проблема структуры идеального коммунистического общества. Готовую схему такого общества бабувисты могли найти у своего непосредственного учителя - Морелли. Тем не менее и здесь бабувисты дали немало нового и опять-таки потому, что, в отличие от Морелли, они ставили проблему преобразования общества как проблему практическую, настоятельно требующую своего разрешения. Морелли дает нам изображение коммунистического общества в готовом виде. Таковым оно должно быть. У Морелли совершенно не показан путь к этому обществу от общества современного, динамика общественного переустройства. Для бабувистов вопрос о том, как и в какой последовательности строить новое общество, был не менее важен, чем вопрос о конечной цели этого строительства. В истории социальной мысли и в этом отношении бабувизм является звеном исключительного значения.

Бабувисты считали необходимым немедленно после переворота оформить в виде закона основные принципы коммунистического порядка. Особый декрет должен был провозгласить, что право индивидуальной собственности не основывается на естественном законе, что оно является изобретением гражданских законов и может быть поэтому изменено или отменено; что собственность на все имущество, находящееся на национальной территории, едина и принадлежит народу, который один только имеет право распределять пользование ею.

Порядку, основанному на частной собственности, должен, как мы видим, прийти на смену порядок, в котором право собственности будет заменено правом каждого на существование в равных для всех условиях, в котором граждане будут получать от должностных лиц нужные им предметы на правах пользования или usufrukta⁷⁸. Однако бабувисты не находят желательной и возможной немедленную и всеобщую экспроприацию собственников. Вышедшее из революции государство трудящихся должно, по их мнению, немедленно принять меры к построению коммунистической организации. Но государство никого не принуждает вступать в эту организацию. Согласно первой статье подготовленного бабувистами экономического декрета в республике учреждается национальная община (*Une grande communaute nationale*)⁷⁹. Этой общине, представляющей как бы исходный пункт в организации коммунистического порядка, передаются в первую очередь имущества, объявленные в свое время национальными и не Проданные до 9 термидора (сделки, заключенные после дня падения Робеспьера, бабувистами не признаются), имущества врагов революции, имущества, отошедшие к республике в силу судебных приговоров, и т. д. Далее, община получает старые общинные земли и земли, не обрабатываемые владельцами. Наконец, к ней же переходят те помещения, которые заняты беднотой в силу Акта о восстании, а также имущества, узурпированные людьми, обогатившимися при исполнении общественных обязанностей или присужденными к принудительным работам за негражданское поведение, леность и роскошь. Ко всем этим видам имущества присоединяется имущество тех, кто пожелает добровольно отдать его общине: «Республика призывает добрых Граждан содействовать успеху реформы отказом от своего имущества в пользу общины»⁸⁰. Следует отметить, что в своем журнале «*Le Tribun du peuple*», опровергая направленную против равных декларацию Директории, Бабеф утверждал, что равные стремятся уничтожить лишь колоссальные состояния, что положение мелких собственников и мелких лавочников они стремятся сохранить и упрочить⁸¹.

Вначале община состоит из лиц, вступающих в нее добровольно, желающих сообща работать на коммунистических началах. Очевидно, бабувисты рассчитывали, что в общину охотно пойдет беднота, которая мало теряет, отказываясь от собственности, и много выигрывает, вступая в общину, обладающую значительным имуществом. В дальнейшем, однако, ряд мер косвенного принуждения должен был способствовать расширению общины. С известной даты только за членами общины сохраняются права гражданства. Все те, кто не войдет в национальную общину, все, кто пожелает сохранить свое частное хозяйство, будут считаться «иностранцами», а положение иностранцев», как мы уже знаем, имеет в системе бабувистов весьма неприятные особенности. Но, кроме этого, на всех не состоящих членами общины бабувисты налагают весьма существенное хозяйственное бремя. Они платят государству тяжелый налог в натуральной форме – продуктами своего труда. Члены общины от этого налога совершенно свободны. Наконец, частные собственники заинтересованы в собственности лишь постольку, поскольку они могут эксплуатировать чужой труд.

⁷⁸ Buonarroti Ph., I, 207-208.

⁷⁹ Ibid., II, 305.

⁸⁰ Ibid., II, 307.

⁸¹ «*Le Tribun du peuple*», N 43.

Между тем, при существовании рядом с их хозяйствами большой национальной общины они вряд ли найдут рабочих, которые пойдут к ним работать, имея полную возможность вступить в общину. Таким образом, многое должно толкать собственников к отказу от собственности и к вступлению в общину. Для следующего поколения вступление в общину является уже неизбежным. Право наследования бабувисты в своем государстве трудящихся полностью отменяют. Все имущества, принадлежащие в момент переворота частным лицам, по их смерти отходят к национальной общине.

Хозяйство национальной общины носит в проектах бабувистов подчеркнuto централизованный характер. Как бы стремясь отмежеваться от сторонников хозяйственного дробления, они называют национальную общину большой. Носителем хозяйственного единства общины является центральная администрация, которая собирает сведения о силах и потребностях общины и на основании этого учета распределяет рабочих по отдельным коммуна́м республики (раздел 10: «Общественные работы»). Следует в этой связи отметить, что, по мнению большинства бабувистов, большие города должны при коммунистическом порядке исчезнуть, все население республики будет жить в деревнях, в простых домах, построенных в самых здоровых и удобных для жизни местностях. Большие здания будут строиться только для общественных учреждений⁸³. Иногда Буонарроти называет будущую республику равных «l'état agricole», а ее население - «un peuple agricole»⁸²; это давало основание некоторым историкам называть учение «равных» аграрным коммунизмом. Однако, как мы увидим ниже, в республике равных имеются различные группы ремесленников, не занимающихся сельскохозяйственным трудом. Очевидно, Буонарроти хотел лишь подчеркнуть господствующее положение сельскохозяйственного труда в обществе, в котором нет неравенства, нет искусственных потребностей. Центральная администрация общины определяет качество и количество продуктов, подлежащих распределению между гражданами, пополняет недостатки в одних областях за счет избытка в других и в случае надобности производит обмен с границей. Коммуны, на которые разделяется большая община, не имеют значения самостоятельных единиц. Их должностные лица играют чисто служебную роль. Они непосредственно руководят работами, но в соответствии с общими законами и с указаниями общей администрации, доводя до сведения последней о состоянии порученных им работ⁸⁴.

Труд в идеальной республике бабувистов всеобязателен. «Волею природы, - говорится в «Анализе доктрины Бабефа», - все люди обязаны трудиться. Никто не может избежать труда, не совершая преступления... Состояние деятельности, которое вызывается умеренным трудом, есть для человека источник здоровья и доброго духа. Когда все принимают участие в труде, труд каждого оказывается весьма небольшим». Однако, утверждая принцип обязательного труда, бабувисты не забывали о разнообразии способностей трудящихся. Бабеф считал необходимым «заставить всех трудоспособных граждан работать, каждого в соответствии с его способностями и навыками». Буонарроти говорит об обязанностях, пропорциональных силам и тяжести труда⁸⁵.

Особо тяжелые и неприятные работы должны выполняться в порядке повинностей, падающих на всех граждан в известной очереди. Бабувисты предполагали, впрочем, что успехи механики и химии в недалеком будущем смягчат тяжесть такого труда. Все остальные работы должны производиться трудящимися, специализировавшимися в данной отрасли труда. Бабувисты считают, что человек приносит наибольшую пользу своим трудом в том случае, если он приобрел в нем известные навыки. А для этого необходимо, чтобы каждый имел свою определенную специальность в общей системе разделения труда⁸⁶.

В проекте экономического декрета первая статья раздела, посвященного общественным работам, гласит: «Каждый член общины отдает ей труд, на какой он способен, работая как земледелец или ремесленник»⁸⁷. Следует обратить внимание и на то, что в этой статье бабувисты объявляют обязательным и физический труд (труд земледельца или ремесленника). На каждом члене общины лежат обязанности, говорит Буонарроти, нести известную долю труда, необходимого для обеспечения существования, процветания и сохранения общества⁸⁸.

⁸³ Ibid., I, 221, 222, 224.

⁸² Buonarroti Ph., II, 306, 316-317.

⁸⁴ II, 305 et suit.

⁸⁵ I, 211. 209.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ II, 142, 221, 308.

⁸⁸ I, 208, 227-22

Выполнение этого труда есть долг, возлагаемый на гражданина законом. Все прочие функции выполняются гражданами добровольно, по их собственному выбору, в свободное от обязательного труда время. К числу такого рода функций относит Буонарроти не только спорт, богослужение, политическую деятельность, но и преподавание и усовершенствование искусств.

Вопрос об умственном труде, о положении наук и искусств в будущем обществе вызывал в среде бабувистов споры. Значительная их часть, следуя за Ж.-Ж.Руссо, доказывала, что рост наук и искусств разрушает равенство. Искусство, говорили сторонники этой точки зрения, развивает вкус к излишествах, портит нравы; люди проникаются высокомерием, их преимущества в знаниях развивают в них тщеславие и создают почву для нарушения прав более простых людей, что может быть ими достигнуто при помощи лицемерного и опасного красноречия. Эти мысли нашли свое выражение в так называемом «Манифесте равных». По-видимому, самым горячим их пропагандистом был Сильней Марешаль⁸⁹.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывают, что литература, сопутствующая первым движениям пролетариата во время буржуазных революций нового времени, «проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнивательность»⁹⁰. Эти тенденции несомненно сказываются и в пропаганде бабувистов. Их влияние отразилось на отношении бабувистов к науке и искусству. Оно отразилось еще ярче на их учении о распределении. Теория Бабефа насквозь пронизана идеей уравнительного распределения. Различную оценку разного вида работ он считает корнем всех страданий и лишений человеческого рода. «Миф о превосходстве талантов и предприимчивости представляет чистую химеру и благовидную приманку, которая всегда способствовала незаконным козням заговорщиков против равенства. Различия в ценности и почетности отдельных видов человеческого труда основываются только на субъективной оценке, которую придала им часть людей, сумевших доставить господство своим личным взглядам». По мнению Бабефа, ничем нельзя оправдать притязания на вознаграждение, превышающее сумму, строго необходимую для удовлетворения личных потребностей. Всякое чрезмерное удовлетворение личных потребностей одних является результатом ограбления других. Из этих положений Бабеф делает практические выводы. Необходимо, говорит он, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не более чем достаток, и закрыть всем людям всякие пути к получению личной доли, превышающей среднюю долю продуктов труда, приходящихся на одного человека. Необходимо установить продовольственную администрацию, которая будет вести точную запись всех людей и всех Предметов и распределять эти предметы на началах тщательной равномерности⁹¹. То, что не может быть распределено между всеми, развивает мысль Бабефа Буонарроти, должно быть строжайше воспрещено. Чтобы гражданин видел во всех своих согражданах равных себе, братьев, необходимо, чтобы он не встречал нигде и ни в чем - ни в мебели, ни в одежде, ни в жилище - признаков хотя бы даже кажущегося превосходства⁹².

Четкую формулировку принципа уравнительности распределения находим мы в проекте экономического декрета. Статья 9 его общей части гласит: «Большая национальная община снабжает своих членов всем необходимым, поддерживая среди них равный и умеренный достаток. Эта общая норма находит дополнение и разъяснение в разделах «О распределении» и «Об администрации». «Каждый член национальной общины, - говорится в разделе «О распределении», - пользуется лишь тем, что предоставляет ему закон, через посредство должностных лиц». Тот же раздел подробнейшим образом регламентирует, что именно предоставляет гражданам закон: «Национальная община обеспечивает с настоящего момента каждому из своих членов: здоровое, удобное и соответственно меблированное помещение, рабочую и праздничную одежду (бумажную или шерстяную), соответствующую национальному костюму, стирку белья, освещение и отопление; достаточное количество предметов питания: хлеба, мяса, рыбы, дичи, яиц, масла, вина и других напитков, потребляемых в различных районах, овощей, фруктов, приправ и других предметов, соединение которых дает умеренный и простой достаток». Раздел «Об администрации» указывает, что размеры и качество этого пайка определяются администрацией общины⁹³.

⁸⁹ Buonarroti Ph., I, 273; II, 132

⁹⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.IV, 455.

⁹¹ «Le Tribun du peuple», N 35

⁹² Buonarroti Ph., I, 210, 225.

⁹³ Ibid., II, 317, 310-313.

Бабувисты были убеждены, что в обществе, полностью осуществившем принцип реального равенства, не будет более разнообразия противоположных интересов. Наиболее трудные обязанности, говорит Буонарроти, будут выполняться в обществе равных с удовольствием; все будут добровольно подчиняться законам; разумные предложения не будут встречать оппозиции; в политическом организме будет царить единство интересов, воли и действия. Законодательные и административные функции лишь тогда выполняются с пользой для общества, когда их выполняют люди опытные, знающие и разумные. В существующем обществе народные массы не подготовлены к их выполнению. Передача этих функций особому классу людей, отобранных по их способностям, сопряжена с опасностью возникновения привилегий, установления подлинного рабства, тем более тяжелого, что оно представлялось бы законным и отвечающим общим интересам. При системе равенства руководство общественными делами будет доступно всему народу; просвещение народа никогда не будет противоречить общему благу.

Только установление равенства даст, таким образом, народу возможность стать действительным сувереном. Однако необходимые для этого качества, имея своей исторической предпосылкой равенство, требуют для своего развития сознательного воздействия со стороны революционной власти. Власть имеет своей задачей не только преобразование учреждений, но и преобразование нравов. Этой цели служит прежде всего общественное воспитание в школе, которое находится под непосредственным руководством республики. По окончании школы молодые люди не сразу получают права гражданства. Они должны провести определенное время на военной службе, где их гражданское воспитание продолжается. Они допускаются сначала в общественное собрание без права принимать участие в его решениях, чтобы усвоить здесь политический опыт и навыки старших. Лишь после всего этого они могут претендовать на включение в списки активных граждан⁹⁴.

Воспитательное воздействие государства на граждан в целях укрепления республиканских добрых нравов продолжается и в дальнейшем. Все знаменательные моменты в жизни граждан - поступление в школу, отправление в армию, получение ими политических прав, чествование героев, погибших за родину, достопамятные события - все это служит поводом для пропаганды преимуществ системы равенства и соответствующих ей гражданских качеств.

Особое место в этой системе пропаганды занимают так называемые «цензурные собрания», на которых народ обсуждает и оценивает поведение должностных лиц, а в случае надобности - и простых граждан. Никто не может быть избран на административный пост, если его предшествовавшая деятельность не получила народного одобрения. Добрые нравы являются в учении бабувистов основной гарантией равновесия будущего общества равных. Однако они считают необходимым предусмотреть в политическом строе этого общества ряд дополнительных гарантий его устойчивости. Изъявление народной воли, говорит Буонарроти, может исходить только от самого народа, законодательной властью пользуется народ в целом; на народе лежит охрана великого принципа равенства. Но не всякий родившийся на территории республики входит в состав этого народа-суверена. Мы уже знаем, что бабувисты разделяли население республики на две категории: граждан и иностранцев. Буонарроти утверждает, что в революционном комитете при обсуждении вопроса о правах гражданства также высказывалось мнение, что в список граждан должны включаться только те, кто сознательно и добровольно берет на себя обязательство подчиняться законам общества. Те, кто не дает такого обязательства, изгоняются за пределы республики⁹⁵. Таким образом, в собраниях народа-суверена не может быть лиц, открыто выступающих против принципов республики. Но ошибочные суждения возможны и при таком составе народных собраний. Чтобы сделать наименьшей возможность ошибок, бабувисты считают необходимым предусмотреть в политической структуре общества некоторые особые органы.

При каждом окружном собрании суверенного народа бабувисты предлагают учредить Сенат, в котором предварительно обсуждаются все вопросы, подлежащие обсуждению собрания. В принципе Сенат должен состоять из стариков, умудренных опытом. Но можно опасаться, что в первое время после революции старики в силу укоренившихся привычек будут тянуть общество назад, к монархии, к религиозным предрассудкам, к восстановлению собственности и т.д. Поэтому вначале сенаторы должны быть подобраны из добродетельных людей, известных своей преданностью новым учреждениям⁹⁶. Из числа сенаторов народ выбирает особый корпус «хранителей национальной воли», главная задача которого - контроль над деятельностью центрального Законодательного собрания. «Хранители» должны следить за тем, чтобы Законодательное собрание не нарушало суверенитета народа и не издавало декретов, противоречащих основным законам республики⁹⁷.

⁹⁴ B-ionarroti Ph., I, 229-233.

⁹⁵ Ibid, I, 234-235

⁹⁶ Ibid, 268-269

⁹⁷ Ibid., 263-266.

Республиканские учреждения и республиканские нравы должны, по мнению Буонарроти и ряда других бабувистов, иметь религиозную санкцию. Религиозные идеи Буонарроти считает самой надежной опорой гражданской морали. Примыкая в вопросах религии к Руссо и Робеспьеру, он решительно осуждает «атеизм» эбертистов. Следует, однако, отметить, что эти религиозные идеи разделялись далеко не всеми бабувистами. Многие из них высказывали атеистические взгляды (Сильвен Марешаль*).

В коммунизме Бабефа и бабувистов было немало черт, которые должны были быть отброшены коммунистической мыслью в ходе ее дальнейшего развития. В их философии немало положений, унаследованных от рационализма XVIII в. Их представления о классовом строении общества еще весьма примитивны. Учение бабувистов о проходящей через всю историю борьбе патрициев и плебеев еще очень далеко от научного понимания исторического процесса. Бабувисты были не в состоянии в социальных условиях их времени правильно поставить и правильно разрешить основные проблемы социальной революции. Подготавливая восстание, они очень заботились о связях с рабочими, считая их участие в революции естественным и необходимым. Но историческая роль пролетариата как ведущей силы социальной революции была им не вполне ясна. Они ждали, что новая революция будет совершена народом вообще, что означало в их представлении бедноту, плебс. Свою задачу они видели в организации революционного сообщества, которое должно было подготовить восстание плебса и руководить этим восстанием.

Эти специфические черты революционной теории бабувистов отражали социальные условия их времени, незрелость классового самосознания французского пролетариата XVIII века. Но история коммунизма, оценивая идейное наследие бабувизма и сопоставляя его с теориями дореволюционных мыслителей, не может не отметить, какой большой шаг вперед сделала коммунистическая мысль в статьях и проектах бабувистов под влиянием впечатлений революционной борьбы 1789-1796 годов. Революционный характер пропаганды бабувистов резко отличает их от их предшественников и учителей; революционная цель движения осветила новым светом их философию истории, их критику существующего общества, их представление о грядущем общественном перевороте. Бабувизм составляет важнейшее промежуточное звено между теориями XVIII века и утопическим коммунизмом 30-40-х годов XIX века. Влияние бабувистских традиций на домарксовскую коммунистическую литературу несомненно. Без учета этих традиций невозможно полностью понять развитие коммунистической мысли в течение десятилетий, непосредственно предшествовавших возникновению научного коммунизма.

VI. ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

1

Разгром бабувистского движения и длительная реакция первых десятилетий XIX века надолго задержали развитие и распространение идей утопического коммунизма. Однако было бы неправильно думать, что они были в этот период полностью забыты. Коммунистическая мысль как бы ушла в подполье. Люди, остававшиеся верными коммунистической традиции, изредка пытались напомнить о ней обществу. Но эти попытки либо пресекались органами власти, либо становились известными лишь очень узкому кругу читателей-современников.

После разгрома бабувистских организаций, после казни Бабефа и Дарте первым произведением, посвященным защите принципа общности, была вышедшая в 1797 году часть (14 и 15 тт.) многотомного «Monsieur Nicolas» Ретифа де ла Бретонна⁹⁸. До революции Ретиф де ла Бретонн выступал в качестве автора разнообразных проектов кооперации. В некоторых своих Дореволюционных произведениях он восхвалял порядок общности. Таков, например, его утопический роман «Южное открытие». Был ли он связан с бабувистским движением - неизвестно. Но во всяком случае в упомянутых нами книгах 1797 года он совершенно откровенно выступает в защиту коммунизма.

Ретиф дает коммунистическое построение на фоне анализа и оценки революции и ее отдельных этапов. Ранее относившийся сдержанно, а иногда и отрицательно к якобинской диктатуре и революционному террору, Ретиф, наученный опытом Термидора и Директории, в своей новой книге полностью реабилитирует якобинцев⁹⁹. Робеспьера он восхваляет как защитника принципа общности. Якобинцев ругают, заявляет он, скрытые роялисты, переряженные патриотами¹⁰⁰. Некоторые страницы книги Ретифа звучат как обвинительный акт против режима, установившегося после 9 термидора.

* О Марешале см. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>.

⁹⁸ Reslif de la Bretonne. Monsieur Nicolas ou le coeur humain de-voile. Анализ рассматриваемых нами томов «Monsieur Nicolas» дает А.Р.Иоаннисян в своей статье «Из истории идей утопического коммунизма в эпоху Директории», «Вопросы истории», 1957 г., № 6.

⁹⁹ Ibid., v.XV, 4314, 4365.

¹⁰⁰ Monsieur Nicolas, t.XV, 4367, 4373, 4392.

Директория, говорит он, это правительство, идущее на поводу у крупной буржуазии, защищающее интересы спекулянтов и нуворишей. Общество после 9 термидора охвачено меркантильным духом. В нем растет паразитическая и спекулянтская торговля, закладываются основы «нового феодализма». Положение масс стало невыносимым¹⁰¹. Ретиф решительно отрицает «ложный принцип» невмешательства правительства в экономику. Он мечтает о восстановлении диктатуры и террора. Правительство, говорит он, должно располагать диктаторскими полномочиями, чтобы держать в узде спекулянтов, ажиотеров и банкиров. Для того чтобы облегчить положение масс, правительство должно установить твердые цены на товары и определять на каждую декаду размеры заработной платы¹⁰².

Но это восстановление политики максимума - для Ретифа - лишь паллиатив. Оно неспособно устранить подлинную причину зла - частную собственность. В начале своего существования, утверждает Ретиф, общество было построено на республиканских и коммунистических принципах. Общность была сокрушена королями, которые создали знать и установили частную собственность. Это неизбежно должно было привести к неравенству и порабощению. Собственность противоестественна, она нарушает законы природы. На почве частной собственности вырастает в обществе неравенство, богатство и бедность. При строе частной собственности личные интересы вступают в противоречие с интересами общественными. Между членами общества неизбежно возникают враждебные отношения¹⁰³. Чтобы полностью устранить общественные бедствия, необходимо ликвидировать частную собственность.

Аграрный закон, уравнительный передел имущества Ретиф считает преобразованием, не достигающим цели. Он вообще против грубого уравниательства - оно может вернуть людей к дикости, грозит уничтожением наук и искусств, которые необходимы для общества. Единственный порядок, достойный разумных людей, - коммунизм, порядок, устанавливающий абсолютную общность. Коммунизм не является, по мнению Ретифа, средством уравнивания индивидов. Но он дает возможность каждому развить и проявить свои индивидуальные способности. Коммунизм отнюдь не уничтожает стимулов труда. При коммунизме сохраняется соревнование, которое способно придать гражданам больше активности, чем та, которой они обладают при существующем порядке. Активность приводит к различным результатам при различном строе общества. В настоящее время она делает людей спекулянтами и ворами. При коммунизме она будет содействовать общественному долгу. Коммунизм не противоречит патриотизму, он укрепляет любовь к отечеству, только коммунисты - истинные патриоты. Распространение коммунизма обеспечит счастье всех народов и создаст основу для их объединения¹⁰⁴.

Подобно Морелли Ретиф делает в своей книге попытку систематического изложения основных принципов построения коммунистического общества. В изображаемом им идеальном обществе частная собственность заменена общественной; труд обязателен для всех граждан; профессия каждого определяется его способностями, наследственных профессий не существует; все руководители работ - выборные должностные лица; каждый гражданин имеет годичный план, невыполнение которого считается самым тяжелым проступком; тяжелые и грязные работы производятся преступниками. В качестве образцов коммунистических общин Ретиф упоминает сектантские общины и общины американских индейцев.

В вопросе о распределении Ретиф отходит от последовательного коммунизма. Денежного вознаграждения за труд, утверждает он, коммунистическое общество не знает; однако деньги все же существуют как средство вознаграждения отличившихся граждан. Это дает возможность отличившимся накапливать богатства, приобретать услуги других людей. Передачу накопленных имуществ по наследству Ретиф в своем идеальном обществе воспрещает¹⁰⁵. Несмотря на эту оговорку, возможность накопления и наемного труда хотя бы в виде исключения явно и резко противоречит провозглашенным Ретифом принципам общности.

Общины будущего организуют питание граждан в общественных столовых. Несмотря на свое отрицательное отношение к грубому уравниванию, Ретиф говорит о регламентации одежды граждан сообразно с их возрастом и их заслугами. Для детей в коммунистическом обществе предусмотрено совместное общее обучение¹⁰⁶.

¹⁰¹ Ibid., 4532, 4506, 4374, 4368-69.

¹⁰² Ibid., 4423, 4374-4375, 4406-08, 4510, 4416-18.

¹⁰³ Ibid., v.XV, 4385, 4387-88; v.XIV, 3980, 4002 4067-68

¹⁰⁴ Ibid., v.XV, 4439-40, 4426, 4385, 4467, 4442-44.

¹⁰⁵ Ibid., v.XVI, 4076-79; v.XV, 4328 4330-32, 4338, 4341

¹⁰⁶ Ibid., v.XV, 4328, 4334-35, 4343.

Коммунизм соответствует природе и разуму людей. Однако против него восстанут антисоциальные страсти людей, восстанут собственники, мошенники и негодяи. Наличие этого сопротивления приводит Ретифа к пессимистическому выводу о бесполезности пропаганды коммунистических идей¹⁰⁷. В сущности, он не в состоянии указать никакого пути перехода к коммунизму. Опыт революционных лет, по-видимому, разочаровал его в возможности устранения общественных бедствий путем изменения политических форм. Для народа, утверждает он, различие между монархией и республикой - только воображаемое различие. Республика будет лишь номинальное равенство, и она легко вырождается в олигархию.

О возможности достигнуть целей социального преобразования путем насильственного переворота Ретиф не упоминает. Возможно, что после неудачи бабувистского восстания он разочаровался и в этом способе разрушения строя неправды. Но возможно и то, что он опасался касаться этой рискованной темы: ведь он писал и печатал свою книгу всего через несколько месяцев после казни Бабефа и Дарте.

2

В наполеоновскую эпоху мы знаем лишь одну попытку литературного выступления с пропагандой коммунистических идей. В 1809 г. императорская полиция задержала выпуск в свет тиража книги под странным на первый взгляд названием «Ruvarebohni» (анаграмма слов «vrai bonheur»). Задержанная книга была долгое время известна лишь по заглавию. Ее приписывали Ретифу, пока в начале 80-х годов XIX века Карлу де Рашу не удалось найти экземпляр рукописи «Ruvarebohni» и установить имена ее подлинных авторов: Пьера Жоне-Спонвиля и Никола Бюнье. В 1881 г. де Раш перепечатал текст «Ruvarebohni»¹⁰⁸, и это произведение после 70 лет анабиоза стало впервые доступно изучению.

Авторы «Ruvarebohni» исходят в своих построениях из теоретических предпосылок, обычных для социальных мыслителей XVIII века. Свое представление о нормальном общественном порядке они выводят из природных свойств человека. Из всех чувствующих существ, говорят они, человек наиболее приспособлен природой к социальному состоянию. Трудно представить себе, как мог бы человек существовать и сохраняться как род вне этого состояния. Счастье человечества зависит от того, соответствует ли общественный порядок его природе. Первоначальной природе человека не свойственны враждебные чувства. Человек по своей природе не является ни добрым, ни злым. Но существующее человеческое общество построено на ложных основаниях, оно противоречит идее человека, делает человека эгоистом, приводит к порокам и преступлениям.

Основной причиной несовершенства человеческого общества было невежество человека, непонимание им истинного социального духа. Установленные им институты частной собственности и семьи послужили причиной бесконечного ряда его несчастий. Порочная социальная система поддерживается косностью порождаемых ею идей¹⁰⁹. Но теперь человек познал, в чем причина его пороков и бедствий, он начал искать средства их устранения. Человек способен к бесконечному совершенствованию, поэтому он может стать доброжелательным и счастливым. Для этого он должен перестроить свое общество на разумных основаниях. Человек меняется в зависимости от тех обстоятельств, в которых он живет. В результате положения человека в существующем обществе в нем развиваются злые страсти. Новый общественный порядок создаст нового человека. Идеи эгоизма, частного интереса сменятся в его сознании идеями общего интереса; с господством частных интересов связано несчастье человека, с господством общих интересов - его счастье.

Свои доводы в пользу преобразования общества на разумных началах авторы «Рюваребони» считают необходимым подкрепить указанием на их соответствие христианской традиции. Доктрину, наиболее обеспечивающую счастье человека, говорят они, впервые провозгласил Иисус. Он первый признал, что Основы человеческого общества радикально порочны. Он решительно осудил частную собственность и семью. Иисус не был умозрительным философом или мистиком. Он возвещал людям принципы, которые они должны принять, чтобы быть счастливыми. Доктрина Иисуса должна быть положена в основу социальных установлений.

Несчастья людей достигли в настоящее время таких размеров, что даже многие люди, принадлежащие к высшим классам, потрясенные несчастьями своих ближних, стремятся найти способ их облегчить. Люди из низших слоев неизбежно поймут, что эти средства обещают им перспективу лучшего будущего.

¹⁰⁷ Monsieur Nicolas; v.XIV, 3974, 3960; v. XV, p. 4386.

¹⁰⁸ (Jaunez-Sponville, P. et Bugnet, N. 1809) Ruvarebohni. Ed. par Ch.Rash. vol.I-II. Paris, 1881

¹⁰⁹ Ruvarebohni, vol.I. p.XXXVI-XXXVII. vol.II, 52.

Но, несмотря на это, для перестройки общества в согласии с доктриной Иисуса нужно будет преодолеть множество предрассудков и предвзятых идей. Филантропическая доктрина Иисуса противоречит господствующим в обществе идеям. Ее враги говорят, что сама природа создала неравенство людей. Но если даже неравенство - факт природный, та же природа дала чувствующим существам склонность к совместной жизни с ближними в социальном состоянии. Общество должно заботиться о том, чтобы устранить последствия природного неравенства, внести в него поправку. Говорят, что собственность - естественное право и что восставать против него - значит восставать против законов природы. Авторы «Рюваребони» признают, что собственность дана природой, но против традиционного понимания собственности они возражают. Гнездо, говорят они, составляет собственность птицы, но лишь до тех пор, пока она в нем остается. В сознании людей при существующих общественных условиях очень сильна идея собственности, ибо в них сильно желание приобретать блага. Но человек - существо, способное бесконечно совершенствоваться. Не почувствует ли он, в конце концов, что он совершит разумный и выгодный для него акт, превратив свое право исключительной и индивидуальной собственности в право общей собственности? Не должен ли он это почувствовать, когда ему будет доказано, как практически, так и на опыте веков, что в настоящем положении вещей, в условиях исключительной собственности, ведущей с неизбежностью к раздорам и вражде, ему невозможно найти свое счастье?

Первоначальная форма общества - объединение людей для совместной охоты. Процесс обособления семей и раздела имущества был связан с переходом к земледелию. К укреплению семейного начала и к установлению права наследования толкали материальные потребности - необходимость обеспечить прокормление детей. В то же время семейный союз служил целям укрепления общественного порядка. В дальнейшем, с размножением населения, семья оказалась не в состоянии, выполнять эти функции. Люди начали объединяться в роды и выбирать вождей. Те, кто при разделе имущества оказался без земли, могли поддерживать свое существование, только предлагая собственникам труд своих рук. Так возникли эксплуатация, нищета и рабство¹¹⁰.

Мы уже знаем, что человек в обществе есть то, чем его делают общественные учреждения. Именно от них зависит направить человека к добру и, следовательно, к счастью. Таким образом, задача состоит в том, чтобы заменить существующие порочные учреждения разумными. Они должны создать условия для воспитания в людях всеобщего благожелательства («возлюби ближнего как самого себя»), для полного раскрытия одной из первых социальных добродетелей. Без этого невозможно счастье человечества. Основное звено в этом преобразовании состоит в замене отдельных частных семей единой общей семьей согласно завету Иисуса. Семья в ее старой форме, - в свое время необходимая, - потеряла свое значение в современных многочисленных обществах. В будущем существование детей, как и существование их отцов и матерей, будет обеспечиваться не семьей, а обществом. Так как с идеей семьи в «Рюваребони» тесно связаны идеи частной собственности, то преобразование семьи означает также и замену индивидуальной собственности общественной.

В рассуждениях «Рюваребони» о способах этой замены в наибольшей степени сказывается настроение той эпохи, в которую создавалось это произведение. Авторы «Рюваребони» помнят время революции. Они понимают, что пороки социального строя неизбежно вызывают революции. Но повторения революции они ни в коем случае не хотят. Они отрицают вообще возможность демократического пути преобразования. «Рюваребони» противопоставляет революции и демократии мудрого диктатора, вдохновленного идеей общественного блага¹¹¹. Творцом новых учреждений, утверждают авторы, может быть лишь гениальный человек, обладающий большой властью. Как бы желая подчеркнуть, что образцом такого идеального человека они считают Наполеона, они дают изображаемому ими преобразователю имя Понелано (анаграмма имени Наполеон).

Концепция «Рюваребони» - шаг назад в истории коммунистической мысли. Авторы этого произведения как бы приспособляют коммунистические традиции XVIII века к настроениям наполеоновской эпохи. Однако ни заигрывания с идеей личной диктатуры, ни попытка установить связь с христианской традицией, как мы знаем, не спасли книгу от конфискации. Вряд ли можно говорить о каком-либо ее влиянии на дальнейшее развитие коммунизма. Тем не менее, следует отметить, что в сороковых годах, в период наиболее значительного распространения коммунистических идей, мы встретим ряд произведений, в которых сказывается то же стремление связать коммунизм с христианством, какое мы нашли в «Рюваребони».

¹¹⁰ Ruvarebohni, vol.I, 78, 82, 99, 131, 171.

¹¹¹ Ibid., 226.

Часть 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ КОММУНИЗМА в 30-40-Х годах XIX века

I. РАБОЧИЙ КЛАСС НА ПУТЯХ К КОММУНИЗМУ

1

Промышленный переворот во Франции, предпосылки которого были налицо уже в конце XVIII в., проходил значительно медленнее, чем в Англии.

Французская буржуазная революция, сокрушив феодально-абсолютистский порядок, открыла широкие возможности для капиталистического развития страны. Но та же революция создала весьма мощный слой мелких собственников - крестьян. В то время как в Англии обезземеление крестьянства «освободило» рабочие руки для развивающейся фабрично-заводской промышленности, во Франции крестьянин в начале XIX в. еще прочно сидел на своем участке земли. Французский кустарь, работавший на скупщика, цепко державшийся за землю, не так легко поддавался экспроприации, не так легко превращался в фабричного пролетария. Поэтому во Франции система «домашней» промышленности оказалась более стойкой. С другой стороны, во многих районах издавна развивались отрасли промышленности, с большим трудом поддающиеся механизации, чем хлопчатобумажное производство или металлургия. В этих отраслях (например, в изготовлении предметов роскоши) мелкое производство могло еще долго оставаться господствующим. Наконец, развитие крупной машинной индустрии задерживалось и тем фактом, что Англия опередила в этом отношении Францию, что она вступила на путь создания крупной капиталистической промышленности раньше, лучше обеспеченной сырьем, капиталами и рынками сбыта. Французской промышленности приходилось в ряде случаев пробивать себе дорогу, преодолевая конкуренцию английской, успевшей уже переоборудоваться и захватить рынки. Особенно болезненно чувствовала французская промышленность громадное превосходство Англии в области машиностроения. Большую часть машин приходилось выписывать из Англии, что чрезвычайно удорожало переоборудование.

Несмотря на замедляющие промышленный переворот моменты, ко времени июльской революции 1830 г. французская крупная промышленность, несомненно, достигла значительных успехов, капитализм завоевал ряд ключевых позиций. Однако эти успехи не должны скрывать от нас тот факт, что в эпоху июльской монархии наряду с передовыми предприятиями с машинным производством, с большим количеством наемных рабочих, занятых в фабрично-заводских помещениях, мы имеем еще во Франции массу мануфактур старого типа, раздающих сырье или полуфабрикаты для отдельных операций тяготеющим к ним кустарям. В ряде отраслей производства сохраняется и мелкое предприятие ремесленного типа, работающее в подавляющем большинстве случаев на торговый капитал и безжалостно им эксплуатируемое. Исследователь промышленного переворота во Франции Ф.В.Потемкин утверждает, что даже в 40-х годах крестьяне, ремесленники и рабочие, занятые в домашней промышленности, составляли подавляющую часть населения страны. К середине XIX в. во Франции насчитывалось 124 тыс. крупных и средних предприятий (среднее число рабочих - 10) и 1548 тыс. мелких (среднее число рабочих - 2). В частности, мелкое производство господствовало в Париже, где было 7 тыс. предприятий с числом рабочих свыше 10 и 32 тыс. предприятий с 1-2 рабочими. Даже в департаменте Севера, где концентрация производства достигла наибольших успехов, было лишь 12 предприятий с числом рабочих более 400.

Таким образом, фабрично-заводский пролетариат, занятый в крупной машинной индустрии, составлял в рассматриваемый период меньшинство в общей массе французских рабочих. В этой массе был еще очень велик удельный вес таких групп, как рабочие мелких мастерских, ремесленные подмастерья, кустари. Индустриальный пролетариат, состоявший в громадном проценте из недавних выходцев из деревни, еще не занимал первое место в рядах французского рабочего класса по своей сознательности и активности. Значительная часть индустриальных рабочих не умела даже читать. Ремесленные рабочие, обычно исконные горожане, имели гораздо больше традиций и навыков борьбы. Но, с другой стороны, мы можем отметить в их социальных настроениях черты консервативные или реакционные, связывающие их со старым, отживающим способом производства, делающие их неспособными к усвоению последовательной пролетарской идеологии. Пролетариат еще не полностью выделился из мелкобуржуазной массы. В социальных и политических настроениях рабочих этого периода далеко не было изжито влияние мелкобуржуазных навыков и стремлений.

Пестрота состава французского рабочего класса в эту эпоху, пестрота частных интересов и временных настроений отдельных его групп, низкий уровень сознания интересов общеклассовых - все это не могло не наложить своего отпечатка на развитие французской социалистической и коммунистической мысли. Если принять к тому же во внимание то обстоятельство, что идеологическими выразителями всех этих оттенков в социальных настроениях являлись выходцы из других, непролетарских общественных слоев, нам станет вполне понятно исключительное разнообразие социалистических и коммунистических систем, возникающих во Франции в изучаемое нами время.

Положение рабочего класса во Франции, как и в других странах на соответственном этапе промышленной революции, было весьма тяжелым. Рабочие подвергались самой жестокой эксплуатации как в тех отраслях производства, которые еще оставались на стадии мануфактуры, так и в новой, фабрично-заводской индустрии. Формально рабочий день в мануфактуре в общем был короче, однако следует иметь в виду, что здесь рабочий обычно дополнительно работал на дому, где рабочее время было ограничено лишь физическим истощением. Детский и женский труд широко применялся в домашней промышленности, из нее он перешел в мануфактуру, а затем и на фабрику. В среднем рабочий день составлял 14-15 часов с часовым или двухчасовым перерывом.

В текстильной промышленности заработная плата взрослого мужчины составляла в среднем 2 франка, женщины - 1 франк, детей старше 12 лет - 75 сантимов, моложе 12 лет - 45 сантимов. Но это средние цифры. В отдельных пунктах заработная плата бывала значительно ниже и опускалась до франка и даже до 75 сантимов для взрослого. Известный исследователь положения рабочего класса во Франции, Бюре, утверждает, что зачастую 15-16-часовой рабочий день не давал возможности рабочему выработать больше одного франка. Кризис 1827 г., поразивший сильнее всего текстильную промышленность, вызвал большое и резкое падение заработной платы (в два, три и пять раз), которая затем в течение ряда лет оставалась на этом пониженном уровне. В металлургии заработная плата была несколько выше и даже постепенно возрастала (3-5 фр.). Снижению заработной платы в текстильной промышленности способствовали английская конкуренция и массовый приток рабочих из деревни. Естественно, что при таких заработках безработица, даже временная, обрекала рабочих на полную нищету. Их существование могло в такие периоды поддерживаться только частной или общественной благотворительностью. Между тем число безработных, особенно во времена кризисов, было очень велико. По словам Прудона, в декабре 1839 г. в Париже насчитывалось 150 тыс. человек, не имевших заработка. В марте 1831 г. толпы безработных собрались у Пале-Рояля и требовали «работы или хлеба».

В первые годы рассматриваемого периода рабочее движение Франции носит еще на себе черты, характерные для времени перехода от мануфактуры и ремесла к фабричной, машинной индустрии. Рабочие восстают против внедряемых в производство машин. В 1830 г. типографщики Парижа разбили в ряде типографий механические печатные станки, забастовали и отказались возвратиться на работу в те типографии, где применялись механические станки, несмотря на чрезвычайно тяжелое материальное положение. Подобные факты имели место во многих промышленных центрах Франции. В 1831 г. рабочие разрушили машины в Тулузе, в Сент-Этьене, в Бордо. В движении против машин принимали иногда участие также мелкие ремесленники, требовавшие у властей запрещения «механического производства», лишаящего их средств существования.

Забастовки были воспрещены французским законодательством. Статья 415 Уголовного кодекса карала тюремным заключением всякое соглашение рабочих, имеющее целью одновременное прекращение работы. Тем не менее забастовки, эти естественные спутники капиталистического производства, в 1830-х годах были весьма часты. В 1832-1833 гг. две волны забастовок прошли по парижским предприятиям, причем вторая волна охватила почти всю парижскую промышленность. В те же годы бастовали шахтеры в Анзене, рабочие керамической промышленности в Лиможе и т.д.

Забастовки этого периода носили распыленный характер. В подавляющем большинстве случаев они имели узко экономические цели: повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня, улучшение условий труда в данном предприятии. Но в стачечной борьбе развивались организационные навыки, возникало сознание общности интересов пролетариата, росло число дисциплинированных профессиональных объединений как боевых организаций рабочего класса, способных руководить его стачечной борьбой. Особенное значение для идеологического и организационного роста французского рабочего класса имело лионское восстание рабочих 1831 года. Несмотря на идейную и организационную беспомощность, проявленную лионскими рабочими лионское восстание 1831 г. произвело в стране огромное впечатление. Это было первое восстание, в котором рабочий класс выступил как самостоятельная социальная сила.

Это было восстание, открывавшее новую главу мировой истории. Против потрясенной буржуазии впервые поднялся ее грядущий могильщик. Не располагая еще ни прочной организацией, ни ясным представлением о своих конечных целях, рабочий класс оказался в силах овладеть, хотя и на короткое время, одним из крупнейших промышленных центров Франции. Тревога, охватившая буржуазию при вести о победе лионских рабочих, вполне понятна. «Собственность была поставлена под угрозу в самом своем принципе», - писала французская палата депутатов в своем адресе королю по поводу восстания. А с другой стороны, понятен и тот отклик, какой должно было найти лионское восстание в умах и сердцах французских рабочих и тех немногочисленных писателей, которые были в состоянии проникнуться их интересами.

Отсутствие ясной политической программы у лионских рабочих было результатом недостаточного развития их классового сознания, оно не имело ничего общего с сознательным, теоретически обоснованным аполитизмом утопических школ. Реальная классовая борьба и ее уроки неизбежно толкали пролетариат, вопреки советам утопистов, к активному участию в политической жизни страны, к использованию для защиты его классовых интересов политических средств.

Французские рабочие имели уже большой опыт в политических боях, начиная с великой буржуазной революции конца XVIII в. и кончая июльской революцией 1830 года. Но в этих боях их революционная энергия была использована в интересах поднимающейся к власти буржуазии. Революция 1830 г., произведенная главным образом руками парижских рабочих, привела лишь к установлению господства буржуазной олигархии в самой Откровенной форме. Политическая власть перешла в руки высшего слоя буржуазии, политические права получили 188 тыс. крупнейших плетельщиков налога при 30 млн населения. Этот Исход революции не мог не способствовать росту политического сознания у передовых представителей рабочего класса. Тем не менее, при отмеченной нами выше пестроте его состава и при слабой его организованности, конечно, не могло быть в это время и речи об образовании самостоятельной классовой партии пролетариата.

Поскольку рабочие проявляют политическую активность, мы видим их в рядах республиканских политических организаций, мелкобуржуазных и интеллигентских по своему составу и по своим социальным настроениям. Конечно, участие в республиканских обществах в известной мере закрепляло в умах вступающих в общество рабочих присущие им на ранних стадиях развития пролетариата мелкобуржуазные тенденции. Но, с другой стороны, наличие рабочих в составе республиканских обществ не могло не отражаться на их программах и декларациях. Наряду с требованиями демократических свобод, всеобщего избирательного права мы находим в них требования, имеющие социальный характер.

2

Уже первое республиканское общество, возникшее после революции 1830 г., «Друзья народа» - имело в своем составе немало молодых парижских рабочих.

Официальная программа Друзей народа, сформулированная в манифесте Общества (1830 г.)¹, очень умеренна. Она целиком стоит на почве принципа частной собственности. Правда, манифест заявляет, что Общество считает своей специальной целью защиту интересов низших классов, что оно стремится к улучшению их «физического и морального положения». Однако авторы манифеста считают необходимым тут же подчеркнуть, что они отнюдь не являются безумными» утопистами и мятежными мечтателями, что они сторонники не только равенства, но и порядка. Общество, заявляют они, взывает к интересам всех трудящихся классов. Защищая дело труда, оно не стремится к разрушению собственности. Его цель - добиться более свободного развития торговли и промышленности, сокрушив общего врага - аристократию и привилегии.

Понимая необходимость обеспечить республиканской партии поддержку рабочих. Общество стремилось создать секции в рабочей среде (секции портных, секции каменщиков и т.п.), по преимуществу с пропагандистскими целями. Социальные настроения в этих секциях, естественно, были более радикальны, чем официальная программа Общества. Радикальные настроения нашли свое отражение и в некоторых документах Общества и в выступлениях отдельных его членов - не коммунистических, но все же выражающих отрицательное отношение к капиталистическому порядку. В брошюрах и листовках, выпущенных Обществом, имеются выпады против эгоизма буржуазии, против эксплуатации рабочих, даже против машин, отнимающих у рабочих хлеб.

¹ Manifeste de la Societe des Amies du Peuple. 1830, 17, 25, 27.

Весьма ярким образцом подобного рода литературы является анонимная брошюра «Au peuple». Этот документ интересен прежде всего тем, как он определяет социальную базу Общества друзей народа. Мы обращаемся, говорится в брошюре, не к тем, кто жиреет за счет слез и пота бедняков: души этих людей заражены эгоизмом и гордостью, опыт учит, что призывы к ним - напрасный труд. Наоборот, мы обращаемся только к вам, трудолюбивые люди всех профессий; к вам, без которых у высшего круга не было бы даже хлеба; к вам, ремесленники и крестьяне, с мозолистыми руками, составляющие 11/12 населения; к вам, кто трудится, производит и страдает для того, чтобы небольшое число бездельников потребляло и наслаждалось.

Со времени Директории, продолжает автор брошюры, политический строй и вся организация общества имели своей единственной целью увековечить в его недрах существование двух рас, двух больших социальных категорий: одной, состоящей из нескольких тысяч или сотен тысяч индивидов, которым законы и форма правления гарантируют почти исключительное обладание землей и национальными богатствами без какого-либо с их стороны обязательства трудиться, без условия выполнения полезной функции; и другой категории, состоящей из остальной нации, т.е. от 20 до 25 миллионов человек, отданных бедствиям и отстраненных от политической жизни. На одной стороне мы имеем радости изобилия, преимущества цивилизации и привилегии праздности; на другой - ужасы нищеты, бедствия невежества, самый тяжкий труд в сочетании с самыми ужасными лишениями. Люди, заинтересованные в сохранении этого порядка, всяческими способами старались в течение последних тридцати лет внушить общественному мнению ложные идеи относительно порядка правления.

Республике (имеются в виду 1792-1794 гг.) приходилось преодолевать невероятные трудности, чтобы выполнить свою миссию возрождения. Ее враги вероломно использовали это несчастное обстоятельство. Состоятельные и богатые классы убеждали бедных и невежественных в том, что от такого правления невозможно ждать каких-либо улучшений. Политическая борьба, которая велась в течение пятнадцати лет Реставрации, как показывает опыт, должна была, по мнению многих ее участников, лишь увеличить число счастливых на несколько тысяч семейств; судьба масс должна была остаться прежней. Между тем рабочие, эти героические пролетарии, показали свою доблесть в бою, умеренность и честность после победы (т.е. после июльских дней 1830 г.).

Пора показать народу в истинном свете свободу, которую ему «жалуют», просветить его о его истинном положении, о его интересах, научить его, как он может завоевать и сохранить свои права. До настоящего времени положение было таково, что категория привилегированных все время увеличивала свое влияние, свое просвещение и свое богатство. А вторая категория оставалась по-прежнему в рабстве и невежестве. Блага образования увеличивали моральный перевес привилегированных над народом. Милости и доходы, связанные со службой деспотизму, были неиссякаемым источником богатств для привилегированных. Доходы от индустрии, торговли, ремесел были в руках тех же людей. Ибо владелец земли и орудий труда, привилегированный, не давая никакой компенсации, получает в свою пользу наибольшую часть дохода от всего производства. Народ трудится, чтобы добыть себе то, что необходимо для сохранения его существования. Он трудится, чтобы обеспечить роскошь и безделье тех классов, которые его угнетают².

Ту же мысль о двух социальных категориях - одной, пользующейся монополией наслаждений, и второй, имеющей монополию горестей, - развивал один из авторитетных деятелей Общества. Распайль, в своей речи на «процессе 15-ти» в 1832 году. Народ, говорил Распайль, имеет несомненное право на материальное благосостояние: природа не присудила никого к смерти от нищеты. Ресурсы Франции, правильно эксплуатируемые, достаточны для удовлетворения потребностей и даже прихотей вдвое большего населения. А сейчас две трети ее населения умирают от голода, в то время как привилегированные, ничего не производя, получают наибольшую долю производимого³.

Констатируя наличие антагонизма интересов в современном ему обществе, Распайль, по-видимому, под влиянием Фурье, видит задачу в том, чтобы найти закон общественной гармонии, способ «объединения» интересов. Но его практические предложения умеренны. Он провозглашает право на труд и защищает идею регламентации минимума заработной платы: установление этого минимума он предлагает поручить жюри, составленному из предпринимателей и рабочих. Он сторонник прогрессивного налога на излишки и отмены косвенных налогов.

² Procès des Quinze, public par e Societe des Amies da Peuple. 1832. 42-43, 52-55.

³ Ibid., 68.

Он рекомендует организацию сельскохозяйственных ассоциаций. Он мечтает о том, что государство и коммуна возьмут на себя функции «банкиров» в отношении трудящихся и их ассоциаций. Социалистические тенденции, в смысле тенденций к отмене частной собственности и к обобществлению средств производства, ему чужды.

Заслуживает быть особо отмеченным одно предложение Распайля, возникшее у него, по-видимому, под влиянием сенсимонизма и развитое впоследствии более детально Пеккёром. Распайль требует установления такого порядка, при котором все должности замещались бы по конкурсу, согласно решению специальных жюри; с этим связана у Распайля идея планового «распределения труда». Правительство должно, по его мнению, обладать статистическими данными о способностях и профессиях, определять число работников, каждой профессии в соответствии с потребностями и ресурсами государства, методически распределять функции. Общественный организм должен работать регулярно, как организм индивида. Последовательное применение этих принципов ко всем отраслям труда (как это имеет место у Пеккёра), конечно, невозможно в условиях буржуазного строя. Но Распайль не делает из них революционных выводов⁴.

Значительно резче, чем Распайль, ставил проблему классового строения общества в своей речи на том же «процессе 15-ти» Бланки. Эту речь неоднократно цитировали в трудах, посвященных истории июльской монархии. Тем не менее, при характеристике социальных идей начала 30-х годов на ней нельзя не остановиться.

«Меня обвиняют в том, - начал свою речь Бланки, - что я говорил тридцати миллионам французов, пролетариям, как и я, что они имеют право на жизнь. Выдвигая такое обвинение, министерство взывает не к вашей справедливости (имеются в виду судьи. - В.В.), не к вашему разуму, а к вашим страстям и вашим интересам. Министерство стремится развязать ваше чувство мести против тех, кого вам изображают в качестве угрозы вашему существованию и вашей собственности. Я нахожусь не перед судьями, а перед врагами. Моя обязанность - обязанность пролетария, лишённого всех гражданских прав, отклонить компетентность трибунала, в котором заседают только привилегированные, не являющиеся для меня «равными» (pairs). Перед нами буржуазные противники. Наша роль - роль обвинителей, единственно приличная для угнетенных. Со скамьи подсудимых мы бросаем обвинение бесчестным людям, разорившим и опозорившим Францию».

«Министерство раскрыло перед вами, - обращается Бланки к судьям, - воображаемую перспективу восстания рабов, чтобы вызвать в вас страх, возбудить вашу ненависть. „Вы видите, - говорят вам, - это война бедных против богатых, - все те, кто владеет, заинтересованы в том, чтобы отбить нападение. Мы приводим к вам ваших врагов: поразите их, пока они не стали более страшным“. Да, господа, это война между бедными и богатыми; ее хотели богатые, ибо они являются агрессорами. Но им не нравится, что бедные оказывают сопротивление. Когда пролетарии жалуются на тяжесть налога, идущего на пользу привилегированным, их обвиняют в покушении на собственность. Привилегированные, которые живут в изобилии (grassement) за счет пота пролетариев, - это законные владельцы, которым грозит грабежом жадная чернь. Кто же эти грабители? Это 30 миллионов французского народа, которые платят полтора миллиарда государству и примерно столько же привилегированным. А владельцы - 200-300 тысяч тунаядцев, которые пожирают миллиарды, уплачиваемые „грабителями“. Мне кажется, что это - в новой форме и между новыми противниками - та же борьба, что вели феодальные бароны против купцов, которых они грабили на больших дорогах».

Бланки ясно понимает социальную роль государства. Современное правительство, говорит он, имеет своей основой несправедливое распределение тягот и доходов. Это механизм, перекачивающий средства из народа в сундуки нескольких тунаядцев. Этот порядок вещей установлен только в целях эксплуатации бедного богатым. Люди с сердцем и разумом не могут остаться равнодушными к позору их страны, к страданиям пролетариев, их братьев по несчастью. Их долг - призвать массы сокрушить иго нищеты и бесчестья. Легальные пути защиты интересов и воздействия на общественное мнение все в руках привилегированных, их нет у народа. Законы издают 100 тыс. избирателей, применяют 100 тыс. судей, исполняют 100 тыс. национальных гвардейцев. И все эти избиратели, судьи, национальные гвардейцы - один круг людей, захвативших в свои руки все функции. В руках небольшого числа привилегированных, соединенных тождественными интересами, и законодательная, и судебная, и исполнительная власть. Палаты, избранные людьми, захватившими власть, изготовляют законы, имеющие единую цель - грабеж. А что делают 30 миллионов пролетариев? Они остаются вне этой системы, они только платят. Пусть теперь народ кричит о голоде, пусть он требует, чтобы привилегированные отказались от своих привилегий, монополисты - от монополий.

⁴ В.Малон. Histoire du socialisme. Т. II-A, 22-214; I.Тchernoff. Le parti republicain, 251-255; Proces des Quinze, 68-71.

Они смеются ему в лицо. А наиболее ловкие, чувствуя опасность, которой грозит отчаяние голодных, предлагают, чтобы спастись от этой опасности, несколько облегчить их положение. Но народ не просит милостыни. Он в ней не нуждается, так как понимает, что он сам создает свое благосостояние. Он сам создаст свои законы; и эти законы, созданные им, будут созданы для него⁵.

Очень близка к выступлению Бланки по социальным тенденциям речь Плока на декабрьском процессе 1832 года. Отметим, что обе речи были напечатаны и выпущены в свет от имени Общества друзей народа. Очевидно, от высказанных в них положений руководство Общества не считало нужным или удобным отмежеваться.

Июльская революция, говорил Плок, была для людей с аристократическими привычками несправедливой случайностью, уличной стычкой, к которой сначала приспособились, чтобы потом за нее покарать. Для народа, столь долго «находившегося в отсутствии», это было возвращение к исполнению обязанностей, установление нового социального порядка. В течение долгих лет все честные люди подымали свой голос против ненавистных законов, регулирующих распределение просвещения и богатства. Общественный разум возмущается социальной несправедливостью, которая, предоставляя одним образование, благосостояние и счастье, безжалостно и навсегда замыкает других в печальном кругу невежества, лишений, тяжелого и неблагодарного труда, вечной, неустранимой нищеты.

Мы рассчитываем, что будущее устранил эту кричащую несправедливость. Мы черпали наши надежды в воспоминаниях о республике, которая боролась за восстановление уважения к пролетариям, мы ожидали с нетерпением дня освобождения. Мы ждали, что народу дадут наконец хлеб, просвещение и свободу. Все граждане должны быть призваны к общему пользованию прекрасной привилегией, до настоящего времени находящейся в исключительном пользовании состоятельных классов, - привилегией достигать богатства и счастья при помощи знания, труда и экономии. Но после июльской революции народное дело было предано. Чтобы добиться необходимых улучшений, нужна упорная борьба; это и есть задача Друзей народа.

Плок считает, что «в пределах нашей социальной конституции» нельзя найти место для таких улучшений. Он мечтает о «новом порядке». Однако ему, очевидно, не ясны ни основные черты этого нового порядка, ни пути его достижения. Цель - конституирование единой и крепкой нации, граждане которой все равны в правах и свободах. Отечество всем должно обеспечивать воспитание, должно сделать всем в равной мере доступными общественные должности и богатства в соответствии с их трудом и способностями. Различие между классами привилегированными и классами нуждающимися должно быть уничтожено. Однако Плок считает, что эта цель будет достигнута путем «примирения интересов собственников и пролетариев». Упомянутые Пломом конкретные реформы находятся целиком в пределах буржуазной «социальной конституции», и некоторые из них явно соответствуют интересам развития буржуазного порядка. Так, наряду с налоговой реформой, переносившей тяжесть налогов на богатых, наряду со школьной реформой, содействующей широкому распространению образования, мы находим у Плока требование уничтожения монополий и отмены ограничения свободы торговли и промышленности⁶.

К тому же 1832 году относится первое политическое выступление Лапоннере, впоследствии одного из участников коммунистического движения 40-х годов и издателя избранных произведений Робеспьера. В 1832 г. он был привлечен к суду в связи с прочитанными им в рабочей аудитории лекциями по истории Франции⁷. Эти лекции были проникнуты горячим сочувствием к якобинской диктатуре. Против Лапоннере было выдвинуто обвинение в том, что он стремился возбудить у слушателей и читателей ненависть и презрение к буржуазии, утверждая, что революция 1789 г. лишь сменила одну тиранию другой. Отвечая на это обвинение, Лапоннере дает в своей речи не лишнюю интереса характеристику классовых взаимоотношений в современном ему французском обществе. Он понимает, что в результате революционного процесса бывшие привилегированные оказались отодвинутыми от власти. Новая буржуазная аристократия подчинила себе и дворянство и монархию. После июльской революции, говорит он, установилась буржуазная монархия. Избирательное право было дано 150 тысячам буржуа.

⁵ Proces des Quinze, 77-85.

⁶ Proces du droit d'association, 50-53.

⁷ A.Laponneraye. Defense du citoyen Laponneraye 21 avril 1832 Paris, 1833, 4.

Но не следует думать, что реальная власть перешла в руки буржуазии в целом. При настоящем устройстве общества преуспевание обеспечено за теми, кто обладает золотом и способностями к интригам. Правящая буржуазная аристократия - это верхний преуспевающий слой буржуазии, подчиняющий себе и эксплуатирующий как массу народа, так и самую буржуазию. Таким образом, - заявляет Лапоннере, - осуждая буржуазную аристократию, я выступаю не против буржуазии, а против денежных тузов, против всемогущества финансистов. Честных и трудолюбивых буржуа я не смешиваю с этими людьми, для которых их сейфы важнее их чести и совести⁸.

Существующая система приводит к самой ужасающей анархии. Лапоннере указывает на упадок торговли, на застой промышленности, на невероятный рост налогов, на преследования прессы, аресты патриотов, беспорядки в разных частях страны, на периодические голодовки рабочих. В этой связи он отмечает историческую роль рабочих: их благородная кровь обагрила баррикады. Но, противопоставляя существующему беспорядку программу мероприятий, которые должны положить ему конец, Лапоннере не выдвигает в своем первом выступлении ни одного предложения, направленного на реальное улучшение социальных отношений, в частности на изменение положения рабочих. Его программа - программа чисто политическая. Его мечта - полное и последовательное осуществление принципа народного суверенитета, утверждение действительного господства всего народа, «деспотизма народа». Он убежден в том, что для достижения общественного благосостояния достаточно, чтобы управление немногих сменилось управлением всех, чтобы частная воля сменилась общей волей.⁹

Следующий шаг в развитии социальных идей Лапоннере можно видеть в двух «Письмах к пролетариям», опубликованных в 1833 г. В этих «Письмах» Лапоннере выступает как защитник интересов «пролетариев». Но в его понимании, как и в понимании большинства его современников, «пролетариат» охватывает всю массу трудящихся, включая явным образом и крестьян и городскую мелкую буржуазию. Французская нация, заявляет Лапоннере, явственно разделяется на 2 нации: нацию привилегированных и нацию пролетариев. Нация привилегированных - не более 1 млн. человек - владеет всеми богатствами, занимает все должности в государстве; привилегированные потребляют, приказывают и наказывают. Нация пролетариев - около 32 млн. человек - непрерывно трудится и обладает лишь тем, что строго необходимо для поддержания ее существования; все тяготы и лишения на стороне бедных, они производят, повинуются и принимают удары¹⁰.

Лапоннере заявляет, что он служит интересам пролетариев, и призывает их понять свои собственные интересы. Но его понимание интересов пролетариев и здесь, как и в защитительной речи, по существу ограничено интересами политическими. Беда народа в том, что он предоставил право составления законов и управления страной богатым, которые пользуются этим правом в своих интересах. Такой порядок называется монархией. Народ страдает от голода и холода потому, что он не пользуется своими политическими правами. Республика, обеспечив народ его права, приведет к постепенному смягчению неравенства и к подъему народного благосостояния¹¹.

Второе «Письмо к пролетариям» служит как бы дополнением к первому. Еще раз напомнив, что монархия является политической формой, вырастающей из социального неравенства, Лапоннере подчеркивает значение предрассудков как средства укрепления и той и другого. Особое внимание он обращает при этом на предрассудок, связанный с авторитетом имен, с преклонением перед именами. Этот предрассудок представляет большую опасность даже и при республике, говорит Лапоннере. Тот, кто преклоняется перед другим человеком из-за его славы писателя, оратора и т.п., не есть истинный республиканец. Не надо забывать пример Наполеона, который возвысился благодаря своим военным победам и поработил французский народ. Аристократия репутации гораздо опаснее, чем аристократия знатности или богатства. Почтение к репутации, к имени - антиреспубликанский предрассудок. Чтобы быть истинным республиканцем, нужно более справедливое распределение обязанностей и богатств, а не смена наследственного монарха избранным должностным лицом.

Возможно, что некоторые из членов Общества друзей народа шли в социальном вопросе значительно дальше Лапоннере или Бланки.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

⁸ Ibid., 8.

⁹ Ibid., p.11.

¹⁰ A.Laponneraye. Lettre aux Proletaries, Paris, 1833.

¹¹ Idem.

М., 1960

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

По полицейским данным, в некоторых брошюрах, изданных Обществом друзей народа, были прямые указания на необходимость социального переворота во имя идеала равенства. Мы имеем в виду, говорилось будто бы в одной из таких брошюр, не столько политическое преобразование, сколько социальную реформу. Расширение политических прав, избирательная реформа, всеобщее избирательное право - прекрасные вещи, но как средство, а не как цель. Наша цель - равное распределение тягот и благоденствий общества, полное установление царства равенства. Без этой радикальной реорганизации все изменения в управлении - ложь, комедия, разыгрываемая на пользу нескольких честолюбцев. Конкретной характеристики «царства равенства» мы и здесь все же не видим. Но идея подчинения политической реформе социальной выражена с большой отчетливостью. В другой брошюре того же направления, изданной в 1831 г. в связи с лионским восстанием, требование равенства обосновывается как требование естественного права. Каждый в силу велений природы имеет право пользоваться продуктами земли, необходимыми для сохранения его существования. Это право вытекает из самой настоятельной потребности. Между ним и частным присвоением возникает коллизия, которая может быть устранена лишь путем общественного соглашения. В силу действующих законов общество позволяет, чтобы богатства попадали целиком в руки немногих, тогда как оно должно было бы их постоянно дробить, чтобы часть доставалась каждому. Чтобы улучшить положение тех, кто ныне страдает, надо преобразовать человекоубийственное состояние общества. Целью преобразования должен быть такой порядок, при котором доход от труда возвращается к трудящемуся и при котором не будет людей, служащих орудиями для другого человека. Конкретных средств для достижения поставленной цели и эта брошюра не указывает¹².

Наличие у некоторых групп Друзей народа антикапиталистических, уравнилельных тенденций, наличие резкой критики классовых противоречий существующего общества представляется, таким образом, бесспорным. Но столь же бесспорным представляется и то, что четких коммунистических требований и эти группы не выдвигали. Нет их в этот период даже у будущего коммуниста Бланки. Это, конечно, не исключает возможности устной коммунистической пропаганды в отдельных секциях или социалистических выступлений в печати отдельных членов общества. Известно, что член Общества Тест (о нем нам еще придется говорить) высказывал в своих статьях взгляды, весьма близкие к бабувистским¹³. Что касается отношения к социальному вопросу руководителей Общества, то некоторое углубление и развитие положений уже упомянутого нами манифеста 1830 г. мы находим в речи одного из крупнейших республиканских вождей, Годфруа Кавеньяка, на процессе Общества в конце 1832 года. Надо иметь при этом в виду, что Кавеньяк считался среди них одним из наиболее радикальных.

Республиканская партия, говорил Кавеньяк, отнюдь не ограничивает свою задачу изменением формы правления. Как ни важны вопросы формы, дело не только в них. Республика обещает улучшение социального строя, она ведет к установлению царства равенства и к удовлетворению интересов народа. Именно это привлекает к ее знаменам тех, кто хочет служить человечеству и родине. Кавеньяк осуждает эксплуатацию. Мы хотим, заявляет он, чтобы труд не был подчинен интересу жадных и тунеядцев; мы требуем, чтобы трудящийся не был эксплуатируем капиталами (*que le travailleur ne soit pas exploité par les capitaux*). Рабочий должен получить средства «освободить свою активность».

Но средства освобождения труда Кавеньяк видит отнюдь не в уничтожении частной собственности, а во все более равномерном ее распределении. Он с удовлетворением констатирует мощь принципа собственности во Франции. Эта мощь является, по его мнению, результатом ее раздробленности, результатом продажи национальных имуществ, революционного законодательства о наследовании, роста числа собственников. Чувство собственности - естественное чувство человека. Именно поэтому необходимо, чтобы оно было удовлетворено у возможно большего числа граждан. Право собственности должно быть, однако, подчинено высшему праву общества - регулировать его применение, оно не должно приносить ущерба социальному делу. Не должно быть ни больших состояний, ни крайней нищеты. Отсутствие собственности должно быть исключением. В качестве практических мер, содействующих более равномерному распределению собственности, Кавеньяк намечает организацию общественных банков, распространение просвещения и технических навыков, справедливую систему отчисления известной доли с каждого наследства в общий фонд для распределения между пролетариями. Он считает дробление капиталов неудобным для развития промышленности. Но это неудобство должно быть компенсировано развитием рабочих ассоциаций¹⁴.

¹² Tchernoff I. Le parti republicain, p. 263-264. Чернов излагает держание брошюры по Gisquet A.J., «Memoires», 153. Оригинал мне найти не удалось, как, очевидно, не удалось это и Чернову, работавшему в парижских библиотеках и архивах. На Gisquet основывается, по-видимому, в своем изложении и Prudhommeaux J., «Icarie et son fondateur», 62-63.

¹³ Morange C. Les idees communistes, 10-11.

¹⁴ Proces du droit d'association (15 decembre 1832), 20, 22.

Известно, что Кавеньяк относился с большим почтением к Бабефу. Но коммунистическую систему Бабефа он считал узкой и коверкающей природу человека. Его социальный идеал - разновидность мелкобуржуазного эгалитаризма. В различных комбинациях мы встретим отдельные положения, выдвинутые Кавеньяком, у многих социальных мыслителей 30-40-х годов - от поздних сенсимонистов до Прудона. Общественный кредит как средство обеспечения трудящихся орудиями труда, как средство дробления капиталов; ассоциация трудящихся как средство их объединения для производств, требующих по своему характеру больших масштабов, - эти идеи отвечали в изучаемый период настроениям широких масс ремесленного пролетариата и полупролетариата, мечтавших при помощи таких мер подняться вновь до положения самостоятельных производителей, найти в них опору в борьбе против наступающего крупного капитала. В известной мере эти идеи должны были находить отклик и в мах деревенской бедноты - опутанного долгами мелкого крестьянства и обездоленных развитием капиталистической промышленности кустарей. Время июльской монархии знает ряд попыток организации производственных ассоциаций ремесленных рабочих и разного типа сельских кооперативов.

3

В конце 1832 г. Общество друзей народа прекратило свое существование. Но на смену ему тотчас же выдвинулась другая республиканская организация - Общество прав человека. Все радикальные секции «Друзей народа» вошли в состав этого Общества. Характерны для настроения их членов уже самые названия секций: «Кай Гракх», «Равенство», «Бабеф», «Священник Мелье» и т.п. После реорганизации удельный вес рабочих в Обществе вырос. По данным Жиро, сообщенным в его докладе на большом процессе Общества в апреле 1834 г., некоторые секции целиком или почти целиком состояли из рабочих: «La Montagne», «Le-bas» - из подмастерий портных, «Paix aux chaumieres», «5 et 6 juin» - из сапожников. Тенденции к социальным преобразованиям, по-прежнему не вполне определенные, все же звучат в заявлениях Общества резче, чем во времена «Друзей народа».

Программа Общества прав человека, помимо чисто политических требований (суверенитет народа, всеобщее избирательное право), содержала в себе также некоторые требования социального порядка. В выпущенном Обществом «Изложении республиканских принципов» его руководство открыто заявляло о том, что Общество примыкает к традиции Конвента и считает наилучшим выражением основных принципов, на которых должно строиться Общество, Декларацию прав Робеспьера. Своей целью Общество провозглашает равенство. Но Общество стремится не к отмене частной собственности, а к ее справедливому и моральному определению (*la propriete de chacun justement et moralement definie*). Общество обращается ко всем, кто хочет, чтобы все народы и все граждане пользовались на равных началах благами природы и бесконечным прогрессом цивилизации. Но главным образом оно надеется на поддержку тех, кто лишен избирательных прав, кто почти не пользуется покровительством гражданских законов, созданных богатыми и для богатых, кто изнемогает под бременем чрезмерного труда и общественных налогов

Авторы программы понимают необходимость наметить конкретные мероприятия, имеющие целью облегчить положение пролетариев. Было бы жестоко, говорят они, просвещать многочисленные классы пролетариев, разъясняя им их бедственное положение, и не указывать им на лучшую конституцию, способную создать прочное царство справедливости. Однако нельзя сказать, чтобы черты этой лучшей конституции были даны в программе достаточно ясно. Наиболее определенно сформулированы в ней принципы финансовой реформы. Финансовая система, которую защищает Общество, должна не только облегчить тяготы, обременяющие ныне бедных, труд, их индустрию. Она должна быть наделена ресурсами, необходимыми для того, чтобы им активно помогать. Доходы государства должны составить «социальный капитал». Государство будет впредь играть роль не должника, а заимодавца, направлять мощь социального капитала на кредитование частных лиц. Что касается реформы промышленной организации, то она будет содействовать реализации двух принципов: лучшего разделения труда, лучшего разделения продуктов. Реформа должна ускорить «эмансипацию рабочего класса», обеспечить участие разума в развитии социальных интересов. Если к этим весьма туманным обещаниям мы добавим систему общественного воспитания, внушающего молодому поколению общие идеи, совместимые с прогрессом, то мы тем самым исчерпаем все, что сказано в программе о социальных преобразованиях¹⁵.

Неясность социальной программы Общества является результатом неоднородности его классового состава и необходимости согласования различных тенденций социальной мысли. Леру, сам бывший членом Общества, различает в нем три группы, которые он характеризует, связывая их с именами вождей, следующим образом: Марра - свобода, хвост Дантона, Лебон и Виньерт - равенство; Бабеф - хвост Робеспьера; Кавеньяк - братство.

¹⁵ Expose des principes republicains, 5, 6, 11.

По-видимому, Леру прав в том смысле, что в Обществе существовала правая группировка, которая настаивала на большей осторожности в социальных требованиях и соглашалась на них очень неохотно, левая группировка, с ясно выраженными социалистическими тенденциями, наконец, центральная группировка, защищавшая программу социальных реформ уравнительного характера.

Мы знаем, что борьба внутри Общества приводила к резким конфликтам; были моменты, когда правые и левые выступали с особыми заявлениями, направленными друг против друга. В одном из таких документов, исходящих из правых кругов, члены Общества призывают к «благоразумию»: необходимо формулировать доктрины Общества так, чтобы не отталкивать никаких убеждений; не следует затрагивать интересы (очевидно, буржуазные); не следует атаковать предрассудки в лоб; неблагоприятная политика ведет к провокациям - полиция от имени Общества призывает к нападению на собственность и на торговлю. Документ, исходящий от левой группировки, выражает протест против беспринципного мира с другими партиями; не следует замалчивать принципы во имя преходящих соглашений; не затрагивать их значит уважать те социальные и политические позиции, с которыми мы должны вести борьбу во имя общих интересов¹⁶.

Стремясь не отталкивать от Общества буржуазию, все же и правая группа не могла полностью отказаться от обещания социальных реформ: рабочие и ремесленная беднота занимали слишком большое место в рядах сторонников Общества. Так, Марра, которого Леру причисляет к правым («хвост Дантона»), считал социальные реформы неизбежным следствием грядущего политического преобразования. Если бы политическая организация, к которой мы стремимся, заявляет Марра, не имела своим последствием улучшение положения бедных классов, мы перестали бы заниматься политикой. Марра критикует «промышленный феодализм» и требует более равномерного распределения тягот и благ. Как одно из средств для достижения этой цели он пропагандирует «организацию свободных ассоциаций», содействующих постепенному переходу орудий труда в руки трудящихся¹⁷.

Теоретическое обоснование для уравнительных мероприятий, предлагаемых Обществом прав человека, дает брошюра «О равенстве». Автор брошюры исходит из положения об изначальных и неотчуждаемых правах, которые присущи каждому человеку с того момента, как перед ним открываются врата жизни, об общественном порядке, установленном Провидением, но подрываемом эгоизмом и пороками. Рождаясь, каждый человек получает право на свою долю в благах земли, которые необходимы для его существования; он получает право развивать и расширять свое физическое и моральное существование. Общее благо требует, чтобы государство установило для всех граждан ту же свободу, ту же защиту, то же благосостояние. Всякое хорошее общественное установление покоится на принципе: все люди равны. Социальное равенство состоит в равном распределении преимуществ и тягот общества между его сочленами. Так как всякий работает на общее благо, то необходимо, чтобы это общее благо не оставалось пустой фразой, необходимо, чтобы оно было действительно благом для тех, кто его создает. Государство по самой природе ассоциации есть распорядитель всего имущества своих членов. Собственник - лишь хранитель части национального имущества, доверенной управлению. Подобно сенсимонистам, автор называет собственника должностным лицом, которое обязано управлять имуществом в интересах всех. Из всех этих рассуждений не делается, однако, коммунистических выводов. Сразу опрокидывать организацию собственности не следует. Надо лечить диспропорции путем прогрессивного налога, налога на роскошь и тому подобных мероприятий. А необходимым условием их осуществления является политическое преобразование. Равенство может существовать только в свободном государстве. Там, где господствует общая воля, все идет в направлении равенства, ибо каждый, голосуя за всех, голосует за себя.

И по своей аргументации и по своим выводам автор брошюры «О равенстве» явно примыкает к руссоистским традициям, однако он в то же время, несомненно, находится под известным влиянием утопического социализма. Практические предложения, сформулированные в брошюре, не расходятся с тем пониманием «эмансипации рабочего класса», которое отразилось в программе Общества; они были, надо думать, приемлемы для всех его группировок.

Более радикальную постановку социальной проблемы находим мы в выступлениях Виньерта, которого, как мы уже говорили, Леру связывает с бабувистами. Виньерт был членом руководящего комитета Общества прав человека. В августе 1833 г. он направил главному редактору либеральной газеты «Le National» письмо, в котором попытался в сжатой форме изложить свое понимание целей Общества.

¹⁶ Girod de l'Ain. Rapport fait a la cour de pairs (Arfaile du mois d'avril 1834), 97-99.

¹⁷ Об этом сообщает И.Чернов: Tchernoff I. Op.cit., 149-152. «De l'egalite». Paris, 1833. Чернов считает автором брошюры Кабе.

Письмо не было опубликовано в газете и поэтому издано отдельной листовкой¹⁸. Как сообщает в постскрипуме к тексту письма Виньерт, оно было представлено им в руководящий комитет Общества и одобрено комитетом. Таким образом, руководство Общества считало допустимой пропаганду от имени Общества выраженных Виньертом идей.

Надежда отечества на будущее человечества, говорит в письме Виньерт, находится в руках прекрасного класса пролетариев. Но пролетарии не получили образования и не читают газет. К тому же пресса подчинена монополии богатства и никоим образом не служит защите пролетариев. Средством для воздействия на массу пролетариев, для их политического воспитания является ассоциация (Виньерт имеет в виду в данном случае политическую ассоциацию, т.е. представляемое им общество). Защитники идеи братства бедны. Но отсутствие денежных средств компенсируется у них моральной чистотой, храбростью и любовью к человечеству. Христиане не имели в своем распоряжении иной силы, кроме веры в свое учение, других средств, кроме проповеди, и тем не менее эта проповедь преобразовала мир¹⁹.

Мы знаем, что основными ячейками, через которые Общество прав человека воздействовало на рабочие массы, были секции. О чем же говорят в секциях? - спрашивает Виньерт. Ответ на этот вопрос характеризует, несомненно, не только настроения, царящие в секциях, но и настроения самого Виньерта: долой все привилегии, даже привилегии рождения! Долой монополию богатств! Долой эксплуатацию человека человеком! Долой социальное неравенство! Долой эту позорную организацию, где многочисленные паразиты живут широко, ничего не делая, за счет труда своих несчастных братьев! Индивидуализм должен уступить место самопожертвованию. Не должно быть более каст - да здравствуют гармония и политическое единство! Народ хранит и обрабатывает землю, он создает все богатства, ему принадлежит право совершить справедливое распределение социальных обязанностей и благ²⁰.

В заключение Виньерт напоминает, что самые великие революции не были революциями чисто политическими. Когда политическая революция не сопровождается революцией социальной, из нее почти ничего не получается. Власть переходит из рук в руки, но народ остается в том же состоянии. Та же испорченность, те же дурные страсти, то же невежество. Чтобы закрепить в ссылке на авторитет свою отрицательную оценку общественных отношений, Виньерт заканчивает письмо цитатой из Неккера: «Все гражданские учреждения созданы для собственников - можно было бы сказать, что небольшая группа людей, разделив между собою землю, создала законы союза и гарантии против массы, как в лесу строят защиту от диких зверей».

Привлеченный к суду в связи с изданием своего письма, Виньерт в феврале 1834 г. выступил на суде с речью, в которой его социальные идеи изложены более подробно. Эта речь является одним из интереснейших документов политической борьбы изучаемой нами эпохи.

«Меня обвиняют в том, - говорил Виньерт, - что я требовал для уничтожения нищеты и угнетения масс отмены всех привилегий, уничтожения всех социальных неравенств, организации собственности в соответствии с принципами разума и морали». В ответ на эти обвинения Виньерт раскрывает перед аудиторией свою «философию общества», примыкающую, несомненно, к традициям предреволюционной общественной мысли, но в то же время отражающую новые условия, созданные развитием капиталистических отношений. Эта философия общества не лишена своеобразных черт.

Ничего нельзя сделать из ничего, заявляет Виньерт. Это верно в мире социальном, как и в мире физическом. Труд человека применяется только к материи. По принципам естественного права эта материя труда является достоянием всех²¹. Но ею овладели привилегированные классы в результате ряда узурпации и социальных несправедливостей. Если даже допустить, что это владение - законная собственность, следует ли из этого, что «собственники материи» имеют право на монопольное пользование богатствами?

¹⁸ Vignerte. Au redacteur en chef du National. Текст письма воспроизведен также в отчете о судебном процессе, который поседовал за выходом листовки в свет: Procès des citoyens Vignerte et Pagnerre.

¹⁹ Vignerte. Op.cit., 1.

²⁰ Ibid., 2.

²¹ «La matiere industrielle est le domain de tous». Procès des citoyens Vignerte et Pagnerre, 5.

Нет. Материя сама по себе не имеет ценности: она может служить потребностям человека лишь постольку, поскольку она пережила известную трансформацию. А эта трансформация производится трудом. Труд - жизнь общества. Если должны существовать привилегии, то разум требует, чтобы он!»! были установлены в пользу рабочего, который питает общество, и в ущерб бездельнику, который живет чужим потом. В действительности существует обратное. Нация разделяется на два четко различимых класса: привилегированных и пролетариев.

Привилегированные, которые узурпировали у нации ее суверенную власть, сказали: если пролетарии будут пользоваться плодами своего труда, они будут жить в изобилии и станут равны нам. Но мы можем эксплуатировать их и держать в нищете, так как мы владеем материей производства. Пролетарий, который живет только своим трудом, вынужден обращаться к нам. Воспользуемся нашим положением, чтобы навязать ему самые жесткие законы. Дадим ему средства существования лишь при условии непрерывного и чрезмерного труда, чтобы у него не было ни времени, ни возможности для образования и для борьбы за освобождение. Так возник вынужденный договор, регулирующий отношения между привилегированными и пролетариями, - договор, продиктованный жадностью и санкционированный голодом... Существующие законы о собственности имеют целью закрепить эксплуатацию трудящихся в пользу класса привилегированных. Собственность есть право пользоваться частью благ, гарантированной законом, заявляет Виньерт, пользуясь формулой Декларации прав Робеспьера. Французские законы защищают все права, кроме прав народа, уважают все виды собственности, кроме собственности бедного. Но закон, не отвечающий всеобщим интересам, недействителен и аморален.

Этой характеристике законов как средства закрепления привилегий противопоставляют утверждение, что все привилегии были отменены в 1789 и 1830 годах. Виньерт решительно протестует против такой идеализации результатов революционного движения. Что выиграли пролетарии от революции 89 года? - спрашивает он. Абсолютно ничего. Буржуазия воспользовалась ими, чтобы победить знать и духовенство, чтобы овладеть богатствами этих каст. А затем, когда некоторые захотели пойти дальше и потребовать прав для пролетариев, они были убиты²². Верно или нет, что во Франции наряду с тысячами, имеющими все в изобилии, миллионы гибнут от недостатка того, чего у других излишек? Верно или нет, что судьба пролетариев зависит от произвола богатых? Хорошо управлять своим состоянием - значит в настоящее время эксплуатировать рабочих, достигать роста их продукции, не увеличивая их заработной платы. А после того как пролетариев ограбят как наемных рабочих, их еще обируют как плательщиков налогов. Богатые, переменяв костюм, выступая под узурпированными ими титулами пэров, депутатов и т.д., возлагают на пролетариев новые жертвы во имя государственных нужд. Но государство - не короли, не аристократическое меньшинство; это - большинство, это - народ, который действительно страдает от нужды. Налоги вовсе не служат делу облегчения его судьбы. Все, что платит бедняк, навсегда потеряно для него, навсегда уходит в руки привилегированных. Между тем именно пролетарии - наши братья, равные нам по природе, лишенные всех благ воспитания, снабемые нуждой, - именно они создают все богатства, покрывают все общественные потребности, проливают свою кровь за родину. Все это делают рабочие и крестьяне; своим чрезмерным трудом они поддерживают существование неблагодарной касты, которая смотрит на них с презрением и считает своими вассалами.

Почему же, спрашивает далее Виньерт, собственность богатых пользуется таким покровительством законов, а у бедных и трудящихся классов отнимается их единственное достояние - плоды их труда? Причина этого в нашей политической конституции. Люди - по природе эгоисты; если бы законы вотировались всеми, рассуждает Виньерт несколько упрощенно, они служили бы интересам всех; но поскольку их создают представители богатых собственников, крупных капиталистов, как это происходит теперь, ясно, что они будут служить интересам аристократии. Только суверенный народ способен уничтожить эксплуатацию. Виньерт твердо убежден, что народ вскоре вступит в обладание суверенитетом. Вернув себе пользование суверенитетом, нация, состоящая в подавляющем большинстве из трудящихся, примет все действительные меры для обеспечения освобождения пролетариев и поощрения индустрии²³.

²² Proces des citoyens Vignerte et Pagnerre, 20.

²³ Proces des citoens Vignerte et Pagnerre, 6-7.

Дело организации общества - дело самого народа. Но Виньерт считает правом борцов за дело народа составить продуманное мнение о принципе социальной организации, защищать и пропагандировать это мнение. Основная цель республиканских учреждений должна состоять не в том, чтобы наполнять сундуки привилегированного меньшинства и освободить его от труда: они должны сделать благосостояние доступным каждому, чтобы для его приобретения труд был всегда необходимым и никогда - бесполезным. Освобождение трудящихся классов, которые страдают в наше время от переходящей по наследству нищеты, - самая значительная из реформ. Для достижения этой цели нужен не аграрный закон, хотя суверенный народ имеет право его принять. Нужно, чтобы республика доставила пролетариям средства для организации кооперативных ассоциаций, где их способность к труду будет использована ими самими²⁴. В заключительном слове Виньерт поясняет, что он имеет в виду перестройку на началах ассоциации не тех или иных отдельных отраслей производства, но всех отраслей. Я хочу, говорит он, чтобы индустрия была освобождена от закона заработной платы, произвольного и тиранического, и подчинена закону ассоциации, разумному и выгодному²⁵.

Виньерт не может не коснуться острого для времени промышленного переворота вопроса о машинах. Труд машин, говорит он, отнимает труд у известного числа рабочих. Это позор нашей цивилизации. Природа дала человечеству эти средства помощи физическому труду вовсе не для того, чтобы увеличить его бедствия. Надо упразднить эксплуатацию человека человеком, надо конституировать социальный порядок в интересах всех - и тогда рабочий, который сейчас разбивает машины, благословит в них великих помощников человека. Когда рабочие смогут организовать в кооперативные ассоциации и все обобществить - материалы, разум, деятельность, - тогда будут образованы громадные предприятия, оборудованные самыми совершенными машинами. Доход каждого возрастет, а рабочий день сократится вдвое; рабочий сможет использовать для самообразования, для своей деятельности как гражданина, для удовольствий то время, которое без ассоциации и машин он должен был бы целиком отдать труду. Пока действует закон заработной платы, сохраняются последние следы первоначального рабства трудящихся; только закон ассоциации их полностью освобождает.

Идея противоречия классовых интересов проходит красной нитью через все построение Виньерта. Как мы видели, именно с этой точки зрения освещает он ход и результаты французской революции XVIII в. и роль в ней буржуазии. Заслуживает внимания в этой связи также та общая характеристика, которую он дает политике буржуазии в прошлом и в настоящем. Буржуазия, заявляет он, шла много лет во главе либерального движения. Она провозглашала лозунг равенства, пока видела неравенство над собою. Одержав победу, она хочет, чтобы общество оставалось неподвижным. Она краснеет оттого, что она была плебейской, она стала аристократической и желает сохранить за собою монополии политических прав и социальных благ. Теперь лозунг равенства провозглашает пролетариат, и буржуазия, недовольная выводами из принципа, который она сама выдвинула, беснуется и напоминает о 1793 годе. Между тем, заключает Виньерт с редкой для его времени тонкостью понимания хода революционного процесса, она сама подготовила 1793 год и результатами его она одна воспользовалась.

Будущее общества зависит от народа, а не от интриг так называемых либеральных котерий. В обществе назревает революция. И эта революция, в отличие от революции 1830 г., не ограничится переменной цвета костюма господ. Прошло время, когда можно было обманывать народ. Пролетарии не забыли, как недостойно были они обмануты четыре года назад.

Виньерт верит или делает вид, что верит, в возможность мирной, бескровной революции. Для того чтобы совершить революцию, заявляет он, нам не надо гражданской войны. Республиканцы - не кровопийцы. Они хотят уничтожать не людей, а злоупотребления и привилегии. Сила республиканской доктрины в том, что она соответствует и пожеланиям благородных сердец, и настоятельным нуждам трудящихся. Республиканская пропаганда, утверждает Виньерт, наносит правительству смертельные удары, и его положение становится невозможным. Однако вместо того, чтобы это признать, правительство пытается спасти существующий порядок при помощи исключительных законов. Они стремятся отнять у народа право ассоциации, надеть намордник на прессу, уничтожить суд присяжных, лишить республиканцев легальных способов борьбы. Ну что же, заканчивает Виньерт свою речь, если правительство подымет руку на эти последние завоевания Июля, мы атакуем его уже не речами, не брошюрами, а с оружием в руках.

²⁴ Ibid., 8.

²⁵ Ibid , 20.

Вряд ли будет правильно, следуя за Леру, причислять Виньерта к бабувистам, хотя известное влияние на него бабувистской пропаганды весьма вероятно. Представление Виньерта о будущем обществе как совокупности ассоциаций весьма далеко от бабувистской «национальной коммуны» с ее чертами «централизма» и «грубой уравнительности». Не находим мы у Виньерта и характерной для бабувизма идеи революционной диктатуры. С другой стороны, от сенсимонистов и фурьеристов Виньерта отделяет прежде всего идея классовой борьбы и идея политической революции как средства социального преобразования. Мы не имеем данных, непосредственно свидетельствующих о влиянии Виньерта на последующие поколения представителей социалистической мысли (например, на Л.Блана). Но на формирование классового самосознания французского пролетариата пропаганда Виньерта и других, подобных ему, левых деятелей республиканского движения 30-х годов оказывала, несомненно, не меньшее воздействие, чем пропаганда современных им представителей более широко известных утопических школ²⁶.

4

Важнейшим фактом в истории распространения во Франции 30-х годов традиций бабувизма было, несомненно, появление в 1828 году книги Буонарроти «Conspiration pour l'Egalite dite de Babeuf»²⁷. Это одно из наиболее значительных произведений домарксовской коммунистической литературы. Видный деятель бабувистского движения конца XVIII века, Буонарроти больше чем кто-либо другой содействовал своей книгой восстановлению подлинной истории движения и подлинного идейного облика его руководителей. Его книга - не только рассказ об одном из важнейших моментов в истории французской революции, но и прекрасное изложение основных принципов коммунизма на той ступени его развития, которой он достиг к концу революции. Книга Буонарроти в весьма удачной форме рассказа об исторических событиях популяризировала идеи социальной революции, революционной диктатуры трудящихся, ликвидации частной собственности и организации Национальной коммуны. Большое значение для успеха книги имело то обстоятельство, что Буонарроти снабдил свое произведение рядом подлинных документов, освещающих как принципиальные основы бабувизма, так и те практические мероприятия, которые бабувисты предполагали провести в случае успеха задуманного ими восстания.

Известную роль в пропаганде коммунистических идей сыграл также в изучаемые нами годы Войе д'Аржансон. Потомок старого аристократического рода, давшего ряд крупных деятелей дореволюционной Франции, Войе д'Аржансон занимал пост префекта при Империи и был членом палаты депутатов при Реставрации и в первые годы Июльской монархии. Как и Виньерт, он принадлежал к руководству Общества прав человека. Д'Аржансон был весьма близок с Буонарроти. Влияние на д'Аржансона этого ветерана коммунистического движения вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Еще более близок был д'Аржансон с бабувистом Тестом, другом Буонарроти и его постоянным парижским корреспондентом в годы Реставрации. Тест помогал д'Аржансону в издании его брошюры «Boutade d'un riche a sentiments populaires» (он и придумал это название) и вместе с д'Аржансоном был привлечен к суду за ее публикацию

Для д'Аржансона, как и для его учителей - мыслителей XVIII века - дело организации Общества (или иначе: искусство жить в политическом обществе) есть дело знания. Как и всякое другое знание, и это знание является результатом опыта ж наблюдения. Как и все знания, это знание прогрессирует. Отсюда следует, что политическое общество, как и все другие виды ассоциации, подчинено закону совершенствования. Правда, развитие науки об обществе отстает от развития других наук, ибо его задерживают тысячи интересов, тысячи различных страстей. Тем не менее д'Аржансон твердо верит, что настанет момент, когда одна из наций (д'Аржансон отказывается сказать какая) покажет другим нациям образец социального строя, конституированного в соответствии с его истинными элементами. Одним из таких элементов д'Аржансон считает, примыкая к социальной философии XVIII в., природу человека; вторым является физическая природа той территории, на которой данный народ живет²⁸. Надо отметить, однако, что мысль о конституирующем значении физической природы страны - мысль, очевидно навеянная теорией Монтескье, - не находит у д'Аржансона никакого развития.

²⁶ Следует отметить, что Виньерт после ареста и 6 лет эмиграции отошел от взглядов своей молодости и во время революции 1848 г. оказался в лагере правых.

²⁷ Ph.Buonarroti. Conspiration pour l'Egalite dite de Babeuf. Bruxelles, 1829 Основные принципы бабувизма изложены нами в предыдущем разделе нашей книги.

²⁸ Robiquet Buonarroti, 166 ss. d'Argenson Discours et opinions, vol.II, 86-90.

Всякое богатство, говорит д'Аржансон в своем памфлете «Boutade dun riche», происходит от труда и не может иметь другого происхождения. Нет ни одного естественного продукта, который не требовал бы труда, чтобы быть пригодным к употреблению. Если я хочу съесть плод, я должен сорвать его. Сумма ежегодного продукта, произведенного трудом, разделяется на три части: проценты на капитал, арендная плата за землю, заработная плата. Предположим, не стремясь к особой точности в исчислении, что валовая стоимость продуктов, произведенных трудом французского населения за год, составляет 8 миллиардов. Если из тридцати с лишним миллионов населения Франции вычесть богатых, чиновников, стариков и больных, женщин, которые не в состоянии работать, и детей, мы найдем, что число трудящихся составляет, самое большее, пятнадцать миллионов. Если мы предположим, далее, что каждый трудящийся в среднем зарабатывает в год 400 франков, что, несомненно, выше действительного заработка, то получается, что на заработную плату идет всего 6 миллиардов. Таким образом, владельцы земли, домов и капиталов изымают из валового продукта труда в свою пользу не менее четверти всей суммы. Эта четверть с каждым годом увеличивает достояние богатых и бездельников²⁹.

Но это еще не все, продолжает д'Аржансон. Трудящиеся содержат на свою заработную плату ту часть женщин, стариков и детей, которую они обязаны содержать по законам морали. Далее. Нация тратит приблизительно 1200 миллионов на общественные нужды. Вы думаете, что богатые платят свою часть этой суммы? Нет, они не так глупы. И к той арендной плате, которую они взимают, и к той цене, которую они требуют за продукты, они прибавляют соответствующую часть причитающегося с них налога и даже немного больше, чтобы не ошибиться. Богатые не платят налога. Наоборот, они делают из него источник нового дохода. Одни из них говорят другим: мы продаем свой хлеб за такую цену, которая покрывает его себестоимость, плюс арендная плата за нашу землю, плюс падающий на нас налог и еще немножко сверх этого. Но вы могли бы помочь нам получить больше. Скажите, что надо поддержать сельское хозяйство, и наложите пошлины на импортный хлеб. Мы будем тогда продавать хлеб еще дороже и отберем у народа таким образом часть той заработной платы, которую мы вынуждены платить ему за его труд, что очень неприятно. Охотно, отвечают другие, те, которые продают скот или лес, или сахар, или шелк, но с тем, чтобы вы помогли и нам поднять цены на наши продукты. Мы разделим доходы, которые принесет нам эта честная операция за счет заработной платы этого чертова народа. Если учесть еще те суммы, которые извлекаются из карманов бедняков посредством ломбарда, ростовщичества, учесть, что наборы также падают своей тяжестью главным образом на бедняка; если учесть те преступления, которые вызываются контрастом между изобилием и нищетой, привилегиями и несправедливостью; если высчитать в деньгах, во что обходятся бедным судебные издержки, поборы администрации и полиции - невольно спрашиваешь себя: да может ли еще что-либо остаться у трудящихся из их заработной платы, остается ли у них хоть треть из тех шести миллиардов, которые так щедро за ними оставили?³⁰

Общественный строй, при котором одни приобретают и сохраняют богатства без труда, а другие страдают от чрезмерного труда и не получают за него достаточного вознаграждения, - строй порочный и чреватый политическими смутами. В основе этого строя лежит право собственности, как его понимают в современном состоянии нашей цивилизации. В том законодательстве, которое определяет право собственности, все искусственно, почти всегда ложно³¹. Всеобщее богатство растет из года в год. Но вся существующая система ведет к концентрации богатства и привилегий собственности в руках немногих. Нет ни одного положения в наших законах - уголовных, гражданских, административных, финансовых, - которое не содействовало бы росту неравенства социальных условий.

Всякое богатство происходит из труда, повторяет д'Аржансон в своей защитительной речи на суде по поводу издания той же брошюры, «Boutade dun riche», и тем не менее при полной очевидности этой истины только труд не представлен в механизме наших политических властей. Первое и почти единственное условие получения политических прав первого ранга - это быть бездельником. Всякое богатство происходит из труда; и тем не менее эта собственность, самая священная из всех, рассматривается как некое общественное достояние, в котором каждый черпает не пропорционально тому, что он в него вносит, а пропорционально своей власти и капиталу. Закон заботится не об интересах трудящихся, а об интересах владеющих.

²⁹ Boutade d'un riche a sentiments populaires. 1-2.

³⁰ Boutade d'un riche, 3-4.

³¹ Discours et opinions T.II, 281.

Д'Аржансон решительно отвергает теорию, признающую собственность естественным правом. Право владения без гарантии этого права со стороны общества, право, предшествующее общественному договору, он считает чистой абстракцией. Не может также, по его мнению, неприкосновенность частной собственности основываться на моральных обязательствах, вытекающих из договора. Д'Аржансон считает фикцией и высмеивает «общественный договор», будто бы санкционировавший принадлежность орудий труда небольшому числу и обязавший большинство отдавать свои силы работе на меньшинство. Последний аргумент в защиту неприкосновенности частной собственности - это аргумент от труда, который считается наиболее убедительным. Защитники права частной собственности выводят его из права трудящегося на продукт его труда. Но разве та часть общего богатства, которую вы считаете своей, спрашивает д'Аржансон, создана действительно вашим личным трудом? Разве вы обработали это поле собственными руками? Разве вы сами построили этот дом? Все виды богатства являются в большей своей части результатом, непосредственным или косвенным, труда ваших ближних³².

Все частные владения без исключения происходят из насилия или обмана: насилия вооруженного или насилия деспотической власти; обмана при помощи законов, которые никогда не были свободным выражением общей воли. Законы, устанавливающие будто бы права, вытекающие из наследования, из давности, продиктованы господами или, самое большее, уполномоченными привилегированных классов. Труд, который создал ваши богатства, обращается д'Аржансон к собственникам, мог стать вашим лишь в силу рабства, серважа, лишь после неравной борьбы работников, лишенных всякой защиты законов, против привилегированных монополистов, определяющих заработную плату трудящихся мерой своей ненасытной жадности.

Собственность в ее настоящем состоянии, делает вывод д'Аржансон, лишена всякого законного основания, не защищена никакой моральной санкцией. Существующий строй связан своим происхождением со строем феодальным, который в настоящее время вновь восстанавливается при посредстве привилегий, монополий, государственного долга, подачек придворным и т.п. Революционные собрания конца XVIII в. приобрели, по мнению д'Аржансона, право на признательность потомства прежде всего тем, что они заметили несправедливость неравенства и сделали первые шаги в борьбе с ним³³. Революция была не преступным переворотом, совершенным мятежниками и интриганями: она имела целью реализацию принципов справедливости и равенства, предписанных нам философией и религией. Ее дело не было завершено: доказательством являются лишения трудящихся и роскошь богатых. Цель революции не достигнута. У наших отцов не было достаточного понимания, чтобы искоренить зло, не было достаточно сил, чтобы удержать власть. Последовавшие тридцать лет реакции искалечили все, что успела сделать революция. Надо возобновить и довершить это прекрасное дело³⁴.

В последнем дошедшем до нас произведении д'Аржансона - в проекте его защитительной речи на процессе Общества прав человека - д'Аржансон дает более детальную и более реалистическую характеристику французской буржуазной революции. Когда революция 1789 г., говорит он, разделалась с абсолютной властью, с феодальным режимом, она провозгласила равенство. Но равенство осталось пустым словом для большинства французов. Большинство Учредительного собрания, составленное из легистов или владельцев земли и владельцев капиталов, вложенных в торговлю и промышленность, ясно видело те злоупотребления, на которые жаловались представляемые ими классы. Многие злоупотребления были отменены. При этом собственность получила бесплатный дар в форме ликвидации десятины и феодальных прав. Пока Учредительное собрание шло по этому пути, оно не стеснялось нарушать то, что называется приобретенными Правами, если эти права противоречили законам вечной справедливости. Но Учредительное собрание не выполнило своего долга отношению к большинству населения, живущему трудом своих рук. Оно должно было провозгласить права, сущность которых резюмируется в одном слове «равенство». Власть, выражающая суверенитет народа, не выполняет своего долга, если у, она не ставит себе целью установить равенство. Ибо закон равенства - закон вечной справедливости. Утвердив право собственности как право, предшествующее социальному договору. Учредительное собрание совершило ошибку. Признание собственности естественным правом служит прикрытием эгоизму в его сопротивлении мерам, направленным к улучшению участи тех классов, которые живут трудом своих рук, которые обрабатывают землю и защищают ее³⁵.

³² Discours et opinions. T.II, 285-286.

³³ Ibid. 139

³⁴ Ibid., 312-314.

³⁵ Ibid., 458-460.

В чем же должно выразиться завершение дела революции? Д'Аржансон неоднократно возвращается к этому вопросу и каждый раз подчеркивает, что речь здесь идет отнюдь не о частичных улучшениях, вроде реформы налоговой системы, которую он подвергает столь резкой критике. Он не верит в политику постепенного преобразования путем ряда компромиссов с существующим злом. Он вообще против тактики компромисса. Когда Галилей доказал неподвижность солнца, говорит он, многие, поверив ему, не говорили об этом из страха перед инквизицией. Но никому не приходило в голову смягчать власть и внедрять постепенно истину, утверждая, что земля в зависимости от обстоятельств то вращается, то не вращается³⁶.

Завершить революцию - значит совершить полную перемену всех условий существования «рабочих классов»³⁷. Это единственная цель, которая может оправдать революцию. В революции следует стремиться к возможно более полному единообразию для всех граждан приходящихся на их долю трудов и наслаждений: для предпочтения одного класса другому нет никаких оснований³⁸.

Д'Аржансона отнюдь не останавливает то соображение, что для достижения такого реального равенства нужно будет произвести экспроприацию. Общественное богатство состоит из совокупности индивидуальных богатств. Может ли социальное целое, спрашивает д'Аржансон, во имя равенства распоряжаться частным богатством, не нарушая морали? Он дает на этот вопрос недвусмысленный ответ: право общества на собственность его членов неограниченно. Если общество может потребовать для своего блага жизнь каждого из своих членов, то с еще большим основанием может оно распоряжаться его частной собственностью, если этого требует общее благо или если полезность такого решения признает прогрессивная социальная наука³⁹. Владение естественными ресурсами, как и всеми накопленными богатствами, есть лишь пожалование со стороны общества, и закон всегда может его отменить⁴⁰. Земной шар принадлежит всему человеческому роду, и никто не может претендовать на исключительное владение его частью, если на то нет свободного согласия всех⁴¹. Догма справедливости и равенства, вытекающая из высшей морали, не считается с тем, что коварство и насилие наименовали приобретенными правами⁴². Д'Аржансон понимает, что радикальное изменение социальных отношений в сторону лучшего распределения социальных фондов вызовет некоторые «беспорядки». Но эти беспорядки для него несравненно лучше существующего «порядка»⁴³.

«Вся моя политическая, моральная, я мог бы почти сказать - религиозная жизнь может быть выражена единственным словом - равенство, - говорил д'Аржансон в речи в палате депутатов 6 января 1834 года. - Ближайшая цель - равенство политических прав, конечная и постоянная цель - равенство социальных условий»⁴⁴. Исходя из принципа равенства, общество должно будет произвести глубокий, всеобъемлющий пересмотр социальных отношений (*une revision sociale profunde*)⁴⁵.

Законным результатом революции должно быть, по мнению д'Аржансона, введение всех граждан без различия в реальное владение равной частью богатства, которым может располагать социальный организм, возможное нивелирование социальных условий⁴⁶. Иногда д'Аржансон говорит под явным влиянием сен-симонизма о необходимости такого справедливого распределения, при котором каждый получал бы долю продуктов, пропорциональную его труду и способностям⁴⁷.

Все эти разбросанные в произведениях д'Аржансона отдельные замечания не дают возможности полностью восстановить, к каким формам общественной организации должен, по его мнению, привести «социальный пересмотр». Вряд ли можно предполагать, что у него не было по этому вопросу определенного мнения; гораздо вероятнее, что он считал нецелесообразным это мнение высказывать. В его заметках, опубликованных лишь после его смерти, намечено одно мероприятие, имеющее целью, очевидно, устранение вопиющей нужды трудящихся. Это единовременная передача каждому члену общества такой доли общественного богатства, какая необходима для сохранения его существования и удовлетворения его потребностей. Но этот частичный передел имущества характеризуется самим д'Аржансоном как первый шаг предстоящего преобразования. О дальнейших шагах д'Аржансон ничего не говорит.

³⁶ Ibid., 87.

³⁷ Ibid., 257.

³⁸ Ibid., 284.

³⁹ Ibid., 280-281

⁴⁰ Ibid., 321.

⁴¹ Ibid., 289.

⁴² Ibid., 313.

⁴³ Ibid., 387.

⁴⁴ Ibid., 400-401.

⁴⁵ Ibid., 371.

⁴⁶ Ibid., 348.

⁴⁷ Ibid., 276.

Точного определения будущего общества как общества коммунистического мы в его опубликованных произведениях не находим.

В первые месяцы после июльской революции д'Аржансон полагал, что необходимые социальные преобразования будут осуществлены без новых переворотов властью, вышедшей из революции. В это время он думал, что именно июльская революция призвана завершить дело, начатое революцией 1789 года. Но вскоре он понял беспочвенность своих надежд и в одном из своих более поздних выступлений открыто признал эту ошибку. Опыт политической борьбы 1830-1831 гг. научил его более трезво, более реалистически оценивать действующие в обществе силы. Возможно, что этой эволюции во взглядах д'Аржансона содействовало усилившееся в эти годы влияние на него бабувистских идей.

Почему законодатели проявляют столько заботы о владеющем классе, говорил д'Аржансон в своей уже цитированной нами речи на суде, почему они забывают о том, что нужно трудящимся? Потому что в природе человека присваивать все, чего он может достигнуть, и останавливаться только перед силой, равной его силе. Ждать от класса, который владеет сейчас избирательным правом, чтобы он поделился с теми, за чей счет он получает свои доходы, - значит убаюкивать себя пустыми мечтами. Единственная сила, на которую теперь рассчитывает д'Аржансон, - это сам народ. Что же должен сделать народ для улучшения своего положения? Поскольку д'Аржансон понимает, что господствующие классы добровольно не откажутся от своих политических и социальных позиций, очевидно, единственным выходом из положения является для народа восстание. Мы уже знаем, что д'Аржансон считает законной революцию во имя улучшения положения народа. Правда, даже в самом резком из своих выступлений - в брошюре, за которую его судили, - он не призывает народ к восстанию. Однако вся его аргументация исходит из предположения о восстании. «Вы пренебрегаете, обращается д'Аржансон к народу, всеми своими обязанностями по отношению к богу, к себе самим, к вашим женам и особенно к вашим детям, если после восстания, сопровождающегося успехом, вы оказываетесь настолько малодушными или настолько невежественными, что ограничиваетесь требованием повышения заработной платы или улучшения тарифа. Если вы оставите за богатыми право одним делать законы, какие бы уступки они вам ни сделали, они сумеют отобрать их у вас и даже с процентами»⁴⁸.

Как видим, в приведенном отрывке речь идет не о том, нужно или не нужно восстание, а о том, чего должен добиться народ в результате восстания, представляющегося как бы неизбежным. Восставший народ не должен ограничиваться частичными экономическими уступками: он должен отнять у богатых политическую власть («право делать законы»). Переход власти в руки народа д'Аржансон представляет себе, как мы знаем из других его работ, в форме установления всеобщего избирательного права. Он убежден, что всеобщее избирательное право приведет к тому, что будут выработаны законы, отвечающие интересам народа. Только такие законы, вотированные всеми в интересах всех, могут быть признаны действительными законами⁴⁹.

Мы не находим у д'Аржансона четко сформулированного указания на ведущую роль рабочего класса в предстоящем перевороте. Мы вообще не находим у него попыток классовой характеристики составных частей той массы, которую он именуется обычно «народом», «трудящимися» и т.п. И все же не подлежит сомнению, что, обращаясь к народу, он обращается в первую очередь к пролетариату, хотя этого термина и не употребляет. Ведь только к пролетариату могут относиться предостережения не ограничиваться требованием повышения заработной платы или изменения тарифов. Очевидно, д'Аржансон ждет, что именно рабочий класс будет основной силой переворота. Однако д'Аржансон совершенно не в состоянии понять связь политической борьбы пролетариата с его борьбой за улучшение экономических условий. Противопоставляя политическую борьбу экономической, он видит в последней лишь нецелесообразную трату сил. «Когда я вижу, - говорит он, - как народ восстает, чтобы потребовать „жалкого" увеличения заработной платы; как он идет навстречу жестокостям законов, изобретенных против него аристократами, подымая, как говорят в Анзене, мятеж четырех су; как он организуется в Париже, чтобы заставить хозяев принуждать рабочих к труду на несколько четвертей часа меньше; как он проливает кровь в Лионе из-за жалкого улучшения тарифов, - я не могу не испытывать глубокого чувства печали и сострадания»⁵⁰.

⁴⁸ Boutade d'un riche, 6.

⁴⁹ Discours et opinions, T. II, 370-371.

⁵⁰ Boutade dun riche, 1.

При всем радикализме воззрений д'Аржансона его нельзя отнести к последовательным и правоверным бабувистам. В его социально-политической концепции, как она вырисовывается на основании его опубликованного литературного и ораторского наследия, имеется некоторая недоговоренность в вопросе о конечной цели социального переворота.

Следует, впрочем, отметить, что полной ясности и последовательности в пропаганде коммунистической концепции Бабефа мы не находим в изучаемый нами период даже у такого сторонника бабувистских идей, каким был, по-видимому, уже упомянутый нами Тест, который издал в 1833 г. «Проект республиканской конституции» - единственное сколько-нибудь крупное его произведение. Совершенно естественно, что в работе, посвященной конституции, наибольшее внимание автора привлекают вопросы политического устройства. Но изображаемый им политический строй служит определенной социальной цели, и этой цели Тест не скрывает. Республика для него - средство осуществления общего благосостояния, обеспечиваемого реальным равенством⁵¹. Во имя общего благосостояния республика должна гарантировать каждому доступные средства для лишения тягот существования и для развития его способностей. Все граждане независимо от различий в их силах, имеют равные права на эту гарантию: равенство - основной закон общества⁵². В благоустроенном обществе труд составляет общественную обязанность праздность - преступление. С другой стороны каждый имеет равное право на труд или на существование. Для того чтобы общество могло выполнять свои основные функции, народ должен располагать верховным правом на все находящиеся на его территории имущества, правом регулировать их распределение. Исходя из этих общих положений. Тест определяет право собственности как право на имущество, присвоенное индивиду законом, - право, ограниченное правами других индивидов. Государство обязано использовать находящиеся в его распоряжении средства - в том числе систему налогов - для борьбы против не равенства в распределении имущества и против бедности. Право государства на ту часть доходов граждан, которая выходит за пределы строгой необходимости, Тест считает бесспорным. Пользуясь этим правом, государство должно образовать особый фонд для помощи несчастным и для устранения нищеты.

Как мы видим, в проекте Теста нет характерного для коммунистической традиции осуждения частной собственности, нет противопоставления ей собственности общественной. Он говорит лишь об установлении границ права собственности и о возможностях ее перераспределения. Формулировки Теста в этом вопросе, несомненно, скорее напоминают формулировки Декларации прав Робеспьера и Проекта корсиканской конституции Руссо. Не случайно Тест ссылается на конституцию 1793 г. как на образец которому он следовал при составлении своего проекта⁵³. Интересно, что конституция 1793 г. не отвечала, по мнению Теста подлинным идеалам большинства Конвента; это большинство отказалось от полного раскрытия своих целей, чтобы не вызывать излишнего раздражения своих противников. В общем «Республиканскую конституцию» Теста можно рассматривать как некоторый шаг назад по отношению к четким в социальном отношении проектам бабувистов. Стоит остановиться в этой связи на имеющемся в конституции Теста плане создания большого «общественного домена», отдаленно напоминающего «национальную коммуну» бабувистов. Общественный домен должен, по словам Теста, помочь устранению социальной несправедливости, содействовать поддержанию равенства. В состав домена входят как земли, так и капиталы. Точного ответа на вопрос о том, какие именно земли и какие капиталы передаются общественному домену, мы у Теста не находим. Нет у Теста также никаких указаний на коллективную организацию труда во владениях домена. Наоборот, Тест предполагает сдачу земель и предприятий домена в аренду или в наем отдельным гражданам. Возможно, что эта идея индивидуальной аренды отражает влияние на Теста учения сенсимонистов, устанавливавших в своем идеальном обществе верховную собственность государства на орудия и средства производства, но предполагавших, как и Тест, сдачу их государством отдельным лицам как бы на правах феода⁵⁴. Сдавая земли или предприятия в аренду, государство тем самым создает обширные кадры сельских хозяев и промышленных предпринимателей, которые, полагает Тест, будут служить надежной опорой нового порядка⁵⁵.

⁵¹ Ch. Teste. *Projet de constitution republicaine* Paris, 1833, 5.

⁵² *Ibidem*.

⁵³ *Ibid.*, 7.

⁵⁴ *См Doctrine de Saint-Simon Exposition* Paris, 1924, 120.

⁵⁵ Ch. Teste *Projet* ., 28, 56.

На политических взглядах Теста влияние бабувизма сказывается более определенно. Организация нового общества, основанного на принципе равенства, возможна, по его мнению, лишь в результате революционного переворота. Восстание против тирании он считает актом добродетельным. Для того чтобы установить в обществе порядок равенства, необходима революционная диктатура, обеспечивающая единение всех сил для борьбы с внешними и внутренними врагами. Осуществление последовательно демократических учреждений, которые изображает Тест в своем проекте, станет, по его мнению, возможно лишь после некоторого переходного периода. Даже и в утвердившейся окончательно демократии Тест считает необходимым сохранить некоторые традиции революционной диктатуры. В политической структуре его идеального общества имеется своеобразное учреждение - Совет хранителей (идея, отвечающая бабувистской традиции). Первоначальный состав этого учреждения назначается революционным правительством; в дальнейшем Совет сам пополняет свой состав, выбирая новых членов из числа намеченных народом кандидатов. Задача хранителей - защищать основные принципы конституции. Хранители имеют право налагать задерживающее вето на новые законы, не соответствующие основным принципам государства. Они имеют право смещать должностных лиц, действия которых они находят вредными для народа. В случае необходимости они могут отстранять даже членов высшего исполнительного органа республики. Следует, однако, отметить, что диктаторские полномочия хранителей также имеют пределы: хранители могут быть отстранены решением большинства народных собраний страны (комиций).

Наряду с институтом хранителей в конституции Теста предусматривается еще одна организация, как бы содействующая хранителям в выполнении их функций. Эта организация - Комитет реформаторов. Полномочия реформаторов весьма обширны. Они наблюдают за поведением граждан, вызывая их в случае надобности к себе для увещевания, могут лишить граждан на некоторое время политических прав, даже права публично высказывать свои мнения.

Основными принципами внешней политики республики Тест объявляет братство и взаимопомощь народов. Народ, освободившийся от тирании, должен помогать всем другим народам, ведущим борьбу за свое освобождение. Союз между свободными народами вытекает из их естественного права. Однако республика отнюдь не должна вмешиваться в дела других стран, даже в целях их освобождения. Она не должна также провоцировать народы на восстания обещанием своей помощи. Такое восстание может оказаться преждевременным и только ухудшить положение угнетенного народа⁵⁶.

Свое отношение к проблеме труда и богатства Тест выразил с большой яркостью в выступлении на процессе д'Аржансона. Д'Аржансон выдвинул в своем произведении аксиому политической экономии: труд есть источник богатства. Кто может возражать против этой истины? Если ее провозглашение - преступление, то в этом преступлении виновен и я, заявивший в своем недавно опубликованном произведении, что праздность - воровство (*larcin*). Если сказать, что большая часть труда идет на то, чтобы увеличивать состояние того, кто не трудится, можно ли этот факт оспаривать? Говорить о том, что является самоочевидным, не может составлять преступления⁵⁷.

Во введении к своему проекту Тест сообщает, что проект был произведением в известном смысле коллективным, что его положения обсуждались на собраниях некоторой группы лиц, сочувствовавших его принципам. Кто входил в эту группу. Тест не говорит. Для нас это указание Теста представляет все же известный интерес. По-видимому, речь идет о группе республиканцев, сочетавших верность принципам 1793 г. с живым интересом к коммунистическим традициям бабувизма. Весьма вероятно, что существование этой группы было как-то связано с пропагандистской деятельностью Буонарроти. Во всяком случае сообщение Теста не лишено интереса, хотя и требует дальнейших исторических изысканий. Бутон в своих воспоминаниях говорит о «школе Теста»; ученики Теста принимали впоследствии участие в движении 12 мая 1839 г. Тот же Бутон приводит слова одного из этих учеников (без ссылки на источник). Французский народ, говорил этот последователь Теста, выдвинул Монтеня, Бодена, Морелли, Руссо, Робеспьера, Бабефа, Буонарроти, совершил революцию, создал Конституцию 1793 г. и идею коммунизма; он вполне подготовлен к пониманию идеи конституции, основанной на равенстве. Из этого не следует, что народу лишь остается ждать благоприятных обстоятельств для осуществления доктрины коммунизма. Необходима дальнейшая разработка доктрины и ее популяризация, чтобы превратить ее принципы из прекрасной мечты отдельных философов в убеждение всего общества.

⁵⁶ Ch. Teste. *Projet...*, 49.

⁵⁷ V. Bouton. *Profils revolutionnaires*. 25.

В устной пропаганде, которую Общество прав человека вело в рабочей среде, уравнивательные и коммунистические тенденции выступали, по-видимому, значительно резче, чем в литературных произведениях, выпускавшихся Обществом. Возможно, что отдельные представители Общества, принадлежавшие к его левым группам, далеко выходили за пределы официальной программы Общества, толкуя уравнение имуществ как «искоренение буржуазии»⁵⁸. Руководители Общества, во всяком случае, таких лозунгов не давали. С другой стороны, желание привлечь на свою сторону рабочих заставляло республиканцев занять определенную позицию по отношению к их нуждам сегодняшнего дня (повышение заработной платы, сокращение рабочего времени). Высказываясь за удовлетворение этих нужд и защищая право рабочих на организацию, республиканцы не были единодушны в своем отношении к стачечной борьбе. Многие из них, как мы видели на примере д'Аржансона, не одобряли стачечной борьбы, считая, что она отвлекает от борьбы политической. Однако в Обществе, по-видимому, были также люди, правильнее оценивавшие значение стачек и считавшие необходимым подчинить стачечное Движение своему влиянию.

24 ноября 1833 г. Общество в разосланном им обращении к секциям заявляло по поводу стачек: «Мы все приветствовали попытки рабочих улучшить свое положение и сокрушить ярмо своих хозяев - эксплуататоров». В том же году в Обществе была организована комиссия пропаганды, которая была тесно связана с рабочими во время подъема стачечного движения в Париже осенью 1833 года. Полиция считала комиссию ответственной за стачки и в начале декабря арестовала ее членов, что привело, по мнению префекта полиции Жиске, к прекращению движения. Члены комиссии отрицали выдвинутое против них обвинение, но были признаны виновными и приговорены к заключению⁵⁹.

Данные об успехе пропаганды Общества прав человека среди рабочих противоречивы. По-видимому, этот успех был больше в старых промышленных центрах (Париж, Лион) и очень невелик среди индустриальных рабочих Севера⁶⁰. Во всяком случае, следует признать, что в росте политического самосознания французских рабочих деятельность Общества прав человека, в особенности его левых групп, сыграла значительную роль. По-видимому, распространению коммунистических идей немало способствовала упомянутая нами выше комиссия пропаганды⁶¹.

5

1834 год явился поворотным пунктом в истории республиканской партии и в истории политического воспитания французских рабочих. Общество прав человека имело своей целью не только политическую пропаганду, но и мобилизацию сил для борьбы с Июльской монархией. Полного единства представлений о методах этой борьбы в Обществе не было. Но провокационно-агрессивная политика правительства Луи-Филиппа, систематически закрывавшая все возможности легальной борьбы, неизбежно должна была усилить влияние сторонников вооруженного восстания над сторонниками легализма.

В 1834 г. восстание произошло. Непосредственным толчком к нему послужило новое движение лионских рабочих. Оно явилось как бы сигналом к выступлениям республиканцев в ряде других провинциальных городов: в Сент-Этьене, Гренобле, Марселе, Перпиньяне, Шалоне (на Сене), Пуатье, Клермон-Ферране.

В Люневиле республиканцы сделали неудачную попытку поднять войска. 13 апреля вспыхнуло восстание в Париже. Но здесь правительство быстро приняло решительные меры. Влиятельнейшие деятели Общества прав человека были арестованы. Лишенное руководителей, восстание уже 14 апреля было потоплено в крови.

1834 год показал, что республиканское движение, как движение революционное, может получить широкий размах только там, где в нем принимают активное участие пролетарские массы. С другой стороны, он показал, что пролетариат, вступающий на путь политической борьбы, отнюдь не является уже покорным орудием в руках республиканских вождей, что там, где он подымается во весь рост (как это было в Лионе), он превращается в ведущую силу, способную в своем порыве зайти гораздо дальше, чем того хотели бы буржуазные республиканцы. Пути буржуазных республиканцев и республиканцев-рабочих разошлись. Уроки событий 1834 года на ряд лет сплотили буржуазию вокруг правительства Июльской монархии.

⁵⁸ Sevaes A. Une revolution manquee, 37.

⁵⁹ Gisquet Memoires. T. III, 171-172.

⁶⁰ Вейль Ж. История республиканской партии, стр. 94-98.

⁶¹ Ж.Дотри Бабувистская традиция пос е смерти Бабефа (Сборник «Памяти Бабефа» М, 1960 г).

Несмотря на отход значительного числа его бывших участников, республиканское движение продолжалось и после 1834 года, депрессивные мероприятия правительства лишь загнали его в глубокое подполье. О внутренней жизни антиправительственных группировок после 1834 г. мы имеем поэтому гораздо меньше данных, чем о движении 1830-1834 годов. Несомненно, изменился социальный состав тайных обществ. От них отошли представители буржуазии и буржуазной интеллигенции, игравшие заметную роль до 1834 г. и составлявшие в обществах этого периода их правое крыло. Вновь возникавшие общества вербовали своих членов почти исключительно в рабочей среде и в близком к пролетариату слое мелкой буржуазии. По сообщению И.Чернова, ссылающегося на современников, в первое тайное общество, возникшее после 1834 года, - «Legions revolutionnaires» - даже неохотно принимали людей в буржуазном платье; отношение к интеллигенции было крайне настороженным. Общество исходило из того, что надеяться можно только на пролетариев⁶². Так возникла, пусть в утрированной форме, идея самостоятельной политической организации рабочих. Начиналась новая полоса в политическом развитии французского пролетариата.

У новых тайных обществ - новые вожди. Мы уже не видим здесь известных литераторов и известных адвокатов. На первое место выдвигаются наряду с представителями левого революционного крыла старых обществ (Бланки) выходцы из рабочего класса. Характерную фигуру среди последних представляет в конце 1830-х годов Мартен Бернар. Мартен Бернар прошел в начале 30-х годов через школу сен-симонизма. Но, по словам современников, рабочих, подвергавшихся воздействию сен-симонистской пропаганды, обычно вскоре отталкивала ее религиозная сторона. Совершенно не в состоянии были рабочие примириться и с сен-симонистской идеей общественной иерархии. Они усваивали в сен-симонизме то, что соответствовало их классовым настроениям и интересам, - критику эксплуатации и идею ассоциации, сочетая их вопреки сен-симонизму с идеей политической борьбы. Характерно, что рабочих, бывших сен-симонистов, мы видим не только среди участников восстаний 30-х годов, но даже среди участников террористических актов. Нас не должно удивлять, что и Мартен Бернар скоро покинул ряды сен-симонистов. Уйдя от сен-симонистов, он принимал деятельное участие в рабочем движении - в стачках и в организации рабочих ассоциаций.

Значительная часть рабочих, входивших в состав новых обществ, также имела уже известный опыт участия в различного типа организациях. Наряду с бывшими сен-симонистами мы видим среди них немало бывших членов Общества друзей народа, Общества прав человека и т.п. Много передовых рабочих было подвергнуто в 1834 г. аресту. В тюрьмах того времени велась очень активная бабувистская пропаганда, которая немало содействовала распространению среди рабочих идей революции и утопического коммунизма: тюрьма, как это часто бывало в истории революционного движения, послужила для них политической школой.

Характерно, что именно в конце 30-х годов во Франции все более распространяется термин «коммунизм» для характеристики наиболее революционного, наиболее демократического по составу его участников течения социальной мысли.

Совершенно естественно, что сдвиги в социальном составе вели к весьма существенным изменениям в лозунгах и программе обществ. Новые общества были несравненно более революционны в своем отношении не только к политическому строю Июльской монархии, но и к господствующему социальному порядку. Весьма важны для характеристики обществ второй половины 30-х годов найденные у их членов при аресте документы, содержащие перечень вопросов, которые ставились новым членам при вступлении в наиболее активные тайные общества: «Семейства» (Families) и «Времена года» (Saisons). Эта форма вопросников, напоминающая о церемониях, которые были приняты при вступлении в компаньонажи, очевидно, была привычна для вступавших в общество рабочих. Вопросники очень сходны между собой и резко отличаются как по содержанию, так и по тону от соответствующих документов Общества прав человека

«Что ты думаешь о существующем правительстве? - спрашивает вопросник «Семейств». - Что оно предает народ и страну. - В чьих интересах оно действует? - В интересах небольшого числа привилегированных. - Кто в настоящее время аристократы? - Это денежные люди, банкиры, поставщики, монополисты, крупные собственники, ажиотеры, словом, эксплуататоры, жиреющие за счет народа. - На основании какого права они управляют? - На основании силы. - Какой порок господствует в обществе? - Эгоизм. - Что занимает место чести, порядочности, добродетели? - Деньги. - Кого почитают в мире? - Богатого и влиятельного. - Кого презирают, преследуют, ставят вне закона? - Бедняка и слабого. - Что такое народ? - Народ - совокупность граждан, которые трудятся. - Как относятся к народу законы? -

⁶² Tchernoff I. Le parti republicain, 378-380.

Они относятся к нему, как к рабу. - Какова участь пролетария под властью правительства богатых - Участь пролетария подобна участи раба и негра, его жизнь соткана из нищеты, утомлений и страданий. - Какой принцип должен служить основой правильного (reguliere) общества? - Равенство. - Каковы должны быть права гражданина в хорошо организованном (bien regle) обществе? - Право на существование, право на бесплатное образование, право на участие в управлении... Его обязанности - преданность по отношению к обществу, братство по отношению к согражданам. - Нужно ли совершить политическую революцию или революцию социальную? - Социальную».

В качестве непосредственной цели общества документ указывает пропаганду и организационное объединение народных сил. «Мы объединились для борьбы... против тирании угнетателей нашей страны, - говорится в этом документе, - их политика состоит в том, чтобы держать народ в невежестве и разъединении; наша политика должна поэтому состоять в том, чтобы распространять просвещение и объединять силы народа в единый союз (un seui faisceau). Наши тираны запретили прессу и ассоциации; наш долг поэтому - соединиться в ассоциации еще с большей настойчивостью... возместить отсутствие прессы устной пропагандой. Ибо... оружие, в котором нам отказывают наши угнетатели, очевидно, и является тем, которого они больше всего боятся, и тем, которым мы должны по преимуществу пользоваться» Конечная цель («когда пробьет час») - силой оружия свергнуть правительство предателей отечества⁶³. В заключение вновь вступающему рекомендуется обеспечить себя оружием и строго соблюдать требования конспирации и дисциплины - не отвечать на допросах и повиноваться вождям⁶⁴.

Вопросник «Времен года» в основном построен по той же схеме. Полицейский агент де ла Одд сообщает весьма правдоподобную запись заключающихся в нем вопросов, а также ответов, которые должен был дать вступающий.

Аналогичный документ, написанный рукой Барбеса, был предъявлен суду палаты пэров в процессе по делу о восстании 12 мая 1839 года.

Королевская власть, говорится в этих записях, держится на том, что она сделала некоторые классы своими соучастниками в эксплуатации народа, создав аристократию. Аристократия рождения была сокрушена в июле 1830 года. Сейчас аристократами являются богатые; они такие же хищники, как и старые аристократы. Поэтому недостаточно свергнуть королевскую власть необходимо разрушить все виды аристократии, все виды привилегий - иначе ничего нельзя достигнуть. На место королевской власти должно быть поставлено самоуправление народа, то есть республика. Республика является единственно законной формой правления, поскольку она основана на равенстве, поскольку она возлагает на всех равные обязанности и предоставляет всем равные права. Те, кто не исполняет обязанностей, отказываются тем самым от прав гражданина. Тех, кто, не исполняя обязанностей, пользуется правами, подобно аристократам, нельзя считать частью народа: это злокачественная опухоль в социальном организме, подобная раку в человеческом теле. Рак надо вырезать, аристократию надо уничтожить. Это - необходимое условие для возвращения общества к справедливому состоянию.

В политических вопросах наш документ стоит на почве руссоистского учения о народном суверенитете и, подобно «Общественному договору» Руссо, сохраняет законодательную власть за народом в целом. Закон - выражение воли общества. В обязанности гражданина входят повинование общей воле, преданность отечеству, братское чувство в отношении к каждому члену общества. Правами гражданина являются право на существование, право на воспитание, избирательное право. Существование члена общества должно быть обеспечено при том условии, что он является трудящимся. Представители должны только готовить законы. Народ своим голосованием их утверждает или отклоняет. Но народ не может сразу после революции взять власть в свои руки. Социальное тело поражено гангреной, для его спасения нужны героические средства, нужна на некоторое время сильная революционная власть⁶⁵.

Ни первая, ни вторая из изложенных нами программ не дает отчетливого ответа на вопрос о социальных целях предстоящей революции. Они ограничиваются в этом отношении лишь общими и достаточно неопределенными формулами: равенство, право на существование. Обе программы исходят из позиций защиты интересов «народа», а не интересов пролетариата. Хотя в них и упоминается о пролетариате, о его нищете и страданиях, все же основное общественное противоречие для авторов программ - противоречие между «новой аристократией богатства» и «народом». При этом, хотя под аристократией богатства понимаются эксплуататоры вообще, в конкретном их перечне (банкиры, поставщики, монополисты, крупные собственники) мы не находим промышленных предпринимателей.

⁶³ «Quand l'heure aura sonné, nous prendrons les armes pour renverser le gouvernement qui est traître à la patrie».

⁶⁴ Merilhou. Rapport (Affaire de 12 et 13 mai 1839), 18-19; D la Hodde. Histoire des sociétés secrètes, 173-174; тот же документ в несколько сокращенном изложении - у Gisquet Memoires, IV, 183-187.

⁶⁵ Merilhou. Rapport, 57, 61; De la Hodde, 192-194.

Под народом понимается совокупность трудящихся. Противопоставление «аристократия богатства - народ» или «буржуазия - народ» характерно для общественной мысли изучаемого периода. Это как бы переходная Стадия между сен-симоновской формулой «бездельники - трудящиеся» и научным пониманием основного классового противоречия буржуазного общества как противоречия между буржуазией и пролетариатом. Неотчетливость противопоставления отражает, несомненно, недостаточный уровень капиталистического развития Франции, незавершенность промышленной революции, неполноту капиталистической перестройки французской промышленности.

Наиболее существенным отличием вопросников от официальной программы Общества прав человека является то обстоятельство, что предстоящая революция в них понимается не как революция политическая, а как революция социальная. Руководители обществ «Семейства» и «Времена года» не в состоянии полностью раскрыть содержание понятия социальной революции. Но, во всяком случае, они провозглашают уничтожение всех видов аристократии. Так как аристократия рождения уже уничтожена в июле 1830 г., то, очевидно, здесь имеется в виду в первую очередь аристократия богатства. Любопытно, что в своей аргументации в пользу необходимости упразднения аристократии авторы воспроизводят аргументацию Сийеса в его известной брошюре «Что такое третье сословие» (не исполняя никаких обязанностей, аристократия составляет злокачественную опухоль в социальном организме). Но острота этой аргументации направлено не против знати, как у Сийеса, а против части того третьего сословия, интересы которого Сийес защищал.

Интересную черту программы «Времен года» составляет признание необходимости установления после победы восстания революционной диктатуры. Якобинские традиции никогда не отмирали полностью в республиканской партии. Во времена первых республиканских обществ 30-х годов сторонники этих традиций составляли меньшинство. В обществах 1835-1839 гг. им, очевидно, принадлежит руководство. Но у якобинцев 30-х годов, в отличие от якобинцев 1793 г., идея революционной диктатуры связана с идеей социальной революции. Это сближает их с бабувизмом, известное влияние которого на идеологию тайных обществ этого времени не подлежит сомнению, хотя их официальная программа и не может быть названа последовательно бабувистской.

Один из арестованных революционных деятелей второй половины 30-х годов, Фомберто, заявил в своих показаниях, что он является сторонником Бабефа и Буонарроти. У другого арестованного была найдена нелегальная брошюра, пропагандировавшая установление власти рабочих, уничтожение эксплуатации человека человеком, организацию национальных мастерских, освобождение угнетенных наций. Очевидно, внутри тайных обществ «Семейства» и «Времена года» или рядом с ними существовали группы с более определенными коммунистическими требованиями. Но, к сожалению, об их программах и об их деятельности мы имеем лишь весьма ненадежные сведения, восходящие к мутному источнику - к рассказам полицейских агентов и провокаторов.

Так, согласно докладу, представленному суду палаты пэров по делу о восстании 1839 г., одновременно с обществом «Времена года» действовало общество «Phalanges democratiques», состоявшее, по-видимому, из наиболее радикальных элементов республиканского движения. Общество осуждало «умеренность «Времен года». О программе этого общества докладчик мало сообщает. Общество, говорится в докладе, призывало к «социальной и радикальной революции», имеющей целью равенство социальных условий, основанное на равном распределении продуктов земли и промышленности. Оно исходило из положения, что народ («полезные работники»), производя все, имеет исключительное право на все им произведенное⁶⁶. В воспоминаниях одного из полицейских агентов, Шеню, сообщается об организации в 1837 г. «комитета», который требовал в своей программе отмены собственности, уничтожения тиранов, установления общности труда, жилищ и отдыха, введения всеобщего бесплатного и обязательного обучения. Возможно, что речь идет здесь о том же обществе «Phalanges democratiques».

Интересный документ, характерный для революционных тайных обществ этого времени и весьма резкий по своему содержанию, был захвачен полицией в августе 1838 г. «Нам, рабочим, которые все производят, - говорится в этом документе, - принадлежит право управлять страной. На нашу долю, на долю людей, столь долго страдавших от угнетения, выпала славная задача разбить, наконец, цепи рабства, сокрушить ненавистное ярмо тирании, низвергнуть тиранов, носящих кровавое имя королей, и вонзить наши кинжалы в их чрева. Достаточно долго стонало под их игом человечество, настало время для торжества справедливости; они разделили между собой народы как скот, они их продавали..., им подражает проклятый Филипп, который нами правит...

⁶⁶ Merilhou Rapport, 33-35.

Наши кинжалы воздадут ему то, чего он заслужил, ибо каждый король является королем только в результате преступления, заслуживающего смерти. Понял ли ты как следует, что единственным средством излечения наших бедствий является восстание или цареубийство? Трепещет ли у тебя сердце от негодования при виде преступлений власти? Слушай: быть может, вскоре мы выйдем на бой с королевской властью. Чувствуешь ли ты в себе достаточно энергии, чтобы последовать примеру твоих братьев Июня, Апреля и Мая⁶⁷.

Если твое сердце подсказывает тебе должный ответ, если ты не предатель, ты достоин вступить в наши ряды. Мы ознакомим тебя с нашей ассоциацией.

Но пока - таковы наши принципы: братство, равенство, преданность. Мы хотим общности трудящихся, т.е. отмены эксплуатации человека человеком; мы хотим организации национальных мастерских, где цена труда будет распределена между трудящимися, где не будет более ни хозяев, ни слуг; мы хотим национальных школ, где все граждане могли бы бесплатно обучать своих детей. Мы хотим организации приютов для престарелых трудящихся и солдат. Мы хотим отменить богатство, разрушив бедность. Мы хотим, чтобы родина обеспечила каждому индивиду благосостояние. Мы хотим, чтобы все были вооружены для защиты отечества, для пропаганды свободы, для освобождения народов. Мы хотим освободить всех наших братьев в Европе: героических поляков, несчастных итальянцев и всех других, кто стонет под гнетом рабства; ненависть и смерть их тиранам; мы хотим уничтожить и их и наших угнетателей; мы стремимся уничтожить религиозные предрассудки... Мы хотим дать людям просвещение, уничтожить священников, которые их обманывают; наконец, мы готовы отдать всю нашу кровь за республику со всеми ее добродетелями и всеми ее чудесными следствиями.

Таковы наши стремления. А ты, гражданин? Если твоя преданность равна твоему патриотизму, ты пойдешь вместе с нами. Мы создали тайную организацию в целях низвержения королевской власти... Двенадцать руководителей отдельных округов избрали комитет из трех граждан в целях руководства нашей ассоциацией; его состав должен остаться в тайне. Это люди испытанные. Ты узнаешь имена тех, кто назначил комитет, и сможешь изменить их состав путем новых выборов. Каждому руководителю округа подчинены четыре руководителя кварталов: последние сносятся с четырьмя руководителями бригад, состоящих каждая из 8 человек. Член бригады знает только других членов той же бригады; остальные члены вне его бригады ему неизвестны. Руководитель бригады получает приказы от руководителя квартала; руководитель квартала - от руководителя округа; последний - непосредственно от комитета. Письменных сношений между нами не существует. Наша свобода не подвергается, таким образом, опасности.

Собрания членов бригады должны происходить еженедельно по указанию ее главы. Он доведет до сведения членов очередной приказ, наставляющий в принципах организации и сообщаящий о ее успехах. В целях помощи нуждающимся среди нас каждый член бригады будет делать взносы главе бригады. Из этих же сумм каждую неделю будет выделяться по 3 франка на каждого из задержанных членов, или на его жену, на его детей, на его мать. Каждый при вступлении в бригаду должен принести ее руководителю по полфунта пороха и по два фунта свинца, а также добыть себе оружие. Комитет, в свою очередь, обязуется снабдить членов организации оружием, когда настанет время, а также объявить свой состав. Комитет позаботится обо всем; но он требует вместе с тем точности в исполнении своих указаний.

Итак, гражданин... ты имеешь все гарантии, каких только можешь пожелать, на случай, если ты чувствуешь себя способным выполнять данные тобой обязательства. Встань, мы примем от тебя присягу, и ты вступишь в наши ряды. Клянешься ли ты никогда не выдавать кому бы то ни было ничего, относящегося к ассоциации и к тому, что мы делаем? Клянешься ли ты выполнять приказы, которые тебе будут даны? Клянешься ли ты в смертельной ненависти к королевской власти и ко всем, кто ее поддерживает? Клянешься ли ты посвятить свое достояние и свою жизнь делу победы республики? Клянешься ли ты преследовать своей мстостью изменников, если они окажутся среди нас? Да падет твоя кровь на твою голову, да погибнешь ты смертью предателя, если ты нарушишь или предашь свою клятву! Мы принимаем тебя от имени комитета. Ты член якобинской организации, ты - якобинец, помни об этом! Отныне твоей обязанностью является вербовать в наши ряды граждан, которых ты знаешь как людей, способных хранить тайну и преданных. Твой долг отныне - стараться привлекать людей на нашу сторону!»⁶⁸

Мы не знаем, от какой из возникших и исчезавших в изучаемое нами время революционных организаций исходит приведенный нами документ. Возможно, что он был составлен какой-то группой лиц, которые лишь мечтали о создании революционного тайного общества и считали нужным набросать заранее его программу, изложить его организационные и тактические принципы.

⁶⁷ Месяцы республиканских восстаний 30-х годов.

⁶⁸ G. et H. Bourgin. Le socialisme Francis de 1789 a 1848. Paris, 1912, 86-88.

Во всяком случае, документ весьма ярко характеризует революционно-террористические и заговорщические настроения, распространенные среди некоторой части наиболее передовых рабочих этого времени. Авторы документа несомненно находились в известной мере под влиянием бабувистских традиций, воспринятых ими, однако, несколько упрощенно.

Наряду с пропагандой революционно-коммунистических и террористических идей можно отметить проникновение в этот период во Францию - правда, не очень сильного - влияния мирно-коммунистических идей Оуэна. В 1837 г. Францию посетил сам Оуэн. По-видимому, горячим сторонником оуэновского, - или, как он выражался, рационального, - коммунизма был в это время Гэй, посещавший в 1835 г. Оуэна в Англии. Оуэнистское учение большого успеха во Франции не имело⁶⁹.

12 мая 1839 г. общество «Времена года» сделало попытку поднять в Париже восстание. Вожди общества - Мартен Бернар, Бланки и Барбес - не могли рассчитывать и не рассчитывали на поддержку буржуазии, напуганной 1834 годом и отнюдь не склонной в этот период прибегать к революционным методам борьбы против воплощавшего буржуазный «порядок» правительства Луи Филиппа. Манифест повстанцев откровенно призывал не только к упразднению королевской власти и аристократии, но и к установлению царства равенства, к устранению эксплуатации. Во имя таких лозунгов мог подняться только рабочий класс. Но французский рабочий класс конца 30-х годов, конечно, еще не созрел для победоносной социалистической революции. Ошибочная, заговорщическая тактика вождей общества «Времена года» привела к тому, что революционная попытка 1839 г. не имела даже того ограниченного успеха, какого можно было ожидать в условиях 30-х годов.

«Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные соответствующей этой школе строгой дисциплиной, - говорит Энгельс о революционных деятелях этого типа, - они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с огромной неукротимой энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию»⁷⁰. В движении 1839 г. все указанные Энгельсом черты заговорщичества проявились с большой яркостью. Правильно оценивая все значение революционной дисциплины и организованности, деятели 1839 г. не понимали, что эти прекрасные качества могут обеспечить успех лишь тогда, когда обладающая ими революционная организация тесно связана с трудящимися массами и выступает как их естественный руководитель. Такой связи у общества «Времена года» не было даже с парижскими рабочими, не говоря уже о широких массах французского пролетариата. Вожди движения ошибались в готовности масс поддержать их выступление и не приняли мер к тому, чтобы разъяснить массам его значение. Свою конспирацию они довели до того, что даже ближайшие соучастники заговора не знали, зачем их созывали 12 мая. Массы не вышли на улицу, и выступление разрозненных групп заговорщиков было легко подавлено.

6

Правительство Луи-Филиппа, защищая буржуазный порядок, тем самым служило интересам буржуазии как класса. Но у власти стояла не вся буржуазия, а лишь определенная специфическая часть ее - финансовая олигархия. Это создавало почву для оппозиции промышленной и торговой буржуазии, интересы которой правящая группа зачастую недостаточно учитывала, иногда и ущемляла, когда они расходились с ее частными интересами. Буржуазная оппозиция финансовой аристократии была обусловлена, таким образом, самым существом господствующего режима. Не исчезла она, конечно, и после 1839 года. Но неудачное восстание 1839 года, несомненно, содействовало классовому размежеванию политических группировок. Если уже 1834 год оттолкнул буржуазию от революционных организаций, то движение 1839 г. с его лозунгом социальной революции внушило страх даже тем мелкобуржуазным группам, которые еще в 1834-1839 гг. сочувствовали тайным обществам.

В буржуазной прессе высказывалось убеждение, что революция, если она еще предстоит, может быть только революцией пролетарской. Бесспорный рост классового самосознания пролетариата начала 40-х годов не мог не тревожить сколько-нибудь проникательных представителей французской буржуазии. Многие представители буржуазного радикализма отказались в этот период от демократического требования всеобщего избирательного права. Даже наиболее радикальные писатели призывали ожидать улучшений «не от побед насилия, а от мирных последствий развития разума»⁷¹.

⁶⁹ См. J.Gay. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire. Geneve, 1868, 9-19, 32-34, 36-37.

⁷⁰ К.Маркс. Избранные произведения, т. II, 366. М, Госполитиздат, 1940.

⁷¹ Blanr L. Histoire de dix ans. Vol.V, 277.

Глубокий промышленный кризис, охвативший капиталистические страны в 1839 г. и вызвавший безработицу как среди фабричного пролетариата, так и среди ремесленников (в одном Париже в 1840 г. было около 100 тыс. безработных), несомненно, ускорил процесс революционизирования пролетариата. Уроки политической борьбы 1830-1839 гг. также не прошли для него даром. В рабочем классе крепло сознание того, что у него имеются собственные политические задачи, для решения которых необходима самостоятельная политическая организация. Но пути к построению такой организации пролетариат искал ощупью, учась на собственных ошибках. Руководящей теории классовой борьбы пролетариата - марксизма - еще не существовало. Рабочий класс не был в состоянии освободиться сразу и полностью от чуждых его классовым интересам влияний. В его психологии было еще много мелкобуржуазных пережитков. Процесс кристаллизации пролетарской идеологии отразил в себе эти моменты в форме идеологической и организационной борьбы между различными течениями и группировками, претендовавшими на руководство рабочим классом.

Последние восемь лет Июльской монархии (1840-1847) отмечены неоднократно повторявшимися вспышками недовольства широких народных масс, вспышками, в которых рабочие принимали самое активное участие. Эти годы отмечены также большим подъемом коммунистической пропаганды. Тайные общества этого периода отличались от своих предшественников двумя характерными чертами: во-первых, они явно ставили себе целью организовать рабочих; во-вторых, они выступали с откровенно коммунистической программой. К сожалению, мы еще менее осведомлены об их деятельности, чем о деятельности обществ более ранних. Многие из них известны только по названию; часто трудно судить, являлось ли данное общество новым образованием, или мы имеем дело только с переименованием имени.

1840 год был годом широко развернувшегося стачечного движения, сопровождавшегося кровавыми столкновениями между рабочими и полицией и вызвавшего тревогу в правительственных кругах. Хотя некоторая часть участников движения 1839 года была вынуждена покинуть Францию и создала новый центр революционной пропаганды за границей, в Лондоне (так называемое «Societe democratique francaise»), коммунистическая пропаганда во Франции поднялась в 1840 году на новую, более высокую ступень. Не случайно этот год был также годом первого во Франции открытого коммунистического выступления. Когда в июне 1840 г. коммунисты не были допущены к участию в банкете сторонников избирательной реформы, они решили организовать свой отдельный банкет, который и состоялся 1 июля в Бельвиле. На банкете присутствовало более 1000 чел.; там выступали наряду с интеллигентами также рабочие: портной, сапожник, переплетчик, часовщик, парикмахеры и т.д. Выпущенная вскоре брошюра «Premier banquet communiste» провозгласила день банкета началом новой эры в истории коммунистического движения⁷².

В Бельвиле 1 июля, - отмечали авторы брошюры, - было впервые открыто поднято под приветственные возгласы всех присутствующих славное знамя социальной общности; никто не в состоянии отрицать значение этого факта. Брошюра подчеркивает тот дух согласия, который господствовал в собрании, тот энтузиазм, который рабочие, обычно столь холодные к чисто политическим манифестациям, проявили к идеям, которые обещали им «обетованную землю». Вступительное слово на банкете было произнесено Пийо, известным уже в это время как редактор журнала «La Tribune du Peuple». Знамя общности, говорил Пийо, скоро привлечет к себе взоры всего мира. Мы собрались здесь, чтобы возвестить миру великие идеи, которые до сих пор каждый из нас давно уже носил в своем сознании. Принципы, которые мы провозглашаем здесь, обещают человечеству счастье, о котором оно не смеет и мечтать после многих лет унижений, после стольких столетий страданий и отчаяния. Величие нашего дела определяется его необозримыми последствиями, теми великими просветительными идеями, которые оно приносит миру. После вступительного слова должно было последовать избрание президиума. Но собрание решило оставить место председателя вакантным: так велико было, - по словам авторов брошюры, - господствовавшее на собрании чувство равенства, глубокое убеждение в искреннем братстве всех его участников⁷³.

В одном из выступлений, посвященном смертной казни, оратор (Журдэн) призывал проявить упорство в борьбе и добиться того, чтобы эшафот был навсегда сокрушен и на его месте было «посажено древо братской общности»⁷⁴. В другом выступлении возвещалось, что пропаганда общности погасит дух эгоизма и коррупции, обеспечит восходящее движение человечества к желанной цели⁷⁵. Выступивший затем редактор журнала «L'Egalitaire» Т.Дезами призывал в своей

⁷² «Premier banquet communiste», Paris, 1840

⁷³ «Premier banquet communiste», 3.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibid., 4.

речи покончить с привилегиями всякого рода: не только с господствующей ныне аристократией богатства, но и с сен-симонистской аристократией способностей⁷⁶.

Во второй речи Пийо, посвященной польскому вопросу, наряду с обычными для того времени словами о неразрывной дружбе польского и французского народов мы находим призыв к полякам присоединиться к возвышенным доктринам Франции, несущим с собою надежду на счастье, покончить с фанатизмом и тиранией, провозгласить перед лицом всего мира вечный принцип абсолютного равенства, заложить основы подлинно человеческого общества⁷⁷. Многие участники банкета - рабочие провозглашали тосты: «за реальное и совершенное социальное равенство», «за общность», «за уничтожение свободной конкуренции», «за равное распределение прав и обязанностей», «за братство трудящихся»⁷⁸. Банкет закончился большой заключительной речью Пийо⁷⁹.

По-видимому, в организации банкета принимали участие главным образом члены тайного коммунистического общества «Рабочие-уравнители» («Travailleurs egalitaires»). В общество «Travailleurs egalitaires» вошли уцелевшие члены общества «Времена года». К нему примыкал ряд коммунистических писателей того времени, в том числе наиболее крупный из них - Дезами. Социальный состав общества отражался даже в наименованиях организационных группировок. Общество делилось на *metiers*, *ateliers* и *fabriques*. По своей программе общество было, по-видимому, близко к революционному коммунизму Бабефа и Буонарроти. В его «*profession de roi*» - в обращении «*Aux travailleurs egalitaires*» - целью общества объявляется действительное равенство, реализуемое при помощи общности благ; для достижения этой цели признается необходимой мощная народная диктатура «Народная диктатура, - говорится далее в воззвании, - представляется нам необходимой для преобразования наших нравов, для сокрушения препятствий, для расчистки путей, которые должны привести к осуществлению ее целей. Люди, которых мы избрали... для распространения доктрины равенства, для ее приложения на практике в определенный момент при помощи всех средств, которые имеются в распоряжении человека, - это люди высокой морали, конспиративные, храбрые и преданные народному делу. Эти люди, руководимые своими добродетелями, поняли возвышенность и истинность принципов, которые должны стать основой будущего общества. Мы считаем необходимым также, чтобы они, исследуя прошлое, и в особенности историю нашей революции, отмечали события, благоприятные для дела народа, воздавали почет людям добродетельным и клеймили позором людей презренных. Что касается настоящего, мы требуем от них ненависти ко всему существующему; мы требуем, чтобы они держали себя в стороне от тех, кто, притворяясь демократом, не желает касаться основ общества и стремится только к политической реформе. В то же время мы требуем от них полного недоверия к тем, кто пользуется делом общности для того, чтобы создать пьедестал для своей глупой гордости или для своего честолюбия, к современным Эберам и Гобелям, которые ведут лишь к дискредитации в глазах масс дела равенства. Таковы наши идеи. Таков тот путь, которым мы уже давно следуем. Привет и братство»⁸⁰.

Своим примитивно-морализирующим тоном резко отличается от изложенного нами документа приписываемый обществу «Travailleurs egalitaires» вопросник. Вопросник содержал следующие пункты: «Какое чудовище пожирает современное общество? Эгоизм. - Как его подавить? Внушая каждому дух справедливости и долга и подчиняя ему все свои действия. - Что означают эти два слова: справедливость и долг? Они означают истинную мораль. - В чем состоит основной долг каждого человека? Любить ближнего и быть ему полезным. - Какая обязанность вытекает из этого долга? Обязанность производительного труда - Кем считать того, кто уклоняется от этой обязанности? Паразитом, мертвой ветвью социального дерева, вредным, ядовитым растением, которое высасывает из людей соки, одним словом - эксплуататором. - Какого наказания он заслуживает. Если он будет упорствовать в своих пороках и препятствовать счастью других, он должен быть изгнан из общества. - Какую социальную организацию желаешь ты видеть пришедшей на смену анархическому порядку, который нас угнетает? Таковую, при которой социальный порок был бы искоренен полностью, где каждый работал бы на пользу других в соответствии со своими силами и способностями и где все работали бы для каждого. Только там будет царить совершенное равенство, где будет иметь место строгое и равномерное распределение тягот и социальных благ, где каждый будет принимать участие в общем творчестве и в общем производстве, в удовлетворении моральных, физических и интеллектуальных потребностей всех членов общества. -

⁷⁶ Ibid., 5.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid., 6-13.

⁷⁹ Содержание речи дано ниже, в главе о Пийо.

⁸⁰ G. et H. Bourgin. Le socialisme français, 89-90.

Готов ли ты присоединить свои усилия к нашим, пойти навстречу всем опасностям столь рискованной миссии? Да, от всего сердца. - Мы принимаем тебя. Мы все будем за тебя, если ты никогда не уклонишься с пути; но если ты нас обманешь, ты погиб. Хочешь ли ты, несмотря на это, отдаться нам навсегда? Отвечай. Да. - Мы требуем от тебя самого строгого подчинения, самой абсолютной тайны. Подчиняешься ли ты этому? Да».

По-видимому, из кругов, близких к тому же обществу по своим социально-политическим настроениям, вышел и захвачен полицией значительно позднее, но относящийся к 1840 г. Доклад, содержащий требование создания временного революционного правительства, признания права на существование, организации общественных магазинов и национальных мастерских, сосредоточения руководства всем производством в руках государства⁸¹.

Судя по правдоподобным показаниям арестованного члена общества, у «Travailleurs egalitaires» была также своеобразная программа-минимум, которая требовала организации национальных мастерских, законодательного регулирования минимума заработной платы, установления восьмичасового рабочего дня. Общество не стояло в стороне от повседневной экономической борьбы рабочего класса: оно принимало участие в стачечном Движении 1840 г. и вело среди бастовавших рабочих революционную агитацию. С обществом был связан организованный еще в конце 30-х годов клуб, являвшийся центром, где собирались коммунисты разных толков. По-видимому, в связи с «Tratailleurs egalitaires» находились и небольшие коммуны, образовавшиеся в это время, если верить современникам, в Бельвиле и Менильмонтане; коммуны будто бы служили также центрами пропаганды; при них были библиотечки коммунистической литературы.

В конце того же 1840 г. и в начале 1841 г. в Париже и в провинции начали возникать организации рабочих - последователей мирного коммунизма Кабе. Революционным настроениям «Travailleurs egalitaires» эти кабетистские группы противопоставляли идею преобразования общества мирными средствами - силою общественного мнения и закона. Кабетистская пропаганда велась во всех фабричных городах Франции. Это правое крыло в коммунистическом движении отражало влияние мелкобуржуазных тенденций в молодом рабочем классе Франции. Упадок настроения в рабочем классе после ряда провокаций и провалов, дезорганизовавших революционные группировки, обусловил временные успехи кабетистов. Однако кабетисты, отказываясь от революционных методов политической борьбы, отнюдь не разделяли аполитизма старых утопистов Кабе, став коммунистом, не перестал быть горячим защитником демократии. Следует отметить также, что далеко не все рабочие, входившие в кабетистские организации, были стойкими, убежденными сторонниками мирных, легальных методов. Известны случаи, когда члены кабетистских организаций очень легко переходили на путь революционной борьбы. Так, в 1846 г. значительная часть турецкой группы дезертировала из лагеря Кабе; революционные настроения сказывались в тулузской группе в 1842 г. и т.д.⁸² По-видимому, кабетистские организации - и во всяком случае Кабе - поддерживали некоторые связи с лондонским «Демократическим обществом»: известно, что Кабе ставил на обсуждение этого общества свой план организации коммунистических общин.

С другой стороны, коммунистическое движение 40-х годов, по-видимому, знало также «левацкие» уклоны. Если верить данным следственных органов, в 1845 г. «левацкие» элементы выделились из «Революционно-коммунистического общества» («Societe communiste revolutionnaire», преемника общества «Travailleurs egalitaires») и образовали собственную организацию. Организация проповедовала террористические методы борьбы пропаганду действием. Ее члены носились будто бы с мыслью об изготовлении взрывчатых и зажигательных снарядов, говорили о взрыве Тюильри и палаты депутатов. Для изыскания средств они считали допустимым «экспроприации». Эта группа просуществовала недолго и большого влияния не имела.

Одновременно с идеей революционной борьбы за коммунизм в рабочий класс проникала идея единства классовых интересов пролетариата, идея необходимости национального и международного объединения его сил как средства защиты этих общих интересов. Росло сознание непригодности в новых условиях старых форм рабочих профессиональных организаций. Уже в начале 30-х годов Марк Дюфрес выступил с пропагандой ассоциаций, объединяющих рабочих каждой профессии и руководящих их борьбой. Он же выдвинул идею соединения этих профессиональных ассоциаций в ассоциацию генеральную. В течение 30-х и начала 40-х годов появился ряд книг, подвергавших критике организационные принципы старых компаньонажей (А.Пердигье, П.Моро и др.). О необходимости объединения рабочих писали в 30-х годах и Кабе и Леру.

⁸¹ Morange G. Les idees communistes, 44.

⁸² De la Hodde, 280-283.

Но с наибольшей отчетливостью и силой мысль о значении классового единства и классовой солидарности пролетариата была сформулирована в книге «Union ouvriere», которую выпустила в 1843 г. Флора Тристан. Развитие этой мысли загромождено у Ф.Тристан множеством соображений наивно-утопических. Тем не менее в истории формирования классового сознания французского пролетариата ее книге должно быть отведено известное место.

Ф.Тристан исходит из факта существования в обществе классов, хотя их происхождение и внутренняя необходимость борьбы между ними остаются для нее неясными. При старом порядке, рассуждает Ф.Тристан, буржуазия более двухсот лет вела борьбу против привилегий знати, в защиту своих прав. В 1789 г. она конституировалась как класс. Она одержала победу при помощи народа. Но, признав формально равенство прав, буржуазия присвоила себе плоды победы. В старом порядке существовало три сословия. После того как часть третьего сословия - буржуазия - захватила в свои руки привилегию управления в ущерб пролетариату, создалось четвертое сословие. Неправильно утверждение, что буржуазия защищает свои интересы: этим интересам никто не угрожает.

Рабочий класс - не только самый многочисленный, но и самый полезный класс общества. Между тем он живет в нищете, невежестве и рабстве. Основная причина его бед в его разъединенности. Для того чтобы отстоять свои права, рабочие должны «конституироваться» как класс, образовав единый «Рабочий союз», объединяющий рабочих и работниц всех специальностей, обитающих в одной стране.

«Союз» должен иметь единый центр. Его комитеты, организованные в главных городах Франции, должны избрать центральный комитет с местопребыванием в Париже. Но Ф.Тристан не чужда мысль о международном объединении рабочих. Она проповедует идею солидарности наций, составляющих части одного организма - человечества.

Цель «Союза» не в частичных улучшениях, не в смягчении нищеты рабочих, а в ее уничтожении. «Рабочий союз» должен завоевать для рабочих право на жизнь - право на труд и на образование. «Вы слабы и несчастны, - говорит рабочим Ф.Тристан, - потому что вы разъединены. Объединяйтесь, в единении сила!»

Интересную черту рассуждений Ф.Тристан составляет защита прав женщины. «Рабочий союз» должен объединять в своем составе и рабочих и работниц. Женщина и пролетарий, утверждает она, одинаково нуждаются в раскрепощении. Борьба за освобождение женщины тесно слита с борьбой за освобождение рабочих.

Полноправными членами «Союза» могут быть все люди физического труда. В дальнейшем, полагает Тристан, к рабочим неизбежно примкнут другие категории несобственников.

Освобождение рабочего класса - его собственное дело. Эту истину Ф.Тристан повторяет неоднократно. Государство не может и не хочет заниматься вопросом об улучшении судьбы рабочих. От самих рабочих зависит выйти из лабиринта нищеты, страданий и унижений, в котором они находятся. Для них вопрос идет о жизни или о смерти⁸³.

Но Ф.Тристан не может отрешиться полностью от свойственной утопическим школам мечты о помощи делу рабочих со стороны правящих классов. В судьбе рабочего класса заинтересованы, по ее мнению, и буржуазия, и знать, и король. Для буржуазии настала пора пойти на уступки рабочим, иначе последние сами займут ее место. Ф.Тристан пугает буржуазию опасностями политической революции пролетариата, которую она считает возможной, но которой она сама явно не сочувствует. Рабочий класс для достижения своих целей, по мнению Ф.Тристан, не нуждается в насильственных средствах⁸⁴. Чтобы отвоевать себе право на существование, рабочим достаточно объединиться, осознать свои интересы и заставить себя выслушать. Полезность рабочих бесспорна, общество не в состоянии без них обойтись, и правящие классы будут вынуждены пойти им навстречу. Чтобы заявить о своих интересах, рабочий класс нуждается, конечно, в представительстве. Но для такого представительства нужно только одно лицо, пользующееся доверием рабочих, - вождь, избранный «Рабочим союзом», признанный «защитник» (defenseur) рабочих. Удовлетворение требований рабочих не составляет какой-либо новой революции. Это - лишь завершение революции третьего сословия, его окончательное освобождение.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

⁸³ Tristan F. L'Union ouvriere, 4.

⁸⁴ Ibid., 119.

В представлениях Ф.Тристан о задачах и способах действия «Рабочего союза» много утопических черт. «Рабочий союз» является в ее изображении не только организацией классовой борьбы для ниспровержения капитализма, но и утопическим экспериментом большого масштаба. Программа «Рабочего союза» очень неопределенна: она требует признания «права на существование», права «собственности на руки» (?), «права на труд», признания равноправия женщин, исследования возможностей «организации труда». Об отмене частной собственности на средства производства Ф.Тристан в своей книге не упоминает.

С другой стороны, «Рабочий союз» выступает в качестве своеобразного эмбриона будущего общества в обществе современном. Путем получения добровольных взносов со своих членов «Рабочий союз» накапливает значительный капитал. На этот капитал «Союз» строит во всех департаментах «Дворцы Союза», являющиеся центрами производительного сельскохозяйственного и промышленного труда и рационального воспитания новых поколений рабочего класса.

Дворцы «Рабочего союза» являются для Ф.Тристан мостом, переброшенным из цивилизации, которая умирает, к будущему гармоническому социальному порядку. Физический труд, обезбещенный тысячелетним рабством, станет делом чести человека, а праздность - позором; работать станут все - и бедные и богатые, везде воцарится изобилие, исчезнет нищета. «Рабочий союз» принесет стране порядок, процветание, богатство, моральный подъем и счастье⁸⁵.

Ф.Тристан не ограничивалась литературной пропагандой «Рабочего союза». Она старалась установить связи с рабочими и в 1844 г. предприняла большую агитационную поездку по Франции. Поездка принесла ей немало разочарований, но все же кое-где - в Лионе, в Марселе, в Каркассоне - ей удалось организовать группы «Рабочего союза».

Учение Ф.Тристан, взятое в целом, не оставило заметного следа в развитии французской социалистической мысли. Но центральные его положения - классовое единство пролетариата, необходимость его классовой организации - были для своего времени прогрессивными. Их настойчивая пропаганда составляет заслугу Ф.Тристан. По-видимому, именно эти положения и воспринимали в первую очередь те рабочие, до которых доходили ее книги или ее устное слово⁸⁶. Проникали, несомненно, эти идеи и в круги участников рабочих тайных обществ.

* * *

Пропаганда коммунистических идей имела, несомненно, в 40-х годах во французском рабочем классе значительный успех. Конечно, лишь передовые слои рабочих могли в это время сознательно усвоить принципы коммунизма или идею единой и самостоятельной организации пролетариата. Но принципы коммунизма, но идеи единой пролетарской организации - необходимые элементы классовой идеологии пролетариата. Они отвечают его классовым интересам. Рабочие массы инстинктивно к ним тяготели.

Французский коммунизм 40-х годов - коммунизм утопический. Его теоретики не смогли создать научной теории, освещающей дальнейшие пути классовой борьбы пролетариата. Тем не менее следует признать, что в идеологическом развитии французского рабочего класса утопический коммунизм 40-х годов сыграл значительную роль.

Рабочие составляли основные кадры борцов 1830 года, но в качестве самостоятельной классовой силы с собственными классовыми целями пролетариат в 1830 г. не выступал. Рабочий класс, идущий навстречу революционным боям 1848 г., очень отличается от рабочего класса 1830 г. не только количественно, но и качественно. Даже враги коммунизма вынуждены признать инициативную роль рабочих-коммунистов в февральские дни 1848 года. Рост сил и сознательности пролетариата отражается и на всем дальнейшем ходе революции. Именно пролетариат своей активностью придает революции 1848 г. в отличие от буржуазной революции 1830 г. буржуазно-демократический характер.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

1

Ввиду крайне недостаточного количества документов, непосредственно исходящих из революционных тайных обществ конца 30-40-х годов, особый интерес для истории вдохновлявших их коммунистических идей представляет коммунистическая пресса этого периода, поскольку в ней, несомненно, отражались те же настроения, что и в обществах. По-видимому, некоторые из журналов и организационно были связаны с обществами.

⁸⁵ Tristan F. L'Union ouvriere, 105-107.

⁸⁶ См. книгу Puech J.L. «La vie et l'oeuvre de Flora Tristan».

Первая попытка издания во Франции после июльской революции журнала с коммунистической окраской была сделана уже известным нам Лапоннере. За время, протекшее с 1832-1833 годов, к которым относится начало литературной деятельности Лапоннере, в его социальных идеях произошел заметный сдвиг. Если в начале 30-х годов острое критики Лапоннере, как мы видели⁸⁷, было направлено против буржуазной аристократии, то в конце 30-х годов он выступает уже с резким осуждением основного принципа буржуазного общества-конкуренции, он доказывает необходимость такого общественного преобразования, которое приведет к удовлетворению всех потребностей и всех интересов, такой организации промышленности, которая будет основана на равенстве прав и обязанностей. По-видимому, значительно уточнились его представления о классовых взаимоотношениях буржуазного общества. Франция, писал он в это время, мечтает о социальной реформе, которая уничтожит все старые злоупотребления, отменит все привилегии и все монополии, эксплуатацию человека человеком заменит ассоциацией и братством и даст всем благосостояние и обеспеченность⁸⁸. Не удивительно, что Бланки, составляя в 1839 г., накануне неудачного восстания, список членов будущего революционного правительства, включил в него Лапоннере. Изменились к концу 30-х годов и политические взгляды Лапоннере: в начале 30-х годов он отождествлял понятия «республика», «равенство» и «благосостояние», - в конце 30-х годов он не питает уже прежней веры в решающее значение республиканской формы правления для установления общественного равенства. Он заявляет, что для народного благосостояния безразлично, называется ли глава государства королем или президентом. «В Европе одним королем больше, одним президентом меньше, в Америке - наоборот, но по существу это все равно⁸⁹».

Основанный Лапоннере журнал «L'Intelligence», в котором кроме Лапоннере принимал вначале участие Лаотьер, выходил нерегулярно⁹⁰. Журнал не объявлял себя открыто коммунистическим и даже избегал слова «коммунизм», называя себя журналом «социальной реформы». Но помещавшиеся в нем статьи были явно направлены, по мнению современников, к тому, чтобы подвести читателя к коммунистическим выводам⁹¹.

«L'Intelligence» очень высоко оценивал личность Бабефа и историческое значение бабувистских идей. Бабеф, говорил журнал, - это благородная и великодушная натура, душа, полная сострадания и преданности, неукротимый и гордый дух. В журнале были напечатаны посвященные Бабефу отрывки из работы Лапоннере по истории Французской революции и перепечатан «Анализ доктрины Бабефа»⁹². Однако редакция журнала не считала бабувизм последним словом социальной науки. Бабувизм, по мнению журнала, не признавал прогресса и совершенствования общества. Будем же, продолжал журнал, бабувистами, но бабувистами прогрессивными, примем идеи Бабефа, но не как последний вывод из демократического принципа, не как конечный момент прогресса человечества, а как отправной пункт новой эры, эры свободы и равенства, братства и всеобщего счастья.

Наряду с влияниями бабувизма, в пропаганде Лапоннере чувствуются также отзвуки утопических теорий начала XIX века - сен-симонизма и фурьеризма. Подобно сен-симонистам Лапоннере убежден в закономерности исторического процесса, в ходе которого одна форма эксплуатации сменяет другую. В настоящее время бывшее рабство сменила система наемного труда. Но эта смена не привела к смятению социальных противоречий. В некоторых отношениях положение наемного рабочего хуже положения раба. Голодный человек не может почитаться свободным. Страдающий от голода пролетарий - тот же раб. Проблема пролетариата подобно дамоклову мечу висит много тысяч лет (?) над головой бездельников и эксплуататоров. Но существование пролетариата не является неизбежной судьбой человечества, оно несправедливо, оно не может быть обосновано никаким правом. По существу у пролетария больше прав на блага жизни, чем у собственников, ибо он выполняет все общественные обязанности, несет все общественные тяготы, возделывает поля, работает на фабриках и защищает родину во время войны.

К вопросу о положении пролетариата журнал возвращается неоднократно. В помещенной в «L'Intelligence» в 1838 г. статье «Catechisme democratique» автор говорит: «Какова цель общества? Максимальное благосостояние всех.- Какова его основная база? Это - равенство, т.е. равномерное распределение социальных обязанностей и социальных благ. - Что следует понимать под словами «эксплуататоры», «аристократы», «бездельники»?

⁸⁷ См. выше, гл.1, ч.II, стр.108-110.

⁸⁸ A.Laponneraye. Refutation des idees napoleoniennes. Paris, 1839, 28.

⁸⁹ Ibid., 27.

⁹⁰ В 1839 г. Лапоннере пытался также издавать журнал «La Propagande».

⁹¹ Sender G. Babouvisme apres Babeuf, 119; Morange G. Les idees communistes, 52; Malon B. Histoire du socialisme, II A, 191.

⁹² Изложение «Анализа доктрины» см. выше, стр. 65-66.

Под этими синонимами следует разуметь тех, кто присваивает себе в обществе все преимущества, кто купается во всяческих излишествах, в то время как неисчислимый класс работников, которые несут на себе все социальные тяготы, является жертвой нищеты и голода. - Из чего вытекают все бедствия, тяготеющие над работниками? Они вытекают из дурной организации труда в индустрии, из той свободной конкуренции, которая по видимости предоставляет всем индивидам равные права и которая в действительности является лишь организованным разбоем, отвратительной анархией. Пользуясь этой анархией, люди более ловкие и беззастенчивые обогащаются за счет большинства. - В чем источник всех богатств? В труде, без которого капиталы бесплодны и непроеизводительны. - Если труд есть источник всех богатств, то какую роль должен играть работник? Первую...»⁹³

Социальная реформа, утверждает «L'Intelligence», есть вопрос политический, и его могут разрешить только рабочие, страдания которых составляют основной стимул социальных изменений. Но политическому преобразованию, которое автор называет «мирной и счастливой революцией», должно предшествовать преобразование нравов. Раньше, чем решать задачу свержения господства аристократии, надо подготовить почву для нового здания демократии. Необходимо преодолеть политическое безразличие народа; необходимо, чтобы народ понял, что учреждения, авторитет которых освящается и поддерживается религией, служат интересам лишь ничтожного меньшинства. Нужно, чтобы народ понял также, какими мерами он может достигнуть необходимых для него преобразований История показывает, что революция, произведенная без моральной подготовки, приводит лишь к эфемерным результатам

Пропаганда идеи «мирной и счастливой революции», морального преобразования несколько неожиданно в статьях журнала чередуется с формулировками, наводящими на мысль о насильственной революции. Ускорить моральные преобразования могла бы, по мнению журнала, война, в которой приняли бы участие передовые европейские государства Англия и Франция. Такая война могла бы быть сигналом для всех угнетенных народов подняться и сбросить существующий порядок

Интересно отношение «L'Intelligence» к техническому прогрессу и к борьбе рабочих против машин. Пагубные последствия введения машин, утверждает журнал, связаны не с машинами как таковыми, а с неправильной организацией общества. Машины - это высшее достижение науки и человеческого разума, это мощное средство, которое способно возродить мир, разрушение машин было бы вандализмом. Машины вредны для рабочего класса лишь потому, что они обслуживают интересы класса предпринимателей. Необходимо поставить себе целью заменить существующий порядок чем-то лучшим. Тот день, когда машины перестанут быть орудием монополии и станут служить интересам всех, - этот день будет началом новой эры для народных классов (*les classes populaires*), эры освобождения и благосостояния Необходимо отметить, что журнал Лапоннере вообще не придавал особого значения экономической борьбе рабочего класса. Представления Лапоннере и его сотрудников в рассматриваемое нами время о том порядке, к которому должно привести социальное преобразование, как мы уже говорили, не выявлены в журнале с полной отчетливостью. Следует лишь отметить, что в некоторых вопросах журнал высказывал положения, сближающие его с фурьеризмом. Журналу не чужда идея организации кооперативов совместными усилиями рабочих и капиталистов. Однако эти ассоциации отличаются от фаланг Фурье тем, что продукт труда распределяется в них равномерно между всеми членами, независимо от характера их участия в организации.

Эклектизм и колебания, несомненно присущие «социальной философии» журналов Лапоннере, в какой-то мере отвечали умонастроениям французских рабочих масс конца тридцатых годов. При всем том следует признать, что журнал Лапоннере искренне сочувствовал тяжелой участи пролетариата и искренне искал путей улучшения его положения. К этой цели Лапоннере направлял всю свою журналистскую деятельность, которую он считал гораздо более полезной для дела народа, чем организация тайных обществ и революционных заговоров.

«L'Intelligence» прекратил свое существование, как утверждали его современники, из-за разногласий по философским вопросам между Лапоннере и Лаотьером. Лапоннере, по-видимому, не мог примириться со спиритуалистическими и деистическими тенденциями Лаотьера. Возможно, что в среде сотрудников журнала обострились разногласия и по другим вопросам. Во всяком случае, с 1840 г. деятельность Лапоннере как журналиста по существу прекращается. В 1841 г. он мечтал создать журнал «Le Club», задачей которого было объединение демократических сил, но реализовать это намерение ему не удалось. В революции 1848 года Лапоннере заметного участия не принимал.

⁹³ См. книгу Bourgin G. et Bourgin H. *Le socialisme français de 1789 a 1848*, Paris, 1912, 84, а также статью С. Бернштейна «Необабувизм в прессе 30-40-х годов» (Сборник «Памяти Бабефа», М., 1960).

В 1839 г. начал выходить журнал «La Tribune du Peuple». Основателем и редактором этого журнала был Ж.-Ж.Пийо, которого мы уже знаем как одного из участников бельвильского коммунистического банкета.

Основное содержание журнала Пийо составляет критика деспотизма, невежества и религии. Борьба с религией и фанатизмом является в то же время, по мнению Пийо, борьбой за интересы бедных. Чтобы бедные могли сбросить с себя тяготеющее над ними иго эксплуатации и угнетения, чтобы постичь всю полноту своих прав, бедные должны прежде всего освободиться от предрассудков и невежества. Пока народ страдает от голода и угнетения, революция не завершена. Резко осуждая отношения, господствующие в современном ему обществе, Пийо, как и Лапоннере, не дает еще, однако, в своем журнале четкой характеристики того общественного порядка, который должен, по его мнению, прийти на смену существующему⁹⁴.

Отдельные статьи с более или менее ярко выраженными коммунистическими тенденциями публиковались и в других оппозиционных органах 30-х годов. Так, по словам современников, Тест сотрудничал в журнале «La Tribune». Кабе считал этот журнал коммунистическим, хотя и не высказывающим открыто своих коммунистических идей. В действительности «La Tribune» стояла на позициях неопределенного эгалитаризма. Журнал защищал идеи возможно более справедливого распределения общественных благ. Статьи Теста не определяли общего характера журнала.

Более яркое выражение коммунистические и революционные настроения находили, как и следовало ожидать, в нелегальных изданиях второй половины 30-х годов. Подпольные органы, естественно, были более откровенны и в своей критике существующих общественных порядков и в изложении выдвигаемых ими революционных принципов общественного преобразования. В официальном докладе на процессе по делу 12-13 мая 1839 года отмечено распространение в Париже двух таких нелегальных органов: «L'Homme libre» и «Le Moniteur republicain», издававшиеся, по данным полиции, организацией «Phalanges democratiques».

Издатели «L'Homme libre» успели выпустить три номера журнала и подготовить четвертый, который был захвачен полицией. В № 3 «L'Homme libre» была помещена, по словам доклада, статья «О наследовании», направленная против передачи имущества по наследству. Право наследования, как и право собственности, автор признает несправедливостью и грабежом. Честные люди страдают под бременем нищеты из-за того, что мошенники отнимают у них часть благ, данную им природой. Необходимо разбить вдребезги этот порядок вещей, сбросить аристократию знати и денежную аристократию с того пьедестала, который воздвигли для них предрассудки. В заключение статья призывает поднять знамя мятежа и уравнивания (de la revoke et du nivellement). В № 4 этого же органа была напечатана статья, озаглавленная «De la communaute». Мы требуем общности (la communaute), говорилось в этой статье, такой или приблизительно такой, какую имел в виду Бабеф. Как он, мы будем вести непрерывную пропаганду наших принципов, хотя бы нам угрожала опасность, не достигнув победы, пасть жертвой постыдной королевской власти. Наш долг - разрушить до основания социальное здание и построить его затем на новом фундаменте. Между вами, пользующимися наглою праздностью, и нами, столь долго страдающими, идет война не на жизнь, а на смерть. Приближается время, когда народ с оружием в руках потребует возвращения его богатств. То, чем обладает богатый, чаще всего является результатом грабежа. Земля должна принадлежать всем. Те, кто ничем не владеет, ограблены теми, кто владеет всем. Нас, бедных, двадцать четыре миллиона, а наших врагов мало; чтобы победить, нам достаточно понять наши обязанности и наши права. Статья призывает к революционной пропаганде среди солдат, которые, являясь жертвой грабежа, по своему невежеству сами этот грабеж поддерживают. Они должны обратить свое оружие против тиранов и их лакеев⁹⁵.

Другой нелегальный журнал тех же лет, «Le Moniteur republicain», дает в своем первом номере (Prospectus) весьма интересное изложение своего символа веры (profession de foi). Мы верим, заявляет журнал, что человечество способно к бесконечному совершенствованию и бесконечному прогрессу. Человечество, согласно требованиям его природы, должно быть объединено во имя общей цели, объединено в труде во имя прогресса. Оно должно трудиться над усовершенствованием своего рода и внешнего мира. Прогресс - общий закон всей природы, всей истории человечества.

⁹⁴ О журнале Пийо см также часть третья, т.VII, стр.314-318 настоящей книги-«Вей книги».

⁹⁵ Merilhou. Rapport (Affaire de 12 et 13 mai 1839), 51-53.

Мы верим, что человек - существо социальное и в силу своей организации, и в силу своих потребностей. Общество - необходимая форма жизни человека; для того чтобы люди образовали общество, не требуется никакого общественного договора. Общество - все, индивид - ничто. Мы верим, что человек получает какие-либо права лишь потому, что он выполняет обязанности по отношению к обществу. Взаимная симпатия человека к человеку, жертвенность человека вытекает с неизбежностью из закона прогресса. Выполнение закона симпатии, закона братства является подлинным выражением единственной религии, отвечающей моральной природе человека.

Цель оправдывает средства, - заявляет журнал, - моральное значение цели морально освящает действия!⁹⁶ Для человечества верховной целью является единство и братство. Для скорейшего достижения эпохи единства и эпохи братства человек должен все принести в жертву, все использовать, в том числе даже пороки существующего общества, против которых мы сами выступаем. Путь к идеалу братства ведет через политическую революцию. Но политическая революция должна быть в то же время революцией социальной. Она не ограничится заменой существующих правителей другими династическими интриганями. Она должна, в конечном итоге, на развалинах существующего общества построить новое общество, основанное на принципе общности⁹⁷.

Французская нация уже в течение 50 лет борется за свободу, равенство, материальное и моральное благосостояние. Ее революционный дух не угасает, ибо он ни в каком смысле не достиг той цели, к которой он стремился. Для народа не имеет значения, именуется ли себя его тиран королем божьей милостью или он получил мандат от 150 рабов, присвоивших себе права народных представителей. В том и в другом случае результат один и тот же. Разве Луи-Филипп не вернулся в страну вместе с Карлом X в обозе казацких частей? Луи-Филипп Бурбон, как и те, которых мы прогнали, не более и не менее.

Понятие суверенитета народа - вторичное понятие, вытекающее из идеи прогресса, которому принадлежит подлинный суверенитет. Но наша задача сейчас состоит в том, чтобы восстановить народный суверенитет - эту цель первой революции. Пока эта цель не будет достигнута, исполнительная власть будет опираться на силы реакции вне страны, будет поддерживать аристократический дух, коррупцию и привилегии внутри страны. Автор статьи полагает, что разделение общества на два класса, эксплуататоров и эксплуатируемых, является результатом сознательной политики власти, которая может жить только на основе отсутствия единства нации⁹⁸.

На французских республиканцах, говорит автор, лежит священная обязанность как в отношении Франции, так и в отношении всего мира. Франции одна только способна идти во главе цивилизации. На французах лежит долг заложить прочную основу для счастья человечества. На своем пути французские революционеры встретят множество врагов, натолкнутся на множество препятствий. Но ничто не должно их останавливать. Во имя счастья человечества они должны быть готовы пожертвовать даже своей жизнью. Свою высокую миссию Франция сможет выполнить лишь при условии установления в ней подлинной демократии. Только демократия, только управление всех в интересах всех может реализовать надежды сторонников прогресса. Свобода и равенство - необходимые условия его достижения. Монархии и аристократии враждебны делу социального возрождения⁹⁹.

Конечная цель прогресса - братство всех членов великой семьи человечества. Но его легче осуществить, и оно может быть вначале осуществлено в пределах одной нации. Принцип братства - основной принцип будущего общества, но его осуществление в обществе требует прочного объединения всех борцов за будущее общество. Призыв к единству должен быть обращен ко всем людям доброй воли, не только к бедным и несчастным, но и к богатым, если они не закоснели в преступлениях и не запятнали себя эксплуатацией других людей. Он должен быть обращен ко всем, кто проповедует Евангелие справедливости и жертвенности, кто порицает угнетателей человечества, кто возвещает свободу рабам и равенство народам¹⁰⁰.

Журнал резко критикует правительство Луи-Филиппа и деятельность законодательных учреждений Июльской монархии, пренебрегающих интересами народа. Июльская революция была отмечена единением всего народа, всех классов в любви к отечеству и в ненависти ко всяким видам угнетения. Народ остался верен знамени освобождения, знамени 1789 и 1793 годов.

⁹⁶ «Le Moniteur republicain», N 1, 3 Frimaire, an 46. Prospectus.

⁹⁷ «Le Moniteur republicain», N 6.

⁹⁸ «Le Moniteur republicain», N 3.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ «Le Moniteur repuglicain», N 8.

В результате революции власть должна была быть передана временному правительству, избранному самим сражающимся народом, представляющим в данный момент весь народ Франции¹⁰¹. Это временное правительство должно было выполнять функции революционной диктатуры, которая неизбежно должна предшествовать полному утверждению принципов демократии. Но власть была отнята из рук народа, воцарение Луи-Филиппа следует считать подлинной узурпацией¹⁰².

Иногда в статьях журнала проскальзывает трезвое понимание соотношения и борьбы классовых сил в современной Франции. Журнал отмечает классовый характер социального законодательства Июльской монархии, законодательства, воспевающего какое бы то ни было объединение рабочих для защиты минимума зарплаты и допускающего объединение предпринимателей и мануфактуристов для сговора, направленного против интересов рабочих. Тюремное заключение грозит всем, кто попытается объединиться для борьбы за улучшение материального положения или для завоевания политической свободы. Буржуазия вполне довольна таким порядком, поскольку он предоставляет ей разделять с аристократией привилегии, которые принадлежали ранее знати. Она хочет верить, что революция уже завершена. Но недалек тот момент, когда она с ужасом увидит, что народ не желает мириться с таким порядком и что он поднимается на защиту своих погрязших прав¹⁰³.

Не менее резко выступают авторы «Le Moniteur republicain» против порядков, царящих в других капиталистических странах. В известной мере эту критику следует рассматривать как полемику против идеализации английского и американского строя в либеральных кругах Франции. Англия, заявляет «Le Moniteur republicain», - это питомник купцов, эксплуататоров, тюремщиков и палачей. Она заставляет пролетариев стонать под тройным игом - знати, поповщины и спекулянтов. Соединенные Штаты - «смехотворная республика» (republique derisoire), «аристократия алтынников» (aristocratic grippe-sou).

Своеобразнейшую черту революционных построений журнала составляет его рассуждение, обосновывающее необходимость и допустимость цареубийства. Королевская власть, рассуждает автор статьи «Du regicide», - это вечное препятствие на путях прогресса, - должна быть уничтожена. Но королевская власть воплощена в личности короля; следовательно, вместе с королевской властью должен исчезнуть и король. В распоряжении короля имеется 400 тысяч солдат и миллионы золота. Единственное средство борьбы с королевской властью, остающееся при таких условиях у народа, - это цареубийство. Истинные демократы должны отбросить в сторону все предрассудки, созданные лакеями деспотизма. Цареубийство - не преступление, а героический акт. Истинные демократы должны понять, что для достижения их целей необходимо добиться уничтожения аристократии и аристократов, королевской власти и королей. Множество исторических примеров оправдывает идею цареубийства. Иногда пролить кровь членов одной семьи значит предупредить гибель бесконечного числа простых людей, гибель целых поколений. Было бы несомненно полезно для Франции, если бы во время революции были истреблены все представители династии Бурбонов. Это исключило бы возможность восстановления на престоле как старшей, так и младшей линии Бурбонов. Сострадание к королям - проявление трусости и малодушия рабов. Почему мы должны щадить людей, обагривших свои руки кровью народа? Поразить тирана - священная обязанность каждого человека, отдающего свои силы делу прогресса, самый экономный и самый надежный способ покончить с тиранией¹⁰⁴.

Автор статьи не ограничивается этими общими рассуждениями. Он подчеркивает, что, говоря о короле, он имеет в виду короля Луи-Филиппа, преступления которого несколько не меньше, чем преступления понесшего законную кару Людовика XVI. Луи-Филипп никогда не выполнял тех обещаний, которыми он щеголял. Не нужно думать, что для уничтожения тирана нужно искать каких-то легальных средств. Для этого дела пригодны какие угодно средства. Не обязательно, чтобы судьбу Луи-Филиппа решал революционный конвент; наоборот, казнь Луи-Филиппа должна послужить толчком для революции. Если организовать восстание не удастся, начать революцию может только покушение. Единственное средство совершить над королем акт правосудия - это убить короля. Судьей тирана должен стать отдельный человек, если нет иных средств его устранения. В подтверждение своих мыслей о цареубийстве автор ссылается на Сен-Жюста и напоминает об убийстве Цезаря Брутом¹⁰⁵.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Ibid., N 1.

¹⁰³ Ibid., N 3.

¹⁰⁴ «Le Moniteur republicain», N 6.

* Наиболее полная подборка документов о суде над Людовиком XVI. В том числе речь Сен-Жюста: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/berk_louis_1.htm.

¹⁰⁵ Ibidem.

Годы Июльской монархии отмечены целым рядом покушений на Луи-Филиппа. «Le Moniteur republicain» представляет единственную в своем роде попытку дать подобным покушениям теоретическое обоснование. В то же время это единственный в своем роде для Франции той эпохи пример сочетания идеи социальной революции с идеей индивидуального террора.

2

Как мы уже знаем, 1840 год в известной мере явился поворотным пунктом во французском коммунистическом движении 30- 40-х годов. Этот год отмечен первым банкетом открыто коммунистического характера. Он отмечен оживлением коммунистической пропаганды тайных революционных обществ. В этом же году Дезами, участник бельвильского банкета и видный деятель коммунистического движения, предпринял издание журнала «L'Egalitaire», примыкающего к революционному крылу коммунистического движения и, по-видимому, связанного с тайным обществом «Travailleurs egalitaires». «L'Egalitaire» Дезами в своей аргументации в пользу коммунизма остается целиком на почве доводов моральных, а в своих представлениях об основных причинах общественного зла - на почве весьма примитивного рационализма. Все социальные бедствия имеют своим конечным источником заблуждения человеческого разума. Установившаяся в результате этих заблуждений дурная общественная организация изолирует личные интересы, побуждает индивида думать только о себе, подавлять бескорыстные стремления в угоду стремлениям эгоистическим.

Цель человека, рассуждает Дезами, - счастье. Чтобы постигнуть, в чем состоит счастье, надо изучить природу человека: счастье заключается в полном и планомерном развитии его способностей. Универсальный закон, доминирующий над всем, - закон равенства. Когда исчезает равенство, распадается все общественное здание. Без реального равенства (l'egalite réelle) нет ничего устойчивого, в обществе царят беспорядок, смута¹⁰⁶. Социализировать - значит развить в каждом чувство бескорыстной любви к социальному коллективу. Цель природы не может быть достигнута, пока в основу здания не положена жертвенность (le devouement), пока не установлены равенство и братство. Социальным можно назвать только такое состояние, при котором различные интересы сливаются в единый общий интерес. Этим требованиям отвечает общность (la communauté) - строй, централизующий и гармонизирующий чувства своих членов. Интересную черту в аргументации журнала составляет признание того положения, отражающего, по-видимому, влияние Фурье, что для прочности общества важнее нравы, а не законы, принципы, а не правила.

Только «уравнители» (les egalitaires) подрывают общественное зло в корне, отнимая почву у жадности, безнравственности, испорченности и тирании, только они способны разрешить тем самым проблемы сочетания свободы и морали¹⁰⁷. Пропаганда идей «уравнителей» и является, заявляет Дезами, задачей журнала.

«L'Egalitaire» объявляет себя органом демократии. Но под демократией, говорит одна из передовых статей журнала, мы понимаем не только политическую форму, где избирательное право чаще всего является гнусным обманом. Истинная демократия - это социальная организация, в которой общественное достояние равно принадлежит всем и всем приносит равную пользу. Такая демократия не будет реализована, пока в наших законах имеется малейшее неравенство. Такая демократия - коммунизм, обетованная земля человечества. Цель уравнителей - осуществить возможно скорее «святую общность» (la sainte communauté) прав и обязанностей. Во имя этой цели журнал призывает объединиться, с одной стороны, «несчастных пролетариев», которые непосредственно страдают от нечестивой социальной организации, а с другой - всех разумных и благородных людей, способных прислушиваться к голосу совести. Даже «рабы эгоистических страстей» могут примкнуть к уравнителям, ибо равенство обеспечивает общее благо, а из общего блага вытекает благо каждого¹⁰⁸.

Журнал уделяет немало внимания народным волнениям, происходившим в 1840-1841 годах в различных частях Франции. Автор обзора в первом номере журнала квалифицирует излагаемые им события как «провоцированные акты». Он считает нужным застраховать себя от возможных обвинений: «От нас, - заявляет он, - далека мысль возбуждать массы». Он лишь «не чувствует смелости осуждать» несчастных крестьян и бедных рабочих.

Ясного понимания значения этих стихийных движений для роста классового самосознания рабочих и для дела борьбы за коммунизм мы в журнале не находим. Но излагаемая нами статья все же делает из приводимых ею фактов весьма многозначительный вывод: растет и организуется новая сила, которая стремится уравновесить силу закона (la force legale). Закон ничего не может сделать против власти событий (la force des evenements).

¹⁰⁶ «L'Egalitaire», N 1-3.

¹⁰⁷ «L'Egalitaire», N 1, 30.

¹⁰⁸ Ibid, N 2, 35-39.

Близится реальная эмансипация «пролетарских классов»¹⁰⁹. «Настала пора сбросить с себя летаргию, противопоставить привилегиям сплоченные силы сторонников равенства, бросить наше моральное влияние на чашу весов исторических судеб». «Быть может, страх перед неизбежным, - замечает автор с нескрываемой иронией, - пробудит, наконец, гуманные чувства даже у «монополистов». Во втором номере журнала Дезами в неприкрытой форме призывает к революции: «Несчастливые не могут смягчить свою участь, не могут разбить свои окопы смешными жалобами или тупой покорностью. Нет, нет! Угнетатели не отступят перед пустыми словами. Свобода улыбается тем, кто смело идет на ее завоевание; в системе гнета всегда можно найти брешь... Не забудем, что дело идет о революционном переходе; в критические эпохи необходимо применять не только методы гигиены, но и методы хирургии».

«L'Egalitaire» открыто примыкает к коммунистическим традициям XVIII века. Книгу Морелли «Кодекс природы» журнал называет прекрасным трудом. Он выступает с пространной и решительной защитой бабувизма против критики, которой его подверг Торе в «Le Journal du peuple». Он солидаризируется с основными положениями бабувизма, в том числе и с учением бабувистов о революционной диктатуре как о пути к полному утверждению системы равенства. О том, каким образом страна должна прийти к диктатуре, автор рассматриваемой статьи не говорит. Однако совершенно бесспорно, что «L'Egalitaire» не ждет ничего для дела народа от парламентской борьбы. Никто не принес такого вреда народному делу, как парламент, заявляет «L'Egalitaire». Парламент в наибольшей степени содействовал задержке революции, ставя себя между двором и народом. Он отвлекал народ от борьбы за его права. Эта характеристика роли парламента относится ко времени Реставрации. Но из контекста ясно, что автор, говоря о недавнем прошлом, имеет в виду общую оценку парламентских методов борьбы.

Как краткая формулировка социальных идей журнала известный интерес представляет тост, который Дезами предполагал произнести от имени журнала на одном из демократических банкетов. Президиум не разрешил его огласить, и он был опубликован в журнале. «За социальное равенство! - писал Дезами в этом проекте тоста. - Из социального равенства с неизбежностью вырастут все самые радикальные политические реформы. За уравнительную демократию! При ее царстве нам нечего будет бояться, - как при демократиях прошлого, - что форум станет ареной продажности и коррупции, что снова ростовщики превратят храм закона в притон воров. За социальную демократию! Искореним язву привилегий, завоюем и упрочим все наши права, реализуем на земле все те мечты, которые баюкали нас в детстве. Граждане! Пусть все наши сердца сольются в одной мысли: да здравствует социальная общность!»

После прекращения на втором номере «L'Egalitaire» Дезами и его друзья сделали попытку возобновить выход журнала под названием «Le Communautaire». Передовая статья первого и единственного номера «Le Communautaire» служит в то же время проспектом издания. Автор статьи (по всей вероятности Дезами) заявляет, что журнал ставит себе целью не только исследование причин несчастий человечества, но и указание путей к их устранению. До сих пор, говорит он, не существует сколько-нибудь солидно обоснованного труда по этому вопросу. Необходимо создание науки об обществе. Ближайшая задача состоит в том, чтобы пробудить в читателях интерес к этой науке и дать ее первоначальный набросок. Автор уподобляет себя архитектору, который чертит сначала план будущего строения, чтобы затем, опираясь на знание окружающей его действительности, предложить средства для осуществления этого плана¹¹⁰.

В своем понимании действительности автор стоит на материалистических позициях. Вселенная, говорит он, бесконечна в пространстве и не имеет начала во времени. Все отдельные вещи - лишь формы проявления этого единого бытия. Это бытие нельзя назвать разумным, так же как нельзя его назвать красным или синим. Это свое материалистическое мировоззрение автор противопоставляет «деизму», разумея, очевидно, под этим словом религию вообще. Деизм, говорит он, мы считаем первопричиной ошибок и одичания человечества, почвой, на которой вырастают все социальные бедствия.

Человек всегда жил и живет в обществе, никакая индивидуальная сила не может заменить силы общественной. Но соединение людей, при котором остаются неприкосновенными их частные интересы, не есть подлинное социальное объединение. Такое объединение не соответствует естественному праву. Личные, частные интересы противостоят в нем интересам общим, эгоизм противостоит братству. Социализировать - значит объединить различные частные интересы в один общий интерес, - это и есть общность.

¹⁰⁹ «L'Egalitaire», N 1, 19-23.

¹¹⁰ «Le Communautaire, Journal demontrant la science sotiale». 1-r numero servant de prospectus-specimen, p.1.

При общности личные частные интересы отступают, господствует интерес к общему благу. Осуществление принципа общности ведет к централизации распыленных сил, к многократному росту могущества человеческого общества, к росту его благосостояния, подъему его духовной жизни. Только общность способна обеспечить человеку постоянный и прочный интерес к жизни¹¹¹.

Там, где общество представляет некое единство, человек целиком принадлежит общественной организации. Рассматриваемый со стороны сил и способностей, - он должник общества, рассматриваемый со стороны потребностей и желаний, - он кредитор общества. Общество заставляет делать гражданина все то, что надлежит; оно предоставляет ему возможность делать все то, что ему не вредит. В обществе должно соблюдаться следующее правило, которое является аксиомой: сначала необходимое, потом полезное и, наконец, приятное. Общество должно считать своими доходами все удовольствия, которые испытывают его граждане, оно должно числить своими потерями все неприятное, что оно причиняет гражданину. Общество должно постоянно стремиться увеличить первое и уменьшить второе, обеспечить условия, необходимые для человеческого счастья. Силами человека оно производит для человека; человек дает и получает, производит и потребляет¹¹².

В нормальном обществе человек не зависит от прихоти человека, он зависит только от социального разума. Общество стремится подавлять дурные желания человека, поощрять, развивать и широко удовлетворять желания добрые. Зависимость человека от общества, представляющаяся рабством при существующих условиях, будет в новом обществе самой прекрасной, самой подлинной свободой, ибо она не будет отрицанием братства, не будет связана с угнетением и бедствиями других¹¹³.

С характеристикой строя общности связаны в «Le Communautaire» представления об организации семьи и воспитания. Автор решительно высказывается против существующей формы семьи. Брак в настоящем его виде должен быть отменен. Семья должна быть, по мнению автора, заменена свободным моральным союзом полов, - союзом, подлежащим, однако, некоторой общественной регламентации. Родители не должны претендовать на власть над своими детьми. Воспитание, как направление всех впечатлений человека к укреплению социальных чувств, должно быть по существу строгим применением основных принципов социальной науки¹¹⁴.

Для осуществления порядка общности нужна сознательная организующая власть. Власть должна принадлежать людям, обладающим живым и просвещенным социальным чувством. Только они имеют моральное право руководить обществом. Это единственный путь, который указывает разум людям добра для достижения их желанных целей. Автор придает большое значение теории, обосновывающей общность: он призывает всех людей, борющихся за лучшее будущее человечества, быть очень внимательным к содержанию тех идей, которые они проповедают, эти идеи - отправной пункт реализации общественных преобразований, от них зависит сила и направление всего движения. Не следует придавать большого значения участию в движении отдельных лиц. Одним человеком больше или меньше в наших рядах - это не имеет значения; и наоборот, признание той или иной идеи или отказ от нее может спасти или погубить все дело¹¹⁵.

Современное общество основано на конкуренции и эксплуатации. Каждый из его членов должен выбрать себе в этом обществе тот или иной путь, должен сосредоточить на чем-то всю свою активность, чтобы обеспечить себе владение основной движущей силой этого общества - деньгами. Каждый из членов общества, таким образом, заинтересован в том, чтобы источник, обеспечивающий его существование, не пересох и не закрылся. В этом сложность общественного преобразования. Как только прекратится нормальное и повседневное обращение благ, приносившее людям их насущный хлеб, они теряют уверенность в завтрашнем дне. Если вы не обеспечите им существование немедленно новым способом, все начнут мечтать о возврате к старому. В этом причина того, что народы после продолжительных кризисов и бесплодных усилий возвращаются силою вещей к своему исходному положению¹¹⁶.

Между строем, основанным на деньгах и на личной предприимчивости, и строем, в котором право на существование каждого обеспечивается централизованной силой общества, нет и не может быть, по мнению автора, никакого промежуточного порядка. Препятствия, которые могут помешать преобразованию, силы, которые могут ему противодействовать, - одинаковы и при длительном переходе и при кратковременном и решительном перевороте.

¹¹¹ «Le Communautaire», 2.

¹¹² Ibid, 3.

¹¹³ Ibidem.

¹¹⁴ «Le Communautaire», 2.

¹¹⁵ Ibid ,

¹¹⁶ Ibidem.

Различие лишь в том, что длительный переходный период создает с каждым днем новые препятствия, ослабляет усилия и веру в успех дела, порождает разногласия в рядах коммунистов. Опыт учит, что если какая-либо идея в момент своего апогея только провозглашается и не претворяется в дело, она гибнет и ее предадут собственные защитники. Отвергнем же, обращается автор к сторонникам коммунизма, всякий переходный период. По существу такой период невозможен: он безобразное чудовище, у которого отсутствует большинство необходимых для жизни органов¹¹⁷.

Рассмотренный нами проспект журнала «Le Communautaire» с несомненностью свидетельствует о стремлении его автора объединить вокруг журнала сторонников активной борьбы за строй общности. Автор бесспорно понимает важность для такого объединения идейного единства, революционной теории. Он заявляет о необходимости построить эту теорию на основах материалистической философии. Но подобно материалистам XVIII века, учеником которых он является, он оказывается не в состоянии материалистически осмыслить явления общественной жизни. Критика существующих общественных отношений носит у него морально-рационалистический характер; в проспекте мы не находим ни сколько-нибудь серьезного анализа экономических отношений существующего общества, ни характеристики общественных классов. Совершенно естественно, что в проспекте остается невыясненным и вопрос о конкретных условиях и конкретных методах борьбы за строй общности.

В 1841 г. выходил журнал «L'Humanitaire», основанный группой лиц, примыкавших, по-видимому, к тому же течению коммунистической мысли, которое господствовало в обществе «Travailleurs égaux». В состав редакции входил ряд деятелей тайных обществ: Шараве, Фомберто, Мей; Мей считали основным руководителем журнала и автором его программных статей¹¹⁸. Возможно также, что в журнале участвовали Дезами и Гей. По своим задачам и по защищаемой им общественной философии «L'Humanitaire» весьма близок к «Le Communautaire». Так же как и «Le Communautaire», новый журнал проповедует необходимость разработки науки об обществе. Отсутствие труда или органа, который бы ставил перед собой задачу создания и ясного изложения социальной науки, «L'Humanitaire» считает одной из существенных причин господствующих среди коммунистов разногласий. Наша цель - восполнить этот пробел, создать теорию, которая обеспечит единение коммунистов. Наш метод - правда. Война не на жизнь, а на смерть - всем ошибкам, всем предрассудкам. Дорогу истине!¹¹⁹

Социальная наука должна быть позитивной и наглядной наукой. Она должна выйти из мрачных глубин абсурдной метафизики - главной причины заблуждений человеческого разума. В торжестве такой позитивной науки «L'Humanitaire» не сомневается. Победа истины неизбежна, она придет скоро. Человек не может оставаться впредь под властью глупостей так называемого откровения, существование которого так же невозможно, как и существование божества, будто бы принесшего это откровение.

Журнал считает необходимым исходить в построении социальной науки из природы человека. Человек - существо, предназначенное природой для жизни в обществе. Цель социальной науки - обеспечить для членов общества положение, вполне соответствующее человеческой природе, положение, при котором получают удовлетворение потребности человека и обеспечено полное развитие его способностей. Человек по своей природе отнюдь не склонен ко злу; он способен к совершенствованию. Вся история доказывает это. «В период каждого бурного кризиса, каждой перемены социальной ситуации мы видим, как изменяются его идеи, его характер, его нравы, его склонности, одним словом все качества, которые способствуют его самосохранению» - этому основному мотиву человеческой деятельности. Если человек творит зло, то его злые поступки являются следствием дурного состояния общества; винить в них следует не отдельных людей, а общественный порядок. При радикальном изменении общественного порядка человек будет поставлен в такое положение, что он сможет делать только благо и не будет в состоянии делать зло. В обществе, основанном на законах человеческой природы, зло станет невозможным. Жить согласно природе - это значит удовлетворять всем ее требованиям. Это истинный критерий человеческой мудрости, это истинное счастье.

¹¹⁷ «Le Communautaire», 4.

¹¹⁸ См. V. Bouton. Profile révolutionnaires, 156. Бутон - художник по специальности - в то же время был плодовитым литератором. Ему принадлежит более 60 книг, статей, брошюр, афиш и т.д.; цитируемая нами книга Бутона посвящена революционным деятелям времени Июльской монархии. Книга интересна тем, что ее содержание основано, главным образом, на личных воспоминаниях автора.

¹¹⁹ «L'Humanitaire», N 1, 1-2.

Если до сих пор человечество страдает от общественных бедствий, то это следствие его невежества и неразумия, следствие его страстей, осуждаемых человеческим разумом, но не повинующихся ему. Для того чтобы эти бедствия были устранены, необходимо, чтобы все интеллектуальные и моральные способности человека получили полное развитие. Разум, или точное знание, станет тогда единственной движущей силой всех человеческих действий, как ныне он является движущей силой действия отдельного мудрого человека. Человеческий разум непогрешим. Человек с развитым разумом никогда не станет вредить самому себе. Важнейшей задачей социальной науки является поэтому найти такое положение, при котором человек будет лишен возможности вредить другим, не вредя самому себе. До настоящего времени человеческий разум затемняли предрассудки, создаваемые спиритуализмом. Невежество делало остальное. История не может служить аргументом против этой доктрины; она свидетельствует лишь о том, что разум отклонялся на ложные пути.

Такой порядок возможен лишь при осуществлении равенства. Именно равенство и только равенство способно разрешить все социальные проблемы. А равенство предполагает, по мнению журнала, не равную дележку, а единство и неделимость благ, - общность всех имуществ, включая и землю. Только общество, основанное на равенстве, сможет обеспечить развитие всех способностей человека. С другой стороны, именно такое развитие всех способностей человека обеспечит реальное равенство людей. Основным принципом такого общества должно быть положение:

от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Мораль людей в будущем обществе будет равнозначна мудрости. Она резюмируется изречением: общество должно быть полезно индивиду; индивид должен быть полезен обществу. Солидарность граждан станет характерной чертой общества. Человеческая активность не исчезнет в обществе равных, она будет направлена на полезные предметы вместо того, чтобы теряться в заблуждениях или расходоваться попусту. Тот, кто считает, что при общности будут царить скука и монотонность, - глубоко ошибается.

В новом обществе, утверждает «L'Humanitaire», очевидно, не без влияния Фурье, человек не будет привязан к одной и той же работе более одного дня. Его активность будет непрерывно стимулироваться сменой видов труда, частыми путешествиями, открывающимися ему для изучения новыми фактами. Было бы ошибочно поэтому думать, что общность сделает невозможным развитие наук и искусств. Наоборот, полезные виды наук и искусств будут, естественно, получать от общества поддержку.

Некоторые анархические тенденции в духе Фурье могут быть отмечены и в других коммунистических журналах рассматриваемого времени. В «L'Humanitaire» они выступают особенно явно. Человек по своей природе вовсе не склонен к насилию над себе подобными, - читаем мы в «L'Humanitaire». Всякое зло, которое до сих пор угнетало человечество, было результатом невежества людей. Оно не вытекает из законов существования материи. Материя в целом и во всех своих частях являет собой порядок и устойчивость. Всюду, где мы видим беспорядок или разрушение, мы априори можем сказать, что здесь человек нарушил вечные законы материи¹²⁰.

Человечество до сих пор находилось в противоречии с основными законами своей природы; стремясь обеспечить свое самосохранение, оно подчинялось слепым инстинктам, которые, однако, не были способны гарантировать его существование. Но из того, что человечество всегда действовало неразумно, абсурдно делать вывод, что оно будет продолжать так действовать всегда. Когда будет устранено все, прямо или косвенно ведущее к заблуждениям, когда исчезнут все ложные привязанности человека (вплоть до уз семьи), человек полностью освободится от склонностей и желаний, которые толкают его к насилию над другими людьми. Когда разум будет править миром, исчезнут все формы господства человека над человеком, и человек достигнет истинной свободы.

Нас упрекают в том, говорит «L'Humanitaire», что в нашей системе, отнимая у человека возможность делать зло, мы тем самым уничтожаем его «я», убиваем человеческую свободу и устанавливаем тиранию нового рода. Но тирания есть такое положение, при котором человек вынужден совершать действия, расходящиеся с велениями его разума. Подчиняясь только разуму, человек обретает свою истинную свободу, которая отнюдь не противоречит принципам коммунистического общества. Это убеждение в соответствии коммунизма требованиям человеческого разума и человеческой свободы современники считали наиболее характерной чертой пропаганды «L'Humanitaire»¹²¹. Анархические тенденции, присущие журналу, нашли свое отражение в сочувственной статье, которую журнал посвятил известному французскому писателю XVIII века Сильвену Марешалю*.

¹²⁰ «L'Humanitaire», N 2.

¹²¹ V. Bouton. Profils révolutionnaires. Paris, 1848-1849.

* Материалы о Сильвене Марешале в нашей библиотеке:

Марешаль, говорит автор этой статьи, резко выступал против законов и правительств. Человек, говорил он, не должен подчиняться человеку. Он считал, что законы моральные могут полностью заменить писанные законы. «L'Humanitaire» восхваляет эти «анархические» идеи Марешаля. Анархия, поясняет редакция журнала, есть состояние без правительства, но не состояние беспорядка, как понимают это слово наши политики.

Автор статьи с явным одобрением приводит замечания Марешаля о революции. Революция, по мнению Марешаля, сделала большое дело, обеспечив индивидуальную свободу, но деятели революции, сосредоточив свое внимание исключительно на политике, упустили из виду вопросы общественной жизни. Революция не завершена. Она лишь пролог будущей, более мощной революции, которая будет последней. Свобода, равенство и братство остаются пустыми словами, если в обществе есть слуги и хозяева, бедные и богатые. В связи с этими замечаниями «L'Humanitaire» напоминает, что Марешаль осуждал Робеспьера за то, что он предал эбертистов вместо того, чтобы усвоить их программу. «L'Humanitaire», по-видимому, склонен солидаризироваться с этим мнением Марешаля.

Однако, во многом соглашаясь с Марешалем, журнал решительно отвергает представление Марешаля о разумном обществе. Марешаль, отмечает журнал, мечтал об уничтожении городов, об их замене мелкими, удаленными одно от другого поселениями, объединяющими людей по семейному признаку. Эту утопию идиллически-патриархальной организации общества «L'Humanitaire» называет «навязчивой идеей» Марешаля. Правда, он, по-видимому, от нее отказался, примкнув к заговору Бабефа, но после казни Бабефа вновь к ней возвратился. Заслугу Марешаля «L'Humanitaire» видит в том, что он поставил вопрос, может ли совершенный человек жить в обществе без законов и правительств.

Значительный интерес представляют помещенные в «L'Humanitaire» заметки, посвященные другим социально-политическим течениям его времени. Редакция журнала решительно осуждает последние, направленные против коммунизма, произведения Ламенне, заявляя при этом, что они не заслуживали бы большого внимания, если бы Ламенне не завоевал известного круга сторонников в классе пролетариев. В заметке о процессе Пийо в суде исправительной полиции «L'Humanitaire» приводит цитату из выступления Пийо, явным образом с ней солидаризируясь. В общем сочувственно относясь к лионскому журналу «Le Travail»¹²², редакция в очень сдержанной форме отмечает, что проповедуемый журналом спиритуализм диаметрально противоположен доктрине общности и равенства.

Заслуживает особого внимания полемика «L'Humanitaire» с «La Fraternelle» по вопросам философии¹²³. «L'Humanitaire» защищает материалистические принципы против спиритуалистической концепции «La Fraternelle». Как и «Le Communiste», «L'Humanitaire» считает бесспорным, что человек представляет собою известное скопление молекул, чисто материальное существо. Человеческая мораль - не что иное, как искусство жить в обществе счастливо. «L'Humanitaire» считает абсурдным представление о человеке как о порождении нематериального разума, который не имеет ни протяженности, ни веса. Ничто, заявляет «L'Humanitaire», не может создать что-либо. Столь же абсурдно, по мнению журнала, защищаемое «La Fraternelle» положение, будто только вера в бога может утвердить человека в отстаивании принципов свободы, равенства, добродетели, прогресса, цивилизации.

Гораздо терпимее «L'Humanitaire» относится к журналу «L'Atelier», несмотря на присущие «L'Atelier» в еще большей степени, чем «La Fraternelle», идеалистические настроения. «L'Humanitaire», по-видимому, стремится к сближению с группой журнала «L'Atelier», считая, что расхождения между ними вызваны неразработанностью социальной науки и что их нетрудно устранить¹²⁴. Правильно критикуя отказ «L'Atelier» допускать к сотрудничеству в журнале выходцев из других классов, «L'Humanitaire» напоминает, что к рабочему классу не принадлежали ни Платон, ни Мор, ни Мабли, ни Морелли, ни Бабеф, ни Буонарроти. Но, развивая это положение, «L'Humanitaire» приходит к неверному выводу об отсутствии связи между коммунистическими идеями и интересами определенного общественного класса.

¹²² О журнале «Le Travail» см. ниже, стр. 195 и след.

¹²³ О журнале «La Fraternelle» см. ниже, стр. 181 и след.

¹²⁴ Журнал «L'Atelier» бы весьма далек по своей программе от коммунизма. Он неоднократно полемизировал против коммунистических органов печати. Журнал пропагандировал свободные ассоциации рабочих, организуемые по инициативе самих рабочих, за счет их сбережений. Идейным вдохновителем журнала был бывший сен-симонист Бюше, стоявший в вопросах философских на позициях ортодоксального католицизма. Редакция «L'Atelier» состояла исключительно из рабочих, которые считали, что отсутствие в редакции интеллигентов обеспечивает рабочий характер журнала.

Находясь несомненно в своих построениях под влиянием рационалистической традиции, редакция «L'Humanitaire» не боится самых крайних выводов из своей рационалистической теории. Она отказывается, по существу, от идеи суверенитета народа как суверенитета большинства и противопоставляет этому суверенитету большинства суверенитет разума. Социальная среда, - говорит «L'Humanitaire», - исказила все идеи, простые понятия истинного и ложного извращены; при таких условиях человеческое «возрождение» может действовать только от имени опытного и наглядного знания, а не от имени невежественного и слепого большинства, которое выйдет из этого положения только в результате изменения социальной ситуации. Когда произойдет «возрождение», суверенитет количества также не будет править человеком; все человечество будет подчиняться общему закону не потому, что все признают его справедливость, но потому, что его справедливость доказана наукой или развитым разумом. Противоречий между рационалистическими и материалистическими элементами своего учения редакция «L'Humanitaire» не замечает.

3

По своим философским тенденциям «L'Egalitaire», «Le Communautaire» и «L'Humanitaire» должны быть отнесены к материалистическому направлению утопического коммунизма. На противоположных, идеалистических позициях стояли «Le Populaire» Кабе и «La Fraternelle». Кабе приступил к изданию журнала «Le Populaire» еще в 1833 г. Журнал имел тогда подзаголовок «Журнал политических и моральных интересов народа» и носил демократический, но отнюдь не коммунистический характер. В 1835 г. этот первый «Le Populaire» прекратил свое существование. В 1841 г. Кабе возобновил его издание как «журнала политической и социальной реорганизации». Этот второй «Le Populaire», наиболее долговечный из всех коммунистических журналов, имел значительное для своего времени число подписчиков: в 1846 году это число дошло почти до 4000. По мысли Кабе журнал должен был стать органом объединения всех коммунистов, органом совместного обсуждения проблем коммунизма. Кабе пытался привлечь к участию в нем Дезами, Лаотьера и других. Но подобное объединение не могло быть длительным и прочным. Уже очень скоро «Le Populaire» стал специфическим журналом, проповедовавшим мирный «икарийский» коммунизм и полемизировавшим с коммунизмом революционным. В приложении к номеру от 14 марта 1841 г. Кабе поместил проспект издания. «Бесчисленные попытки реформ и революции, - говорил он в этом проспекте, - свидетельствуют о страстном стремлении всех Народов завоевать Равенство и Демократию. В 1789 г. вся Франция единодушно, за исключением двадцати-тридцати семей аристократов, восстала, чтобы провозгласить и осуществить права человека, преимущества общественного состояния, народный суверенитет, свободу, равенство, братство и единство... Но до настоящего времени эти слова остались для народа только словами, их реализации помешал хаос, вызванный борьбой. Именно последовательной реализации этих лозунгов хочет Народ. Слово «общество» не должно быть издевательством, не должно представлять простого скопления людей, в котором одни являются эксплуататорами, а другие подвергаются эксплуатации, в котором большинство производит все, не имея даже необходимого, тогда как несколько человек обладают неизмеримыми излишками, ничего не делая. Необходимо, чтобы действительно существовало общество, ассоциация, необходимо, чтобы все члены общества были членами ассоциации. Все должны сотрудничать в осуществлении социальных интересов, все должны принимать участие в тех преимуществах и в тех благах, которые доставляет общество. Необходимо, чтобы слова Народный суверенитет. Свобода и Равенство не звучали как оскорбительная насмешка, необходимо, чтобы все было урегулировано законом, чтобы закон в действительности был выражением общей воли и... чтобы закон создавался непосредственно или опосредствованно всеми в интересах всех. Не оскорбительно ли для разума говорить о Свободе и Равенстве там, где несколько человек присваивают себе все благодеяния общества, оставляя на долю масс только тяготы, утомление, опасности, невежество и нищету?..

Для нас Братство составляет истину религии, побуждающую нас стремиться к счастью всех без исключения, не позволяющую нам терпимо относиться к несчастью, постигающему кого бы то ни было. Для нас Братство раскрывается в следующей, поистине божественной истине: люби ближнего своего как самого себя и не делай ему ничего такого, чего бы ты не пожелал, чтобы он сделал тебе, и делай ему все то благо, которое сам бы ты хотел получить от него. По нашему мнению, нужно, чего бы это ни стоило, уничтожить нищету, дать воспитание всем детям. Необходимо записать в начале Конституции, что первая обязанность общества состоит в том, чтобы обеспечить всем их материальную, моральную и интеллектуальную жизнь, иными словами, гарантировать им средства, необходимые для того, чтобы они могли вступать между собой в браки, создавать семьи, чтобы они имели соответственную пищу, одежду и жилище при умеренном труде.

Всякая революция, которая не ставит себе целью достигнуть таких результатов, представляется нам преступлением, лишь сменяющим бывшее несчастье новым несчастьем. Но мы хотим осуществить все эти перемены согласно законам справедливости, разума, братства, никого не разоряя и не угнетая; мы не хотим революции, мы хотим реформы. Мы хотим разрушать старое лишь с тем, чтобы построить на его месте новое, свободное от несовершенств. Мы хотим изменить положение того или иного лица лишь затем, чтобы заменить его лучшим и заслуживающим предпочтения. И мы глубоко убеждены, что все эти счастливые результаты вполне возможны и могут быть осуществлены силой общественного мнения.

Исходя из сказанного, «Le Populaire» будет органом демократическим, реформистским, социалистическим и, в частности, коммунистическим. Он будет требовать общности, но общности, устанавливаемой при помощи общественного мнения и после переходного или подготовительного режима. Он будет требовать для этого переходного режима демократии и реформ, провозглашения принципа общности, возрастающего равенства, уничтожения нищеты, упорядочения заработных плат, единства воспитания и т.д. Справедливость, терпимость, мораль, братство - таковы будут его руководящие философские идеи».

В приведенном проспекте мы не находим еще призывов к созданию опытных коммун. Эту идею Кабе выдвинул позже и, естественно, использовал для пропаганды страницы своего журнала. Именно в «Le Populaire» в 1847 году был опубликован манифест, призывающий коммунистов принять участие в организации коммунистической общины в Соединенных Штатах Америки.

Гораздо больший интерес для истории идей утопического коммунизма представлял журнал «La Fraternelle», орган, основанный в том же 1841 году Шароном и Лаотьером. Большое авторское участие в журнале принимал Савари, бывший сапожник, уже в 1832 году выступивший на литературном поприще. Ему принадлежит ряд статей по вопросам о частном присвоении и о системе наемного труда. Впоследствии он, по-видимому, вошел в состав редакции «La Fraternelle». Бутон упоминает также в числе сотрудников «La Fraternelle» Брижа и Баллона¹²⁵. По существу под именем «La Fraternelle» издавалось в течение 1841-1843 гг., а затем в 1845 году несколько сменявших друг друга журналов с различным составом редакций, - журналов, отражавших различные оттенки коммунистической мысли. В течение первых лет издания журнала (1841-1843) «La Fraternelle» в основном стояла на позициях мирного утопизма, хотя в отдельных статьях чувствуется влияние бабувистской революционной традиции.

Как и «Le Populaire», «La Fraternelle» проповедовала «коммунизм братства и любви». Как и «Le Populaire», «La Fraternelle» полагала, что проповедь Христа, правильно понятая, может служить основой для новой социальной морали, и высоко оценивала значение христианства для развития коммунистических идей. В вопросах философии «La Fraternelle» занимала последовательно идеалистические позиции. Человек, утверждал журнал, не есть грубый и неразумный результат игры случайностей, комбинация нескольких молекул. Человек - порождение нематериального разума, который не имеет ни протяженности, ни веса. Тело человека - одеяние, заключающее в себе разумное начало, дочь высшего и вечного разума, творца и вседержителя мира - Верховного Существа, от которого исходят все основные принципы социального бытия: мораль, свобода, равенство, братство, прогресс, цивилизация. Вера в Верховное Существо укрепляет человека в борьбе за эти принципы.

Коммунизм отличается от христианства тем, что он не ставит себе небесных целей, он стремится к преобразованию человечества, к слиянию человека с божеством через посредство его любви к братьям¹²⁶. Человек принадлежит человечеству, он не может быть собственностью какого-либо другого человека. Человечество не признает ни привилегий, ни исключений. Его законы всеобщие, обязательны для всех, никто не может быть изъят из них и господствовать над ними, с другой стороны, человек, как часть великого целого, не может жить изолированной жизнью, его природа в существе общественна. Коммунизм - не утопия, люди неоднократно делали попытки его осуществления (Парагвай, моравские братья). По существу все социалистические системы, по мнению редакции «La Fraternelle», представляют некоторые ответвления коммунизма и, в конце концов, должны слиться в едином синтезе. Утопистами надо считать не коммунистов, а тех, кто мечтает об увековечении разлагающегося строя¹²⁷.

¹²⁵ V. Bouton Prohls revolutionnaires, 27, 161.

¹²⁶ «La Fraternelle», Juillet 1841.

¹²⁷ «La Fraternelle», Avril 1842.

Коммунизм - соединение братьев, согласованно трудящихся для разрешения общих задач. Братство - основное звено в коммунистической организации, звено, без которого невозможно осуществление равенства. Моральное преобразование является поэтому необходимой предпосылкой преобразования социального - без него равенство неосуществимо. Равенство - конечная цель всех усилий человеческого рода. Но равенство не есть факт природы, естественное неравенство людей погашается социальными законами и духом общественности¹²⁸.

Коммунистов обвиняют в том, что их доктрина - доктрина материалистическая, эгоистическая и сенсуалистская. Говорят, что коммунисты разрушают всякий порядок, всякое право, всякую социальную иерархию. В действительности коммунизм стремится осуществить подлинный порядок и подлинную иерархию. Коммунисты проповедуют социальную систему, дающую удовлетворением всем необходимым потребностям, уничтожающую все причины деградации, связанные с пороками социальной организации.

Исторический процесс с неизбежностью ведет к коммунизму, утверждает «La Fraternelle». Коммунисты обязаны содействовать достижению этой цели. Журнал признает, что коммунизм примыкает к традициям Французской революции; он осуждает отрицательное отношение Фурье к революции. Коммунисты - наследники семян, рассеянных революцией в мире. В той характеристике, которую дает журнал отдельным моментам и деятелям революции, есть ряд интересных черт. Журнал утверждает, что жирондисты боролись против старого режима в интересах буржуазии, тогда как Робеспьер боролся за интересы трудящихся классов. Ведущими идеями Робеспьера были равенство и добродетель. Для него было более важно установление полного равенства, чем уничтожение королевской власти. Идеализируя социальную политику Робеспьера, журнал видит в вантозских декретах проявление стремления к уравнительному преобразованию собственности. В идее равенства видит журнал также основу религиозной политики Робеспьера, культа Верховного Существа¹²⁹.

Несмотря на сочувствие журнала Робеспьеру и якобинцам, грядущая победа коммунизма, по мнению его редакции, не требует насилия. Поскольку необходимой предпосылкой социального преобразования является для них преобразование моральное, они видят свою задачу в мирной пропаганде коммунистических идей в раскрытии их моральной высоты. Исходя из своей идеалистической концепции, «La Fraternelle» резко осуждает «L'Humanitaire» за его «материализм», за присущее ему стремление считать основным стимулом человеческих действий интерес, стремление к пользе¹³⁰. Своими предшественниками в деле пропаганды идей коммунизма, идей братства и жертвенности «La Fraternelle» считает, кроме Иисуса, - Платона, Сократа, Мора, Бабефа, Буонарроти, Оуэна. Ряд положений, ведущих к коммунизму, находит журнал и у Руссо, которого он неоднократно и сочувственно цитирует¹³¹.

Значительный интерес представляют статьи журнала, посвященные положению пролетариев и процессу их капиталистической эксплуатации. Пролетарии, пишет «La Fraternelle» в статье «Следствие принципа частного присвоения», лишены всех прав на существующее богатство и, в частности, на производительный капитал. Они имеют единственную возможность сохранить свое существование - предложить капиталисту свой труд, иными словами, продать ему за некоторое количество средств существования все права на продукт своего труда¹³². Пролетарии - это многочисленный и все возрастающий класс людей, не имеющих прав на приводимый ими в движение капитал. Между ними и производительным капиталом нет никакой легальной связи, и потому приращение богатства не имеет никакого отношения к благосостоянию этого класса. Положение пролетария определяется целиком ценою труда. Заработная плата - подлинный обман рабочего. Капиталист платит ему один франк за то, что он продает за 2, 3, 4, 5, 6 франков. Из этого неизбежно вытекает невозможность для рабочего выкупить продукт его труда, его нищета. Производя за заработную плату все, рабочий остается нищим. Сколько бы ни росло общее благосостояние, расстояние, отделяющее рабочего от капиталиста, увеличивается и его социальное положение снижается. На пролетариев смотрят как на особую породу людей, как если бы они были животными. Но пролетарию присущи потребности человека: ему нужен достойный отдых, мир, уверенность в завтрашнем дне, он не может не выражать протест против унижения своего человеческого достоинства¹³³. Современные условия унижительны для пролетариев. Коммунисты требуют хлеба для своих несчастных братьев. Коммунисты хотят также освободить их от моральной деградации¹³⁴.

¹²⁸ «La Fraternelle», Juillet 1842.

¹²⁹ «La Fraternelle», Septembre 1842.

¹³⁰ «La Fraternelle», Aout 1841.

¹³¹ «La Fraternelle», Mai 1841, Dec. 1841 et Oct. 1842 etc.

¹³² «La Fraternelle», N 2.

¹³³ «La Fraternelle», N 2, 1841.

¹³⁴ «La Fraternelle», Mai; 1842, N 13.

«La Fraternelle» уделяет большое внимание вопросу о народном суверенитете и о его связи с принципом общности. По словам Бутона, об этом вопросе писал Савари, явным образом полемизировавший в своих рассуждениях о суверенитете с выдвинутой в «L'Humanitaire» идеей суверенитета разума. Догма суверенитета народа, утверждал Савари, порождена революцией; она провозглашена, но еще не реализована. Если понятие народного суверенитета будет ограничено политическими правами, это будет его искажением, ибо в таком случае реализация народного суверенитета ничего не изменит в социальных отношениях, оставит в силе угнетение народа. Общество - коллективное существо, в котором сосредоточены все права и которое является самодовлеющим повелителем самого себя; оно суверенно. Суверенитет общества есть всемогущая воля всех, которая проявляется всеми и распространяется на всё. Общество является руководящей силой общего движения и частных действий. Последние никогда не должны выходить за пределы общей цели, но постоянно к ней тяготеют. Само собой разумеется, что авторитет общества должен распространяться на все стороны общественной организации: мораль, воспитание, политику, экономику. В его власти должны находиться и производство, и распределение, и отношения граждан между собой. Власть общества в своем принципе абсолютна, даже деспотична, но в то же время она справедлива и заботлива. Как может она быть угнетающей и тиранической, если она демократична, если она является выражением общей воли, преследующей цели общего блага? Народ не в состоянии выражать общую волю, если в обществе сохраняется зависимость одних людей от других, если одни люди могут уморить других, лишив их заработной платы. Положение наемного рабочего несовместимо со званием гражданина.

Народный суверенитет должен найти свое выражение не только в конституции, но и в экономических отношениях. Если в обществе сохранится деление на людей, свободных от всех обязанностей, и людей, лишенных всех прав, народ останется в рабстве. Только равенство посредством общности может обеспечить царство народа. Если полное осуществление народного суверенитета требует изменения социальных отношений, то, с другой стороны, установление общности имеет своей предпосылкой народный суверенитет. Народный суверенитет есть способ организации общности. Отвергать суверенитет - значит не понимать условий установления порядка общности. Те из коммунистов, которые отрицают принцип народного суверенитета, тем самым отрывают великую идею коммунизма от общего движения человечества.

Некоторые утверждают, что социальная истина не зависит от воли большинства. Но это утверждение свидетельствует о непонимании хода развития человеческого разума как единого процесса. Оно может легко привести к провозглашению диктатуры одной личности или нескольких людей, якобы обладающих истинной наукой. Элементы социальной науки рассмотрены в трудах многих мыслителей. Никто не может претендовать на обладание окончательной истиной. Социальная наука никогда не будет завершена: если прекратится прогресс мысли, прекратится и прогресс человечества. Никакая открытая человечеством истина не может быть очевидной и, следовательно, приложимой, пока она не получит признания общей воли, в которой всегда более или менее ясно проявляется народный суверенитет. По мере продвижения человечества вперед общая воля становится все более ясной, народный суверенитет все более разумным.

В заключение автор призывает бросить схоластическую игру словами, лишь затемняющими самые простые истины, оставаться в общем демократическом потоке - национальном и прогрессивном, оставаться верным демократическим традициям, продолжать дело своих отцов¹³⁵. «Салариат» (система наемного труда) не совместим с основными признаками гражданина. Разрешение социального вопроса, ликвидация salariата является необходимым следствием развития демократического принципа¹³⁶. Наши отцы в своей борьбе за демократию не решились затронуть принцип частного присвоения и не довели своей борьбы до конца, хотя, отказавшись от признания частной собственности естественным правом, они тем самым признали суверенным собственником общество в целом¹³⁷. При существующем порядке рабочий ничто; он должен быть всем, - заявляет «La Fraternelle», - повторяя в соответственно измененном виде известную формулу Сийеса относительно значения третьего сословия¹³⁸.

¹³⁵ V Bouton. Profils révolutionnaires, 27-29.

¹³⁶ «La Fraternelle», Septembre 1841.

¹³⁷ Как мы уже видели, та же мысль была высказана ранее в журнале «L'Intelligence». Возможно, что автором статей в обоих случаях было одно и то же лицо - А.Савари.

¹³⁸ «La Fraternelle», N 2.

Общество построено ныне на основе принципов индивидуализма, - утверждает «La Fraternelle». В правильно организованном обществе задача правительства должна состоять в том, чтобы обеспечивать всему населению удовлетворение материальных, моральных и интеллектуальных потребностей, употребляя для этой цели все те продукты труда, которые общество может произвести. Правительство должно наилучшим образом организовать все население для возобновления потребляемых продуктов. Правительство, следующее этой программе, обеспечит удовлетворение всех нужд населения, будет неизбежно пользоваться его поддержкой и привлечет на свою сторону всех разумных друзей человечества¹³⁹.

В правильно организованном обществе труд будет признан основой общественного порядка, священной обязанностью каждого. Всякий трудящийся, так же как и всякий участвующий в управлении, будет общественным должностным лицом. В обществе будет полностью реализован принцип равенства: каждому по его потребностям, от каждого по его силам. Плоды общих усилий не будут захватываться отдельными лицами. Журнал резко высказывается против сенсимонистов, которым он приписывает защиту принципа распределения по способностям. Осуждает журнал также идею связи неравенства вознаграждения труда с неравенством значения различных общественных функций. Каждый должен получать за свой труд средства, необходимые для его существования и для его благополучия. Право каждого на существование должно быть высшим принципом общества. Общность даст возможность удовлетворения потребностей всех, не допуская излишеств ни для кого. Всем будут доступны достижения наук и искусств. Они будут служить при коммунизме не кучке богатых, как это происходит теперь, а всему обществу в целом. Творцы художественных произведений не должны будут принижать свой гений до уровня потребителя. Они будут видеть свою задачу в том, чтобы увековечивать для будущего акты преданности и добродетели, внушать людям энтузиазм, воспламенять сердца и воспитывать, таким образом, добрых граждан¹⁴⁰.

Преобразование общества журнал считает совершенно необходимым. Но редакция очень осторожна в вопросе о путях этого преобразования. Путь, проповедуемый «L'Atelier», - организацию рабочих ассоциаций на средства самих рабочих, «La Fraternelle» считает утопией. Такие ассоциации предполагают возможность для рабочих сбережений; но для них сбережения неосуществимы, так как их заработной платы не хватает им даже на необходимое. Не верит «La Fraternelle» и в помощь капиталистов в деле организации ассоциаций: много лет уже Фурье и его ученики взывают к капиталу, - и что же они получили? Капиталисты понимают, что всякое улучшение имеет тенденцию к уравниванию состояний, а все, что приближает положение рабочего к их положению, враждебно их привилегиям. Немыслима и непрактична также, по мнению «La Fraternelle», помощь в деле организации труда существующих правительств.

«La Fraternelle» проявляет известный интерес и симпатии к попыткам организации коммунистических колоний с общественной собственностью на землю и общим трудом, но с индивидуальным потреблением. Однако журнал не видит и в такого рода общинах возможного средства социального обновления: чтобы утвердить полностью принцип коммунизма, необходимо широкое поле действия. Отдельные коммуны не располагают для этого ни достаточными ресурсами, ни достаточной моральной силой¹⁴¹. «La Fraternelle» высказывается против борьбы рабочих за повышение заработной платы. Успех рабочих в такой борьбе - чистейшая иллюзия, ибо повышение зарплаты автоматически ведет за собою повышение цен. Кроме того, улучшение положения в одной профессии неизбежно отражается ухудшением в другой. Аграрный закон «La Fraternelle» считает химерой, от которой все давно отказались. Таким образом, «La Fraternelle» как будто приходит к выводу, что ни один из способов частичного улучшения социальных порядков не достигает цели¹⁴². Однако журнал может им противопоставить лишь фразы о значении мирной пропаганды. Наша пропаганда, заявляет журнал, не служит целям борьбы или раздора, разрушения и смерти. Откровенная и лояльная пропаганда «воспламенит сердца чистой любовью к человечеству, рассеет существующие против коммунистов предубеждения». В основу моральных и общественных качеств человека мы стремимся положить жертвенность. В эпоху, когда критическое исследование все разрушило, когда все сомневаются в общественном веровании, когда люди отбрасывают принципы, чтобы отдаться во власть фактов, - коммунисты поднимают свой голос, чтобы восстановить царство авторитета - вечных законов человека и общества¹⁴³. Мы хотим просвещать наших сограждан, внушая им идеи, которым принадлежит будущее и которым противостоят факты настоящего. Эти идеи рано или поздно будут торжествовать в мире.

¹³⁹ «La Fraternelle», Aout 1841.

¹⁴⁰ «La Fraternelle», Juin 1842, N 14. Novembre 1842, N 19.

¹⁴¹ «La Fraternelle», Septembre 1842.

¹⁴² «La Fraternelle», N 2.

¹⁴³ «La Fraternelle», Mai 1841.

Коммунизм - конечная цель человеческого прогресса. Все развитие цивилизации подготавливает приход общности. Чем более человек дик, тем более он проникнут духом собственности. Дикое состояние - состояние борьбы за жизнь. Но незримая рука Провидения ведет человечество к общности. Собственность - лишь ступень на этом пути. При коммунизме будет существовать лишь общественная собственность; индивиды будут владеть теми или иными предметами на правах узурпатора.

Разрыв с прошлым знаменовал бы отрицание прогресса¹⁴⁴. Человечество всегда стремилось к коммунизму, но на пути к нему оно должно было неизбежно пройти через ряд опытов и неудач¹⁴⁵. В этом великом процессе борьбы за будущее, за торжество вечных законов человека и общества ведущая роль принадлежит Франции. Каждая нация имеет свою миссию во всемирном сообществе человечества. Она должна осознать основной принцип этой великой миссии, принцип ее жизненной силы. Основным принципом Франции - демократизм. Первыми в Европе французы свергли иго феодализма, первыми порвали с абсолютизмом и завоевали национальный суверенитет. Франция, как авангард всего человечества, должна взять инициативу по всем вопросам прогресса¹⁴⁶.

После ухода Лаотьера из «La Fraternelle» и изменений в составе редакции журнала журнал все же оставаясь в основном на платформе мирной моральной проповеди. «La Fraternelle» по-прежнему ждет успеха только от пропаганды, по-прежнему относится отрицательно к организации тайных обществ, которое, утверждает журнал, не имеют никаких шансов на успех¹⁴⁷. Однако в отношении журнала к путям и средствам социального преобразования намечается как будто некоторый сдвиг. Во всяком случае в 1842 г. журнал уделяет политической борьбе значительное внимание. Демократизация политического строя рассматривается в нем как необходимая предпосылка переворота социального. Как можно себе представить, - говорит журнал в январском номере 1842 года, - что люди, которые по своим привилегиям имеют в своих руках богатство, согласились бы голосовать за законы, которые отняли бы их излишек и распространили бы более справедливо продукты общества. Безумие на это рассчитывать. Дворянство не отказалось от своих прав и от своих привилегий добровольно. Его поражение было результатом нескольких веков упорной и ожесточенной борьбы. Подобным же образом наши правительства будут с ожесточением защищать существующие поныне привилегии.

Ход этих рассуждений ведет как будто к признанию неизбежности насильственной политической революции. И действительно, журнал начинает говорить о революции довольно часто. Журнал видит симптом приближающейся революции в том беспорядке, который характерен для современного общества. Этот беспорядок, по словам журнала, открывает двери революции. Журнал говорит далее об опасностях преждевременно и революции, о союзе, в целях революции, коммунистов и республиканцев, одинаково в ней заинтересованных. Сдвиг в отношении журнала к вопросу о способах социального преобразования совершенно бесспорен, хотя открытого призыва к насильственному перевороту мы в нем и не находим.

Самым серьезным препятствием на пути к победе коммунизма журнал считает невежество и неорганизованность масс. Большинство французов находятся под игом огрубляющего труда, не имеют никакого представления о политике и социальных принципах, ничего не знают о своих правах. Их легко провести, и они верят всяким пустякам, которые внушает им кюре. Правительства заинтересованы в том, чтобы держать народ во мраке. Образование является необходимым условием для усвоения коммунистической доктрины. Следует, однако, отметить, что наряду с этим рационалистическим рассуждением мы находим в журнале - правда, в весьма зачаточной форме - попытку связать представление о подготовке грядущего социального переворота с ходом экономического развития. Возникновение фабрики, говорит журнал, концентрация рабочих на фабрике воспитывают у рабочих общественные навыки, готовят социальное единство.

Устранение правительств, защищающих привилегии, необходимо для успеха дела коммунизма. Столь же необходимо, по мнению журнала, установление нового сильного правительства, ставящего себе целью объединение всех интересов в один общий интерес. Это правительство, эта демократическая власть должна пользоваться большой силой, обеспечивающей возможность широкой инициативы в деле преобразований. С непосредственным введением коммунистических порядков, говорит автор рассматриваемой статьи, нечего торопиться. Революционное правительство должно провести ряд мероприятий, укрепляющих народный суверенитет, обеспечивающих общее воспитание и улучшающих положение рабочих; оно должно организовать труд, придав его организации уравнилельный и прогрессивный характер.

¹⁴⁴ «La Fraternelle», Mai 1842.

¹⁴⁵ «La Fraternelle», Novembre 1842, Janvier 1843.

¹⁴⁶ «La Fraternelle», Mai 1841.

¹⁴⁷ «La Fraternelle», Janvier 1842.

Коммунисты должны также использовать переходный период для распространения великих принципов человечества, которые, будучи усвоены, определяют и поведение народов. Установление переходного режима облегчит раны народа, но не исцелит их. Коммунисты должны оказать поддержку власти переходного периода, ибо он утвердит демократический принцип и подготовит установление коммунизма. Народный разум в этот период получит должное развитие. Народ сам обеспечит затем осуществление коммунистического порядка¹⁴⁸.

В мартовском номере журнала за 1842 год мы находим интересное рассуждение о собственности и о преимуществах общественной собственности перед частной. Мы стремимся к тому, - говорит автор, - чтобы преимущества, которые дает собственность, сделать общим достоянием. Индивидуальное присвоение вещи ограничивает общее пользование этой вещью. Отсюда следует, что право присвоения, распространяемое на общие фонды - землю, первичные материалы производства, а также машины, орудия труда, - есть вопиющее нарушение социального права. Индивидуальная собственность является источником неравенства, которое разделяет людей, рожденных быть братьями, на враждебные касты. Не индивидуальная воля, а общество имеет право и должно направлять все действия, имеющие в виду общее существование, распространять на всех равномерно преимущества жизни в обществе. Революция, движение масс, сбрасывавших с себя оковы рабства, приняли сначала характер индивидуализма. Раздробление собственности было во время революции промежуточным этапом между ликвидируемой феодальной собственностью и будущей социальной.

Может ли человек пользоваться исключительным правом собственности на те или иные предметы? Он имеет его, говорят, на продукты своего труда. Но этот труд сливается с трудом множества других людей. Как извлечь из общего продукта ту часть, на которую вы претендуете, как на собственность? Только кажется, что вещь создана тем или иным лицом, но если говорить точно, то в создании каждой вещи принимают участие многие, она возникает в результате кооперации. Ни материал, ни навыки труда не принадлежат исключительно кому-либо одному, и поэтому никто не может считаться творцом той или иной вещи. Способности художника не могли бы найти осуществления, развиться, если бы он не опирался на опыт и достижения своих предшественников и если бы на него не воздействовала его социальная среда.

Защитники собственности утверждают, что собственность - наиболее энергичный стимул к труду и что без него общество отупеет. Но человеческому существу присущи другие стимулы соревнования, более моральные, чем чисто личные интересы, которые влекут за собой антагонизм, нищету, анархию. Многие великие труды, новые изобретения являются результатом чистой любви к знанию, к труду и к общественному благу. Труд для человека представляет обязанность, которую он выполняет в силу своих способностей, по сознательным мотивам и по потребности в деятельности. Эти естественные инстинкты человека укрепляются высокой общественной оценкой труда. Пользование продуктами, а не собственность, - таково основное право и основной закон распределения богатств.

Братство - господствующий принцип коммунизма - отнюдь не противоречит осуществлению в обществе подлинной свободы, - утверждает «La Fraternelle». Цель общества при коммунизме - обеспечить человеку возможность развивать все свои способности. Осуществление его прав и исполнение им его обязанностей составляют подлинную свободу. Свобода дает возможность каждому развивать свой разум и удовлетворять свои моральные потребности. В числе тех прав, которые признает за гражданами коммунистическое общество, остаются и политические права - право принимать участие в формировании законов и в избрании должностных лиц, право выражать без всяких ограничений свои мысли, поскольку они не противоречат здоровой морали. В существующем обществе человек свободен только тогда, когда он богат. Свобода бедного - фиктивная свобода¹⁴⁹.

В апрельском номере 1842 года «La Fraternelle», как бы продолжая эти рассуждения о свободе, дает анализ общественной роли власти. История человека до наших дней, - говорит автор передовой статьи этого номера, - есть история угнетения и сопротивления. Власть - препятствие на путях прогресса. Между тем она должна была бы быть подлинным представителем общества и его руководителем. Журнал опровергает мнение, будто бы нельзя обеспечить свободу, не сводя к минимуму полномочия власти. Свободные страны вовсе не те, где власть ничто, а масса-все. Власть не страшна там, где народ может в любой момент лишиться ее своего мандата. При коммунистическом обществе правительству должны быть предоставлены значительные полномочия¹⁵⁰.

¹⁴⁸ «La Fraternelle», Janvier 1842.

¹⁴⁹ «La Fraternelle», Mars 1842.

¹⁵⁰ «La Fraternelle», Avril 1842.

Ряд интересных статей мы находим в осенних номерах «La Fraternelle» 1842 г. Одна из этих статей содержит резкую критику безразличия к политическим проблемам. Касты, сменявшие доселе друг друга у власти, - говорится в статье, - с исключительным упорством старались воспрепятствовать прогрессу просвещения; они, очевидно, боялись, что оно разрушит их власть. Тем не менее трудно понять, почему массы до сих пор остаются в таком неведении своего положения и так безразличны к тому, что непосредственно касается их интересов. Казалось бы, народ, после своего частичного освобождения от рабства, должен был бы понять, какое значение имеют для него те преимущества политической власти, которыми обладает до сих пор средний класс. Удивительнее всего то, что политическое безразличие народа к вопросам политической власти возводится иногда в политический принцип. Между тем, история убедительно показывает, какое значение имеет доступ к политической власти. Царство буржуазии началось только с той поры, когда, вступив на политическую арену, она вынудила аристократию предоставить ей политические права. Это дало буржуазии такую силу, что все, кто пытался опрокинуть ее господство, погибли на плахе. Только сила обеспечивает право, а силу в наше время дает соединение людей, понявших свои права. В настоящее время законы издаются буржуазией на пользу буржуазии. Если народ хочет освободиться от своей нищеты и рабства, он должен понять свои интересы, должен добиться конституции, которая обеспечит его права. Эту мысль надо проповедовать рабочим повседневно, и она проникнет в их сознание вопреки ложному утверждению, будто политические вопросы слишком сложны для понимания народа. К усвоению этой истины должны быть направлены все наши усилия. «Если бы народы ясно видели путь, который может привести их к счастью, никакие силы мира не были бы в состоянии остановить их на этом пути... Чтобы помешать народу идти вперед, надо помешать ему видеть»¹⁵¹.

В январском номере 1843 года журнал выступил с критикой буржуазных экономистов Мальтуса и Сэя. Оракулы экономической науки, - писал журнал, - выдвигают святотатственную идею чрезмерности производства и населения; в связи с этим они проповедуют пользу «хорошей» войны. Говорят, что производство превосходит потребности. Между тем, по статистическим данным, в одном только Париже десятки тысяч бедных. Чем больше населения, чем более активно и трудолюбиво это население, тем больше нужно полезных вещей. Оденьте, накормите эту бедноту, дайте ей кров. Это вызовет неизбежно подъем производства. Основным препятствием для такого подъема является образование земельной и промышленной аристократии, которая присваивает себе все средства производства, эксплуатация масс меньшинством. Выход не в уменьшении численности населения, а в преобразовании общественного порядка. Чем больше трудящихся - тем больше богатств, чем больше богатств, тем больше средств для удовлетворения потребностей. Беда не в том, что слишком много предметов потребления, беда в том, что они плохо распределены!

Идея войны как средства исцеления зол существующего общества - идея нелепая и жестокая. Война законна только в тех случаях, когда нация защищает свою территорию или высокие, прогрессивные принципы. В последнем случае война не только законна, но и священна. Таковы были первые войны французской революции, ибо французский народ защищал в ней права человеческого рода. Но войны во имя завоеваний, войны, руководимые эгоизмом и честолюбием, - это нечестивое святотатство. Такой характер носили войны Империи.

По-видимому, редакция «La Fraternelle» вела также устную пропаганду, организовывала небольшие собрания, на которых обсуждались основные вопросы коммунистической политики и коммунистической морали¹⁵². Надо думать, на этих собраниях высказывались разные точки зрения по вопросам о способах осуществления коммунизма. Бутон сообщает, что на собраниях редакции «La Fraternelle» обсуждалась книга одного из сотрудников «La Fraternelle» Баллона «Systeme politique et social des Egaux». Автор, очевидно сочувствовавший бабувистской школе, дал в книге сжатое и популярное изложение «Истории заговора равных» Буонарроти¹⁵³.

На мартовском номере 1843 года издание «La Fraternelle» приостановилось, но в 1845 году журнал начал опять выходить. В редакции журнала 1845 года были, по-видимому, новые люди, хотя многие из них, в том числе Савари, были и раньше сотрудниками журнала. По утверждению Кювийе, в этот период большинство редакции составляли рабочие¹⁵⁴. В апрельском номере журнала в обращении к читателям редакция заявляла, что журнал народен по самому своему существу.

¹⁵¹ «La Fraternelle», Septembre 1842.

¹⁵² V. Bouton. Profils revolutionnaires, Hommes et ideologies de 1840, 123.

¹⁵³ Ibid, 30.

¹⁵⁴ A. Cuiviller. Hommes et ideologies de 1840. 123.

Его идея, - продолжала редакция, - возникла в рабочей среде. Цель журнала - распространять среди масс, страдающих под гнетом эксплуатации, надежду, которая воодушевляет авторов, и глубокую веру в лучшее будущее человечества. Авторы обещают раскрыть на своих страницах, путем анализа фактов, те принципы, которые, по их убеждению, должны привести к желаемой цели¹⁵⁵.

Основные принципы коммунистического преобразования, как они даны в журнале 1845 года, мало отличаются от тех положений, которые пропагандировались журналом в 1841-1843 годах. Мы находим в журнале те же революционные лозунги XVIII века, те же идеи народного суверенитета, охватывающего все стороны общественного бытия, обобществления естественных и произведенных человеком богатств, обязательного труда всех граждан в соответствии с их силами и способностями, распределения по потребностям, единого общественного воспитания, установления в обществе принципа всеобщего братства и солидарности. Для достижения этих целей журнал считал необходимым объединение всех разрозненных сил социально-революционного движения. Завоевание политических прав есть, по мнению журнала, лишь средство для достижения социальных преобразований. Политические реформы сами по себе не могут улучшить условия существования масс. Демократия, ограничивающая свои задачи политическими реформами, бессильна и бесплодна. Те, кто серьезно хочет народного суверенитета, должны прийти к коммунизму; коммунисты - самые последовательные демократы.

В статьях журнала чувствуется усиление влияния традиций революционного бабуизма, хотя среди его сотрудников были, по-видимому, также сторонники мирно-пропагандистского направления предшествовавших лет. Рабочие, утверждал журнал, не могут быть освобождены от своих страданий, пока они не поймут, что этим страданиям можно положить конец, отняв власть у буржуазии. Буржуазия пришла к власти в результате просвещения. Если таким же путем пойдут рабочие, это приведет к растворению буржуазии в народе. Общество достигнет полного равенства. В нем не будет никаких каст, никаких классов; будет единый народ, состоящий из братьев, из равных.

«La Fraternelle», продолжая полемику с «L'Atelier», осуждала неокатолическую философию Бюше и развивала мысль о невозможности преобразования общества путем создания производственных ассоциаций на взносы самих рабочих: система таких кооперативов не может охватить все общество и построить хозяйство на плановых началах; преобразовать все социальное здание во всех его частях может только сильная центральная власть. «La Fraternelle» считала также, что в планах «L'Atelier» придается слишком большое значение частным интересам индивидуумов.

Не менее резко выступала «La Fraternelle» против кабетистской пропаганды организации коммунистических общин в Америке. Возражения журнала против плана Кабе носили как практический, так и политический характер. Во-первых, утверждал журнал, успеху этого начинания неизбежно будет препятствовать разнообразие вкусов, взглядов и характеров колонистов. Во-вторых, организаторы колоний не сумеют собрать достаточных средств для обеспечения их материальной базы. В политическом отношении создание такой утопии будет весьма опасно. Если бы даже все другие препятствия к организации коммуны были устранены, мы считали бы своим долгом во имя нашей идеи оставаться здесь, на своем посту. Покинуть этот пост было бы с нашей стороны дезертирством, ибо мы, уезжая, пожертвовали бы во имя самой эгоистичной и самой непрактичной утопии судьбами наших братьев, остающихся на родине. День осуществления идеи Кабе был бы праздником для аристократии, эксплуататоров и капитала. Если десятки борцов за прогресс покинут страну, уйдя на поиски земного рая, старый мир охотно поможет им осуществить их предприятие, враждебное интересам человечества, рассматривая его как одно из лучших средств борьбы против «подрывных элементов». Кабе ссылается на трудности и преследования коммунистов на родине. Но когда коммунисты отступали перед преследованиями или признавали себя побежденными нищетой?¹⁵⁶

В нашем обзоре журналов, содействовавших распространению в 40-х годах коммунистических идей, заслуживает упоминания журнал «Le Travail», начавший выходить в Лионе в июне 1841 года. Некоторые современники утверждали, что «Le Travail» был организован при инициативе и поддержке парижского журнала «L'Atelier». Лионский «Le Travail», подобно «L'Atelier», представлял собой попытку издания «рабочего» журнала, составляемого и редактируемого самими рабочими. Но, несмотря на это сходство, несмотря на дружественные отношения между двумя журналами, «Le Travail» отличался от «L'Atelier» весьма существенными чертами. Если инициатива в деле организации журнала принадлежала группе «L'Atelier», то журнал несомненно обманул ее ожидания.

¹⁵⁵ «La Fraternelle», Avril 1845.

¹⁵⁶ См. статью С.Бернштейна «Необабуизм в прессе 30-х-40-х годов. (Сборник «Памяти Бабефа», М. 1960).

По мнению Дотри, традиция бабувизма, угасшая в Париже за время Империи и Реставрации, никогда не угасала в Лионе. Во всяком случае, в 1834 году среди лионских рабочих существовала группа коммунистов¹⁵⁷. «Le Travail» очевидно под влиянием настроений передовых рабочих, начал помещать на своих страницах статьи, пропагандировавшие идеи коммунизма. Наша миссия, - заявлял журнал, - иссушить источник всех страданий. Мы проповедуем доктрину любви, справедливости и истины, выраженную в славном девизе наших отцов и составляющую наше священное наследство. Свобода! - возможность для всех проявлять их способности, отпущенные им природой без каких либо ограничений, кроме общего интереса. Равенство! - доступ всех к равном участию в материальных и моральных благах общества в виде выполнения возложенных на всех равных обязанностей. Братство! - узы любви между всеми людьми, которые побуждают одного быть преданным другому, порождают великие жертвы, позволяют нам испытывать счастье лишь там, где и наши братья его испытывают вместе с нами. Мы хотим общего пользования благами природы. Мы хотим для всех широкого и глубокого обучения, морального и умственного воспитания. Мы хотим простора для проявления всех способностей. Мы хотим видеть всех людей «религиозно» объединенными в едином деле любви и общего счастья. Мы - коммунисты. Журнал не призывал к насильственным мерам, проповедовал своеобразный сентиментальный спиритуализм, заявляя, что его учение является истинным христианством. Но в то же время он утверждал, что у буржуа и пролетариев не может быть никаких общих интересов. Журнал подвергся преследованию за выступления против собственности и вскоре прекратил свое существование.

Наряду с журналами, открыто выступавшими с пропагандой коммунизма, в те же сороковые годы существовали органы печати, которые, подобно «L'Intelligence» 30-х годов, в своей аргументации зачастую подходили весьма близко к коммунистическим позициям. В качестве примера такого журнала можно назвать «Le Journal du Peuple» Дюпоти. В одном из номеров этого журнала 1840 года была напечатана статья, с большой резкостью подчеркивавшая основное классовое противоречие буржуазного общества. «В настоящее время во Франции, - говорилось в статье, - есть только две партии: партия капиталистов и собственников и партия трудящихся, партия хозяев и партия рабочих, партия привилегированных и партия народа, партия аристократическая и партия демократическая». В 1841 г. в том же журнале была напечатана статья «L'Affranchissement du travail». Чем является труд в существующей организации общества? - спрашивал автор статьи. - Это - эксплуатация человека человеком. Общество разделено на два лагеря: на одной стороне - хозяева, на другой - рабочие. Одним дано командовать, другим - повиноваться, не имея даже возможности выдвигать какие-либо условия... Общество необходимо преобразовать: надо уничтожить угнетающую нас систему привилегий и монополий и установить равенство... «За дело же, трудящиеся! Поднимем знамя реформы, сплотимся вокруг него. Объединим и организуем наши усилия. Наше обособление и разобщенность составляют нашу слабость и силу наших врагов. Сплотимся, и наш успех обеспечен... Ни шагу назад, никаких колебаний: Вперед, вперед!»

Пропагандисты коммунизма использовали также форму писем в редакции радикально-демократических органов печати. Так, в газете «La Reforme» в 1841 г. было помещено письмо в редакцию, в котором имелись следующие строки: «Нация должна была бы составлять единое сообщество граждан, - все должны бы быть братьями, равными в правах. Территория страны должна бы составлять единую собственность, эксплуатируемую в интересах всех. Все производства должны бы составлять единое производство, управляемое и работающее в общих интересах. Все граждане были бы рабочими. Все получали бы одинаковое и самое совершенное начальное образование. Бесконечно возросшее число машин сделало бы труд умеренным, коротким, приятным, безопасным, неутомительным. Производство возросло бы в достаточной мере для того, чтобы создать благосостояние для всех и полностью уничтожить нищету. Продукты земли сосредоточивались бы в общих хранилищах и распределялись бы равномерно между всеми, с тем, чтобы все получали одинаково хорошую пищу, одинаково хорошую одежду, одинаково хорошее жилище»¹⁵⁸.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

¹⁵⁷ См. статью Ж.Дотри. «Бабувистская традиция после смерти Бабефа» (Сборник «Памяти Бабефа», М, 1960).

¹⁵⁸ G. et H. Bourgin. Le socialisme francais, 94, 96-97.

Среди коммунистических изданий 40-х годов имеется одна книга, которую формально нельзя отнести к числу журналов. Но книга составлена из статей разных авторов, объединенных общей редакцией, и, по-видимому, предполагалось, что книги, ей подобные, будут выходить периодически. Это - «Альманах общности на 1843 год», изданный Дезами¹⁵⁹. Мы считаем необходимым, в заключение нашего очерка коммунистической прессы 40-х годов, дать характеристику этого коллективного труда, как бы подводящего итоги развитию материалистического течения во французском утопическом коммунизме начала 40-х годов.

Во вступительной статье редакция «Альманаха» недвусмысленно заявляет о занимаемых ею материалистических позициях Коммунистическая школа, - говорится в этой статье, - основывается только на реальностях и на положительном доказательстве. Она отвергает всякие доктрины, основанные на абстракциях и гипотетических аналогиях¹⁶⁰. В нашем учении, - дополняет эту мысль редакция альманаха в другой статье, - нет указания на существование бестелесных нематериальных существ. Наша доктрина основывается на физике и физиологии.

Доктрина имеет, - по словам той же статьи, - глубокие традиции. В качестве предшественников «Альманах» называет Пифагора, Эпикура, Демокрита, Аристотеля, Галена и др. Однако, не желая, очевидно, порывать и с христианской традицией, редакторы указывают на сочувствие их доктрине Иисуса и некоторых ортодоксальных епископов (?), на близость к ней гностиков. Не была она осуждена и церковными соборами¹⁶¹. Дезами в своей статье, помещенной в «Альманахе», пытается также доказать близость к коммунизму современных ему социальных мыслителей - Луи Блана, П.Леру, Жорж Занд, Пеккера, Прудона, Поттера, Распайля, - приводя из их произведений соответственно подобранные цитаты¹⁶².

В «Альманахе» помещены две статьи Навеля, имя которого впервые встречается здесь как имя одного из пропагандистов коммунистической доктрины. Социальная наука, - пишет он, - изучает два вопроса: человека в его отношениях с самим собой и человека в его отношениях с внешним миром, иными словами, его потребности и его способности. Целью социальной науки должно быть установление такого порядка, при котором каждый человек может, свободно развивая свои способности, упражнять их и сохранять свое существование. Общественное положение должно быть одинаковым для всех, ибо одинаковы для всех основные условия существования и развития. Этот принцип равенства не подлежит сомнению. Непосредственные выводы, из него вытекающие, - необходимость единства, предполагающего общность благ, общее потребление, отрицание индивидуального присвоения продуктов и материалов, концентрация социальных сил. Если блага присваиваются и потребляются индивидуально, если силы общества распылены, - обеспечить равенство людей невозможно. Эгалитарный принцип гарантирует всем равное благосостояние; учреждения, основанные на принципе неравенства, не дают такой гарантии никому. Установление порядка, основанного на равенстве, не требует, - утверждает редакция «Альманаха», как бы дополняя рассуждения Навеля, - ни долгого времени подготовки, ни длительного переходного периода. Коммунистическая система может быть введена в действие сразу, как только она будет познана и признана общественным мнением.

Собственность неизбежно ведет к накоплению индивидуальных богатств. Так как накопление одного не может происходить без потерь для других, то собственность служит препятствием для всех. Собственность по своей природе мобильна, нестойка, использование этого права подчинено случайностям и обстоятельствам, которые не зависят от власти человека. Если собственность расточается, это подрывает благосостояние одних, если она накапливается, это подрывает благосостояние других. Собственность не есть естественное первоначальное право: она целиком зависит от воли и от капризов человеческого разума. Смысл и пределы этого права меняются в результате тех или иных общественных переворотов.

Те же, по существу, мысли развивает «Альманах» и в других своих статьях и заметках. Чтобы человеческие способности получили непрерывное и регулярное развитие, - говорится в одной из таких заметок, - необходимо координировать все части социального механизма так, чтобы в своем целом он представлял единство, а в деталях - разнообразие. Общность - единственное рациональное решение этой проблемы. Общность представляет собой единство, ибо все получает в ней направление от центрального руководства; она есть разнообразие, ибо в ней каждый выполняет добровольно и свободно свою отдельную миссию, соответствующую его частным способностям.

¹⁵⁹ Th.Dezamy. Amanach dc la Communaute 1843.

¹⁶⁰ Almanach de la Communaute, X.

¹⁶¹ Almanach, 34, 184.

¹⁶² Ibid., 62-69.

«Альманах» обращается в первую очередь к рабочим, что в известной степени выделяет его среди прессы 40-х годов. Первая, после вступительной, статья «Альманаха», написанная Навелем, носит название «Обращение к рабочим» (Appel aux travailleurs). «Рабочие, братья наши! - пишет автор, - человеческие знания, искусства и техника прогрессируют, богатство общества умножается, но ваше положение нисколько не улучшается. Наоборот, ваши страдания, ваша нищета возрастают. Чем же объясняется это противоречие? Верно ли, что мечта о вашем благосостоянии является химерой? - Нет, братья, вам причитается, как и другим классам, ваша доля благосостояния, и от вас зависит ее получить. Сумейте захотеть, выйдите из вашего трусливого и преступного безразличия, отстаивайте ваши права,- и вы увидите, что ваши многочисленные бедствия исчезнут. Как бы ни было велико зло, оно неизбежно будет сокрушено».

Приведенные нами начальные строки статьи звучат как революционный призыв, однако автор тотчас же спешит смягчить то впечатление, которое они могут произвести. Это не призыв к оружию, - заявляет он. - Мы не зовем вас ни к мятежам, ни к изготовлению оружия. Мы не считаем возможным низвергнуть существующую власть при помощи изолированных заговоров. Но, с другой стороны, наша доктрина не ждет общественных преобразований на путях самоусовершенствования и самопожертвования. Мы не возвещаем небесного блаженства, счастье должно быть достигнуто здесь, на земле, в том мире, который нас окружает. Вне нашего мира нет ничего. Мы разьясим вам, почему вы всегда были рабами и эксплуатируемыми. Поняв это, вы сумеете преодолеть это положение вещей¹⁶³.

По-видимому, тот переворот, который предвещает автор, все же переворот революционный (хотя в других статьях альманаха редакция высказывается против кровавых переворотов). В дальнейшем своем изложении автор, констатируя, что история знает много революций, отнюдь их не осуждает. Он осуждает революционеров лишь за то, что после революции они не сумели так направить руль государственного корабля, чтобы сделать новые революции невозможными. Гражданские войны не приводили к желательным результатам лишь потому, что народ не проявлял не обходимого единения¹⁶⁴.

Пролетарии, - восклицает Навель в своей статье, - вы были устранены от участия в общественных делах и не понимали, как это отражается на вашем положении. Поскольку все дела вершились без вашего участия, они вершились против ваших интересов. Революции прошлого ничего не изменили в положении пролетариев, но они всегда приносили пользу тому или иному классу. Примером может служить революция 1789 года, после которой значительно улучшилось положение буржуазии. Буржуазия в результате этой революции завоевала политические права и покончила с феодализмом. Ее победа над дворянством была полной. Рабочие, не способные ничего предпринять самостоятельно, были лишь слепым орудием в руках буржуазии. Они оставались индифферентными, предоставляя буржуазии свободу действия. Июль 1830 года оказался простым повторением того, что произошло в 1789 году. Всегда обманываемые и все же доверчивые, пролетарии и на этот раз не сумели воспользоваться победой, которая в значительной степени была обусловлена их участием в борьбе. Во всех революциях мы видим одно и то же: активный и смелый класс интриганов, провоцирующий движения, и рядом - легковверный и невежественный класс трудящихся.

В заключение своей статьи автор вновь призывает пролетариев понять, что корень их бед - в существующей социальной организации, и подняться на борьбу, против нее. Частные реформы не могут помочь, нужно полное преобразование общества, дал преобразования, очевидно, необходим переворот, передающий власть в руки масс. Но такого переворота недостаточно. Надо, чтобы массы знали, какие учреждения должны сменить существующий порядок. Без этого переворот может привести к смене одной тирании - другой, одной эксплуатации - другой. Мы убеждены, говорит автор, в том, что пороки современного общества могут быть устранены реализацией наших принципов - принципов равенства и общности бла¹⁶⁵.

Одна из статей «Альманаха» посвящена вопросу о браке. Она написана Гэм, который уже в 30-х годах пропагандировал во Франции учение Оуэна. Гэй исходит из того, что отсутствие рационального решения вопроса о браке мешает распространению идей общности. Даже многие коммунисты, - утверждает Гэй, - считают, что в брачных отношениях должны быть сделаны лишь незначительные изменения. Это большая ошибка. Отсутствие решения этого вопроса может привести к хаосу и антагонизму. Установление истины в этом вопросе будет только содействовать нашему благосостоянию, и нужно ее искать, к чему бы наши поиски ни привели.

¹⁶³ Almanach, 16.

¹⁶⁴ Ibidem.

¹⁶⁵ Almanach, 17-22.

Любовь, как ее изображают обычно, не есть нечто идущее от природы; это плод сложных взаимоотношений современного общества. При усовершенствованном социальном режиме, с прогрессом разума, любовь станет более реальной, менее фантастической, более свободной, более счастливой и значительно менее театральной. Любовь в наше время есть сочетание трех редко встречающихся вместе явлений: эгоизма, дружбы и чувственности. Мотивы эгоизма, в результате воспитания, у наших потомков исчезнут. В современном обществе индивидуализм ставит множество препятствий правильному развитию дружбы, предполагающей единство вкусов и чувств. Дружба между людьми разного пола принимает зачастую характер исключительности, враждебной братству. В будущем обществе, когда вся жизнь будет проходить в братском общении, образование такой исключительной дружбы будет невозможно. В будущем обществе дружественные отношения будут весьма разнообразны и половые связи, возникающие между людьми, будут их только укреплять. В наши дни дружба между любовниками или супругами - явление редкое.

Человечество составляет единую семью, связанную и кровью и единством организации, судеб и чувств. В нормальных общественных условиях в человечестве не будет другой семьи, кроме самого человечества. Мужчина, женщина и их дети, образующие в настоящее время семью, не составляют семьи. Это лишь несколько членов великой семьи. В общей семье не должно быть частных семей. Однако человечество никогда не было конституировано как единая семья, семья-человечество никогда не существовала реально. Задача состоит в том, чтобы ее конституировать.

Коммунистическое общество обеспечивает всем и каждому благоденствия общего бытия. В коммунистическом обществе не могут сохраняться частные общества и частные домохозяйства, то есть группы эгоизмов. Что представляли бы собой эти группы без общего хозяйства, без общей собственности? Эти группы не могут быть нерасторжимы; при признании невозможности насилия над той или иной стороной в вопросах полового сожительства неизбежно узаконение развода. Дети в будущем обществе не будут более собственностью родителей, они будут получать общее воспитание от большой семьи. От легальной стороны брака могут остаться только два момента: празднование заключения брака и общественный развод, его расторгающий. Но оба эти момента представляют собою постыдные и ненужные церемонии.

Там, где в обществе свирепствует конкуренция, где люди находятся в борьбе друг с другом, маленькая община есть единственное убежище, где можно встретить верного друга и надежного союзника. Всеобщая ассоциация, основанная на братстве, которую мы проповедуем, будет в большей мере, чем любая частная община, обладать способностью превращать всех людей в искренних друзей. С укреплением этих уз дружбы будет расти и крепнуть единая семья человечества.

Для коммунистов вопрос об отношении между полами весьма прост и ясен. Он может быть выражен в нескольких словах: частные влечения индивидов разных полов пользуются свободой и их не стесняют никакие соображения общественных различий и неравенства. Всякое отчуждение свободы, связанное с браком, признается противоречащим естественному праву, мужчина не будет более повелителем женщины. Обеспечение материальных интересов как женщины, так и мужчины и общественное воспитание детей создадут условия для абсолютной свободы любовных отношений, свободы, которая сделает любовные связи лишь более прочными и более долговечными. Себялюбие не будет себя чувствовать оскорбленным «изменой», и ревности больше не будет¹⁶⁶.

* * *

Последние восемь лет Июльской монархии отмечены, как мы уже упоминали, большим подъемом коммунистической пропаганды. Коммунизм приобретал в рабочей среде все более широкое распространение, и в этом процессе коммунистические журналы сыграли, несомненно, не малую роль. Но домарксовский коммунизм 40-х годов был, говоря словами Энгельса, «только вчерне обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм...»¹⁶⁷ Именно этот инстинктивный и грубоватый коммунизм в различных его оттенках нашел свое отражение в рассмотренных нами журналах. Некоторые из этих журналов исходили, как мы видели, в своей пропаганде из идеализма, из христианских традиций, другие - из рационализма и метафизического материализма XVIII века, иные некритически сочетали в своих построениях обе эти тенденции. Коммунистическая пропаганда журналов поставила ряд новых для утопизма проблем: проблему социальной революции и роль в ней рабочего класса, проблему связи рабочего движения с политической борьбой, проблему самостоятельной классовой организации пролетариата. Но теоретические системы, которыми они вдохновлялись, были бессильны разрешить задачи, поставленные историей перед рабочим движением, бессильны создать теорию, которая могла бы научно осмыслить историческую роль борьбы пролетариата, научно обосновать неизбежность социальной революции и победы коммунизма.

¹⁶⁶ Almanadi, 13.

¹⁶⁷ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XVI, ч.2, 52.

Часть 3. ТЕОРЕТИКИ УТОПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА перед 1848 годом

I. КАБЕ

1

Коммунистическое движение сороковых годов в идейном отношении находилось, как мы знаем, под сильным влиянием коммунистических традиций XVIII века, в особенности традиций бабуизма. Книга Буонарроти о заговоре равных была, несомненно, основным руководством для многих представителей утопического коммунизма этой эпохи. Но наряду с пропагандой теоретического наследия прошлого века мы видим в сороковых годах ряд попыток построения и распространения новых коммунистических теорий, исходящих из того же наследия, но в известной мере отражающих новые социальные условия и новые идеологические влияния. Теоретики коммунизма сороковых годов оказались не в состоянии дать коммунистическому движению научную основу, оказались не в состоянии разрешить поставленную жизнью проблему синтеза коммунизма с классовой борьбой пролетариата. Тем не менее их теории представляют для нас значительный исторический интерес. Их возникновение является симптомом глубокого идейного брожения, предвещающего и подготовляющего переход коммунизма от утопии к науке.

Наибольшей популярностью из коммунистических книг сороковых годов пользовалось, несомненно, «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе.

Политическая жизнь Кабе началась еще при Реставрации. В начале 20-х годов он был уже членом организации карбонариев и, по-видимому, примыкал к ее левому, республиканскому крылу, социальные вопросы его тогда мало интересовали. Мы знаем, что книга Буонарроти не произвела на него особого впечатления. После июльской революции Кабе получил место генерального прокурора на о. Корсике. Будучи избран в палату депутатов в 1831 г., он вернулся в Париж и сблизился с кружком Буонарроти, д'Аржансона и Теста. Однако и в это время социальные идеи Кабе оставались весьма неопределенными. Не принадлежа формально ни к «Обществу друзей народа», ни к «Обществу прав человека», он был близок к ним и по своим политическим, и по своим социальным настроениям. Он сочувствовал положению рабочих, он советовал им объединить свои силы, но предъявлять хозяевам только «разумные» требования, верил в возможность для рабочих мирно договориться с предпринимателями и проповедовал организацию рабочими производственных ассоциаций. В 1833 г. он начал издавать журнал «Le Populaire». Не грабёж богатых, но обогащение бедных, не унижение господствующего класса, а подъем народа, не насилие, но убеждение - таковы были лозунги журнала. Политическая программа журнала была буржуазно-демократической. В 1834 г. Кабе как редактор журнала был привлечен к суду и был вынужден эмигрировать в Англию, где ему пришлось прожить пять лет.

В эти годы изгнания Кабе пришел к коммунизму. Сам он связывает этот переворот в своих социальных взглядах со своим изучением истории. Занявшись изучением истории в целях составления ряда популярных исторических книг для народа, он был, по его словам, потрясен теми раздорами и революциями, которые всегда и везде нарушали спокойствие общества, потрясен зрелищем вечных несчастий человечества. Чтобы найти средство против этих зол, он начал искать их причину. Эти размышления привели его к убеждению, что «первоначальная основная причина всех пороков и всех несчастий всех обществ с начала мира заключается в неравенстве..., что, следовательно, лекарством против них является уничтожение неравенства и переустройство общества на базе равенства». Пытаясь набросать план такого общества, в котором равенство царило бы и в труде, и в воспитании, и в потреблении, он будто бы был приведен ходом своих рассуждений к общему труду, к общему воспитанию - «словом, к коммунизму»¹.

Но надо было еще выяснить вопрос, возможно ли практическое осуществление коммунизма, ибо обычно его считают утопией. Рассмотрев этот вопрос всесторонне, «я увидел, - говорит Кабе, - с удивлением, с радостью, с восторгом, что, если бы нация этого захотела, она могла бы организовать в общину (*la commune*), сохраняя тем, кто счастлив сегодня, все их счастье, даже увеличивая их счастье и обеспечивая то же благополучие всем тем, кто в настоящее время угнетен нуждой. Я увидел затем с возрастающим удовольствием, что преобразование старого общества в новую общину возможно без потрясения, без ограбления богатых (*sans depouiller les riches*)... Я увидел наконец... что вследствие неизмеримого прогресса в индустрии и в машинах община сейчас более осуществима, чем в какую-либо предыдущую эпоху...»² Так Кабе пришел к выводу, что мнение, будто коммунизм-химера и утопия, является предубеждением, которое рассеивается в результате изучения³.

¹ Cabet E. Comment je suis conuriuniste, Paris, 1841, 2-3.

² Comment je suis communiste, 4.

³ Например, Mon credo communiste. Paris, 1840, 12.

Кабе утверждает, что, лишь убедившись в истинности коммунизма путем длительного самостоятельного исследования, он приступил к изучению Мора, Оуэна и других социалистических мыслителей. Это, конечно, вполне возможно. Но для того, чтобы знать основные положения коммунизма, ему вовсе не было надобности изучать Мора или Оуэна. Он, несомненно, знал их уже давно из книги Буонарроти, да и во время его встреч с Буонарроти, д'Аржансоном, Тестом беседа не могла не касаться коммунизма. И если Кабе требовались годы, чтобы «рационально» освоить эти положения, то это произошло потому, что путь к коммунизму преграждали ему предрассудки мелкобуржуазных революционных группировок, предрассудки, от которых ему не удалось полностью отрешиться даже тогда, когда он стал коммунистом.

В Лондоне Кабе написал «Популярную историю революции». В первых частях он выступает еще как буржуазный демократ; лишь начиная с четвертой части сказываются его новые, коммунистические взгляды. Кабе считает, что Робеспьер очень близок к коммунизму, и осуждает его за то, что в нужный момент он не проявил должной решимости. Однако к бабувистскому движению, при всем уважении к личности Бабефа, Кабе относится отрицательно. Он высказывается решительно против насилия и диктатуры. Враждебное отношение к бабувизму с его революционными методами характерно не только для «Истории революции», но и для всей последующей деятельности Кабе. «Я не являюсь ни эбертистом, ни бабувистом», - уверяет он не раз в своих более поздних памфлетах⁴.

По возвращении во Францию Кабе выпустил в 1840 г. свое самое крупное произведение «Voyage en Icarie», а в 1841 г. возобновил издание журнала «Le Populaire».

Первая половина 40-х годов была для Кабе временем самой интенсивной литературно-пропагандистской работы, временем наибольшей его популярности. Уже в 1843 году Кабе выдвигал идею организации опытной коммунистической общины. В 1847 г. Кабе, несмотря на то, что печальные итоги опытов Оуэна были ему хорошо известны, выступил с призывом организации коммунистической колонии в Америке. Эта идея вызвала в среде французских коммунистов большую оппозицию. Многие из них, как мы уже знаем, характеризовали проект Кабе как жест отчаяния и указывали на вред эмиграции для дела борьбы за коммунизм. Тем не менее Кабе удалось увлечь своей идеей небольшую группу рабочих. Американский эксперимент Кабе закончился полным крахом, и этот крах нанес смертельный удар «икарийскому» коммунизму.

2

Ни уроки французской революции, ни достижения социалистической мысли начала XIX века не оказали сколько-нибудь значительного влияния на социальную философию Кабе. Как теоретик Кабе непосредственно примыкает к традициям дореволюционного коммунизма. Он ближе к Морелли и Мабли, чем к Сен-Симону или Фурье.

Мир, учит Кабе, не есть результат случайности, Первопричиной всего существующего является природа. Но природе Кабе присваивает все атрибуты божества. «Я верю, - заявляет он, - что природа бесконечно разумна, бесконечно предусмотрительна, бесконечно могущественна, бесконечно мудра, бесконечно справедлива и благодетельна»⁵. Эта тождественная божеству природа желает счастья человека на земле. Между тем человеческая история - цепь несчастий. Причина их - не в природе, а в невежестве людей, в их заблуждениях, в выдуманных ими дурных учреждениях, в дурной социальной и политической организации. Природа - общая мать: все люди - братья, равные в правах и обязанностях, равные в своих нуждах и в своем стремлении к счастью. Природа не делила людей на расы, касты и классы. Она создала все для всех, все дано ею человечеству сообща. Природа предназначила землю для общего и неделимого владения. Она дала каждому равное право на землю и на все ее продукты. Общность благ - естественна (la commune des biens est naturelle). Различие людей по их физическим качествам несколько не противоречит их равенству в правах, в обязанностях, в счастье. Неравенство - нарушение естественного закона.

Человек предназначен природой к тому, чтобы жить в обществе. Братство, любовь, доброта - инстинкты человека. С таким представлением об общественной природе человека мыслители XVIII в. обычно связывают идею коммунистического естественного состояния. Не совсем чужда эта идея и Кабе. Однако первобытное состояние не может, по его мнению, служить идеалом. В первобытном состоянии было возможно угнетение слабых сильными. Но природа дала слабым инстинкт сопротивления и разум, который приводит их к объединению в целях самозащиты, к организации общества, которое должно гарантировать естественное равенство, устанавливая равенство социальное⁶.

⁴ «Comment je suis communiste», 7.

⁵ Mon credo communiste, 3.

⁶ Cabet E. Douze lettres d'un communiste, Paris, 1842, 21.

В своем детстве человечество невежественно и неопытно. Это и делает возможными ошибки, ведущие к неравенству, к нарушению естественного закона. Право грубой силы, рабство, касты, классы, неравенство прав - все это порождено веками варварства и невежества. В невежестве основная причина того, что равенство не было нигде реализовано; но от основной причины Кабе отличает причину «непосредственную»: непосредственную причину возникновения класса господ, собственников и аристократов Кабе видит в завоевании⁷. Бесмысленно, - делает вывод Кабе, - искать указаний в мудрости, невинности и опыте древних наций: чем ближе к началу человеческого рода, тем менее он просвещен и опытен.

Плохая социальная организация, основанная на неравенстве, портит природу человека. Злые люди-жертвы социальной организации: их пороки - пороки общества⁸.

В обществе вместо гармонии царит борьба. Оно распадается на два класса: один не работает и все имеет, другой вес производит и не имеет даже необходимого. Отсюда вырастают все или почти все присущие людям в настоящее время недостатки. Но человеку свойственна также способность совершенствоваться (*la perfectibilité*). Его знания растут. Разум, просвещенный опытом, неизбежно восторгается над заблуждениями. Разум и опыт движут гражданское общество по пути прогресса.

Гражданское общество есть продолжение и развитие общества естественного порядка. Дурные учреждения нарушают естественные принципы общественной жизни. Общество должно быть от них «очищено» и построено заново в согласии с вечным кодексом природы (*Code éternel de la Nature*). Мы не находим у Кабе представления об общественных формациях, он неясно представляет себе закономерность смены соответственных форм эксплуатации в процессе общественного развития. Для Кабе существуют лишь две общественные системы: система аристократии и система демократии. Аристократией и демократией называет он также две основные части, на которые распадается общество. Между аристократией, или меньшинством, желающим для себя привилегий, и демократией, или большинством, желающих равенства для всех, идет, говорит он, везде и всегда непрерывная война⁹. Христианство и французская революция стремились осуществить демократию¹⁰. Революция провозгласила права человека, но они остались пустыми словами. Всякий раз, когда короли или духовенство, или аристократия, или буржуазия хотели чего-либо добиться в своих интересах, они призывали на помощь народ и давали ему обещания, чтобы получить его поддержку. И всегда после победы, добытой доблестью, страданиями и кровью народа, его предавали, и он лишь менял своих хозяев. Так было в 1789 году, в 1792 году, после победы термидорианцев, во время Директории, Консульства, Империи. Народ помнит, что так же было в 1830 году. Суверенитет народа - насмешка; в обществе нет ни свободы, ни равенства, ни братства. Эгоизм и индивидуализм являются его основой и принципом¹¹.

Собственность не есть естественное право. Это чисто человеческое изобретение, и ее установление - самая тяжелая ошибка человечества. Кабе, впрочем, готов примириться с собственностью, при условии равенства и неотчуждаемости владений. В том виде, в каком она существует, она является институтом, содействующим возникновению и росту неравенства - источника всех общественных зол. Пока она существует, будут существовать богатство и бедность. Задача состоит в том, чтобы уничтожить богатство и бедность, чтобы обеспечить всеобщее довольство. Эта задача не может быть разрешена путем простой замены монархического порядка республиканским: монархия не является единственной причиной всех зол, и для их устранения недостаточно установить республику. Для этого необходимо реализовать в обществе естественную общность - общность лиц, общность благ, общность производства (*la communauté des personnes, des biens, de l'industrie*).

Существующая система индустрии, говорит Кабе, отличается бесчисленными пороками и ведет к самым пагубным последствиям. В ней царят беспорядок, путаница, случай, за которыми следуют конкуренция, жадность, все эгоистические и враждебные братству страсти. Сколько бесполезных производств, сколько потерь для общества! Сколько нищеты, сколько страданий для работников!

⁷ Voyage et aventures de lord William Carisdale en Icarie. Traduit de l'anglais de Francis Adams par Th. Dubruit, I-II. Paris, 1840. Ссылки здесь и далее по 2-му изд.: Voyage en Icarie. Paris, 1842, 305-306.

⁸ Cabet E. Les masques arrachés, Paris, 1844, 4.

⁹ Douze lettres d'un communiste, 21.

¹⁰ Cabet E. Ma ligne droite ou le vrai chemin du salut pour le peuple. Paris, 1841, 33.

¹¹ Les masques arrachés, 4.

Рабочие составляют основную массу населения. Их дети рождаются в нищете. Дети, рождающиеся у богатых, обладают излишком, которого было бы достаточно, чтобы удовлетворить потребности в тысячу раз большего числа детей, нуждающихся в необходимом. Сын рабочего не получает ни воспитания, ни образования. Может быть, из него вырос бы гений, - но общество обрекает его на невежество, отказывает ему в развитии его разума. А потом то же общество попрекает его невежеством. Едва лишь сын рабочего подрастет и немного окрепнет, на него возлагают работу, не считаясь с его расположениями и вкусами; преждевременный труд его истощает. В течение всей его жизни, в старости, как и в детстве, его используют как машину, обрекая на чрезмерный, отталкивающий, истощающий и опасный труд. Скольким случайностям он подвержен! Сколько есть производств, в которых рабочий теряет зрение, слух, легкие в 30 или в 40 лет!

Патрон обогащается на труде рабочего. Он эксплуатирует рабочего, как он эксплуатирует поле или лошадь. Заработная плата обычно так мала, что ее едва хватает для поддержания жизни рабочего, а патрон все время старается ее еще больше снизить. Родившись нищим, рабочий и умирает нищим после жизни, полной лишений и утомительного труда. А когда он заболевает, когда производство останавливается, когда у него нет работы, у него часто нет и хлеба. Счастливы земли не видят этого и не хотят видеть. Сколько мужества, самоотверженности, добродетели нужно рабочему, чтобы не прийти в отчаяние; какие муки должен был он перенести, чтобы воскликнуть: «Жить в труде или умереть в бою!» Судьбу рабочих признал ужасной даже Гизо, призывавший серьезно подумать об участии рабочих, так как она представляет большую опасность для имущих.

Когда-то, продолжает Кабе, во всей Римской империи, и, следовательно, почти во всей Европе, рабочие были рабами; они принадлежали хозяевам, которые смотрели на них как на рабочий скот, которые получали весь продукт их труда и кормили их, чтобы они могли работать. В настоящее время рабочие свободны; их более не называют рабами. Но те, кто их нанимает, по-прежнему называются хозяевами и патронами. И это правильно, так как в действительности масса рабочих по-прежнему находится в рабстве у хозяев. Хозяева или патроны одни пользуются политическими правами, они являются избирателями, депутатами, присяжными, составляют национальную гвардию; они создают законы через посредство своих уполномоченных, и создают их в своих собственных интересах и вопреки интересам рабочих. А рабочие вынуждены исполнять эти законы и подчиняться им. Хозяева вооружены, как спартиаты или плантаторы, а рабочие безоружны, как илоты или негры. Хозяева судят рабочих, а рабочие никогда не судят хозяев. Хозяева, поддерживаемые всей аристократией, могут объединяться и заключать коалиции, чтобы защищать свои интересы против интересов рабочих, а рабочие не могут договариваться и объединяться, чтобы защищаться от хозяев. И рабочих еще заставляют отдавать жизнь для защиты общества, которое их грабит и угнетает. Разве это не настоящее рабство?

Это современное рабство в общем хуже, чем рабство римских рабочих, заявляет Кабе вслед за Ленге и, возможно, не без влияния этого публициста XVIII в. У римского хозяина было основание беречь своего раба и заботиться о нем, как о своей собственности, о своей лошади или о своем поле. Хозяин нашего времени заинтересован, наоборот, лишь в том, чтобы, истощая своего рабочего, извлечь из него возможно больше. Если слабость, утомление, болезнь, какая-либо случайность мешали рабу работать, лишали хозяина возможности продать его по хорошей цене, - это был убыток для хозяина. Таким образом, эгоизм вынуждал его быть гуманным, чтобы извлечь из раба больше дохода.

Самый жадный хозяин, если только он был разумен, заботился о питании раба, чтобы сохранить его силы и здоровье, о здоровом помещении для работы. В настоящее время какое дело хозяину, что его рабочий плохо питается, утомлен, истощен, болен, ранен, убит? Он тотчас же находит другого, которого не надо даже покупать. Такова эксплуатация человека человеком¹².

Рабочие находятся полностью в руках предпринимателей и эксплуататоров. Они вынуждены под страхом голодной смерти принимать все условия хозяев. Если бы рабочие могли объединиться во имя общих интересов, они могли бы добиться более справедливой заработной платы, менее продолжительного и менее тяжелого рабочего дня, они могли бы даже потребовать для себя всех прав человека и гражданина: ведь они составляют самую многочисленную, самую необходимую для производства часть населения, они сильны и способны пренебрегать опасностями. Но хозяева и аристократы, желая удержать их в рабстве, не позволяют им организовать союзы и ассоциации; они применяют в отношении рабочих старый принцип: «разделяй и властвуй».

¹² Douze lettres dun communiste, 36-38.

Изолированные рабочие вынуждены жертвовать всеми своими политическими и социальными правами во имя своих индивидуальных потребностей, вынуждены конкурировать друг с другом, причем в конце концов то, от чего отказывается один, принимает другой. Чтобы облегчить себе господство над рабочими, хозяева и аристократы вынуждены держать их в невежестве, поощрять распространение среди них дурных обычаев и пороков¹³. Понятна ненависть рабочих к хозяевам. И в самом деле, как могут они любить хозяев, которые их эксплуатируют, обогащаясь за их счет?

Кабе, как мы видим, очень близок к признанию неизбежности классовой борьбы. Но такое признание означало бы крах всей его идеалистической общественной теории. Поэтому он спешит предупредить революционные выводы из написанной им картины бедственного положения пролетариата заявлением, что для хозяев эта организация общества столь же пагубна, как и для рабочих. У первых даже больше тревог и беспокойства. Царящие в обществе беспорядок и случайность невыносимы для всех. Жертвой его являются и пролетарии, и буржуазия. Жизнь фабриканта или купца представляет настоящий ад. И рабочие, и хозяева, утверждает Кабе, одинаково заинтересованы в том, чтобы найти выход из этого кризиса, чтобы найти лекарство от терзающего общество зла. Их общий интерес состоит не в том, чтобы вести войну друг против друга, но в том, чтобы объединиться, заключить братский союз и ввести новую организацию труда, которая сделает всех счастливыми¹⁴. Исходя из этих положений, Кабе осуждает коалиции и стачки, которые могут принести рабочим, по его мнению, лишь преследования и страдания¹⁵.

В чем же состоит искомое лекарство от общественных зол? Его не стоит искать ни в сберегательных кассах, ни в милостыне, ни в проповедях священников, ни в советах моралистов. Не является лекарством, по мнению Кабе, и повышение заработной платы, что якобы автоматически ведет к повышению цен. Если представить себе, что заработная плата всех рабочих повысится, неизбежно повысится и цены на все товары. Рабочий будет платить за все дороже и потеряет на повышении цен все, что он выиграет на повышении заработной платы. К концу года он увидит себя таким же бедняком, каким был и раньше. А между тем общее повышение заработной платы - настоящая революция, столь же трудная, как все другие революции.

Все говорят как о средстве спасения об организации труда. Но организация рабочих товариществ не решает этой проблемы. Кабе не верит в возможность при существующем порядке широкого распространения товариществ, создаваемых самими рабочими. Если даже рабочие каждой индустрии образуют ассоциации, если хозяева будут вынуждены войти в эти ассоциации, - все же эти бесчисленные ассоциации, оставаясь раздробленными, будут страдать от конкуренции антагонизма. Лекарством может быть только всеобщая ассоциация, которая обеспечит счастье всех рабочих, а вместе с ними и хозяев. А такая всеобщая ассоциация, построенная на основе равенства, братства и единства, и есть коммунизм¹⁶. Только коммунизм может обеспечить равенство. Коммунизм есть цель, к которой движется человечество. При коммунизме индивидуальный интерес растворяется в общественном, эгоизм вытесняется братством. К числу провозвестников коммунизма Кабе относит почти всех выдающихся мыслителей прошлых веков. Коммунизм есть, по его мнению, реализация моральных требований христианства, проповедь Христа заключает в себе принципы коммунизма. Коммунизм искореняет жадность и честолюбие, прекращает конкуренцию и антагонизм, уничтожает зависть и ненависть, делает почти невозможными пороки и преступления. Только коммунизм может дать счастье возрожденному человечеству¹⁷.

Противники коммунизма утверждают, говорит Кабе, что порядок, при котором человек более способный, приносящий большую пользу, не имеет в обществе никаких преимуществ, - несправедливый, нетерпимый порядок. Если умственное превосходство дано природой, возражает Кабе, то это случайность, а случайность не может служить основанием для права. Но обычно гений развивается под воздействием окружающего общества, от общества человек получает также средства, дающие ему возможность проявить свой гений. Общество вправе потребовать, чтобы гражданин отдал ему свой талант: это - только оплата долга. И как может человек жаловаться, что с ним обращаются так же, как с его братьями?

Не менее распространено возражение, будто бы коммунизм убивает соревнование: никто не будет стараться, если он не получит за это ничего для себя и для своих детей. Но из соревнования в той форме, какую оно имеет сейчас, заявляет Кабе, из соревнования, дающего возможность обогащения, возникают все беды современного общества.

¹³ Douze lettres dun communiste, 38-39.

¹⁴ Ibid., pp 39-40, 40-42.

¹⁵ Cabet E. Refutation des doctrines de l'Atelier. Paris, 1842, 12-13.

¹⁶ Douze lettres dun communiste, 49.

¹⁷ Voyage en Icarie, III.

Ничто не может компенсировать это зло. При коммунизме соревнование тоже будет иметь место. Но стимулом этого соревнования будет не обогащение, а моральное удовлетворение, почет, общественные отличия. В коммунистическом обществе личный интерес будет полностью слит с интересом общим, каждый будет понимать, что работать для общества значит работать для себя, что уменьшение общественного богатства значит уменьшение его доли.

Говорят, что в обществе всегда будут ленивые. Кабе убежден, что ленивых не может быть в обществе, где праздность рассматривается как кража, где рабочие культурны и всем интересуются, где применение машин делает труд легким и привлекательным. Человек по природе активен; условия коммунизма будут содействовать повышению его активности. Для члена коммунистического общества абсолютная праздность была бы мукой. Ленивый будет считаться человеком неполноценным, больным. Есть, однако, такие работы, продолжают критики коммунизма, которые неприятны для всех, которые всех отталкивают. Как быть с ними? Кабе уверен, что человеческий разум не может не найти решения этой задачи, не может отступить перед таким препятствием. Можно представить себе, что эти работы будут принудительно возложены обществом на тех, кто на основании экзаменов будет признан непригодным для другой работы. Можно привлекать к таким работам, воздавая особый почет тем, кто за них берется, рассматривая их как акт патриотизма. Можно назначать на эти работы по жребию. Можно установить такой порядок, при котором все будут обязаны в течение короткого срока принимать участие по очереди в их исполнении¹⁸.

Мы уже знаем, что Кабе отрицает возможность осуществления коммунизма при помощи насилия. «Я скорее реформист, чем революционер, - говорит он, - я прежде всего демократ»¹⁹. Переход к коммунизму - величайший переворот из всех происходящих на земле, самая обширная реформа, самая глубокая революция, подлинное возрождение человечества. Для того чтобы его осуществить, надо победить столько предрассудков, столько привычек, столько страстей и интересов! Коммунизм может и должен быть введен, заявляет Кабе, единогласным решением народа или решением крупного большинства. Для достижения такого легального преобразования нужна, конечно, пропаганда. Общественному преобразованию должно предшествовать преобразование моральное.

Одним из способов пропаганды коммунизма является, по мнению Кабе, пример - организация общин на коммунистических началах. Кабе полагает, как и фурьеристы, что правительство, которое действительно заботилось бы об интересах народа, должно было бы предоставить землю и средства для организации таких общин. Опыт показал бы, какой из предлагаемых проектов пригоден. Такая политика предупредила бы революцию. Но существующие правительства не склонны к подобным экспериментам. Очевидно, для организации показательной общины приходится рассчитывать на инициативу самих заинтересованных масс. Кабе считает, что он идет навстречу этой инициативе, составляя свой проект коммунистической общины²⁰.

Успех пропаганды коммунизма обеспечен тем, что ее содержание - истина. Я уверен, глубоко уверен, заявляет Кабе, что коммунизм, подобно христианству, может быть установлен только силой общественного мнения, силой убеждения. Решительное меньшинство, если бы даже оно составляло правительство, напрасно старалось бы навязать большинству коммунизм: это было бы несправедливостью, тиранией, безумием. Такой переворот, отменяющий собственность вопреки воле мелких и крупных собственников и заставляющий богатых работать, встретил бы такое сопротивление, какого не встречали никогда никакие социальные и политические преобразования. Чтобы погубить это начинание, достаточно было бы одной силы инерции. Что возможно, разумно, полезно, - это проповедовать, распространять доктрину, обсуждать, доказывать, убеждать. «Когда общественное мнение примет коммунизм, его легко будет установить; что касается меня, - заявляет Кабе, - то я не сомневаюсь, что общественное мнение в конце концов его примет, так как с моей точки зрения это - единственная истинная доктрина, так как ее истинность может быть доказана с полной очевидностью, так как разум в конечном счете всегда побеждает (*la raison finira toujours par avoir raison*)»²¹. Угрозы и насилия не могут приблизить торжество истины и потому бессмысленны. Наоборот, следует постараться по возможности примирить собственников с коммунизмом. Для этого Кабе рекомендует заявить, что живущее поколение не будет лишено собственности, что коммунизм будет обязательным лишь для поколений грядущих, которые будут к нему подготовлены воспитанием. Богатые - наши братья, заявляет Кабе, не следует их ненавидеть, не надо их угнетать.

¹⁸ Douze lettres dun communiste, 136-140.

¹⁹ Comment je suis communiste, 7, Ma ligne droite, 12.

²⁰ См., например, «Petite communaute de devoues et petite colonie fraternelle». Paris, 1843.

²¹ Comment je suis communiste, 6; Mon credo communiste, 12.

Их пороки, как и пороки бедных, - результат плохого воспитания и плохой социальной организации. Кабе верит в то, что богатые также обратятся в конце концов к истине коммунизма. Ибо, по его мнению, коммунизм больше чем какой-либо другой строй способен обеспечить счастье не только бедных, но и богатых²².

Среди социальных мыслителей первой половины XIX в. немало наивных утопистов. Но рационалистический утопизм Кабе резко выделяется даже на этом фоне. Трудно понять, как мог писатель 40-х годов до такой степени игнорировать рост классовых противоречий и обострение классовой борьбы в окружающем его обществе.

Кабе не может не видеть роста капиталистической индустрии. Кабе понимает ее революционизирующее значение. «Машины, - говорит он, - гром, свист и шум которых ухо улавливает уже издали, заключают в недрах своих раскаленных внутренностей бесконечное количество всякого рода маленьких революций, из которых вырастает великая всеобщая революция. Пар созидает мир будущего, отделяет наше настоящее от прошлого. Он уже царит в Великобритании и Северной Америке, творя чудеса, и никто не в состоянии воспрепятствовать его проникновению во Францию и в другие страны». Кабе понимает, что великие открытия в науке и промышленности производят не только научные и промышленные революции, но также революции социальные и политические, ибо все связано в природе. Кабе видит, что крупная индустрия создает материальную базу для коммунизма. Чем больше развита индустрия, тем легче осуществить коммунизм, говорит он. «Рост промышленности делает возможным коммунизм теперь более, чем когда-либо... современное безграничное развитие производительных сил при посредстве паровых машин может обеспечить равенство и изобилие». Кабе понимает, что рабочие - среда, наиболее восприимчивая к идеям коммунизма, что наиболее активные и сознательные рабочие являются коммунистами. К рабочим обращается он в первую очередь со своей пропагандой, призывая «обездоленных и рабов» решительно, смело и упорно добиваться своего освобождения, реализации своих прав и счастья своего потомства. «Все рабочие, - говорит он, - должны быть коммунистами»²³. И тем не менее мелкобуржуазная мечта о всеобщем примирении, о мирном строительстве нового общественного порядка заставляет его закрывать глаза на классовую структуру общества, на классовый характер грядущей революции.

Относясь отрицательно к идее насильственного социального переворота, Кабе предвидит в ближайшем будущем возможность революции политической. Он считает, что события готовят эту революцию. Однако и к политической революции его отношение довольно неопределенно. Кабе боится, что преждевременная революция может привести к гибели всех демократических группировок. Именно к этому стремятся правящие партии. Они хотят как можно скорее спровоцировать частичное восстание, чтобы раздавить его и воспользоваться им для объявления осадного положения и для разгрома сил демократии.

В конце 30-х годов Кабе призывал к осторожности, к спокойствию, к терпению: никаких мятежей, никаких насилий, никаких искушений! «Выждем нападения, - говорил он, - и тогда будем защищаться». Поспешность может все погубить. Пока же Кабе рекомендовал возложить надежды на палату депутатов, предоставить ей дело защиты интересов нации²⁴. Именно в этой обстановке, будучи убежден, по его словам, что революция не принесет пользы народу, написал он свою знаменитую фразу: «Если бы я держал революцию в руке, я бы держал ее закрытой, хотя бы мне пришлось умереть в изгнании!»

В начале 40-х годов отношение Кабе к революции, под влиянием реакционной политики правительства, несколько изменилось. Он по-прежнему нападению предпочитает оборону, насилию - мирные пути банкетов, петиций и адресов, он не полностью потерял надежду на то, что палата депутатов остановит рост реакции и что власть отступит перед волей суверенного народа, что мирный прогресс вновь станет возможным. Он сомневается в том, что революция в данный момент сможет привести к торжеству демократии. И все же он готов принять вызов и вступить в борьбу, если эта борьба необходима, чтобы задержать реакцию. «Итак, - резюмирует Кабе свое рассуждение, - без реакционных мер правительства против свободы (*sans les bastilles*, по его образному выражению) я не был бы революционером; но реакция представляется мне величайшим злом, худшим, чем смерть, и я последую за нацией всюду, куда бы она ни пошла... Я предпочитаю реформу, не отвергая революции, когда ее признает необходимым общественное мнение»²⁵. Однако и в это время Кабе ждет инициативы революции от масс, от народной стихии; он против ее подготовки революционерами, в частности против революционных тайных обществ, организацию которых решительно осуждает. Революционное настроение, говорит Кабе, и без того достаточно сильно; незачем его искусственно возбуждать.

²² *Ma ligne droite*, 19.

²³ *Ibid.*, 58-59, 63.

²⁴ Cabet E. *Vous senez responsable envers la patrie*, Paris, 1840, 34.

²⁵ *Voyage en Icarie*, II, 586; *Ma ligne droite*, 15; *Les masques arraches*.

Тайным обществам, как наиболее распространенной в 40-х годах форме организации революционных групп рабочего класса, Кабе уделяет особое внимание. При этом он имеет в виду конспиративные и революционные общества, объединяемые политическими целями, определенными правилами приема, периодическими собраниями, присягой. Такие общества могут еще существовать, по его мнению, в среде аристократов, духовенства, буржуазии, студенчества: их не так много, у них есть опыт и богатство, у них есть салоны, обеды, концерты, охоты - всевозможные поводы для встреч и сговора. Для народа конспирация - дело невозможное, встречающее множество затруднений и препятствий. Старый герцог Орлеанский с его состоянием, с такими помощниками, как Мирабо, Ламеты, Сийесы, Бонапарт с генералами и членами правительства - они могли успеть в своих конспиративных начинаниях. Рабочим это не удастся.

Суровые правила конспирации, страшные клятвы, которые приносят члены общества при вступлении, - все это не мешает раскрытию общества полицией. Бытовые условия жизни рабочих зачастую не дают возможности соблюдать тайну, даже если среди них и не найдется сознательного предателя. Наряду с честными людьми, доведенными до отчаяния нищетой и деспотизмом, вдохновленными чувством братства, в тайные общества легко проникают агенты-provokatory. Полиция получает возможность не только знать все, что делается в обществе, но и руководить им в своих целях. Когда общество раскрыто, это дает основание для преследований, вызывает множество жертв. А сколько вреда приносят раздоры между обществами, зачастую тоже направляемые полицией! В конечном счете, все это столь же вредно делу народа, сколь полезно деспотизму, который пользуется тайными революционными обществами для того, чтобы оправдать гонение против всех обществ и ассоциаций²⁶.

Демократия в системе Кабе - необходимое предварительное условие для осуществления коммунизма; она расчищает дорогу для равенства. Во имя ее торжества, говорит Кабе, коммунисты должны не только тесно сплотиться, невзирая на различные оттенки мнений, они должны пойти на жертвы, чтобы добиться единения всех демократических группировок. Крайняя раздробленность демократов составляет их слабость и силу правительства. Кабе призывает не отталкивать от демократического движения буржуазию: «если буржуазия не может ничего сделать без опоры в народе, то и народ не может ничего сделать без помощи буржуазии». Нас ждут, говорит Кабе, тяжелые дни; бури бушуют над нашими головами; никто не может предугадать судьбу, которая его ожидает; под угрозой находятся отечество, свобода, жизнь; и для демократов всех оттенков союз больше, чем когда-либо, составляет необходимость²⁷. Тот, кто сеет раздоры между пролетариатом и буржуазией, - есть худший враг народа. Исходя из этих соображений, Кабе отказался от участия в первом самостоятельном коммунистическом банкете в Бельвиле (1840), боясь, что такой банкет оттолкнет буржуазию²⁸.

В доказательство необходимости для успеха революции участия в ней буржуазии Кабе ссылается на опыт предшествовавших революций. Никогда и нигде, говорит он, пролетарии ничего не добивались без помощи некоторой части буржуазии, которая браталась с народом. Пролетарии одни не сделали бы, не могли сделать ни революции 1789 г., ни революции 1792 г., ни революции 1830 г. Буржуазия была душой, головой этих революций, а пролетарии - только руками. В прериале и флореале рабочие были раздавлены, потому что они выступили без буржуазии и против нее. Кабе совершенно не учитывает в своих рассуждениях различия в классовой структуре общества в конце XVIII в. и в 40-х годах XIX в., не понимает он также и различия в характере революции, которая, по его же словам, только провозгласила права человека, но не сумела их осуществить, и грядущей революции, которая должна, в конечном счете, привести к торжеству коммунизма. Он забывает и о том, как мало дали пролетариату все революции прошлого. Развивая дальше свою аргументацию, Кабе подменяет вопрос об участии в революции буржуазии как класса вопросом об участии в ней представителей культурных слоев населения вообще. Наиболее преданные народу вожди, заявляет он, - Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст, Кутон, Бийо-Варенн, Бабеф, Буонарроти - были буржуа, а презренный Тальен - рабочий. Буржуа руководит народом через посредство журналов; даже пропагандистами коммунизма являются буржуа. Совершенно ясно, что мы имеем здесь явное смешение понятий. Доводы Кабе говорят не о необходимости для пролетариата союза с буржуазией, а о важности для него иметь в своей среде интеллигентных руководителей²⁹.

²⁶ Les masques arraches, 28-36.

²⁷ Les masques anaches, 28-36.

²⁸ Comment je suis communiste, 8; Mon credo communiste, 13.

²⁹ Toute la verite au peuple, 21.

Лозунгом единого демократического фронта должна быть прежде всего избирательная реформа, всеобщее избирательное право как необходимое предварительное условие осуществления мирным путем всех других реформ - и политических, и социальных. Следует, однако, здесь же отметить, что диктатуру, как форму временного правительства, Кабе не считает противоречащей народному суверенитету, если она установлена волею народа или одобрена народом: после всех революций, напоминает он, народ или победившая партия обычно признавали необходимость диктатуры.

Политические реформы не являются для Кабе самоцелью; они являются лишь средством, орудием для достижения главной цели - реформы социальной. Это первый шаг по пути к коммунизму. По его мнению, «реализовать и организовать демократию» невозможно, не приняв коммунизма. «Для меня, - говорит Кабе, - демократия и коммунизм синонимы». Характеризуя свою позицию среди политических и социальных группировок его времени, Кабе говорит: «Я прежде всего француз, находящийся в братском союзе со всеми французами против иностранцев (если иностранцы нападают на Францию; если они не нападают, я хочу, чтобы Франция проявляла к ним справедливое и братское отношение)³⁰; далее - я демократ, находящийся в братском союзе со всей демократией против аристократии; затем я реформист, находящийся в братском союзе со всеми реформистами и дающий им руку для совместного завоевания политической реформы; затем я социалист, находящийся в братском союзе со всеми социалистами и дающий им руку для совместного завоевания социальных реформ, относительно которых мы согласны; наконец, я коммунист, твердо решивший отдать все свои силы, как и прежде, делу обсуждения и пропаганды коммунизма, чтобы убедить в его справедливости и привести к его утверждению»³¹.

Так соединяет Кабе свои новые, коммунистические взгляды со своими старыми, буржуазно-демократическими стремлениями.

Между установлением демократии и полным утверждением коммунизма должен пройти, по мнению Кабе, известный переходный период (*regime transitoire*). Коммунизм будет провозглашен, - но, как мы уже говорили, для будущих поколений. Он будет являться как бы путеводной звездой, по которой будут ориентироваться законодатели. Богатые останутся пока богатыми; они не будут вынуждены работать. Право собственности не будет отменено, но размеры национального имущества будут расти в результате мероприятий, имеющих целью подготовку коммунизма. В качестве таких мероприятий Кабе намечает отмену наследования по боковой линии, отмену права завещания, запрещение дарений недвижимого имущества, экспроприацию государством частных имуществ - но со справедливым вознаграждением, прогрессивный налог, отмену налогов, падающих на бедных. Правительство будет содействовать организации рабочих ассоциаций и опытных коммун, используя для этого национальные имущества, регулировать заработную плату и продолжительность рабочего дня. Специальное министерство или комиссия общественных работ составит план наиболее необходимых работ, чтобы обеспечить труд всем, кто в нем нуждается. Правительство позаботится также об организации больших национальных мастерских, где рабочие будут уже оплачиваться в натуре. Особая комиссия будет заниматься вопросом о жилищных условиях бедных, выделяя для этой цели некоторые общественные здания, добровольно уступленные помещения частных лиц или новые дома временного типа. Рядом с остающимися частными собственниками будет расти число лиц, живущих в условиях коммунизма, так как непрерывно увеличивающийся национальный домен будет использован для организации на коммунистических началах новых общин, городов, деревень, ферм и мастерских³². Общее обязательное и бесплатное образование будет готовить детей к грядущему коммунистическому порядку.

Этот процесс перехода к коммунизму потребует, по мнению Кабе, от двадцати до пятидесяти лет. Но уже переходный режим значительно улучшит положение народа, даст ему относительное счастье. Переходный период мог бы значительно сократиться, если бы богатые и собственники, поняв свои истинные интересы, согласились отдать в общее владение свою собственность. Но Кабе не считает возможным на это надеяться; на какой-то срок в обществе останется меньшинство, образующее оппозицию. Быть может, наиболее горячая часть демократии будет недовольна медленностью преобразования; но, принимая все в соображении, этим путем, не раздражая противников, мы, - говорит Кабе, - скорее придем к цели³³.

³⁰ Cabet E. Refutation de la brochure de M.Thore, p.9; Refutation de quatre articles, 2.

³¹ Ma ligne droite, 39.

³² Douze lettres dun communiste, 47-148.

³³ Ibid, 145-146.

Основные принципы коммунистического общества Кабе излагал в своих памфлетах неоднократно. Изображение общества, в котором полностью утвердился коммунистический строй, дано им в его романе «Путешествие в Икарию». Кабе утверждает, что избрать форму романа побудило его стремление сделать изложение идей коммунизма более популярным, доступным для всех классов общества. Во всяком случае очень характерно, что Кабе, воскрешая рационалистическую социальную философию XVIII в., воскрешает и столь распространенную в XVIII в. форму утопического романа. Англичанин, попавший в фантастическую страну Икарию, рассказывает в этом романе о тех необычайных порядках, какие он там нашел, о том, как эти порядки возникли, о нравах людей, живущих в Икарии. В рассказ вплетена история любви англичанина к икарийской девушке, его любовных страданий и их благополучного завершения.

Коммунизм, рассказывает Кабе, был введен в Икарии после революции, поставившей у власти в качестве диктатора мудрого законодателя Икара, прямого литературного потомка мудрых законодателей утопий XVI-XVIII вв. - Утопа, Севариса и др. Но конституция страны, как политическая, так и социальная, была принята всеобщим голосованием. Кабе и здесь остается верен принципу народного суверенитета, находящего свое выражение в конституции и в законах, утвержденных народом. Закон, принятый всеми, необходимо служит, по его мнению, интересам всех; там, где граждане сами творят законы, между ними и законом существует гармония¹. Реализации выработанного Икаром плана преобразования общества предшествовала борьба с королями соседних стран, пытавшимися уничтожить республику³⁴; восстановить монархию. Эти тираны, говорит Кабе, не могли терпеть торжества демократической и республиканской революции, которая могла бы послужить примером для их собственных народов. Лишь после разгрома интервентов приступила республика к мирному строительству. Согласно проекту Икара, между установлением демократии и полным торжеством коммунизма должно было пройти пятьдесят лет. Но в действительности в результате энтузиазма, проявленного народом и захватившего даже богачей, срок этого переходного периода был сокращен до тридцати лет.

Икария, конечно, республика. Республика, по мнению Кабе, так же соответствует разуму, как геометрическая теорема: нормальные люди не могут быть недовольны республикой, как они S могут протестовать против теоремы. Нужно, впрочем, отметить, что в вопросе о форме правления Кабе не очень настойчив. Он готов примириться с монархией, если это монархия подлинно представительная, демократическая, народная. «Общность, - говорит он, - так же совместима с конституционным монархом, как и с республиканским президентом»³⁵.

Основными принципами республики являются свобода и равенство. Свобода, однако, в Икарии сопряжена с порядком и дисциплиной, которой подчинены все действия и воли. «Свобода должна быть ограничена во всех случаях, когда этого требует интерес общества, констатированный суждением народа». Человек, вступая в политическое и гражданское общество, принимает заранее его законы и обязуется их исполнять³⁶. «Свобода есть право делать все, что не воспрещено Природой, Разумом и Обществом». Слепая страсть к свободе - порок, зло, рожденное ненавистью к деспотизму. Истинная свобода, говорит Кабе в другом месте, состоит в том, что в обществе не существует иных правил, кроме тех, которые сами граждане признали необходимыми. Подчиняться собственному закону, значит быть свободным. Подчиняться закону, навязанному другим, значит быть рабом.

Таким образом, подчеркивает Кабе, закон нашего времени, созданный избранными 200000 избирателей, есть свобода для этой аристократии законодателей; она есть рабство для всего остального народа. Естественно, что аристократия довольна своей свободой и стремится ее увековечить. Но разве не естественно, что угнетенный народ стремится сбросить с себя это иго и вернуть себе свободу³⁷? В обществе, где царит неравенство, свободы нет у подавляющего большинства. Коммунизм предоставляет всем истинную свободу.

Равенство в Икарии не есть только равенство прав. Это в то же время равенство в воспитании, в удовлетворении потребностей, в труде. Однако, оговаривается Кабе, это не абсолютное, математическое равенство, а равенство относительное, пропорциональное потребностям и средствам. Равенство служит гарантией свободы. При политическом и экономическом равенстве не может быть угнетенного и недовольного меньшинства. Отметим, однако, что в Икарии все же не знают полного равенства: женщины не пользуются там политическими правами; подчиненное положение занимают они и в семье, носящей патриархальный характер.

³⁴ Mon credo communiste, 8.

³⁵ Voyage en Icarie, V, VI.

³⁶ Voyage en Icarie, 404-405.

³⁷ Douze lettres d'un communiste 65-67.

Законодательная власть принадлежит в Икарии национальному представительному собранию и народным собраниям (*assemblees populaires*). Кабе - сторонник руссоистской идеи прямого народного законодательства. Вся Икария разделена на 100 провинций с равной территорией и равным населением; в каждой провинции 10 равных коммун. Народные собрания, куда входят все граждане и которые происходят по коммунам, собираются три раза в месяц или раз в неделю и пользуются правом референдума и законодательной инициативы. Именно народные собрания, говорит Кабе, являются выразителями народного суверенитета. В них принимает участие весь народ. Так как труд отнимает только часть дня, так как при коммунизме никого не отвлекает беспокойство о своем собственном существовании, народные собрания посещаются всеми. Собрания созываются в один и тот же час. Таким образом, весь народ может одновременно обсуждать на различных собраниях один и тот же вопрос. Каждое собрание обсуждает и дела национальные, и дела местные, по которым коммунальное собрание может самостоятельно отдавать распоряжения. Гражданин имеет право предложить народному собранию ту или иную идею, поставить тот или иной вопрос. Если эта идея имеет общественный интерес, народное «собрание передает ее национальному представительству, а последнее ставит ее в повестку всех собраний, т.е. на обсуждение всего народа. Так складывается подлинное общественное мнение, подлинная общая воля. Закон разрабатывается национальным представительством, но ставится, если он имеет большое значение, на утверждение всего народа, собранного в народных собраниях.

Национальное представительство избирается всеобщим голосованием. Оно образует одну палату, состоящую из 2000 депутатов. Срок полномочий каждого депутата - два года. Но представительство в целом Кабе называет перманентным, так как оно обновляется по частям: ежегодно наполовину³⁸. Для большей основательности рассмотрения каждого вопроса и национальное представительство, и коммунальные собрания разделяются на комитеты по различным специальностям (например, сельского хозяйства, пици, статистики и т.д.).

Так как народ - суверен, то все функции в обществе выполняются гражданами, избранными народом на срок, ответственными и подлежащими отзыву. Исполнительная власть никогда не доверяется одному лицу, она вручается корпусу, который называется экзекутивой. В Икарии нет президента республики, а есть только президент исполнительного корпуса. Шестнадцать членов экзекутивы выбираются, подобно народному представительству, на два года, причем половина их обновляется ежегодно. Их труд, так же как всякий труд в коммунистическом обществе, является функцией; эта функция представляет мандат, поручение народа. Все функции бесплатны или, вернее, они вознаграждаются в натуре на основании общих правил распределения. Так как все граждане возможно полно обеспечиваются всем необходимым, то нет никаких оснований, чтобы должностные лица (*fonctionnaires-magistrats*) получали больше, чем трудящиеся (*fonctionnaires-travailleurs*). Вознаграждение должностных лиц - общественное уважение, которое в коммунистическом обществе ценится выше, чем в обществе буржуазном - золото и пустые почести. Исполнительная власть подчинена народному представительству. Полномочия должностных лиц ограничены исполнением законов. Так как при коммунизме не будет места ни жадности, ни честолюбию, то не будет также заговоров, переворотов, революций. Правительство, которое в течение веков занималось тем, чтобы защищать свое положение, будет заботиться только об общем благе. Система государственной охраны будет упразднена, дело управления станет очень простым и легким. Очень упростится и судебная процедура. В Икарии нет поэтому специальных судебных трибуналов. За совершенные преступления судит та организация, к которой данное лицо принадлежит. Трибуналом, таким образом, может быть в отдельных случаях и школа, и семья, и мастерская, и народное собрание, и национальное представительство.³⁹

В организации хозяйства Икарии все продумано до мелочей, все рационально. В хозяйственном отношении страна представляет одно целое, как бы одно колоссальное предприятие. Все национальное богатство и вся мощь нации составляют его капитал, весь народ - кадры его рабочих. Этим предприятием руководит единый разум и единая воля - разум и воля всего народа, обсуждающего все вопросы непосредственно или через своих уполномоченных, выполняющего свои решения через избранных им должностных лиц. Громадную роль играет в этом едином хозяйстве статистика. Статистика учитывает качества различных частей территории, характерные для них производства, их подземные богатства. Она учитывает население, число мужчин и женщин разных возрастов, число рабочих разных специальностей⁴⁰. Национальная территория является неделимым доменом общества. Эта система имеет своим следствием улучшение культуры земли, обработку пустующих земель, многократное повышение продукции⁴¹.

³⁸ Douze lettres d'un communiste, 77-78, Voyage en Icarie, 37.

³⁹ Voyage en Icarie, 76, 78-79.

⁴⁰ Douze lettres d'un communiste, 45.

⁴¹ Mon credo communiste, 10.

Общество организует национальные мастерские для производства необходимых ему предметов, распределяет между ними рабочих, руководит их трудом. Каждая мастерская имеет свою специальность и производит соответственные продукты в громадном количестве (*par masse enorme*). Общие законы для всех мастерских вырабатываются народным представительством; внутренние правила распорядка обсуждаются и принимаются самими рабочими каждой мастерской, рабочие же выбирают ее должностных лиц. В первую очередь перед этой единой индустриальной системой ставится задача обеспечения общества предметами первой необходимости, затем предметами полезными, наконец - предметами удовольствия. Предметы последней группы производятся лишь в том случае, если их может быть произведено достаточно для удовлетворения всех граждан. Это необходимо для строгого соблюдения равенства в потреблении. Размеры Необходимого для общества производства по всем отраслям хозяйства определяются государством. Вредные и бесполезные производства упраздняются. Государство распределяет предприятия по стране в разумном порядке, так чтобы каждый район имел такое сельское хозяйство и такую промышленность, какие соответствуют его природе. Каждая отрасль производства по возможности концентрирована, и вспомогательные производства сосредоточены вокруг основного.

Все граждане - рабочие (*ouvriers*), бездельников Икария не знает. Труд является общественной обязанностью: для мужчин от 18 до 65 лет, для женщин - с 17 до 50. Каждый по возможности выбирает тот труд, который ему нравится. Республика на основании имеющихся статистических данных знает число рабочих, Необходимых в каждой профессии. В определенное время ежегодно она публикует число вакансий по профессиям для каждой коммуны и приглашает молодых граждан сделать свой выбор. В случае конкуренции профессии распределяются по конкурсу, после экзаменов, согласно приговору самих конкурентов, образующих жюри. Во всех отраслях производства установлен равный рабочий день - семь часов летом и шесть часов зимой. Впрочем, Кабе иногда говорит, что труд должен быть пропорционален силам.

Икарийцы всячески стараются облегчить труд путем изобретения и введения в производство машин, используя все новые изобретения. Машин, говорит Кабе, часто пагубные для рабочих при существующей системе, не могут быть вредными при системе общности. Все тяжелые, опасные, неприятные работы должны производиться машинами; человеческий разум должен изыскать такие средства труда, чтобы человек был только руководителем машины. Женщины в экономической организации занимают особое место: на них лежит домашняя работа и работа в специальных женских производствах. «В каждой семье женщины и девушки вместе выполняют домашние работы с 5 часов утра до 8 1/2; с 9 до 1 часа они работают в мастерских по своим специальностям». Все виды труда пользуются одинаковым почетом. Лица, особо выдвинувшиеся на трудовом поприще, получают общественное признание и поощрение в форме венков, статуй, гимнов, восхваляющих их заслуги. «В Икарии, - говорит Кабе, - много благородных, славных, знаменитых: это механики, врачи, рабочие, отличившиеся каким-нибудь крупным открытием или крупными заслугами». Непродолжительный труд, вознаграждаемый общественным уважением, становится приятным, привлекательным занятием, источником радости и счастья.

По-иному организовано сельское хозяйство. Оно, конечно, также входит в единую хозяйственную систему Икарии. Но, в отличие от национальных мастерских, мы видим в сельскохозяйственном производстве индивидуальных фермеров. Каждый фермер самостоятельно обрабатывает свой участок, хотя он и является должностным лицом государства. Все, что ему необходимо из пищи, одежды и обстановки, он получает бесплатно, на тех же основаниях, что и городской рабочий, от государства. Ферма отнюдь не составляет собственности фермера; это выражается даже в том, что между земельными участками нет разделяющих их оград. Рабочий день фермерской семьи не регламентирован, она работает сколько необходимо - в зависимости от времени года. В горячие дни уборки, когда рабочих рук семьи не хватает, фермеру приходят на помощь не только соседи, но также школьники и горожане, которые считают такое участие в полезных работах удовольствием и приходят на уборку, как на праздник. Для них у фермера всегда имеются запасная одежда и необходимые орудия труда. Работы, нужные для нескольких ферм, например, проведение дорог, осуществляются ими совместно⁴².

Дети фермера могут в случае желания избрать себе другую профессию, но обычно они остаются земледельцами, как их отцы. Горожанин может стать земледельцем, но для этого необходимо, чтобы какой-либо фермер принял его в свою семью.

⁴² Mon credo communiste, 10.

Все фермы построены, как и прочие мастерские республики, по утвержденному ею образцу. Инвентарь фермы является общественным достоянием и состоит на учете. Государство определяет ежегодно количество тех продуктов, которые ферма должна поставить в государственные склады. Есть фермы, которые производят только виноград, другие - только зерновые культуры, есть и такие, в которых земледельческое производство сочетается с промышленным, например с разработкой минеральных месторождений. Часть поставленных фермой продуктов остается в пределах коммуны для ее нужд, часть поступает в провинциальные склады, часть в национальные для распределения по другим провинциям и коммунам и для отправки за границу⁴³.

Кабе - сторонник сохранения в коммунистическом обществе больших городов. Он доказывает, что отрицательные черты современных городов являются результатом существующей общественной системы и не будут иметь места при коммунизме. Так как коммунизм есть концентрация, то большие города, а не маленькие поселки, соответствуют природе и сущности коммунизма, тем больше город, тем в большей степени он служит очагом просвещения, индустрии, наук и искусств. Кабе резко полемизирует теми коммунистами, которые проповедуют разрушение городов как центров испорченности и господства, с теми, кто доказывает (повидимому, здесь имеется в виду Дезами⁴⁴), что в коммунистическом обществе не должно быть городов, а должны быть только коммуны, по 10 тысяч человек в каждой.

Все произведенное в обществе поступает в его распоряжение. Граждане получают нужные им продукты из общественных магазинов, находящихся в больших, чистых, удобных и величественных зданиях. Теоретически Кабе принимает старый коммунистический принцип распределения - «каждому по его потребностям». Он уверен в том, что при коммунистическом порядке количество производимых продуктов благодаря правильной организации труда может быть удешевлено. Это изобилие благ он считает гарантией коммунистического порядка. И тем не менее, на практике принцип «каждому по потребностям» имеет в Икарии ряд ограничений, придающих икарийской системе распределения, несмотря на отказ Кабе от математического равенства, известные черты уравнительности. Кабе считает необходимым полностью удовлетворить потребности граждан в предметах первой необходимости, однако с оговоркой: соблюдая при этом равенство в снабжении отдельных потребителей. Он против «излишеств», против производства предметов роскоши. У икарийцев одинаковые жилища, одинаковая мебель, унифицированные предметы домашнего обихода. Питание икарийцев регулируется законом, который основывается в своих указаниях на данных науки. Организация питания носит в основном общественный характер. Граждане получают первый и второй завтраки в мастерских, за исключением женщин, которые завтракают у себя. Обедают граждане вместе в республиканских ресторанах. Лишь ужин для всей семьи женщины организуют дома. На выходные дни икарийцы получают на дом холодные блюда, приготовленные в ресторанах.

Для семей различного состава в Икарии имеются дома различных размеров. Все они очень удобны, но однообразны. Обстановка во всех домах абсолютно одинакова. Для каждого возраста и каждого занятия имеется обязательная форма одежды, определяемая законом по указанию особого комитета. «Особенности одежды, - рассказывает Кабе, - должны указывать на все обстоятельства жизни человека. Детство и юность, возмужалость и зрелый возраст, состояние в браке или вне его, вдовство, профессия или занятие - все это отмечается в форме одежды. Все лица одинакового положения имеют одинаковую форму, но тысячи различных форм соответствуют тысячам различных положений человека». Одеждой снабжают граждан магазины согласно имеющимся в них таблицам, которые указывают, каким семьям и сколько должно быть отпущено. Чисткой и починкой одежды занимаются женщины. Если какого-либо предмета не хватает для всех, его или вовсе не дают никому, или дают в порядке очереди (например, каждая семья может получить верховую лошадь один раз в 60 дней; с другой стороны, если каким-либо ценным металлом нельзя снабдить всех, его употребляют только на общественные постройки).

Многочисленные в Икарии живописные места, которые когда-то служили исключительно для удовольствия нескольких семейств, скрывавших их за стенами своих парков и замков, в Икарии доступны для всех, составляют предмет наслаждения всего народа⁴⁵.

⁴³ Voyage en Icarie, 145-165.

⁴⁴ Cabet E. Propagande communiste, Paris, 1842, 9. О Дезами см. ниже.

⁴⁵ Voyage ee Icarie, 51.

Внешняя торговля (внутренней торговли в Икарии, конечно, нет) находится в руках государства. В своей внешней политике икарийское правительство придерживается принципа невмешательства в дела других государств. Идея завоеваний ему совершенно чужда. Для того чтобы воспрепятствовать вмешательству соседей в дела Икарии, правительство принимает меры к обороне государства и очень строго относится к проникающим в Икарию иностранцам, влияние которых может оказаться вредным для республики. Но такие отношения между государствами Кабе не считает вечными. Граждане Икарии мечтают о времени, когда восторжествует братство народов, когда все народы образуют единую федерацию, разрушат разделяющие их таможенные барьеры, разоружатся. Они предполагают, что Икария, окончательно окрепнув, должна помочь другим странам прийти к коммунизму. Однако это содействие должно выразиться в пропаганде, в укреплении всякого рода союзов, в обмене услугами, а отнюдь не в военном вмешательстве.

Брак, как форма регулирования отношений между мужчиной и женщиной, есть, по мнению Кабе, институт, наиболее соответствующий человеческому достоинству и наиболее способный обеспечить счастье индивидов и порядок в общине. Все неудобства, которые характерны для современных браков, обуславливаются не браком как таковым, но неравенством. При системе равенства им общности, при разумном воспитании, при полной свободе выбора, определяемого только личными качествами и влечениями, при возможности, в случае надобности, развода брак будет свободен от этих недостатков. Семейная жизнь более соответствует к природе, говорит Кабе, чем отделение детей от родителей; любовь родителей к детям и детей к родителям - одна из наибольших радостей, данных человеку⁴⁶.

Надо отметить в этой связи, что Кабе не чужда мысль об известном контроле государства над заключением брака, - мысль, связанная с платоновской традицией. Государство не может не быть заинтересовано в усовершенствовании человечества. Этим вопросом занимается в Икарии особая комиссия, состоящая из врачей и других компетентных людей. Если комиссия устанавливает, что данный молодой человек или молодая девушка могут дать жизнь больным детям, закон предписывает родителям больного предупредить об этом обе стороны и воспротивиться браку; о том же должно напоминать вступающим в брак должностное лицо. Обычно никто не поступает вопреки этому предостережению, хотя оно поддерживается не угрозой какой-либо кары, а исключительно силой общественного мнения. Если брак оказывается несчастливый, то семьи, к которым принадлежат муж и жена, сначала увещевают их примириться с судьбой. Но когда увещания оказываются безрезультатными и семьи признают необходимость расторжения ставшего невыносимым союза, закон допускает развод. Внебрачные половые связи сурово осуждаются общественным мнением Икарии и, по словам Кабе, практически невозможны.

Громадное значение придает Кабе воспитанию. «Воспитание, - говорит он, - есть все, или почти все». Весь процесс развития человечества от первых поколений до наших дней можно рассматривать как процесс его непрерывного воспитания. Человечество все время училось, приобретало опыт, знания, просвещение, идеи. Современный человек есть результат этого воспитания. Но во все времена и во всех странах аристократия и духовенство захватывали монополию воспитания в свои руки. Они препятствовали воспитанию народа, чтобы держать его в невежестве, нищете и рабстве. После изобретения книгопечатания совсем отстранять народ от книг стало невозможно. Тогда духовенство ввело систему ложного воспитания, имевшего целью внушить народу ложные идеи вместо истинных, одурманить его под видом просвещения.

Когда при Людовике XVI Тюрго составил проект новой системы воспитания людей и граждан, один из друзей ему заметил:

«Это прекрасно! Но если будут такие люди, зачем будут нужны монархия и наследственное дворянство? Как вы можете надеяться, что двор пойдет на самоубийство, приняв ваш великолепный план воспитания?» Во время революции Конвент одобрил принципы воспитания граждан и республиканцев. Но эти принципы, разработанные Лепеллетье, оказались не нужны ни термидорианцам, ни Директории, ни Империи, ни Реставрации. Воспитания для народа, говорит Кабе, по-прежнему нет. Есть обучение для детей богатых, но оно не заслуживает имени подлинного воспитания. Усовершенствовать воспитание и сделать его всеобщим - одна из первых задач демократии; такое воспитание - одна из главнейших основ коммунизма⁴⁷.

При коммунизме все заинтересованы в том, чтобы дети получили наилучшее воспитание, чтобы из них выходили самые совершенные люди, самые способные рабочие, самые лучшие граждане. Общество не будет жалеть никаких средств для дела воспитания. Воспитание будет общее для всех; воспитанию будет отдано 17-18 первых лет жизни человека. До 6-7 лет оно будет происходить в семье, затем - в общественных школах.

⁴⁶ Mon credo communiste, 9, более подробно в Propagande communiste; Кабе полемизирует здесь с современными ему ультралевыми группировками.

⁴⁷ Douze lettres d'un communiste, 82-84.

Большое внимание будет уделено физическому воспитанию, укрепляющему здоровье и силы человека, развивающему ловкость и грацию. Дети будут обучаться всем видам гимнастики, будут усваивать все правила гигиены. Моральное воспитание, начинающееся со дня рождения, будет стремиться привить ребенку навыки наблюдения, исследования, рассуждения, умственной честности, будет внушать сознание прав и обязанностей, чувство справедливости. Ребенок будет усваивать ту истину, что его интерес требует от него уважения к правам других. Воспитание внушит ему также, что общество не может существовать без труда, что отдавать обществу свою долю труда - долг каждого, что на своих сограждан он должен смотреть как на братьев.

Интеллектуальное воспитание, или обучение, состоит из двух частей: общего, элементарного и специального, профессионального. Ребенку должны быть даны в пределах возможного элементы всех знаний, всех искусств, всех видов производства. Следует, однако отметить, что Кабе видит пустую затрату времени в изучении языков как древних, так и современных. В Икарии особенное внимание уделяется ознакомлению ребенка с основными принципами сельского хозяйства и с необходимыми для сельского хозяйства знаниями: эти знания считаются обязательным для каждого. Детям преподают основы биологии, геологии, минералогии, физики, химии, астрономии. Лишь после усвоения этих предметов им сообщаются сведения о религии и божестве⁴⁸. К 17-18 годам все юные граждане обладают уже элементами всех знаний. Им будет нетрудно сознательно выбрать себе подходящую профессию или несколько профессий, ибо они будут подготовлены к усвоению любой из них. Систему воспитания будет завершать профессиональное образование, которое должно быть одновременно и теоретическим и практическим и которое сделает молодого человека просвещенным и ловким работником в избранном им производстве.

Параллельно интеллектуальному воспитанию идет воспитание гражданское. Ребенок учится быть гражданином с первых лет своей жизни. Все изучают конституцию и главные законы общины; юношей убеждают в том, что социальная справедливость требует свободы обсуждения до голосования, но что после голосования мир и необходимость требуют почтительного подчинения меньшинства большинству. Только после завершения гражданского воспитания, после посещения народных собраний и собрания представителей, после экзамена и принесения гражданской присяги имени молодых людей данного возраста вносятся ежегодно в торжественной обстановке в списки граждан. С этого момента они получают политические права и начинают выполнять свои обязанности как работники и граждане. Воспитание женщин - физическое, моральное и интеллектуальное - в общем таково же, как воспитание мужчин, с необходимыми отличиями, вызываемыми природой вещей. Общество не может не быть заинтересовано в воспитании женщины, которая является не только работницей, но и матерью грядущих поколений⁴⁹.

Научная и литературная деятельность в Икарии - это такие же профессии, как и все другие. К ним допускают лишь после экзамена и после специальной подготовки; только республика имеет типографии, располагает бумагой, следовательно, только республика может издавать книги. Книги, как и все прочие продукты, не могут продаваться, они могут только распределяться государством. Естественно, что государство не может распределять плохие книги. Естественно, что оно печатает лишь книги, получившие одобрение специального комитета. Такая система, говорит Кабе, предупреждает появление плохих книг и обеспечивает выпуск хороших. Республика не жалеет средств, чтобы создать должную обстановку для научной и литературной работы.

Коммунизм содействует развитию морали братства. Никакая другая система не разрешает с таким успехом все социальные вопросы. При коммунизме не может быть ни воров, ни пьяниц, ни лентяев; суды, наказания, тюрьмы, жандармы станут ненужными. С другой стороны, мораль братства гарантирует прочность коммунистического порядка. В Икарии эта коммунистическая мораль - помимо воспитания - имеет своей опорой гражданскую религию. Кабе - сторонник свободы совести. В семнадцать или в восемнадцать лет юный гражданин, будучи ознакомлен с разными религиозными идеями, сознательно присоединяется к мнению, которое он признает лучшим, свободно выбирает себе религию. Таким образом, в Икарии имеются различные секты. И если секта достаточно многочисленна, республика обеспечивает ей храм и священника. В Икарии есть даже материалисты, которые тоже не подвергаются никаким преследованиям (!). Но число сект невелико и все уменьшается. Истина, говорит Кабе, едина, и республика идет к единству в религии, как и во всех других делах.

⁴⁸ Voyage en Icarie, 80-81.

⁴⁹ Douze lettres d'un communiste 86-88.

По мнению Кабе, в известном смысле можно считать, что у икарийцев и сейчас существует некоторое общее верование⁵⁰. Некоторое количество самых общих морально-религиозных положений Кабе, подобно Руссо, считает, по-видимому, необходимым в качестве цемента общественного порядка. В Икарии кодекс таких положений утвержден всенародным голосованием. «Я не могу представить себе, - говорит один икариец, рассказывая о своих религиозных взглядах, - землю, которая не была бы сотворена... Это бесконечное могущество, этот поразительный порядок, предполагающий бесконечный разум... все чудеса минеральной, растительной и животной организации - неужели это только проявление свойств материи?» Исходя из этих соображений, рассказчик склонен верить в бога, как творца вселенной. Он считает, что душа человека есть божественная эманация, что она бессмертна; он хотел бы верить в то, что добрые вознаграждаются, а злые терпят наказание в будущей жизни. Икарийцы высоко чтут Христа как провозвестника братства и считают себя истинными христианами по своей морали. Но икарийцы не верят ни в откровение, ни в божественность Христа. Тот же икариец заявляет, что «народная», или «всеобщая», религия икарийцев по существу представляет собою только систему нравственности и философии; ее польза в том, что она учит людей любить друг друга. Религия икарийцев не знает никаких обрядов и суеверий, никаких постов, никакого умерщвления плоти. Культ очень прост. Каждый почитает божество так, как ему угодно, дома или в храмах, которые служат по преимуществу для моральной проповеди. Но наилучший способ поклонения божеству икарийцы видят в справедливости и братстве, в подчинении общей воле и в любви к отечеству. Религия совершенно отделена от государства; закон вмешивается в дела религии лишь для того, чтобы охранить свободу верований. Священники, избираемые народом, - это только проповедники нравственности и советники, они не имеют никакой власти, не могут ни наказывать, ни отпускать грехи⁵¹.

Тем же целям упрочения морали братства и любви к законам служат в Икарии театр, искусство, пресса. Редакторы журналов, как и священники, - избираемые народом должностные лица республики. Признавая свободу печати важным средством борьбы против аристократии и деспотизма. Кабе резко осуждает «лживую свободу» печати, которая господствует в «известных», т.е. в современных ему буржуазных, странах: «Монополия, денежная спекуляция, личный интерес, партийность, клеветы и оскорбления, на которые нельзя ответить, ложь, неверные новости и ошибки, которые нельзя разоблачить, ежедневные противоречия, ненадежность и путаница доктрин - вот что мы находим в большинстве газет и журналов». В Икарии существуют только государственные газеты, коммунальные, провинциальные и национальные. Задача их - давать лишь точную информацию без комментариев к сообщаемым фактам. Пресса, которая публикует все предложения, вносимые в народные собрания, и все дискуссии по этим предложениям, тем самым является, говорит Кабе, подлинным отражением общественного мнения⁵².

Кабе считает нужным рассеять весьма распространенное в его время представление, будто бы коммунизм уничтожает искусство. Повод для такого обвинения давали документы бабуизма, в которых выражалась идея несовместимости искусства со строгим равенством. Искусство, говорит Кабе, не только не угаснет при коммунизме, наоборот, оно получит развитие, какого оно не могло иметь раньше. Ни при какой другой системе нет такого простора для искусства величественного - в общественных памятниках, для искусства элегантного - в предметах потребления граждан⁵³.

* * *

Кабе - не оригинальный мыслитель. Как правильно отметил его биограф Прюдомо, читая произведения Кабе, почти все время чувствуешь, что мы уже это где-то читали. Ему не удалось внести в теорию коммунизма ничего существенно нового. В его системе может быть отмечен ряд черт, отражающих не изжитые им мелкобуржуазные настроения: идеализация патриархальной семьи, подчиненное положение и политическое бесправие женщин, индивидуальное фермерство в сельском хозяйстве, идея примирения богатых и бедных и мирного осуществления коммунизма, тенденция к уравнительности, сохранение в идеальном обществе единой «нравственной» религии. Внося эти черты в свою коммунистическую пропаганду, Кабе тем самым содействовал закреплению мелкобуржуазных тенденций в сознании французского рабочего класса. Эта сторона его учения тормозила развитие классового самосознания пролетариата.

⁵⁰ Voyage en Icarie, 169.

⁵¹ Voyage en Icarie, 167-173.

⁵² Ibid., 197-198.

⁵³ Men credo communiste, 12.

Заслуга Кабе - популярное изложение идей, выработанных его предшественниками, главным образом французскими коммунистами XVIII в., живое изображение коммунистического порядка в действии, яркая характеристика эксплуатации рабочих в капиталистическом обществе, неустанная пропаганда преимуществ коммунистического строя. «Путешествие в Икарию» немало содействовало распространению коммунистических представлений; именно это обусловило его успех в рабочей среде; именно это дает право Кабе на место в истории коммунизма.

II. ЛАОТЬЕР

1

О Лаотьере, как и о многих других представителях коммунистического движения 40-х годов, наши сведения очень ограничены. Мы уже знаем, что в 1837 г. Лаотьер (вместе с Лапоннере и Шароном) был членом редакции журнала «L'Intelligence»⁵⁴. По словам современников, вскоре между Лаотьером и Лапоннере обнаружилось резкое разногласие по философским вопросам, вызвавшее раскол в редакции «L'Intelligence». В 1841 г. Лаотьеру совместно с Шароном удалось основать новый журнал - «La Fraternelle». Однако в редакции этого журнала, проповедовавшего коммунизм «братства и любви», он также пробыл недолго⁵⁵.

Наиболее четкое изложение своих социальных идей Лаотьер дал в брошюре «Catechisme de la Reforme sociale»; заслуживают внимания и другие его работы: «Les dejeuner de Pierre», «Reponse philosophique», «De la loi sociale». В своих рассуждениях о коммунистическом общественном идеале Лаотьер исходит из абстрактного определения человеческого общества. Общество, говорит он, есть соединение всех людей, живущих на земном шаре. Народы - только подразделения большой семьи. Их образуют люди, у которых под влиянием одинакового климата сложились одинаковые привычки. В отдельности люди слишком слабы для борьбы с окружающими человечество бедствиями, - в этом основная предпосылка их общественного бытия. Руссо неправ, утверждая, что общество возникает лишь в результате общественного договора. Человек рождается в обществе, как пчелы и муравьи. Общество - как бы страхование против несчастий; его цель - общее благо. Основной принцип общества - равенство. Люди рождаются равными по своим правам. Из естественного неравенства сил и способностей не вытекает неравенство общественное. Тайна социальной гармонии состоит в том, что люди как общественные существа призваны дополнять друг друга. Соединяя свои индивидуальные способности, они своим совместным трудом обеспечивают удовлетворение общих потребностей⁵⁶. В первый период жизни человеческого общества земля была общим и неделимым достоянием. Началом бедствий человечества послужили раздел полей и ослабление связей между людьми. Надо думать, что основным принципом жизни человечества должна была служить общность. Но голос этой истины не был услышан, к нему долгое время относились враждебно. Люди следовали за ложным принципом индивидуализма, за фантастической идеей рая вне земной жизни человечества. Проходили века, а бедствия человечества только меняли свое имя⁵⁷.

Современное общество, с точки зрения данного Лаотьером определения, не составляет подлинного общества. Общество должно было бы препятствовать эксплуатации слабых сильными. Но оно не достигает этой цели, так как сильные составили коалицию против слабых⁵⁸. Среди людей установилось неравенство. Меньшинство наслаждается, большинство страдает. Борьба сильных со слабыми породила рабство. Конкуренция богатых с бедными породила пролетариат. Бедные не находят в обществе защиты своих интересов. Равенство бедного и богатого перед судом - басня. Неравны бедный с богатым и тогда, когда дело идет о защите страны: бедный отдает свою жизнь, богатый платит деньгами⁵⁹. Лазарь может умереть от голода, холода и нищеты у ворот богача, который задыхается от изобилия. Но Лаотьер полагает, что существующий общественный порядок, столь невыгодный для бедных, в конечном итоге не дает счастья и богатым, страдающим от страха и скуки. Поэтому со своим призывом к преобразованию, которое должно обеспечить счастье человечества, он обращается к богатым так же, как и к бедным. Идите к нам смело, богатые,- восклицает он, - идите к нам смело, все люди доброй воли⁶⁰.

⁵⁴ Morange G. Les idees communistes sous la monarchie de Juillet. Paris, 1905, 49.

⁵⁵ Ibid. p.60; Гуго К. и Штерман К. Справочная книга социалиста СПб., 1906, т.2, 855; Malon В. Histoire du socialisme, II, Paris, 1852-1854, 147-148. Характеристику журнала «La Fraternelle» см, выше в главе о коммунистической прессе.

⁵⁶ Lahaultiere R. Petit Catechisme de la reforme sociale. Paris, 1839. 3; Reponse philosophique a un article sur le babouvisme. Paris, 1840, 4. См. также De la loi sociale, I.

⁵⁷ De la loi sociale, I.

⁵⁸ Catechisme, 12.

⁵⁹ Les dejeuner de Pierre, Paris, 1841, 17-18.

⁶⁰ De la loi sociale, I.

Люди «потеряли из вида истинный принцип их ассоциации - равенство»⁶¹. В забвении этого принципа Лаотьер видит истинный источник всех общественных бедствий. В современном обществе царит дух узкого эгоизма. Человек живет для себя. Индивид - все, человечество - ничто. Семья и нация служат лишь прикрытием этого индивидуализма. Человек защищает свое отечество, но лишь потому, что тем самым он защищает от разорения свое имущество, собственность своей семьи. В подобном обществе неизбежно возникают антагонизмы, говорит Лаотьер: антагонизм народа с народом, касты с кастой, человека с человеком. Более сильный, чтобы вернее господствовать, опирается на свой род. Так возникает наследственная аристократия, патрициат, феодализм⁶².

Современные люди восхваляют свободу. Под свободой они разумеют открытое поле для страстей: жадности, скупости. Во имя свободы они превозносят свободное воспитание, то есть свободу подчинять мораль своему вкусу или вовсе без нее обходиться. Во имя свободы в области промышленности они восхваляют конкуренцию, которая губит народ. При такой свободе жизнь есть борьба, в которой побеждают сильные и ловкие, в то время как слабые и простые погибают. Если теперь человек и не скальпирует больше человека, то он убивает его при посредстве конкуренции. Свобода индустрии - свобода пожирать друг друга. Неограниченная свобода для немногих ведет к тирании, неограниченная свобода для всех - к анархии⁶³.

Существенной предпосылкой общественной дифференциации Лаотьер считает неравенство в образовании. Просвещение меньшинства и невежество масс, говорит он,- главная причина социальной приниженности большинства. На почве этого неравенства просвещения вырастает аристократия более опасная, чем аристократия титулов и богатства, - аристократия ума⁶⁴.

Подобно теоретикам естественного права Лаотьер выводит нормы общественного бытия из основных свойств человеческой природы. Человеку, говорит он, присущи два инстинкта - инстинкт самосохранения и инстинкт общности. Ни один из них не должен господствовать над другим; они должны быть согласованы. Мы уже знаем, что человек, по мнению Лаотьера, не может сохранить себя без помощи других. Работая для блага всех, забывая о самом себе, человек трудится для своего собственного счастья. Непонимание этой истины чревато неисчислимыми бедствиями⁶⁵.

Свобода современного общества сама по себе, как мы видели, не обеспечивает равенства. Чтобы сильный не душил слабого, необходимо, чтобы они были связаны узами братства. Свободу, равенство и братство - эти лозунги французской буржуазной революции XVIII века - Лаотьер провозглашает основными принципами общественного возрождения⁶⁶. Дальше этого в раскрытии своего понимания процесса общественного преобразования Лаотьер не склонен идти. Лишь попутно, призывая богатых к участию в борьбе за социальную реформу, он подчеркивает, что сторонники реформы не собираются никого угнетать или грабить⁶⁷.

Принцип равенства должен находить свое выражение в обществе в равенстве прав и обязанностей всех его членов. Необходимо равенство в ресурсах, равенство в образовании, равенство в труде, равенство в питании. С большим одобрением отзывается Лаотьер о том, как разрешена эта проблема в «Икарии» Кабе⁶⁸. Основные естественные права человека определяются его жизненными потребностями. Право собственности - это право, которое дано природой каждому живому существу на вещи, необходимые для удовлетворения его потребностей. Не все, чем человек владеет, есть собственность. Не всякое владение право. Средства, необходимые для существования каждого живого существа, определены; брать сверх потребности значит отнимать у соседа. Роскошь одного делает бедность другого. Все имеют равное право на питание, жилище, одежду. Пока в мире есть хотя бы один голодный человек, это показывает, что общество не конституировано. Из естественных потребностей человека вытекают все искусства, все ремесла. Наряду с правами естественными Лаотьер ставит права социальные, распространяя и на них общий принцип равенства. Это право всех на равное просвещение и право каждого выбирать и быть избираемым на общественные должности⁶⁹.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

⁶¹ Catechisme, 3.

⁶² Catechisme, 12.

⁶³ Catechisme, 6; Les dejeuner de Pierre, 15.

⁶⁴ Catechisme, 3.

⁶⁵ Les dejeuner de Pierre, 32.

⁶⁶ Catechisme, 4.

⁶⁷ De la loi sociale, II.

⁶⁸ De la loi sociale, I, 39.

⁶⁹ Catechisme, 4-5, 12.

М., 1960

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

Все обязанности граждан резюмируются, утверждает Лаотьер, словом «труд». Труд-необходимое свойство человека. Труд есть потребность человека и в то же время его удовольствие. Человек рожден, чтобы трудиться на благо своих ближних и на усовершенствование общества. Для этой цели даны человеку его способности. Свобода развития способностей - истинная свобода человека. Задача состоит не в том, чтобы толкать человека к труду, а в том, чтобы распределить труд с пользой для общества, то есть так, чтобы он, соответствуя силам и способностям каждого, давал удовлетворение потребностям всех. Какого совершенства достигли бы все отрасли человеческой деятельности, если бы люди всегда следовали своему призванию! Лаотьеру совершенно чуждо понимание диалектического единства общественного и личного интереса. Для труда, говорит он, не нужно индивидуального интереса, не нужно наград и наказаний. Все служат всем и обслуживаются всеми. Общество представляет как бы одну обширную мастерскую, в которой каждый член общества занимает свое место в общем трудовом процессе и получает за свое участие в нем справедливое вознаграждение. Такое общество не знает граждан, проводящих свою жизнь в праздности. В существующем обществе труд связан с корыстными интересами, поэтому он приводит к монополии и нищете. В существующем обществе господствует система распределения продуктов труда через посредство торговли. Такое распределение не обеспечивает гражданам равного пользования их естественными правами.⁷⁰

2

В правильно организованном обществе граждане получают от общества бесплатно все, что им необходимо для их физической и духовной жизни. С другой стороны, индивиды бесплатно отдают обществу свой труд, работая на, удовлетворение общих нужд. Руки и ум членов общества являются как бы общественными орудиями. Общество на равных основаниях пользуется ими всеми; поэтому все граждане имеют право на равные части в общественном достоянии. Однако Лаотьер подчеркивает, что равенство, царящее в нормальном обществе, не есть то грубое и абсурдное равенство, которое приписывают реформаторам их противники. Это - пропорциональное равенство: каждый дает обществу в соответствии со своими силами и имеет часть в общем фонде, которая соответствует его потребностям⁷¹. Тот, у кого больше потребностей, больше получает; у кого больше сил, больших их отдает - и это счастье для него, ибо человек существует на земле для счастья людей и тот, кто ищет счастье в себе самом,- безумец, которого ожидают тоска, ненависть и отчаяние⁷²

Наше требование равенства есть требование справедливого распределения между гражданами их бремени и их преимуществ. Это распределение несправедливо в существующем обществе. Оно несправедливо также, по мнению Лаотьера, и в системе Фурье, в основе которой лежат индивидуализм и частный интерес; не дает удовлетворительного решения этой задачи и учение сенсимонизма с его иерархией и с отказом от принципа равенства⁷³. Формулу, предложенную сен-симонистами: каждому по его труду,- Лаотьер считает известным шагом вперед; но и она его не удовлетворяет, ибо устанавливает различную оценку различных видов труда. Все виды труда, говорит Лаотьер, полезны для общества и служат общественной гармонии⁷⁴. Если допустить различие в их оценке, то кому может быть доверено установление градаций этой оценки?

Правительственная организация в идеальном обществе должна достигнуть того, чтобы в обществе не было нуждающихся, и следить за тем, чтобы все своим трудом содействовали общему благу. Для выполнения этих задач необходимо, по мнению Лаотьера, прежде всего централизовать все орудия труда. К орудиям он относит землю, первичные материалы, которые дает природа, и машины, созданные человеком. Собственником почвы является нация. Земля, говорит Лаотьер в другом месте⁷⁵, не принадлежит никому, плоды ее принадлежат всем. Но Лаотьер, очевидно, не представляет себе возможности и целесообразности коллективной обработки земли. Поэтому правительство в его утопии, как уполномоченный нации, сдает землю под обработку отдельным земледельцам и виноградарям. Эти «национальные арендаторы» обязаны сдавать весь продукт (без права присвоения какой-либо его части) в общественные склады. Ибо продукты, как и орудия, составляют общественную собственность. Нация является также собственником мануфактурных предприятий. Директоров этих предприятий (промышленников) назначает правительство, - и они также сдают всю продукцию своих предприятий государству. Правительство руководит хозяйственной деятельностью, исходя из некоторого плана: оно следит за тем, чтобы ни одна отрасль труда не была в небрежении. Нужно

⁷⁰ De la loi sociale, I.

⁷¹ Catechisme, 5; Les dejeuner de Pierre, 15-16, 23.

⁷² Les dejeuner de Pierre, 31-32.

⁷³ Lahautiere R. Les dejeuner de Pierre, 20-21.

⁷⁴ Ibid., 21-22; De la loi social- II, 48 et suiv.

⁷⁵ Reponse philosophique.

иметь достаточно земледельцев, замечает по этому поводу Лаотьер, и не нужно иметь слишком много писателей⁷⁶.

В идеальном государстве все имеют на все право, пропорциональное их потребностям. Это право, полагает Лаотьер, должно осуществляться магистратами, как уполномоченными их сограждан. Государство является, таким образом, как бы центральной кассой. К нему стекаются все продукты, чтобы соответственно порядку и мере быть распространенными среди членов ассоциации. В таком обществе нет места индивидуальной монополии; она вытеснена общей собственностью (*la propriete generale*). Исходя, по-видимому, из этого положения, Лаотьер заявляет, что проповедуемый им порядок не разрушает, а укрепляет собственность⁷⁷.

По своим политическим взглядам Лаотьер - последовательный демократ. История королевской власти для него - история узурпации. Легитимистскую теорию божественного происхождения королевской власти он отвергает самым решительным образом. Если бог добр, спрашивает Лаотьер, то почему же он дает злых королей? Единственный и подлинный суверен - народ. Законом можно считать лишь выражение общей воли. Закон есть правило социального и частного поведения, предписываемое общей волей. Законодательная власть не может принадлежать одному лицу. Издавать законы может только собрание народных представителей, выбранных всеобщим голосованием. Только оно может быть подлинным выразителем общей воли. За народом всегда остается право отзывать представителей, неправильно выражающих его волю. Исполнительная сила народа воплощена в правительстве, которое получает свои полномочия от народа. Члены правительства не выше других людей. Они, как и другие граждане, только выполняют - каждый в своей сфере - поручения, возложенные на них народом⁷⁸. Принцип свободы, столь извращенно применяемый в современном обществе, сохраняет свою силу и для общества будущего: его гражданам должна быть обеспечена свобода общения с другими людьми. Этой свободе не должны препятствовать ни барьеры предрассудков, ни законы о печати - эти таможенные заграждения для мысли⁷⁹.

Поскольку правительство руководит трудом всех граждан, то оно должно взять в свои руки их подготовку к этому труду, должно руководить их воспитанием. Воспитание должно иметь целью создание хороших и полезных граждан. В настоящее время, говорит Лаотьер, такого воспитания не получают ни богатые, ни бедные. Воспитание в идеальном обществе должно быть общественным, бесплатным и обязательным. Оно должно внедрять принципы социальной морали, представления о прогрессе, его целях и перспективах, должно знакомить с историей народов (а не королей), прививать любовь к человечеству и к законам. Общественное воспитание сольет и уравнивает ранги, излечит от привычки гордиться своими отцами, приучит смотреть на человечество как на единую семью. После такого общего образования ученики должны быть распределяемы в соответствии со своими вкусами и способностями, а также в соответствии с потребностями общества, по специальностям учебным мастерским. Так воспитываются в обществе хорошие граждане и хорошие специалисты.⁸⁰

Правительство не только руководит экономической жизнью не только следит за исполнением законов. Оно предписывает гражданам религию, цели которой тождественны с целями закона и которая, очевидно, необходима, по мнению Лаотьера, как и по мнению Руссо, для прочности идеального общественного порядка. Религия, рассуждает Лаотьер, есть общее верование, которое связывает людей и ведет их к общей цели. До сих пор подлинной религии не было. Все существовавшие донныне культы были пропитаны предрассудками и не были способны связать людей воедино. Так называемые представители бога, проповедовавшие небесную жизнь, лишь опустошали землю. С большим сочувствием отзывается Лаотьер о «религии человечества» Пьера Леру, которому он посвящает свою книгу «*De la loi sociale*». Социальная религия - равенство; ее цель - общее благо; ее узы - братство; ее заповедь - жертвенность; ее кара - презрение к эгоизму⁸¹. Из принципов этой социальной религии Лаотьер склонен выводить все основные черты своего общественного идеала. Любовь и взаимная жертвенность, утверждает он, составляют краеугольный камень нормального общества. Мы можем быть счастливы, говорит он, только в любви и жертвенности. Работал для своих братьев, мы тем самым работаем для себя. Как сладко, восклицает Лаотьер, нести бремя этого закона любви!⁸²

⁷⁶ Catechisme, 9-10.

⁷⁷ Catechisme, 12-13.

⁷⁸ Ibid., 6-9.

⁷⁹ De la loi sociale, I.

⁸⁰ Catechisme, 10-11.

⁸¹ Ibid, 6.

⁸² De la loi sociale, I.

Пропагандируя свою «социальную религию», Лаотьер предостерегает, однако, от превращения религии жертвенности в новый вид монополии, против образования «аристократии жертвенности». Те, кто хочет заменить аристократию богатства «аристократией жертвенности», исходя из личного интереса, они далеки от истины и блага. Всякая связь идеи жертвенности с личными, корыстными мотивами разрывает узы братства, грозит возвратом всех тех зол, от которых общество страдает в настоящее время.

Своими предшественниками в деле борьбы за равенство Лаотьер считает Руссо, Робеспьера и Бабефа. Он думает, что между этими проповедниками равенства по существу нет противоречий. Руссо видит смысл общественного договора в том, что люди, которые могут быть неравными по силе и гению, становятся все равными по соглашению и праву. Робеспьер вдохновлялся доктриной Руссо, составляя конституцию 1793 г. Конвент хотел, по мнению Лаотьера, осуществить эту доктрину на практике. Но, сделав шаг к равенству, отменив старые привилегии, законодательство 1793 года не определило точно пределы собственности и тем самым открыло дверь для новой привилегии - для аристократии третьего сословия. Сохранив существующее право собственности, Конвент тем самым санкционировал конкуренцию и неравенство собственников и несобственников. «Здесь остановилось дело Робеспьера и началось дело Бабефа». Многие противопоставляют Бабефа Робеспьеру и Руссо, утверждая, что его понимание равенства не оставляет человеку никакой свободы. Но это, полагает Лаотьер, совершенно неверно. Отличительную черту учения Бабефа составляет в действительности лишь то, что он правильно понял смысл права собственности, как права каждого на средства его существования; исходя из этого положения, он провозгласил принцип общей собственности, с необходимостью вытекающий из провозглашенного Руссо и Робеспьером требования равенства⁸³.

Лаотьер, таким образом, признает основные положения учения Бабефа. Однако он не считает бабувизм незыблемым во всех его деталях. Он отмежевывается от присущих, в известной мере, бабувизму тенденций аскетизма и уравнительности. Он защищает искусство, служащее делу общей пользы, оправдывая в то же время отрицательное отношение к извращенному искусству, являющемуся лишь развлечением для привилегированных. Вообще Лаотьер против того, чтобы считать систему Бабефа последним словом прогрессивной политики. Но доктрина Бабефа, несомненно, проложила новый путь для завоеваний неизвестных стран. Мы не знаем, замечает по этому поводу Лаотьер, на чем остановится человечество в своем развитии; более того, мы не верим, что оно на чем-либо остановится. Многие в наследии бабувизма (в том числе идею диктатуры) Лаотьер считает отражением специфических условий момента - ослабления принципа демократии к 1796 г., слабости и непросвещенности масс⁸⁴. Но мечта коммунистов, их действительная цель - общность. Коммунисты не прикрываются именем этого мученика (Бабефа), но они считают для себя честью принять его идеи⁸⁵.

Во всяком случае причислять Лаотьера к необабувистам нет оснований. Мы не находим у него основных положений бабувизма - признания необходимости насильственного переворота и революционной диктатуры как средств осуществления порядка общности. Его брошюры, как и его редакторская деятельность в «La Fraternelle», проникнуты идеями мирного коммунизма, весьма близкого к «икарийскому коммунизму» Кабе. Революционный дух деятелей тайных обществ 40-х годов ему совершенно чужд. Представления Лаотьера о способах общественного преобразования в высшей степени неопределенны и носят на себе явственный отпечаток самого наивного просветительства. Мы проповедуем и предвидим социальный порядок, основанный на природе и осуществляемый путем практического прогресса. Эгоистическая и жалкая реальность наших дней, - восклицает Лаотьер, - фантом, который исчезнет при свете истины, как ночные тени при первых лучах зари. Истинное, вечное, абсолютное восторгается над временным. Для этого необходимо одно - пропаганда истины и просветление сердец. Материальное преобразование, реформа семьи и собственности естественно последуют в известной постепенности за преобразованием в области идей; не нужно пугать заранее людей материальной стороной дела. Сопrotивление людей материально заинтересованных все же возможно, но Лаотьер не считает его опасным: истина неизбежно победит⁸⁶.

⁸³ Les dejeuner de Pierre, 29-30, 33-34.

⁸⁴ Reponse philosophique, 3-8.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Catechisme, 21-22.

В целях пропаганды истины Лаотьер призывает объединиться на общей почве признания демократии представителей всех социалистических школ - сторонников Фурье, Сен-Симона, Бюше, Ламенне. Вне демократии, говорит он, нет выхода. У него мелькает иногда мысль о том, что борьба за лучшую организацию общества отражает «нужды страдающего класса». Но из этой случайно им брошенной мысли он не делает никаких практических выводов. Более того, он как будто старается предупредить возможность таких выводов. Если мы стремимся исправить социальное зло, говорит он, мы действуем не в интересах того или иного класса. Мы действуем в интересах человечества, морали и вечной справедливости⁸⁷.

III. ВИЛЬГАРДЕЛЬ

1

В истории распространения идей утопического коммунизма во Франции 40-х годов известное место должно быть отведено Франсуа Вильгарделю.

Вильгардель родился в 1810 г. В течение некоторого времени он был фурьеристом и сотрудником журнала «La Phalange». Вскоре между ним и фурьеристами возникли разногласия по вопросу о распределении и собственности. В 1840 г. он отошел от школы Фурье и выступил в качестве пропагандиста коммунистических идей. Он переиздал в 1841 году «Кодекс природы» Морелли, а в 1844 году выпустил собственное рассуждение под названием «L'Accord des interets dans l'association». Затем последовали «Histoire des idees sociales avant la Revolution» (1846 г.), «De l'ordre dans la Republique» (1848 г.) и др.

Литературное наследие Вильгарделя невелико и его построения неоригинальны, но все же в общий поток коммунистической пропаганды 40-х годов он внес нечто существенное. Переиздав впервые в XIX веке «Кодекс природы» Морелли, он этим немало содействовал популяризации учения замечательного утописта, восстановлению в памяти своих современников коммунистической традиции XVIII века. Вильгардель не был активным деятелем коммунистического движения. Он всегда держался в стороне от социальной борьбы и от масс. Политическая деятельность не соответствовал складу его характера. После Февраля 1848 года он отошел и от литературной деятельности.

В своей обстоятельной и интересной вступительной статье к книге Морелли Вильгардель очень высоко оценивает его заслуги и его влияние на дальнейшее развитие социальных идей. Он не только считает Морелли первым в ряду социальных реформаторов XVIII века. Он пытается связать с именем Морелли - даже революцию 1789 г. Перечисляя продолжателей дела Морелли, он относит к их числу не только Оуэна, но даже весьма далекого от коммунистических идей Сен-Симона. Вильгардель несомненно тщательно изучал литературное наследство Морелли. В своей статье он характеризует не только социальную теорию и социальный идеал Морелли, но и его философию, цитируя при этом весьма мало известные его произведения: «Государь», «Опыты о человеческом сердце», «Опыты о человеческом уме».

Человек, говорит Вильгардель, интерпретируя соответственные положения Морелли, прежде всего существо чувствующее. С его чувствующей природой связано его стремление к счастью. Только потому, что он обладает чувством, он обладает разумом, который создан не для того, чтобы противоречить естественным склонностям человека, влекущим его к счастью. Человек изначально добр. Лишь препятствия, стоящие на пути к его счастью, делают его злым. Страсти являются иногда причиной страданий, но это происходит лишь потому, что условия существования человека их искажают. Задача состоит в том, чтобы найти такое положение, при котором человеку было бы невозможно быть испорченным и злым. Именно эту задачу поставил перед собой Морелли.⁸⁸

В основу построения общества, отвечающего указанному требованию, Морелли кладет, по словам Вильгарделя, моральное чувство человека или любовь. Оно находит свое выражение во взаимном притяжении, которое Морелли считает, предвосхищая Фурье, основным законом как социального, так и физического мира. Интересно отметить, что в этой связи Вильгардель, признавая закон притяжения, в то же время считает необходимым подчеркнуть глубокое различие между миром физическим и миром социальным. Продолжая свое изложение социальной философии Морелли, Вильгардель считает нужным указать, что основной принцип идеального общества не зависит от признания или непризнания закона притяжения. Этот основной принцип гласит: общество не должно допускать, чтобы индивид нарушал своими действиями общий интерес или, что то же самое, интерес наибольшего числа людей. С этой точки зрения все современные законы несовершенны, ибо они не устранили все причины, порождающие противоречия между индивидом и обществом. Они воспрепятствуют индивиду применению против

⁸⁷ Ibid, 14, 17-18, Les dejeuner de Pierre, 29.

⁸⁸ Code de la Nature par Morelly. Reimpression complete... par Villegardelle. Paris. 1841. Analyse raisonne du Cite morelliste (далее: Analyse raisonne).

применение против других физической силы, но они не устраняют возможностей использования для тех же целей богатства.

Человек подчинил, таким образом, закону справедливости часть своих действий; он должен подчинить этому закону все свои действия, тем самым устранив в обществе «состояние борьбы». Этот закон справедливости, говорит Вильгардель, состоит в том, что человеку в отдельности не принадлежит ни поле, которое он обрабатывает, ни дерево, с которого он срывает плоды, ни даже продукты его труда, которые он не использует непосредственно для потребления; что все выходящее за пределы потребностей, не исключая личности человека, принадлежит человечеству⁸⁹.

Переходя к вопросу о нормах будущего общества, Вильгардель дает сжатое резюме соответственных положений Морелли, выделяя, очевидно, то, что ему представляется наиболее важным. Необходимо, говорит он, соблюдать единство и неделимость земельных фондов и общего жилища; соблюдать общность пользования орудиями труда и производства; сделать образование доступным для всех; установить распределение труда в соответствии с силами, распределение продуктов в соответствии с потребностями; сохранять во владении города (*le cite*) прилегающие к нему земли, достаточные для пропитания проживающих в нем семей; создать объединения в количестве не менее 1000 человек в каждом с тем, чтобы каждый их участник работал в соответствии со своими силами и способностями и потреблял в соответствии со своими потребностями и вкусами; не оказывать таланту иной привилегии, кроме привилегии руководства работами в общих интересах; при распределении не принимать во внимание способности, считаться только с потребностями, которые предсуществуют всякой способности и переживают ее.

Большое внимание уделяет Вильгардель вопросу о деньгах в идеальном обществе. Капитал, утверждает он, - не деньги, а орудия труда, которые должны оставаться целиком в распоряжении администрации общества. Всякое вознаграждение труда в денежной форме бесполезно в обществе, где свободно избранный труд дает разнообразие и изобилие продуктов, превышающее наши потребности. Денежное вознаграждение вредно, если оно дает индивиду возможность в течение какого-то срока не выполнять его долг труда, сохраняя в то же время свои права.

Осуществление всех положений Морелли делает необходимой, по словам Вильгарделя, употребляющего в этом случае современную ему терминологию, социализацию собственности. Добровольная ассоциация достаточного числа индивидов, решивших во всем подчиниться интересу и воле наибольшего числа, достигнет самых чудесных результатов, более чудесных, чем все современные проекты.

Ныне жители наших обществ в действительности объединены только административной и религиозной связью. Общности интересов не существует. Для достижения этой общности нужно иметь не только общую церковь, кладбище, дороги, рынки и колодцы, но и общие жилища, склады, житницы, орудия труда. Черты такой общности Вильгардель отмечает, ссылаясь при этом на отцов церкви, в жизни первоначальной христианской общины и в организации монастырей.

Желая как бы подкрепить авторитет Морелли авторитетом Руссо, Вильгардель утверждает, что и Руссо подобно Морелли имел в виду необходимость ассоциации. Об этом свидетельствует замечание, сделанное им в «Общественном договоре». Оставляют ли люди землю в общем владении или они разделяют ее, «право каждого индивида на его собственную землю, говорит Руссо, всегда подчинено праву общины на все»⁹⁰. Но формулировка Руссо носит слишком абстрактный характер. Если бы он из превосходного принципа, установленного в «Общественном договоре», сделал конкретные выводы, он пришел бы к тем же заключениям, что и Морелли.

Вильгардель, как и Морелли, видит в общности единственный способ осуществления принципа равенства. В наших обществах равенство прав внешне и иллюзорно. Равенство прав может быть действительным лишь при равенстве благ. Законы, цитирует Вильгардель Руссо, выгодны всегда тем, кто владеет, и вредны тем, у кого нет ничего. Однако равный раздел имущества Вильгардель считает средством, совершенно не пригодным для обеспечения реального равенства. Равная дележка благ ведет, по его словам, к прямо противоположным результатам: всякая дележка, оставляя индивиду право продавать и покупать, а, следовательно, нищать или обогащаться, неизбежно приводит в конце концов к восстановлению неравенства положений.

Абсолютное равенство несправедливо и абсурдно даже в строе, основанном на общности. Этот абсурдный принцип - полное равенство в распределении работ и продуктов - применяется в тюрьмах. У Морелли и у других социальных философов речь идет не о таком равенстве, а о равенстве социальном или пропорциональном.

⁸⁹ Analyse raisonne, 33.

⁹⁰ Analyse raisonne, 20-21.

Дело вовсе не в том, чтобы давать одинаковые задания и рационы неодинаковым силам и потребностям. Из того, что права равны, не следует, что все обладают равной возможностью их использовать. Между людьми существует фактическое неравенство - неравенство вкусов, темпераментов и т.д. Было бы трудно заранее определять меру удовлетворения потребностей различных индивидов. Было бы несправедливо также, пренебрегая потребностями, вознаграждать индивидов в соответствии со способностями: такое распределение либо превышает потребности, либо их не удовлетворяет. Истинный предел прав и обязанностей состоит в следующем: каждый должен делать то, что в состоянии делать, и каждый должен получать за свои труды то, в чем в настоящее время он испытывает потребность⁹¹.

Только отказ от принципа индивидуального присвоения, утверждает Вильгардель, может сохранить цивилизацию. Абсолютное и исключительное владение не может быть обеспечено для каждого члена общества; а население неизбежно обречено при сохранении этого принципа на невыносимые лишения, которые приведут в конце концов неизбежно к крушению общества. Привилегированные не могут спокойно пользоваться своим имуществом, пока рядом существуют бедные, которые им завидуют. Их исключительное владение связано с одиночеством и страхом. «Счастливые мира сего» не столько пользуются счастьем, сколько стараются помешать пользоваться им другим⁹².

Важным условием осуществления общности является изобилие производимых в обществе продуктов. Противники общности утверждают, что отказ от индивидуального присвоения отразится в обществе снижением стимулов к труду. Лагарп утверждает, что при общности все члены коммуны будут стремиться к удовлетворению всех своих потребностей, и все они будут под различными предлогами уклоняться от производительного труда. Вильгардель не придает серьезного значения подобным соображениям. Он верит в то, что в обществе, освобожденном от вековой несправедливости, получают новую силу «благородные порывы нашей природы», что труд будет рассматриваться как долг каждого честного гражданина. Следуя Фурье, Вильгардель подчеркивает увлекательность трудовых процессов в будущем обществе, считает неизбежным установление гармонии между природными влечениями человека и требованиями общественного интереса. Такова, говорит Вильгардель, светлая мечта, осуществление которой уничтожит среди членов человеческой семьи все отношения, основанные на интересе и расчете, обеспечит слабым членам общества, так же как и сильным, необходимые средства существования, которых они не могут получить при строе борьбы и антагонизма⁹³.

Вильгардель утверждает, что Морелли, признавая положения о привлекательности труда в общине, все же вводит в нее некоторую, довольно жесткую регламентацию. По мнению Вильгарделя, при «свободной» деятельности человека регламентация почти не нужна, ибо каждой полезной общественной функции соответствует естественное стремление к ней тех или иных индивидов. Соревнование делает работу еще более увлекательной - отдельные профессии превращаются из работ в развлечения. Для такого братского союза нетрудно законодательствовать: всякое принуждение станет излишним; следствием самой неограниченной свободы будет самый совершенный порядок. В таком обществе может осуществиться известный принцип Телемского аббатства: «Fay ce que voudras»⁹⁴.

Вильгардель отмечает, что Морелли не создал теории сериального труда, которую разработал Фурье. Он, правда, показал «серию» и «группу», - эти основные производственные ячейки Фурье, - в действии, но все же тем, кто хочет ясно представить себе порядок и смену работ в будущем обществе, характер производства богатств и систему администрации, следует, по мнению Вильгарделя, обращаться к Фурье. В учении Фурье для Вильгарделя неприемлема система распределения, резко расходящаяся с коммунистическими представлениями: в этом вопросе авторитетом для него остается Морелли.

Подводя итоги своей характеристики системы Морелли, Вильгардель указывает, что идеи, которые защищал Морелли, были не новы, что их высказывали в той или иной форме многие мыслители и до него. Но никто ни до него, ни после него не развивал их с такой мощью и логической последовательностью⁹⁵.

⁹¹ Analyse raisonne, 32.

⁹² Ibid., 29.

⁹³ Ibid., 28, 31-32.

⁹⁴ Analyse raisonne, 29; цитата из Рабле.

⁹⁵ Ibid., 35.

В следующем своем произведении - «L'Accord des interets dans l'association» - Вильгардель явно отходит от основных принципов коммунистической теории Морелли. Логическая последовательность, которую Вильгардель так восхвалял у Морелли, не выдерживает столкновения с соображениями практической осуществимости. Вильгардель по-прежнему считает коммунизм Морелли «идеалом справедливости». Изучая различные планы реформ, которые были созданы от Платона до наших дней, - говорит он, - я пришел к заключению, что наиболее достойной успеха является традиция, идущая от первых христиан и отцов церкви и продолженная Мором, Фенелоном, Мабли, Морелли и другими. Зерно этой традиции составляет формула: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но осуществление этого идеала, заявляет Вильгардель, требует такой возвышенной морали, такой чистой добродетели, что он не решается предложить его в качестве практического плана преобразования. При наших привычках, обычаях и предрассудках трудно ввести сразу принцип братской жизни⁹⁶. Это стремление приблизить общественный идеал к требованиям практической осуществимости приводит Вильгарделя к своеобразному пошибу. Коммунизм Морелли превращается в нечто отдаленное и недостижимое в реальной действительности, по крайней мере в ближайшее время. Практические предложения (относящиеся, как уточняли некоторые современники, к переходному периоду), отрываясь от традиций последовательного коммунизма, приобретают у Вильгарделя явно электический и оппортунистический характер.

Мы видели, что уже в своей вступительной статье к изданию Морелли Вильгардель склонен «дополнить» Морелли некоторыми чертами, заимствованными из социетарной теории Фурье. В «L'Accord des interets» чувствуется влияние не только школы Фурье, к которой сам Вильгардель в течение некоторого времени принадлежал. Книга свидетельствует также о том, что в поисках такого решения социальной проблемы, которое могло бы привести к немедленному осуществлению общественного преобразования, он использует весьма широко современную ему социалистическую литературу. Многие в книге напоминают не только о Фурье и Сен-Симоне, но и о писателях последующего поколения, подчас весьма далеких от коммунизма. Значительное влияние, по-видимому, оказал на Вильгарделя Луи Блан, на которого он сам ссылается. Вильгардель склонен считать почти всех социалистических писателей своего времени (даже Прудона) прокладывающими своими теориями путь к коммунизму⁹⁷.

Обеспечить благосостояние общества, утверждает Вильгардель, может лишь «организация труда», лишь преобразование общества на основах ассоциации. Вне ассоциации не может быть осуществлено самое важное для масс право - право на труд. Ассоциация - это как бы мирный договор между гражданами, в котором каждый обязуется не использовать в своих интересах те преимущества, которые дают ему обстоятельства или природа, относиться к своим товарищам по ассоциации как к братьям. В ассоциации ни поле, которое человек обрабатывает, ни дерево, с которого он собирает плоды, не принадлежит индивиду, - вся земля ассоциации, не разделенная межами, составляет один общий домен. Орудие и недвижимое имущество принадлежат ассоциации. Отдельные лица имеют лишь право пользования ими. Индивид не может накапливать богатство; но зато его существование обеспечивается не только его трудом, но и трудом его товарищей. В ассоциации все граждане в равной мере являются слугами общества; все они несут обязанность труда на пользу общества. Основные принципы ассоциации даны, по мнению Вильгарделя, уже в Евангелии. К ним нередко обращались, руководясь чисто экономическими мотивами, основатели отдельных хозяйственных объединений (молочные хозяйства в Швейцарии и т.п.). К ним склонялся в своей теории коллективного труда Фурье, который, однако, отступил от традиции в вопросе о распределении⁹⁸.

Дело общественного преобразования может и должно, по мнению Вильгарделя, взять на себя государство, освободившись от давления «баронов нового феодализма». Государство, полагает Вильгардель, является представителем общих интересов; задача его заключается в том, чтобы противопоставить свои силы тому злу, которое приносят случайные стремления индивидов. Вильгардель считает безразличным вопрос о происхождении и о легитимности государственной власти. Подлинную легитимность придает ей служение интересам человечества. Во имя этих интересов государство должно использовать свою централизованную власть для того, чтобы организовать те функции, которые до сих пор не организованы.

⁹⁶ L'Accord des interets dans l'association et besoins communes. Paris, 1844, 58.

⁹⁷ V. Bouton Profile revolutionnaires, 64.

⁹⁸ L'Accord des interets, 14, 31-32, 34, 49, 41, 45, 70, 75.

Государство имеет уже обширные заводы, в его руках основные пути сообщения. Государство должно организовать систему банков для кредитования сельских ассоциаций и для организации «национальных мастерских». Особую роль в этом преобразовании Вильгардель отводит сельской общине, которая должна, однако, по его плану, сочетать сельскохозяйственный труд с теми видами промышленного производства, которые наиболее соответствуют местным условиям. В такой коммуне отдельные члены смогут свободно переходить от одного вида труда к другому (по Фурье). Только ассоциация сможет без ущерба для трудящихся обеспечить во всех работах применение новейшей техники, создать новые производства, недоступные индивидуальному хозяйству; только ассоциация сможет обеспечить культурный рост населения. Вильгардель уделяет немало внимания бытовым преимуществам ассоциации. Он говорит об общественных жилищах, яслях, богадельнях. Как это ни странно, он считает возможным, что в ассоциации, при всем совершенстве ее устройства, будут все же бедные, которым община будет оказывать помощь⁹⁹.

Наиболее резко порывает Вильгардель в своих более поздних работах с основными принципами коммунизма в вопросе о распределении. В «L'Accord des interets» 1844 г., в отличие от «Analyse raisonne» 1841 г., он высказывает сомнения в возможности распределения по потребностям. Опасно, говорит Вильгардель, предоставить каждому брать из общей сокровищницы все, что соответствует его потребностям. Отвергает он также систему уравнительного распределения продуктов. В обществе должна быть, по его мнению, сохранена денежная система, должно быть установлено равенство вознаграждения в денежном исчислении независимо от характера исполняемых обязанностей. В ассоциации не должно быть места для нашей возмутительной системы, при которой человек, занимающийся наиболее тяжелым физическим трудом, получает наиболее низкую заработную плату. Вильгардель понимает, что разные работы требуют иногда различной затраты энергии на единицу времени. Поэтому, в целях обеспечения реального равенства, он предлагает исчислять зарплату не за равное число часов труда, а за равную затрату энергии, в одних случаях сокращая продолжительность рабочего дня, в других ее увеличивая.

Следует, однако, отметить, что Вильгардель далеко не всегда остается верен провозглашаемому им принципу абсолютного равенства заработных плат. Как ученик фурьеристской школы, он считает, что распределение между гражданами различных видов труда будет производиться на основе их собственного влечения к тому или иному труду. Но он представляет себе, что одни работы могут привлекать к себе больше желающих, чем это нужно, а для других будет их, наоборот, недостаточно. В этих случаях он считает допустимым регулировать распределение трудящихся путем соответственного снижения или повышения заработной платы в тех или иных отраслях производства¹⁰⁰. Для некоторых работ такой способ привлечения к ним граждан может, по мнению Вильгарделя, оказаться недостаточным. Для обеспечения выполнения тяжелых и неприятных работ он предлагает поэтому, возвращаясь к идеям Морелли, установить для граждан определенного возраста обязательную трудовую повинность по образцу воинской.

В вопросе о распределении и о заработной плате Вильгардель, как видим, непоследователен. Со свойственным ему элекtrizмом он готов иногда признать справедливым и возможным также вознаграждение в соответствии с результатом труда и даже в соответствии с трудом и талантом - согласно предложениям сен-симонистов и фурьеристов. Недопустима, по его мнению, лишь выплата доходов на вложенный в ассоциацию капитал¹⁰¹.

Известный интерес представляют взгляды Вильгарделя на историческое развитие общества и на современное его состояние. В начале истории человечества, - утверждает он, примыкая к очень старой и очень стойкой традиции, - люди жили в трибах и не разделяли между собою земли. Множество поэтов изображали примитивное равенство, в котором не было нужды ни в наказании, ни в принуждении. В ходе дальнейшего развития общества люди должны были пережить немало страданий и испытаний¹⁰².

Существующее общество страдает тяжелой болезнью, подтачивающей его существование. Эта болезнь - эгоизм, проявляющийся в разрыве социальных связей. В обществе царит индивидуализм, каждый стремится лишь к удовлетворению своих частных интересов. Зачастую члены общества заинтересованы в несчастье своих сограждан. Делая свое дело, они часто разрушают дело другого, и тот отвечает им тем же. Тут в результате изолированных стремлений к счастью возникает всеобщее несчастье; значительная часть человеческих сил уходит на взаимное противодействие.

⁹⁹ Ibid, 85, 104, 89-90.

¹⁰⁰ L'Accord des interets, 46-48.

¹⁰¹ L'Accord des interets, 58, 51, 74, 79.

¹⁰² Ibid., 3-6. 27- 105.

Естественно, что в современном обществе господствуют идеи пессимизма. Но Вильгардель отнюдь не оправдывает этого пессимизма, противопоставляя ему «здоровые и сильные идеи великих мыслителей XVIII в. Страдания человечества были необходимы для его воспитания и не могут служить основанием для пессимизма. В общем итоге развитие цивилизации служит как бы подготовкой человечества к осуществлению ассоциации. В современной цивилизации, утверждает Вильгардель, семена ассоциации уже заложены¹⁰³.

Частная индустрия, утверждает Вильгардель, - ненужное расточение сил. Частные собственники плохо понимают не только общественные, но даже свои собственные интересы. Рабочие обслуживают владельцев капиталов и орудий труда как прежде рабы обслуживали привилегированных. Под давлением голода они оспаривают друг у друга печальную привилегию заниматься плохо оплачиваемым трудом. Для рабочего не обеспечен ни труд, ни минимум заработной платы. Возделывание земли остается в руках самой невежественной части населения. Распределение продуктов отдано в руки торговцев, посредников между производителями и потребителями, этих спекулянтов, живущих за счет трудящихся¹⁰⁴.

Неравномерное распределение богатств грозит обществу гибелью. Государство этого как будто не замечает, а существующие политические партии намечают для борьбы с социальным кризисом лишь смешные паллиативы. Они не предлагают ничего, что бы смягчило борьбу между капиталом и трудом, и оставляют бедных на произвол убийственной конкуренции. Производство остается полем борьбы, в которой побеждают более богатые, и часто более недобросовестные. Естественно, что в обществе все слышнее становятся голоса, требующие всеобщего избирательного права. Избирательная реформа несомненно повела бы за собой другие реформы. Но ни в коем случае не следует в ней видеть универсальное средство. Задача состоит в том, чтобы установить в обществе порядок, соответствующий справедливости, а, следовательно, соответствующий природе человека. Такой естественный порядок искали Руссо и Морелли. Для того чтобы разработать настоящие законы, т.е. законы справедливые, необходимы люди, которые могли бы понять истину и распространить ее. Но это дело, по мнению Вильгарделя, нелегкое, ибо мнения людей зависят от состояния общества. Различные классы имеют различную мораль, приспособленную к их интересам: добродетель для одного класса - порок для другого. Понятно, что и моралисты приспособляются к условиям, создаваемым неравенством. Они не обладают мудрым равновесием, им чужды поэтому здравый смысл, добродетель и подлинная забота о благосостоянии общества. Мало кто из них думает о способах примирения интересов каждого с интересами всех¹⁰⁵.

И все же, говорит Вильгардель, природа предвещает наступление дня. Тенденции к ассоциации ведут нас к ней, хотим мы этого или не хотим. Для ее осуществления нужно лишь, чтобы ее признал справедливой наш разум, а то, что справедливо, то неизбежно исполнится. Правительства вынуждены будут пойти навстречу требованиям народа, рост которых Вильгардель связывает, однако, не только с прогрессом в сознании людей, но и с ростом общественных противоречий. Монополии владения орудиями труда делает особенно ненавистной рост нищеты в результате изобретения новых машин. Пауперизм грозит социальному строю революционными потрясениями. Если в создании ассоциации как средства устранения нищеты заинтересованы в первую очередь бедные, то правительства заинтересованы в нем, как в средстве предупредить революцию¹⁰⁶.

В 1846 году Вильгардель издал новое произведение - «L'Histoire des idées sociales». Эта работа несомненно содействовала ознакомлению деятелей коммунистического движения с коммунистическими традициями предыдущих поколений. Для характеристики собственных теоретических воззрений Вильгарделя наибольший интерес представляют первые страницы этого труда, содержащие основные положения его философии истории. Мы находим здесь ряд черт, вносящих известные дополнения к тем замечаниям об исторической жизни человеческого общества, которые содержатся в «L'Accord des intérêts».

Между требованиями просвещенного разума, говорит Вильгардель, и реальными условиями практической жизни имеется глубокое противоречие. Эти условия отнюдь не являются результатом мудрых размышлений законодателей. Они - продукт множества событий и обстоятельств, которые привели к победе нескольких над интересами большинства. Борющиеся в человеческом обществе классы создали подлинный хаос учреждений, и можно лишь удивляться, что среди этого хаоса возникает иногда какой-либо хороший закон, какое-либо зерно организации, обещающее принести в будущем хорошие плоды.

¹⁰³ Ibid., 67, 28-29.

¹⁰⁴ Ibid., 10-11, 33.

¹⁰⁵ L'Accord des intérêts, 14, 15, 17, 6, 22, 23.

¹⁰⁶ Ibid., 106-107.

Со времени возникновения государств и до нашего времени власть над нациями всегда захватывали, как победители, отдельные люди, не думавшие ни о согласии своих народов, ни о будущем своих обществ. Они создавали для народов правила, главной целью которых была безопасность правителей, а не интересы управляемых. Люди, раньше, чем они могли бы, соединившись, создать хорошее государство, были уже закованы в цепи государства, не ими созданного¹⁰⁷.

* * *

Эклектическое учение Вильгарделя не имело сколько-нибудь заметного успеха. Оно было, очевидно, оттеснено, с одной стороны, более разработанными и более последовательными системами эпигонов сен-симонизма и фурьеризма, с другой - распространявшей свое влияние преимущественно в рабочем классе революционно-коммунистической пропагандой Дезами, Пийо и других. Если его и вспоминали историки социализма, то прежде всего как издателя «Кодекса природы», воскресившего после многих лет перерыва забытое имя Морелли, и как историка дореволюционных социальных идей. Теория Вильгарделя интересна лишь как образец некритического сочетания коммунистических традиций с влияниями утопистов начала XIX века.

IV. ЭСКИРОС. КОНСТАН

1

Мы уже не раз отмечали наличие во французской коммунистической пропаганде 40-х годов двух философских течений - материалистического и идеалистического. К первому принадлежали Дезами, Пийо, Мей, к нему примыкали журналы «L'Egalitaire», «Le Communautaire», «L'Humanitaire»; сторонники этого течения опирались на традиции французского метафизического материализма XVIII века. На идеалистических позициях стояли Кабе, Лаотьер, Савари и большая часть сотрудников журнала «La Fraternelle», лионский «Le Travail». Между идеалистами и материалистами происходила иногда довольно жаркая полемика, например отмеченный нами спор между «L'Humanitaire» и «La Fraternelle».

Нас не должно удивлять, что среди проповедников принципа общности мы встречаем в изучаемый период немало сторонников различных оттенков идеалистического мирозерцания. Известно, что французские коммунисты XVIII в. (за исключением Мелье) отнюдь не отказывались от «естественной, или «рациональной», религии, находили в своих системах место для идей Верховного Существа и бессмертия души. Деистические тенденции были не чужды даже бабувизму. Известно, что представление об «очищенном», или «новом» христианстве было присуще многим социальным теориям начала XIX века. Стремление связать свою проповедь «лучшего общества» с проповедью Иисуса и с моральным учением христианства было распространено среди утопистов очень широко.

К этим религиозным христианским традициям примыкали в своей пропаганде многие представители утопического коммунизма сороковых годов. Они вполне гармонировали с основными положениями того направления коммунистической мысли, которое считало жертвенность краеугольным камнем коммунизма, а мирное просветление умов - средством его осуществления; но иногда мы находим также попытки придать христианской традиции смысл учения, обосновывающего революционные действия.

В наиболее яркой и причудливой, можно сказать абсурдной, форме сочетаются в литературе сороковых годов принципы общности с христианскими традициями и образами и произведениях А.Эскироса и А.Констана.

Альфонс Эскирос - поэт, романист и плодовитый публицист 30-50-х годов - выступал в своих ранних произведениях как защитник и пропагандист принципа общности. Для истории коммунизма имеют известный интерес два произведения Эскироса: «Evangile du peuple» (1840) и «Evangile du peuple defendu» (1841). В связи с публикацией «Evangile du peuple» Эскирос отбыл по приговору суда 8-месячное тюремное заключение «за попытку сочетать революционную традицию с традицией философской и религиозной»¹⁰⁸. В революции 1848 г. Эскирос не играл сколько-нибудь заметной роли, хотя и состоял депутатом Законодательного собрания, примыкая в нем к крайне левой. После переворота 2 декабря 1851 г. Эскирос эмигрировал в Англию, но в 1869 г. вернулся во Францию. В том же году он был избран депутатом от департамента Устье Роны как кандидат радикальной и демократической оппозиции. После сентябрьского переворота, положившего конец существованию Третьей империи, он занимал в течение некоторого времени административный пост, а затем был избран в Национальное собрание. По-видимому, к этому времени он уже полностью освободился от социально-революционных увлечений своих молодых лет. Умер он в 1876 г., занимая уже к этому времени кресло сенатора.

¹⁰⁷ Villegardelle F. L'Histoire des idées sociales avant la Révolution. Paris, 1846.

¹⁰⁸ A. Esquiros. Evangile du peuple. Издание в серии «Les Veillées Littéraires Illustres», s.a. (далее: «LEvangile»), предисловие П.Бри (Bry).

Общественная философия Эскироса исходит из представления о первенствующей, главенствующей роли религии вообще, и в особенности христианства, в историческом развитии человечества. Но его философия несомненно связана также с идейным наследием века просвещения и французской буржуазной революции. Основное для Эскироса в этом наследии - идея непрерывного и закономерного прогресса. Движущей силой прогресса является развитие человеческого разума и познание истины. Прогресс бесконечен, утверждает Эскирос, как бесконечно развитие человеческого разума.

Прогресс превращает небытие в бытие, зло в добро. Зло необходимо как средство установления некоторого порядка в грубой материи. Страдание - закон прогресса, ибо оно является стимулом к активности. Но зло не может быть вечным. Вечное зло несовместимо с идеей благого бога. Человечество рождается среди животных и проходит через неисчислимые страдания, чтобы прийти к «бессмертному обновлению».

Познание истины, - говорит Эскирос,- освобождает человека. Свобода рождается из знания. Невежество - мать рабства. Дело прогресса осуществляется медленно и трудно, потому что оно встречает на каждом шагу все новые и новые препятствия в страстях людей и в исконной узурпации, освященной традицией. Для прогресса необходима возвещенная еще Христом свобода слова, свобода проповеди. Чтобы сохранить в силе рабство, правители стремятся погасить свет истины, держать при себе ключи от храма знания. Но все усилия остановить движение прогресса не в состоянии этого сделать, «как прибрежный песок не в состоянии остановить движения волны»¹⁰⁹. Помешать успехам знания, скрыть навсегда истину никому не удастся.

В мире ничто не происходит случайно. Прогресс человечества закономерен; законы его непреложны и неизменны, каждый этап прогресса приходит в предназначенное время. Порядок прогресса человечества и его конечная цель predeterminedены богом. Эта провиденциальная цель прогресса - счастье человечества, царство божие. Но бог воздействует на судьбы человечества, как и на судьбы мира в целом, не вступая в противоречие с естественными законами, не вопреки им, а при помощи их. Человечество бессознательно работает для достижения этой высокой цели. Царство божие на земле будет по существу плодом всех великих трудов человечества¹¹⁰.

Общество на своем пути меняет свои формы, но каждая из этих форм является как бы ступенью к будущему и потому необходима; каждая из них в этом смысле установлена «мудрым» Провидением¹¹¹. Как мы видим, учение Эскироса о развитии общества сочетает в себе откровенный телеологизм с некоторыми проблесками понимания его диалектического характера.

Раскрытие истины в соответствии с общей религиозной тенденцией своего рассуждения Эскирос именует «откровением». Но «откровение» не является у него актом божества, оторванным от деятельности человеческого разума. Он отрицает возможность многократных откровений (идея, не чуждая некоторым его современникам). Откровение, говорит он, «едино и единственно»; оно медленно и непрерывно, оно новое и древнее одновременно, ибо оно осваивается человечеством в бесконечной последовательности в согласии с естественным движением прогресса. Представление о неподвижной религии - абсурдно. Если она остановилась в своем развитии, - значит она мертва. Религии - вечное восхождение человечества к богу; это движение бесконечно, ибо бесконечно божество. Символы религии - это формы, в которые каждый век вкладывает свое содержание¹¹².

Важнейший момент в развитии религии, а тем самым в развитии человечества составляет, по мнению Эскироса, возникновение христианства. Христианство было необходимо для подготовки человечества к его грядущим судьбам. Евангелие содержит в себе, пусть в зародыше, элементы всех дальнейших верований¹¹³. Но в Евангелии истина была открыта в формах, соответствовавших достигнутому человечеством уровню цивилизации. За протекшие со времени создания Евангелия века оно неоднократно истолковывалось по-разному людьми в соответствии с их интересами и привычками¹¹⁴. Эскирос видит свою задачу в том, чтобы дать подлинное Евангелие, сохраняя его дух и его букву, но в то же время освобождая его от мистических форм и давая ему реальное толкование, отвечающее потребностям человечества в настоящую эпоху.

¹⁰⁹ Esquiros A. L'Évangile du peuple défendu (далее «L'Évangile défendu»), Paris, 1841, 19.

¹¹⁰ Esquiros A. L'Évangile, 32, 10-11.

¹¹¹ L'Évangile, 23.

¹¹² L'Évangile défendu, 113-114.

¹¹³ Ibid., 28.

¹¹⁴ L'Évangile, 1.

Мы верим в Христа, - говорит он, - но в Христа, который из столетия в столетие растет в растущем разуме человеческого рода. Дух нашей проповеди, говорит Эскирос,- дух жизни и движения, который некогда внушало людям христианство¹¹⁵. Но церковная христианская доктрина не содержит уже ныне религиозных и моральных истин, которых ждут от нее и в которых ощущают потребность народы. Не случайно перед смущенным сознанием современников появляются как по волшебству новые и неожиданные догмы. Эскирос высказывает убеждение в том, что противоречие между христианством и новыми доктринами должно быть отнесено не на счет евангельского учения в его чистом виде, но на счет того смысла, который был вложен в него в течение последних веков. Необходимо сочетать христианскую догму с догмой гуманитарной, еще неотчетливо сформулированной. Для этого нет надобности делать насилие над буквой Евангелия, ибо оно содержит в себе в символической форме все те откровения, которые нужны нам сейчас и которые мы смутно предчувствуем¹¹⁶.

Эскирос заявляет, что он лишь снял со слов Евангелия покров тайны, которой их окутывали века невежества и слепой веры, объяснил его вечные истины «с точки зрения бесконечного роста человеческого разума». Тем самым он перенес возведенную в Евангелии идею преобразования и конечного утверждения человечества в благо в сферу естественного и позитивного бытия. Его «новая вера» сложилась у него, как он утверждает, не сразу; он пришел к ней от католицизма после долгих и мучительных колебаний. Но, давая возможность прозреть вдали еще неясные образы будущих судеб человеческого рода, она отвечает, по его убеждению, и воле Создателя и чаяниям людей¹¹⁷.

Христианство возникло в языческом мире, основанном на рабстве, угнетении и страданиях бедноты. Оно возникло как отражение этих страданий и как протест против них. Иисус родился и вырос в рабочей среде, в среде простых бедных людей, горячо ожидавших пришествия мессии. Иисус сам занимался ремеслом.

Спаситель мира должен был сам испытать все страдания народа. Протест против старого мира не мог исходить из уст человека богатого. Рождение Иисуса в хлеву было как бы знамением того, что родившийся младенец является спасителем бедных. Все ученики Христа - простые бедные люди. Ему всегда был чужд мир богатых и знатных. Он нес провозглашаемые им истины в среду простого народа, не гнушаясь садиться за общий стол с отверженными и несчастными. Весь евангельский рассказ проникнут, по мнению Эскироса, гневом против богатых и притеснителей, озарен проблесками революционных настроений¹¹⁸.

Вся проповедь Иисуса, все его поучения, все его притчи направлены против богатых и в защиту бедных, - говорит Эскирос, сознательно выбирая из текста Евангелия места, которые могут быть использованы как подтверждение этого ошибочного положения. В притче о богатом и Лазаре рассказывается, что богатого ожидает по смерти геенна огненная не за какие-то особые грехи, а только за то, что он был богат, что Лазарь оказывается в царстве божием не за те или иные добродетели, а только за то, что он был беден. Богатые, учил он, не могут следовать за ним, не отказавшись от своего богатства; легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в царство божие. Иисус понимал, утверждает Эскирос, что бороться со старым обществом нельзя, опираясь на людей, дорожащих своим имуществом, нельзя строить новое общество из обломков старого. И действительно, за Иисусом шли рыбаки Галилейского озера, рабочие, толпа изголодавшихся людей, не имевших ни хлеба, ни денег. Вся жизнь Иисуса, вплоть до его страданий и смерти,- служение делу бедных и несчастных и. в то же время как бы символ того пути страданий, по которому проходит все человечество¹¹⁹.

Христианство в той мистической форме, в которой его проповедовали Иисус и его ученики, соответствовало, полагает Эскирос, условиям времени своего возникновения. Тем не менее ему не удалось перестроить общество согласно своим принципам. Несмотря на его широкое распространение, в общественных порядках сохранились устои времен язычества. Христос проповедовал господство духа над плотью, единства над индивидом. Для язычества было характерно поклонение материи, из которого вытекают законы эгоизма и господства силы. Христианство провозглашало свободу («где дух - там свобода») и подчиняло отдельного человека человечеству. Христиане пришли в общество, в котором все блага принадлежали привилегированным классам, и они провозгласили в нем принцип равенства людей перед богом. Языческое государство не могло примириться с оппозицией этих ремесленников и рыбаков, и в этом была основная причина преследования в Римской империи первых христиан: власти преследовали их потому, что христианская доктрина выражала оппозицию существующему порядку.

¹¹⁵ L'Evanile defendu, 17, 31.

¹¹⁶ Ibid., 30.

¹¹⁷ L'Evangile defendu, 116, 32, 35, 36-37

¹¹⁸ L'Evangile, 1-2.

¹¹⁹ L'Evangile defendu, 137.

В конце концов христиане были вынуждены образовать отдельные, проникнутые духом христианства общины внутри мира, в котором торжествовали принципы язычества¹²⁰.

После распространения христианства в течение веков продолжалась борьба между учением Иисуса и наследием язычества. В официальном христианстве, римско-католической церкви, эти века были веками застоя, неподвижности, которая подобна смерти. Христианство толковалось как религия подчинения и покорности, тогда как на самом деле она есть религия сопротивления. Правительства католических стран стремились превратить, и действительно превратили, церковь в свою помощницу. Они ценили церковь, когда она превращала себя в орудие борьбы против свободы. Но когда религия заботилась об интересах народа, они ее отвергали. Однако христианские народы не могли совсем забыть изначальный смысл христианства. В своем одиночестве, в своей нищете, в своей слабости бедняки нуждаются в бытии бога, который поддерживал бы их в их борьбе. Религию, отвечающую этим чаяниям бедных, возвещали в пламени костров еретики средних веков; альбигойцы, вальденсы и другие мятежники проливали свою кровь за дело человечества. Но их усилия не увенчались успехом. Общество, называвшее себя христианским, оставалось по существу обществом языческим, основывающимся на эгоизме, на насилии, на деньгах - этом средстве продавать своего бога¹²¹. Зло, унаследованное от старого социального язычества, казалось бы, тысячу раз умерщвленное, вновь и вновь возрождалось. Это чудовище подобно апокалиптическому зверю о семи головах. Новую попытку освободить народ от языческого насилия и гнета сделала французская революция. Язычеству, санкционировавшему подчинение человека человеку, революция противопоставила, говорит Эскирос, восходящую, по его мнению, к христианству идею свободы человека. Революция была дальнейшим развитием этой идеи. События революции будто бы содействовали раскрытию духа христианства, радикальному истолкованию Евангелия больше, чем какие бы то ни было слова. Не случайно во время революции Христа называли санкюлотом¹²². После революции иное понимание проповеди Христа стало невозможным. Франция, поднявшая знамя революции, оказалась той избранной страной, которой принадлежит инициатива в решении человеческих судеб, в деле спасения мира.

Но силы язычества не побеждены. В мире по-прежнему царит зло эксплуатации и угнетения, бедность и порок. В мире по-прежнему есть пролетарии, prostituiрованные и преступники. Звон цепей, вид падших женщин, публичных домов, грязных и нездоровых кварталов, где источенные голодом человеческие существа провожают жадным взором и злобным смехом людей хорошо одетых,- все эти позорные зрелища не могут не вызывать обращенных к небу криков боли и негодования. Не следует видеть в бедности необходимое условие благополучия богатых; она есть вечный источник недовольства и беспорядка. Из существования богатых и бедных вырастает бесконечная борьба между ними. Эта борьба тормозит умственное развитие общества, рост его индустрии. Не следует презирать падших - это не только противоречит христианству, но и антисоциально. Их не следует возвеличивать в их теперешнем состоянии деградации, но к ним следует привлечь интерес, заботы и цивилизирующее воздействие общества.

Эскирос заявляет, что он отнюдь не склонен систематически осуждать все настоящее. Настоящее всегда обусловлено, и в этом смысле необходимо, но не следует относиться к нему со слепым благоговением, препятствующим всякому улучшению, всякому прогрессу. Уничтожение нищеты, угнетения, различий ранга и рождения остается насущной задачей общества. Необходимо искоренить ненависть и зависть в людях, их разобщенность. Мы проповедуем, говорит Эскирос, не свержение правительств. Какое значение имело бы изменение правительства, если строй общества останется прежним? Необходимы глубокие преобразования в наших нравах, в наших учреждениях, в наших законах.

Но не следует думать, что Эскирос относится совершенно безразлично к формам правления. Он предостерегает Францию против опасности деспотизма, который как лев рыкая ходит вокруг общества, «иский его поглотити»; он резко осуждает тех, кто тешит себя успехами просвещения и завоевания свободы, считая их достаточной преградой деспотизму. До тех пор, пока в обществе нет единения, в нем всегда будет ощущаться беспокойство, взаимное недоверие и страх. Истоющая общество внутренняя борьба приведет, в конце концов, к деспотизму или анархии¹²³.

¹²⁰ Ibid., 77-78.

¹²¹ L'Evangile defendu, 114; L'Evangile, 17.

¹²² L'Evangile defendu, 84, 115-116.

¹²³ L'Evangile defendu, 135, 34, 40, 58, 56, 12-14, 57, 60.

Для того чтобы языческий строй был разрушен, необходимо возродить христианство, учитывая весь опыт веков, прошедших со времени его возникновения. Это возрожденное христианство Эскирос часто именуется «революционным христианством». Революционное христианство, утверждает он, доктрина демократическая и уравнивательная, она подобна первоначальному учению Иисуса, которое отвергает почтение к богатству, к рождению и ко всяким внешним знакам величия. Те, кто осуждает революционное христианство, должны были бы предать сожжению на Гревской площади Деяния апостолов. По существу они спорят против обращения к Евангелию при решении вопросов современности. И они как будто не боятся, что народ станет смотреть на религию как на средство держать его на цепи, на рай - как на хитрую ловушку, которая должна заставить их забыть о бедствиях земной жизни¹²⁴.

2

Христианство подобно, по словам Эскироса, строящемуся в веках зданию, завершение которого станет возможным лишь тогда, когда будут исполнены все заветы Христа. Человечество в своем прогрессивном движении к совершенному пониманию евангельских законов проходит через 3 ступени: век веры - век возникновения христианства; век надежды - современная эпоха, время подготовки «полного откровения слова»; век любви - век единения, к которому мы идем¹²⁵.

Грядущий век любви, говорит Эскирос, - это возведенное Иисусом царство божие. Его следует ожидать не в какой-то будущей жизни, а здесь, на земле. Весь исторический путь человечества ведет его к свободе, и совершенному и мирному бытию. Иисус пришел на землю, чтобы создать на ней справедливое и истинно человеческое общество, создать рай на земле. В своем изображении грядущего царства божия Эскирос обращает внимание в первую очередь на его морально-психологические устои, лишь попутно, как бы между прочим, характеризуя в той или иной связи отдельные черты его социального и политического порядка¹²⁶.

В будущем обществе господствуют два великие закона: божественное единство и общая любовь. В нем каждый неразрывно и полностью связан с богом и все проникнуто любовью к ближним. Царство божие - это вечное и бесконечное развитие этих великих принципов. Для их полного раскрытия и торжества требуется полная переделка общества заново, переделка всех его учреждений. Нет смысла пришивать новой заплате к ветхой одежде, старое общество должно быть разрушено до самого основания. Руководящей идеей этой переделки является устранение в обществе всех различий, вытекающих из происхождения и положения. До наших дней, говорит Эскирос, в обществе множество несчастных, не пользующихся ни уважением, ни богатством. Все эти люди, которые влачат свое существование в поте лица своего по пустыне современного общества, должны, по слову Иисуса, первыми войти в обетованную землю. Последние станут первыми, великие преобразования вознаградят их за нынешние страдания¹²⁷.

Принцип единства применим не только к взаимоотношениям людей в обществе. Он распространяется также, по мнению Эскироса, на отношения между нациями и расами. В будущем совершенно невозможны соперничество между народами и национальный эгоизм. Все народы составляют, согласно учению Иисуса, единое целое¹²⁸.

Идея христианского равенства, утверждает Эскирос, пронизывает все учение Христа. Для того чтобы равенство стало действительно определяющим принципом общественного бытия, должно быть покончено с ложным законом индивидуальной собственности. В анналах христианства немало примеров осуждения излишеств и злоупотреблений частной собственностью. Нельзя служить одновременно богу и деньгам, нельзя быть христианином и собственником. Дух наживы должен быть изгнан из общества, Люди, установившие закон частной собственности, говорит Эскирос, имеют несомненное право его отменить. Из единства и братства людей вытекает постулат равенства. Богатство не должно быть иммобилизуемо отдельными индивидами, которые прячут его под спудом. Оно должно распространяться на всех и в своем обращении умножаться. Огромным состояниям не должно быть места в будущем обществе. В нем не должно быть ни бирж, ни банков - этих храмов Маммоны. Из общества должны быть изгнаны биржевики, ажиотеры, барышники, менялы, сделавшие из общества рынок, из града мысли - логово воров. Место принципа частной собственности должен занять принцип общности, установление которого вполне совместимо с уважением к человеческой индивидуальности и ко всему, что есть в ней священного, вечного и неотчуждаемого¹²⁹.

¹²⁴ Ibid., 67.

¹²⁵ L'Évangile défendu, 107, 17, 110.

¹²⁶ L'Évangile, 23, 20.

¹²⁷ Ibid., 3, 4, 5, 6.

¹²⁸ Ibid., 12.

¹²⁹ L'Évangile, 13, 12, 14; L'Évangile défendu, 61, 66, 63.

Образцом будущего общества должны служить в этом отношении первоначальная церковь и более поздние христианские общины (по-видимому, в первую очередь монастыри). Легко доказать, утверждает Эскирос, что общность соответствует духу христианства. Общность царила, согласно Деяниям апостолов и учению отцов церкви, в среде первых последователей Христа. Они соединяли свои имущества и выдавали из общей сокровищницы каждому в соответствии с его потребностями¹³⁰.

Эскирос в своих рассуждениях о будущем ничего не говорит об организации производства. Он упоминает лишь о том, что все члены общества должны быть участниками как в благах общества, так и в его трудах. Подобно цитируемым им христианским источникам, Эскирос сводит проблему общности к проблеме распределения, примыкая тем самым к традициям так называемого потребительского коммунизма.

Христос учил, говорит Эскирос, что пища и одежда должны быть общими для всех, как небо и свет. В будущем обществе отеческое травление будет распределять все между всеми в соответствии с их потребностями. Эту мысль о распределении по потребностям Эскирос высказывает неоднократно. В христианском обществе никто не будет испытывать беспокойства по поводу материальных благ. Это беспокойство, отравляющее в настоящее время всю духовную жизнь человека и характерное для языческих обществ, будет изгнано из социального бытия. Завтрашний день, принося свои заботы и свои труды, будет приносить вместе с тем и свое вознаграждение. Мы обещаем человечеству, говорит Эскирос, прекрасные перспективы благосостояния. Эскирос мечтает о том, что при таком порядке человек будет развивать свободно все свои потенции в соответствии с естественным законом, не искажая их под давлением обстоятельств, но и не напрягая их излишне неумеренной жадностью к благам жизни. Дух, не смущаемый мыслью о завтрашнем дне, о еде и питье, легко поднимется до высот божественной мудрости. Блага природы и цивилизации станут доступны всем, распространятся на всех членов великой семьи человечества¹³¹.

Таковы основные черты рисуемого Эскиросом идеального общества будущего. Следует, однако, отметить, что в произведениях Эскироса можно найти ряд замечаний, не соответствующих представлению о строе, основанном на принципе общности. Возможно, что эти замечания вызваны стремлением Эскироса смягчить революционные черты его учения: они встречаются почти исключительно во второй работе Эскироса - «Evangile du peuple defendu», написанной, как показывает само заглавие, в целях опровержения обвинений, выдвинутых критиками и судебными властями против первой его книги. С другой стороны, возможно, что в этих замечаниях намечены вехи некоего переходного строя, предшествующего установлению строя общности. В пользу этого предположения говорит тот факт, что строй общности предполагает, по словам Эскироса, некоторые предварительные изменения экономического порядка¹³². Во всяком случае, Эскирос, говоря о будущем, иногда уходит весьма далеко от идеала общности. Он говорит о классах в будущем обществе, об их гармонизации. Он говорит о необходимости взаимного обмена услугами между классами и предвидит, что хорошая организация такого обмена обеспечит общее благосостояние, порядок и взаимопонимание между всеми гражданами. Он высказывается против экспроприации тех, кто ныне владеет имуществом. Иногда он говорит даже, что он отнюдь не нападает на собственность, он осуждает лишь злоупотребления ею. Всеобщее образование, охрана прав трудящихся, устранение зол конкуренции, открытие выхода для продуктов труда должны содействовать устранению бедности и привести к более справедливому распределению и к успокоению общества. В этом «благоустроенном», но классовом обществе распределение не может быть организовано, само собой разумеется, на основах коммунистического принципа «каждому по его потребностям». В связи с этим, очевидно, Эскирос выдвигает идею вознаграждения пропорционально труду. Как мы видим, рассмотренный нами второй вариант социального преобразования носит весьма умеренный реформаторский характер¹³³.

В сфере политической Эскирос примыкает к демократической концепции, которую разделяло большинство утопических коммунистов 30-40-х годов. Он исходит из принципа народного суверенитета, он считает необходимым средством выражения народного суверенитета всеобщее избирательное право. Он считает необходимым сохранить в будущем обществе некоторую иерархию, без которой не может существовать, по его словам, никакое общество. Но это должна быть естественная иерархия, основанная на разуме. В царстве божием, основанном на заветах Иисуса, ни аристократии рождения, ни аристократии богатства быть не может.

¹³⁰ L'Evangile, 5; L'Evangile defendu, 61, 64-66.

¹³¹ L'Evangile, 13; L'Evangile defendu, 47, 137.

¹³² L'Evangile defendu, 73.

¹³³ L'Evangile, 13; L'Evangile defendu, 136, 61.

Он рассматривает правителей как должностных лиц и деятельность их как функцию, возложенную на них народом. Человек, стоящий у власти, говорит он, - приказчик нации. Он не должен быть ярмом на шее народа. В будущем обществе все решения правителей принимаются и осуществляются в соответствии с волей народа и с его согласия - вся нация, пишет Эскирос, и как друг и как советник, будет посвящена в намерения правительства¹³⁴.

Власть в будущем обществе - «власть мягкая и действующая на сердца». В будущем обществе царит евангельский принцип «Не делай другому того, чего бы ты не пожелал, чтобы другие делали тебе» Это правило достаточно для урегулирования от ношений между гражданами. Основной карой за проступки людей должно служить увещание, сначала совершаемое наедине, а затем публично. Если ни то, ни другое не подействует, то виновному объявляется общественное порицание, а в крайнем случае его исключают из христианской общины и объявляют язычником Уголовных законов, действующих в современном обществе, не должно быть в обществе истинно христианском¹³⁵.

Представления Эскироса о путях перехода от современного общества, основанного на языческом эгоизме и неравенстве, к обществу будущего, возвещенному Иисусом, крайне противоречивы. Кровавые апокалиптические видения и символы причудливо сплетаются в его учении с проповедью мирного просветительства, умеренных и постепенных преобразований. Дело Евангелия, утверждает Эскирос, может быть осуществлено только людьми, вышедшими из народа. Рабство разрушают не те, кто уже свободен, не те, кто богат, нападают на излишества богатства. Те, кто обладает большим имуществом, не способны воспринять идею революции. Иисус, призывая своих последователей к борьбе, предупреждал их о трудностях борьбы «Мир будет вас ненавидеть, - говорил он, - как он ненавидит меня». Богатые и сильные не могут не сопротивляться революции; они мечтают чудесно остановить свершение великих судеб человечества. Их сопротивление должно быть преодолено силой. Не давайте себя запугать теми препятствиями, которые вы встретите на пути революции, - обращается Эскирос к революционерам, все, чем вы пожертвуете за дело революции, будет вам возмещено сторицей. Если вы даже потеряете свою жизнь, вы ее спасете, ибо умереть за человечество - значит жить. Революционером может быть лишь тот, кто готов к самопожертвованию во имя общего блага. Не забывайте, что вы соль земли, вы свет мира. Не допускайте, чтобы этот свет был погашен. Иисус, утверждает Эскирос, был последовательным революционером, зачинателем революции мира. Он стремился не к каким-либо частным улучшениям, а к разрушению старого общества до основания. И Эскирос твердо убежден в победе святого дела революции¹³⁶.

Основную силу, которая способна обеспечить победу революции, Эскирос видит, таким образом, в массах, в бедных и несчастных. Масса неизбежно стремится к царству божию на земле, и это стремление проявилось с большой яркостью в революциях последних десятилетий. Эскирос убежден, что движущая роль масс в революции была предсказана Иисусом. Иисус предвозвестил также и конечную цель революции: она отнимет имущество у тех, кто им владеет, и передаст его неимущим; она положит во главу угла нового общества краеугольный камень, которым пренебрегали в старом обществе, - бедных, рабочих, пролетариев. В момент великого потрясения старая власть, которая будет оказывать революции сопротивление, будет разбита, великие мира на которых падет гнев народа, будут раздавлены. Народ придет к власти, как хозяин, чтобы навести порядок в своем доме. Символическое изображение грядущей революции Эскирос находит в пророчествах Евангелия и Апокалипсиса. Иисус пришел, говорит он, чтобы погрузить мир в пламя и кровь, чтобы положить начало страшной революции, которая принесет радость рабам и обрушит меч на головы повелителей. Иисус не питает сострадания к врагам народа. Зажженный им огонь есть огонь революции, и он не потухнет до тех пор, пока все виды аристократии не исчезнут в мире. Революция будет истинным крещением огнем. Ангелы революции, эти жнецы божий, разделят людей на добрых и злых; они вырвут плевелы на поле человечества и бросят их в огонь. Наша революция, говорит Эскирос, начала уже это великое дело, но день окончательного суда еще впереди.

Когда этот день, - день прихода народа-бога, - настанет, суд над злыми совершится с быстротой молнии; он застанет врасплох счастливых мира сего и их коронованных служителей. И народ отдаст их в руки палачей. Это будет для них день мести, день крушения и отчаяния. Над головами великих мира сего прольется огненный дождь и град свинца. Безнадежны будут все их попытки избежать страшного суда. Солнце королевской власти затмится и звезды владычества упадут с небес. Но для народа это будет час освобождения¹³⁷.

¹³⁴ L'Evangile, 13.

¹³⁵ Ibid., 14.

¹³⁶ L'Evangile, 3.

¹³⁷ L'Evangile, 6, 15, 14, 10.

Этим картина революции как страшного суда над великими мира сего резко противоречит ряд заявлений Эскироса, отражающих традиции мирного просветительства. Особенно много таких заявлений находим мы во второй его книге, стремящейся смягчить, как мы уже знаем, положения, выдвинутые в первой. Но противопоставление мирных реформ кровавой революции находим мы и в «Evangile du peuple». Современные учреждения, говорит он, приносят мертвые плоды: нищету, эгоизм, голод, болезни, рабство, эксплуатацию слабого сильным, тиранию хозяина над рабочим, богатого над бедным. Если они не будут преобразованы, общество со всеми его законами и конституциями ждет гибель. Чтобы дело преобразования было прочно, его необходимо строить на убеждении и вере народа. Вера, заявляет он, это единственное оружие, которое нужно для преобразования. Если будет вера, не потребуются ни ружей, ни пушек, ни грубой силы. Не придется вести никакой борьбы ни с привилегированными, ни с великими мира сего, ни с собственниками. Исходя из этого положения о силе веры, Эскирос призывает сторонников преобразований не торопиться, чтобы не дискредитировать этим своего дела, не разжигать мятежей в городах. Настанет день, говорит он, и ваша доктрина возымеет силу господствующего общего мнения. Народ должен добиваться преобразований, пока это возможно, мирным, легальным путем, его протест должен носить моральный характер. Пусть правительство первым прибегнет к насильственным мерам, первым откажется от легальности¹³⁸.

Во второй своей книге Эскирос заявляет, что в «Evangile du peuple» он будто бы защищает то положение, что бурные движения не ускоряют прогресса и вредят делу народа, что нетерпение и смуты лишь тормозят естественный ход вещей, мешают медленному и фатальному движению вперед.

В «Evangile du peuple defendu» Эскирос объявляет все обвинения, выдвинутые против него, абсурдной клеветой. Эскирос не может, однако, скрыть от читателей, что в «Евангелии народа» есть места, которые могут быть истолкованы как проповедь насильственного переворота. Но сомнения в возможности мирного переворота возникали у него, по его словам, лишь под влиянием того сопротивления, той злой воли, которые правители проявляют по отношению к движению народов. Это сопротивление правителей безумно, оно не в состоянии помешать неизбежному прогрессу. Правительства своей борьбой против разума и воли божией лишь подготовляют условия революционного взрыва. Предупредить этот взрыв могут демократические реформы¹³⁹. В действительности, он убежден, что в настоящее время необходимо бороться с существующим злом мирными средствами, что грозные потрясения, изображаемые им в евангельских терминах, могут постигнуть народы лишь в отдаленном будущем и что эти потрясения могут быть избегнуты, если правительства откажутся от своего безумного сопротивления¹⁴⁰.

* * *

Наличие двух плохо согласующихся тенденций в книгах Эскироса бесспорно. Вскрыть эти противоречия нетрудно даже при самом беглом чтении двух его «Евангелий». Не подлежит сомнению, что вторая, мирная тенденция служит ему зачастую формой защиты против опасных обвинений в призывах к кровавому перевороту. Но в какой-то мере она отвечала, по-видимому, действительно присущим ему настроениям. Возможно, что в вопросе о способе переворота у него самого были в начале 40-х годов некоторые колебания, что его противоречия в изображении грядущей революции отражают не только его стремления предупредить возможные преследования, но и нечеткость его собственных представлений. В пользу такого толкования говорит его дальнейшая политическая эволюция, приведшая его в лоно мирного и умеренного либерализма.

При всей спутанности и противоречивости, а иногда и фантастичности рассуждений Эскироса, стремящегося дать христианству революционно-коммунистическое истолкование, а коммунизму евангельски-христианское оправдание, они представляют известный исторический интерес как одна из попыток возродить в середине XIX века, казалось бы, давно умершие традиции средневекового «еретического коммунизма».

Реакционный смысл этой попытки совершенно очевиден. Тем не менее «христианская» пропаганда Эскироса могла в некоторой мере содействовать проникновению идей коммунизма в наиболее отсталые, еще крепко привязанные к церкви слои французского рабочего класса.

¹³⁸ Ibid.. 9, 23.

¹³⁹ L'Evangile defendu, 54-55.

¹⁴⁰ Ibid, 50.

Альфонс-Луи Констан готовился к духовному званию. Получив степень дьякона, он отошел от правоверной церкви и в начале 40-х годов выступил с рядом произведений, направленных против христианской ортодоксии. К этим же годам относится и наиболее интересное его произведение «Библия свободы». После 1848 года Констан много писал по «философии оккультизма». Завершив свои идейные метания возвращением в лоно церкви, Констан окончил свои дни в 1875 году мелким торговцем фруктами.

В философских взглядах Констан в период его отхода от католицизма можно отметить некоторые элементы пантеизма. Бог, говорит он, есть бытие. Все, что есть, есть бог. Небытие - понятие чисто отрицательное. Обычно первопричину бытия называют богом. Но бог как первопричина не находится вне бытия. Бог существует во всем и существовал всегда. Бог в человеке - его разум и любовь. Материя и дух - не два разных бытия, бытие - едино. Сущее не имеет начала. Возникновение нового есть лишь преобразование предыдущего¹⁴¹. Эта идея единства сущего и смены во времени его форм, последовательно возникающих одна из другой, интересна и сама по себе, как проявление тенденции к диалектическому пониманию мира. Она имеет в философии Констан особое значение, как философская основа идеи социального прогресса.

В представлениях Констан об обществе и его развитии есть своеобразные и интересные черты. Человечество начинает свою жизнь с полуживотного существования. Где нет любви и разума, говорит Констан, там неизбежно господство силы. Сила является способом обеспечить существование. Всякая власть для своего времени справедлива. То, что кажется злом, это - с мукой рождающееся добро. В этом смысле даже Нерон отвечал состоянию римского народа своей эпохи. Повиновение народа - показатель справедливости власти.

Нужно понять, что в мире царит война. Война, с точки зрения Констан, - закон бытия. Она существует между зерном и оболочкой, которую оно должно разорвать. Животные убивают и пожирают друг друга, - можно ли их за это осуждать? Нет, ибо они повинуются своему инстинкту. Люди, защищаясь от животных, убивают их. Виновны ли они? Нет, ибо они имеют право защищать свою жизнь. Когда человек уничтожает тигра или льва, он не чувствует к нему ненависти¹⁴².

Оправдание общественному бытию дает прогресс. Если исключить понятие прогресса, все в мире представляется злом, при наличии прогресса, говорит Констан, все является добром. Но прогресс существует. Ничто не стоит на месте, все идет к совершенству. Поколения сменяют одно другое. Великие люди, умирая, оставляют потомству плоды своих трудов. Нации следуют одна за другой. «Великая нация, угасая, подобно звезде озаряет небо истории. Она прибавила страницу к библии человеческого рода». Клятва в *Jeu de Pomme* - не пустые слова, брошенные да ветер; свобода не погибла на эшафоте вместе с Робеспьером. Франция умерла мученической смертью за человечество, но она, воскресши, живет во всех народах, которыми движет святое имя свободы. Франция выполнила свою миссию. Это уже не нация, а великая идея, это не республика, а свобода, не клочок земли, а будущее всего мира¹⁴³.

Из положения об исторической закономерности каждого этапа в развитии общества Констан делает весьма путанные и противоречивые выводы. Он ясно видит существующее в обществе зло. Он осуждает богатых и выражает горячее сочувствие бедным. Сильные разделили землю, и слабые умирают от голода без пристанища. Если земля не свободна, не свободны и люди. Все бедные - рабы, все богатые - тираны. Золото и серебро порабащают людей. Там, где продается свобода, покупается рабство. Констан не считает возможным призывать народ к оружию и к мести. Он заявляет, что его мирная душа испытывает ужас перед войной и убийством. Но он убежден, что подавление свободы неизбежно приведет в конце концов к возмущению и что это возмущение потрясет мир. Вы пожираете народ, обращается он к богатым, и хотите, чтобы он не кричал! Как могут угнетатели народа рассчитывать на безнаказанность, когда столько голосов возносятся каждодневно к трону бога, моля о мщении. Если слабые объединятся и будут храбро бороться, они будут сильны. Бедные и голодные, восклицает Констан, сколько вас и сколько их! Ваша жизнь - медленная и позорная смерть. Обменяйте ее на смерть быструю и славную или на победу, которая даст жизнь. Дети бога могут укрепиться лишь путем войны. Старый мир должен погибнуть, чтобы очистить место новому. Коронованные головы падут к ногам народа¹⁴⁴. Ангелы войны и смерти, восклицает Констан, летите на красных крыльях пожара и возвестите земле падение Вавилона¹⁴⁵.

¹⁴¹ Constant, A.-L. Bible de la liberte, Paris, 1-7.

¹⁴² Bible de la liberte, 120-122.

¹⁴³ Ibid., 126-128.

¹⁴⁴ Bible de la liberte, 44, 46, 61, 86, 87, 104.

¹⁴⁵ Ibid., 130.

Свои рассуждения о грядущем перевороте Констан завершает тирадой, напоминающей апокалиптические образы раннехристианской литературы: «Я плачу, посыпаю голову пеплом и кричу Богу и народу: милосердия! и они отвечают: нет более милосердия!.. И я дрожу от запаха огня и крови»¹⁴⁶.

Роль людей, сочувствующих страданиям народа, Констан видит как будто только в том, чтобы предупреждать правителей о неизбежности ожидающей их катастрофы. Катастрофа произойдет как бы независимо от воли тех или иных людей. Более того, Констан резко осуждает тех, кто, вмешиваясь в великое дело истории, организует заговоры против деспотизма. На этой позиции восхваления абстрактной революции и осуждения революционных попыток Констан не может удержаться. Те самые люди, которых он только что осуждал как преступников, нарушающих своим «вторжением» в исторический процесс законы своего времени, почти тотчас же изображаются им как герои великой борьбы за лучшее будущее, как мученики за дело прогресса. Констан объявляет правомерным даже индивидуальный террор, направленный против угнетателей, как самопожертвование во имя общего блага. Пусть тот, кого в среде рабов терзает дух свободы, не угашает его. Пусть его признают виновным, пусть его накажут - он станет зерном грядущего спасения. Ибо его слово не умрет; оно сделает свое дело в сердцах рабов, которые его убили. Подобные люди, как бы призванные из другой эпохи, кажутся безумными и нечестивыми; возвеличенные своим страданием, они объявляются затем спасителями человечества¹⁴⁷.

Во всяком случае революцию Констан считает неизбежной: богатые и тираны должны погибнуть. Революция будет совершена руками бедных и угнетенных. И в дальнейшем Констан пытается набросать картину светлого будущего, которое последует за переворотом.

Сложная сама по себе ткань противоречащих друг другу суждений Констанана о судьбах общества и о грядущей революции становится еще более сложной, еще более противоречивой от вторжения в нее зачастую совершенно немотивированных библейских аллегорий и религиозной фантастики. Говоря о духе мятежа, он вспоминает о Люцифере. Ангелом господства и рабства он объявляет Сатану. Людей, установивших «адское общество господства и рабства», он называет детьми Каина. В Моисее он видит образ «духа Свободы», выводящего народ из страны рабства в землю обетованную. Современное общество напоминает Констану пустыню, по которой шли иудеи в землю ханаанскую; власть золота сравнивает он с поклонением золотому тельцу. Христос для него - бог революции. Его призывают и почитают люди народа. Он побеждает в пустыне искушение духа эгоизма; он проклинает счастливых мира. Он ставит человека выше закона. Он провозглашает братство людей, как детей божьих. После того как Христос был распят на кресте, за ним пошли мятежники против закона. Обращаясь к угнетенным и обиженным, Констан напоминает им, что Христос обещал прислать в мир утешителя. Все символические положения христианской догмы представляют, по мнению Констанана, истину, но требуют духовного толкования. Так учение о троичности бога выражает в символической форме тройственный принцип жизни человечества: свободу, равенство, братство¹⁴⁸.

Следует, однако, отметить, что христианская фразеология отнюдь не мешает Констану выступить с резким осуждением роли христианской церкви в истории человеческого общества. В первое время существования христианства, говорит он, общность благ делала христиан братьями. Но вскоре у них возникла иерархия, в общину проникло тщеславие и в недрах христианства выросла новая империя. Эта империя была хуже предыдущих, ибо она прикрывалась именем бога. Христианская церковь превратилась в куртизанку, отдававшуюся всем тиранам земли. Новая синагога стала рабой цезарей. Она создала власть пап, а затем на ее развалинах - святотатственную власть королей, цари этого испорченного мира - дети дьявола; их власть - власть ада - и они дерзают царствовать во имя Христа!¹⁴⁹

В представлениях Констанана об идеальном обществе, о лучшем будущем человечества связь его построения с христианской религиозной традицией сказывается с большой силой. Христос пришел, говорит он, чтобы сокрушить индивидуализм и установить ассоциацию в единстве. Он пришел разрушить отдельные семьи, чтобы организовать единую семью; разрушить отдельные нации, чтобы создать единую нацию братьев. Все, кто понял завет Христа, всегда стремились к осуществлению его основной мысли - общности. Семя, посеянное Христом, принесет свои плоды, жатва будет богатой. Человечество будет навеки освобождено от деспотизма и от власти священников.

¹⁴⁶ Ibid, 87.

¹⁴⁷ Ibid, 106, 122, 123.

¹⁴⁸ Bible de la Liberte, 21, 25, 27, 30, 32, 61, 63-65, 68, 102-103.

¹⁴⁹ Ibid., 71-73.

Свет разума озаряет землю от востока до запада. Это как бы второе пришествие Христа, воплощенного в человечестве. Ничто на земле не должно принадлежать одному человеку, утверждает Констан; все принадлежит богу, то есть всем. Пока собственность не будет отменена, рабство не исчезнет с земли. Пока укравшие землю не вернут богу то, что ему принадлежит, будут рабы и тираны¹⁵⁰.

Будущее общество есть общество, в котором осуществлены свобода и братство. Человек, чтобы иметь право называться человеком, должен быть свободен: раб не живет, в нем живет его господин. Свободное общество невозможно для современных людей; не может быть братства между волками и овцами. Чтобы быть равными, все должны стать людьми: только свободные люди могут образовать ассоциацию. Свободным людям будущего не понадобится прибегать к оружию для поддержания порядка. Править всем будет от имени бога сам народ - носитель как светской, так и духовной власти. Его управление будет исходить из закона любви. Во всем будет царить справедливость и мир. Это будет царство народа, царство человека, ставшего человекобогом. И царству этому не будет конца¹⁵¹.

«Библия свободы» интересна для историка как показатель того, какое широкое распространение нашли во Франции сороковых годов семена коммунистической мысли, на какую чуждую идеологическую почву они иногда попадали. Книга Констан не прошла незамеченной. Она вызвала некоторые отклики в коммунистических и прогрессивных кругах Франции и привлекла к себе внимание властей. Констан заплатил за нее 8 месяцами тюремного заключения. Если «Библия свободы» и могла оказать какое-либо влияние на развитие коммунизма как идеологии пролетариата, то это было влияние чисто отрицательное,

В. ДЕЗАМИ

Дезами - один из наиболее интересных представителей французского утопического коммунизма 40-х годов XIX в. Он принадлежал к материалистическому крылу коммунистического движения своего времени. Бывший школьный учитель в Вандее, в конце 30-х и в 40-х годах он участвовал в тайных революционных обществах, в том числе в «Обществе времен года», организовавшем восстание в мае 1839 г. В 1840 г. Дезами принимал активное участие в коммунистическом банкете в Бельвиле¹⁵². В течение некоторого времени Дезами был близок к Кабе и к его журналу «Le Populaire», но вскоре разошелся с Кабе в основных вопросах теории и практики коммунизма. В 1840 г. он издавал собственный журнал «L'Egalitaire», связанный, по-видимому, с обществом «Travailleurs-Egalitaires»; был, несомненно, близок к редакции журнала «Le Communautaire». В ряде изданных Дезами в 40-х годах памфлетов он подверг резкой критике мирный, «икарийский коммунизм» Кабе и «христианский социализм» Ламенне. В 1842-1843 гг. Дезами выпустил в свет самое значительное свое произведение - «Кодекс общности». В 1846 г. вышла новая его работа - «Организация свободы и всеобщего благосостояния». В революции 1848 г. Дезами активно участвовал, примыкая к возглавлявшемуся Бланки «Центральному республиканскому обществу», выступал в защиту требования «организации труда», издавал журнал «Droits de l'homme». 26 марта Дезами поставил свою подпись под манифестом Бланки, в котором утверждалось, что целью республики должна быть эмансипация рабочих, освобождение труда из-под ига капитала. В так называемом «деле Ташеро» Дезами выступал в качестве одного из защитников Бланки. В 1850 г., надломленный физически и нравственно неудачами революции и материальной нуждой, Дезами покинул Париж, возвратился к себе на родину в Люсон, где вскоре и умер.

Как мы увидим ниже, в литературной деятельности Дезами следует различать два периода - период пропаганды коммунизма и период пропаганды кредитной реформы. С наибольшей полнотой основы учения Дезами - первого, наиболее для нас интересного периода - изложены им в «Кодексе общности».

1

Дезами считает, что идея «общности» имеет очень глубокие исторические корни. В качестве предшественников современного ему коммунизма он упоминает и Пифагора, и Платона, и стоиков, и эпикурейцев, и ессеев, и Иисуса, и Сенеку. Из мыслителей нового времени Дезами ссылается, как на своих учителей, на людей самых различных направлений мысли. Мы видим здесь Рабле, Монтеня, Кампанеллу, Макиавелли, Фенелона, Руссо, Бабефа, Буонарроти, даже Сийеса. Конечно, каждый из перечисленных мыслителей мог дать тот или иной толчок развитию мысли Дезами в коммунистическом направлении, у каждого из них Дезами мог заимствовать то или иное отдельное положение.

¹⁵⁰ Bible de la Liberte, 8, 85, 86. 89-90, 110.

¹⁵¹ Ibid., 8, 21, 61, 122, 129-130.

¹⁵² О Бельвильском банкете см. выше главу первую второй части настоящей книги.

Но подлинными и ближайшими учителями Дезами, несомненно, следует признать Морелли и Гельвеция. Социальная философия Дезами, бесспорно, очень близка в своих принципиальных положениях к социальной философии Морелли. Аргументацию Морелли Дезами иногда воспроизводит почти буквально. Гельвеция Дезами не только часто цитирует, - Гельвеций является для него в области философии наивысшим авторитетом. «Бессмертный Гельвеций» - называет его Дезами¹⁵³. Учение Дезами примыкает самым непосредственным образом к традициям материалистической философии и утопического коммунизма XVIII в. Из более близких по времени писателей, несомненно, влияли на Дезами Буонарроти и Фурье. К сен-симонистам Дезами относится отрицательно, выделяя из них Леру, которому он явно симпатизирует, и противопоставляя им самого Сен-Симона, которому, по мнению Дезами, его ученики изменили¹⁵⁴.

В основе бытия, говорит Дезами, лежит единое начало, активное и пассивное одновременно, объемлющее тело и дух. Материи как таковой присущи принцип движения, принцип разума, сила притяжения, способность к совершенствованию¹⁵⁵. Природа есть единое и бесконечное целое, подчиненное общим и вечным связям, вращающееся в вечном кругу становления и распада¹⁵⁶. Признание взаимной связи частей мироздания приводит Дезами к выводу, что провозглашаемый им «закон общности» воплощен в самой природе. Элемент мира - атом и свойственное ему движение. Мир существует сам собой. Сотворение мира из ничего невозможно. Основным законом всеобщей жизни - притяжение. Сила притяжения - причина всех явлений как физических, так и моральных. Всякое тело состоит из атомов и молекул. Человек - животное, система органических молекул, гармоническая совокупность органов. Местопребыванием мысли, чувств, понимания является мозг.

В своем учении о человеке Дезами почти буквально следует за Гельвецием. Организация человека, говорит он, изменяется под влиянием внешнего мира, а его деятельность, в свою очередь, воздействует на внешний мир. Человек - продукт не только своей организации, но и окружающей его физической и моральной атмосферы. Являясь на свет, человек не приносит с собой ни пороков, ни добродетелей, а только способности и потребности. Потребности толкают человека к деятельности, к взаимоотношениям с внешним миром. Страсти человека порождаются в нем способностью ощущать и служат побудительными причинами его активности. Слово «страсть» означает, по существу, способность, приведенную в действие. Любовь к себе - основной двигатель человеческих действий, ствол «древа страстей». Положительное или отрицательное значение страстей зависит от их направления, которое целиком определяется социальными условиями. Нет необходимости изгонять из человеческого сердца какую-либо страсть. Самые высшие моральные качества основываются на физиологических законах человеческого организма. Не существует резкой грани между моралью и любовью к себе. Личный интерес, когда он разумен, просвещен, ведет к пониманию того, что социальные качества обеспечивают самые высокие наслаждения. Следуя за гуманистами и просветителями XVIII в., Дезами оправдывает все естественные потребности человека и проповедует развитие всех его способностей¹⁵⁷. Общество должно быть так организовано, чтобы вся сумма страстей соответствовала общественному интересу, - и тогда все люди будут поступать хорошо¹⁵⁸.

Единственным орудием познания истины Дезами признает разум. Истина объективна. Есть истины, которые не познаны человеком, но все же существуют. Разум находит и провозглашает их и доказывает их существование. Для уверенности в истине требуется два условия: свидетельства чувств и проверка их разумом, который должен пользоваться неограниченной свободой.

Всякую веру в сверхъестественное, в потустороннюю жизнь и потустороннее существо наука относит к числу вредных заблуждений, препятствующих прогрессу. Нематериальных существ нет в мире: вне бытия ничего не существует. «Деизм - человеческая выдумка»¹⁵⁹.

¹⁵³ Dezamy. Code de la Communaute, 219.

¹⁵⁴ Ibid., 101.

¹⁵⁵ Ibid., 421.

¹⁵⁶ В журнале «Le Communautaire» мы находим несколько иную формулировку: вселенная - факт первичный; она беспредельна. Отдельные явления - модусы ее бытия. Вселенной нельзя приписывать разум».

¹⁵⁷ Code de la Communaute, 331.

¹⁵⁸ Ibid., 426-427.

¹⁵⁹ Code de la Communaue, 221-225.

Истина, установленная разумом, должна быть принята полностью. В поисках правды ни перед чем не должно останавливаться. Цель философии и науки - привести людей к счастью¹⁶⁰. Но истина способна оказать на людей глубокое воздействие и запечатлеться в глубине души лишь тогда, когда она дается в полном виде. Постепенность в распространении истины (по частям) опасна. Поверхностное обладание наукой часто делает людей эгоистами. Глубокая ученость призывает к чувствам равенства и братства. Наука создает противовес борьбе частных интересов

Дезами решительно выступает против Кабе, который считает вопросы философии второстепенными и проповедует «вздорную» мысль, что среди них есть такие, которые доступны только ученым и недоступны рабочим. Сложна и непонятна не философия, а философский жаргон, та галиматья, которой подменяют философию софисты и политики. Подлинная философия - наука о вещах, существующих в природе. Это познание необходимо для счастья людей. Философия становится бичом, когда пренебрегают ее распространением среди народных масс¹⁶¹.

Примыкая в своих философских взглядах к французским материалистам XVIII в., Дезами подобно им признает существование в мире единого начала - материи; подобно им он резко осуждает суеверия и предрассудки религии; подобно им он не в состоянии подняться до материалистического понимания общественного развития. «Философия общества» Дезами по своим исходным принципам и по своему методу весьма близка к «философии общества» Дидро и Гольбаха. Дезами убежден в существовании вечных и непреложных законов общественной жизни. Эти законы даны природой и соответствуют естественным свойствам человека¹⁶². Законодатель их лишь открывает и предаёт гласности. Критерий для оценки общественной организации дает «наука о человеке», изучающая его способности, потребности и страсти и открывающая соответствующие им законы общественной организации. Именно эти выводимые из природы человека законы и следует считать основными законами общества. Политические конституции подлежат изменениям, основные законы - неизменны.

Принципами общественной жизни, соответствующими природе, Дезами считает счастье, свободу, равенство, братство, единство и общность.

Счастье - состояние, наиболее соответствующее нашей природе. Оно состоит в свободном всестороннем развитии человека и полном удовлетворении всех его физических, интеллектуальных и моральных потребностей¹⁶³.

Свобода - самый мощный двигатель всякой общественности. Свобода есть возможность осуществления всех естественных стремлений человека (но отнюдь не капризов - оговаривает Дезами). Чем свободнее человек, тем больше процветает государство. Наиболее неограниченная свобода приводит к наиболее совершенному порядку. В нормально организованном обществе свобода служит и благу индивида и благу всей республики. Гарантией против вырождения свободы в эгоизм служат знание и разум, научающие той истине, что личное счастье можно найти лишь в общем счастье, что обеспечить благо себе можно, лишь творя благо другим.

Равенство - необходимое условие гармонии и равновесия. Вне равенства не может быть общественного порядка, в обществе царит раздор¹⁶⁴.

Братство - чувство, соединяющее в едином интересе все желания и способности индивидов. Оно вырастает на почве свободы и равенства и является вместе с тем самой надежной их охраной.

Единство выражается в неразрывной связи и тождестве всех интересов и желаний, в общности всех благ и всех бедствий.

Общность - самый простой и самый совершенный вид ассоциации, безошибочный способ устранения препятствий, стоящих на пути к раскрытию социальных принципов, к осуществлению единства и братства. Она дает удовлетворение всем потребностям, законное развитие всем страстям. Общность соответствует требованиям природы человека, требованиям разума и науки¹⁶⁵. Последовательно гуманистический характер этой системы принципов общественного бытия совершенно бесспорен. Все в ней проникнуто идеей счастья как цели общественной жизни человека, все из нее исходит. Все направлено к осуществлению свободного и всестороннего роста человеческой личности, к созданию подлинно человеческого общественного порядка. Гуманистические традиции просветителей XVIII в. не только были полностью унаследованы Дезами, но и получили в его учении о принципах общества дальнейшее развитие.

¹⁶⁰ Ibid , 83-85.

¹⁶¹ «Le Communautaire», s.d.

¹⁶² Code de la Communaute, 225.

¹⁶³ В своем журнале «L'Egalitaire». 1840, Дезами говорит особо о поном и планомерном развитии способностей человека.

¹⁶⁴ В той же, уже цитированной нами, статье журнала «L'Egalitaire» (1840) Дезами говорит: «Как только исчезает равенство, распадается все общественное здание. Без реального равенства нет ничего устойчивого».

¹⁶⁵ Code de la Communaute, 78-81.

Хотя «вечные и непреложные» законы и соответствуют природе человека, тем не менее, по мнению Дезами, «они забыты» людьми, они не находят применения в реально существующих общественных организациях. Этот отказ общества от естественных законов его бытия имеет своим основным источником невежество и ошибочные суждения людей. Разумно мыслящий человек никогда не станет вредить общим интересам, подобно тому, как орган человеческого тела никогда не станет вредить умышленно другим органам.

Наши предки, утверждает Дезами, вопреки природе, избороздили землю перегородками, установив по своему безумию или по своему невежеству право собственности. Слово «собственность» включает в себе идеи злоупотребления, разделения, монополии, исключительности. Собственность искажает страсти человека, порождает эгоизм, индивидуализм, борьбу, господство одних людей над другими¹⁶⁶. Здоровая мораль с собственностью не совместима. Индивидуальная собственность, говорит Дезами, очевидно имея в виду крупную собственность, есть в своем существе подлинная конфискация большого числа отдельных владений. В своем памфлете «*Calomnies et politiques de m-r Cabet*» Дезами называет собственность фатальным ящиком Пандоры. Резко осуждая Ламенне за то, что он узаконивает, с точки зрения религии, и увековечивает существующий социальный беспорядок, Дезами с особой силой клеймит его за то, что он «обожествляет собственность»¹⁶⁷.

Основными недостатками своей эпохи Дезами считает убийственную анархию индивидуальных интересов, антагонизм классов, эксплуатацию и бесчеловечное угнетение пролетариата. Современная промышленность - кровавая арена боя. Труд не гарантирует от нищеты, рабочий никогда не чувствует уверенности в завтрашнем дне. Общество движется в заколдованном круге неравенства и монополии, ажиотажа и банкротства, порабощения и тирании. В нем все подчинено власти случая. Для взаимоотношений между членами общества характерны разобщенность, отсутствие солидарности между его членами, беспорядок во всех сферах деятельности. Наука современных моралистов и философов бесплодна.

В нашем обществе, говорит Дезами, распределение предметов общественного производства основывается на принципе частной собственности. Этот порядок распределения ведет к вопиющему неравенству. При изобилии предметов потребления, превышающем потребности, часть общества умирает от голода, тогда как другая часть утопает в излишествах. Досуг составляет удел немногих, которые сваливают свою работу на других; на долю прочих остается отягчающий труд. Одни обречены на безделье, а другие питают отвращение к своей непривлекательной, чрезмерно продолжительной и изнурительной работе. При этом люди, занимающиеся самыми необходимыми для общества работами, - земледельцы и ремесленники - несут на себе бремя труда, превышающее естественные границы. Их труд - истинная каторга. Общественная система, основанная на неравенстве и конкуренции и не знающая солидарности, безнравственна. Плодом отвратительной организации общества, симптомом его нездорового состояния является рост неразумных личных интересов, противоречащих общему интересу. Изоляция личных интересов, их отрыв от интереса общества толкает людей к тому, чтобы думать только о себе. Так человек становится рабом эгоистических страстей. Соединение людей с изолированными интересами нельзя считать обществом в настоящем смысле этого слова.

Неравенство состояний - корень всех общественных зол. Тем не менее лишь немногие мужественные новаторы осмеливаются напасть на неравенство. К таким смелым новаторам Дезами причисляет, в первую очередь, Морелли и Гельвеция.

Отмечая недостатки существующего порядка, Дезами пытается иногда показать и динамику его развития. Он неоднократно возвращается к вопросу о пагубных последствиях роста городов и городской бедноты, бегства крестьян из деревни и т.д. Но понять историческую закономерность этого процесса он не в состоянии, и его рассуждения на эту тему носят примитивно-морализующий характер. Рост городов, говорит он, ведет к росту числа бездельников и к связанной с этим «порче нравов». В обществе устанавливается власть денег. Все гонятся за богатством. Роскошь разлагает души людей - и тех, кто обладает богатствами, и тех, кто хочет отнять богатства у их владельцев. Жажда золота - источник всех преступлений.

Не знающая ни сострадания, ни передышки, конкуренция между мелкими торговцами и мелкими ремесленниками ведет к их взаимному истреблению и к человекоубийственному господству монополий.

¹⁶⁶ Code de la Communaute, 455.

¹⁶⁷ Dezamy Th. M.Lamennais. refute par lui-meme. Paris, 1841, 5-6.

Эксплуататоры и распутники, не знающие, куда девать свои богатства, фабрикуют законы воздержания и морали, в то время как трудящиеся довольствуются черным хлебом, смоченным потом и слезами. Ростовщик, шарлатан, игрок блаженствуют; созидающие жизнь земледелец, рабочий, артист, ученый живут в нищете. «Миллионы людей, - цитирует Дезами Рейно, - вереницей отверженных проходят через мир, не узнав его; они следуют шагом Друг за другом, не вступая в разговор, не испытывая никаких радостей, будучи связанными со своими товарищами по беде только привычкой идти по одной и той же дороге, вдыхая одну и ту же пыль»¹⁶⁸. Естественно, что такая жизнь вызывает дух протеста, порождает проклятия современной цивилизации. Современное рабство - сознательно или бессознательно повторяет Дезами французского публициста XVIII в. Ленге¹⁶⁹ - более жестоко, чем рабство прошлых времен; у пролетария менее обеспеченное существование, чем у раба, больше забот о завтрашнем дне.

Подобно Фурье, и под его несомненным влиянием, Дезами особенно резко осуждает торговлю. Это, утверждает он, близнец частной собственности. В торговле преуспевают не талант не честное отношение к делу, а обман и мошенничество. Ажиотаж, к которому ведет торговля, - вторая власть в государстве; он держит под своим влиянием правительства. Торговля - паразитическое тело, разрушающее и промышленность и сельское хозяйство. Вечная грызня между торговцами, их мошеннические махинации ведут к экономическому хаосу. Монополия и антагонизм в торговле одинаково пагубны для жизни общества. Дух меркантилизма, столь ярко проявляющийся в колониальной эксплуатации, полон гнусности, противоречит принципу братства, аморален, эгоистичен. Этот дух - наиболее отвратительная язва существующего строя, достигшего высшей точки своего развития¹⁷⁰.

Общество до сих пор безжалостно расточало труд человека. Яркий образец ненужной растраты человеческого труда представляют такие сооружения, как китайская стена, египетские пирамиды и т.п. В настоящее время, говорит Дезами, человеческий труд растрачивается нецелесообразно массой ненужных посредников и паразитов. К числу паразитов Дезами относит бюрократов-чиновников, откупщиков и множество лиц, занятых в торговле: приказчиков, маклеров, прислугу и т.п. Эти паразиты тормозят и расстраивают движение социальной машины, делают невозможным справедливое распределение. По мнению Дезами, развитию паразитизма содействовало изобретение монеты, явившееся для человечества страшнейшим бичом. Оно потребовало образования множества ненужных должностей - сторожей, жандармов, тюремщиков и палачей.

Для характеристики тяжелого положения рабочих в современном обществе Дезами указывает в качестве яркого примера на условия труда в английских шахтах его времени, где, при широком применении женского и детского труда, не принимается никаких мер к охране жизни и здоровья трудящихся. Эгоизм, алчность и жестокость буржуазии делают осуществление таких мер совершенно невозможным. Буржуа, говорит Дезами, подобно алхимикам делают деньги из всего: из голода и жажды, из тепла и холода, из слез, забот и тревог, из отупения детей, из предсмертной агонии и, наконец, из трупа пролетария. Рабочие живут в жалких лачугах, лишенных света и воздуха. Гигиенические условия жизни невозможно обеспечить рабочим при режиме неравенства, раздробленности и пауперизма в современных гнилых городах и нищих деревнях¹⁷¹.

Переходя к рассмотрению политических порядков современного общества, Дезами решительно отвергает иллюзию буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии. Для дела народа, говорит он, имея в виду, конечно, условия цензовой Июльской монархии, парламентская борьба приносит только вред, отвлекая народ от реальной революционной борьбы¹⁷². Наихудший вид тирании - тирания, имеющая видимость народной власти. Слова о политических правах народа - обман, если эти «права» сочетаются с социальным рабством, если народу отказывают в хлебе и образовании. При социальном неравенстве цепь для эксплуатируемых тем тяжелее, утверждает Дезами, чем шире избирательное право (то есть чем шире круг эксплуататоров). Не является панацеей от социального зла и всеобщее избирательное право. Когда собственник вынужден его допустить, он искажает результаты выборов, покупая голоса, как это делается в Англии, где избиратели разделяются на два лагеря - покупающих и продающих голоса. Избирательное право, говорит Дезами, чаще всего является гнусным обманом, ибо везде есть богатые, которые ценят на деньги свободу своей страны, повсюду есть бедные, которые способны заключать с ними бесчестную сделку. Как мы видим, значение политических прав для дела борьбы за коммунизм Дезами явно недооценивает. Вообще политические преобразования при существующем социальном порядке, по его мнению, бесполезны, они могут

¹⁶⁸ Code de la Communaute, 148.

¹⁶⁹ Ленге - автор книги «Theorie des lois civile», содержащей весьма резкую характеристику положения наемных рабочих.

¹⁷⁰ Code de la Communaute, 184, 193-195.

¹⁷¹ Code de la Communaute, 305-309.

¹⁷² «L'Egalitaire», 1840, N 1.

дать положительные результаты лишь в ходе социальной революции. В соответствии в этом положении Дезами во время революции 1848 г. выдвигал в своем журнале «Droits de l'homme» требования всеобщего прямого и тайного голосования, неограниченной свободы слова и печати.¹⁷³

Нищета и невежество заковывают народы в цепи. Беднота зачастую сама становится опорой своих угнетателей - честолюбцев и тиранов. Надо уничтожить привилегию, цитирует Дезами Гельвеция, обеспечивающую одним наслаждения за счет тяжелого бремени, падающего на других. Эта привилегия - просвещение, когда оно принадлежит немногим. На него все имеют право, но им пользуются только богатые.

Пороки современного общества отражаются на положении наук и искусств. Большинству граждан сокровища наук и искусств недоступны в силу их нищеты и невежества. Восторги буржуазии перед сокровищами искусства лицемерны, они не мешают ей терпеть вокруг себя все безобразие существующего порядка. Люди науки и искусства низкопоклонствуют перед богатством, служат роскоши и деспотизму. Гнев Руссо против наук и искусств понятен, но он несправедлив: Руссо принял за причину беды то, что является ее следствием. Из того, что науки и искусства используются монополизировавшей их аристократией против народа, чтобы заковать его в цепи, вовсе не следует, что этим орудием не должно пользоваться народу. Наоборот, надо постараться поскорее снабдить им народ, - ведь сильные все равно от него не откажутся¹⁷⁴. Науки и искусства освобождают мысль от суеверий и предрассудков, именно они готовят будущее.

Дезами осуждает Руссо не только за то, что он неправильно освещает общественное значение наук и искусств; с еще большей решительностью он осуждает Руссо за то, что он поддерживает в людях религиозные иллюзии. Не надо, говорит Дезами, обращаться к человеку с пустыми утешениями, не надо растрачивать его энергию на пустые обряды. Деизм всегда лишь упрочищает заблуждения народа и оупляет его. Счастье человека здесь, на земле, в пределах досягаемости. Дурные склонности не укрощаются надеждой или страхом перед чем-то смутным и удаленным. Надежда попасть в рай не делает людей филантропами. Им нужна не вера, им нужно просвещение. Религии с их проповедью небесного рая должны быть заменены проповедью создания рая на земле¹⁷⁵. В средние века землю считали временным жилищем, отечество было на небесах. Лишенные света веры, говорит Дезами, мы убеждены, что земля - наша единственная родина, наша религия является полностью земной. Это - мораль, овеянная чарами поэзии¹⁷⁶. Утверждают, что земля - это долина слез. Что же это доказывает? - спрашивает Дезами. Эта земля, такая цветущая, такая плодородная, почему она не сможет стать местопребыванием счастья? Все элементы счастья находятся у нас под руками: красоты природы, дружба, любовь, уважение, прелести общественной жизни, искусства и науки. Разве все это не способно наполнить сердце опьяняющим чувством счастья?

3

Учение Дезами о будущем обществе в основных своих положениях повторяет системы утопистов XVIII в., хотя в нем и чувствуется несомненное влияние более поздних социальных мыслителей. Существующему порочному и противоречащему человеческой природе порядку - порядку, основанному на предрассудках, искажающих чувства и разум человека, Дезами противопоставляет порядок естественный, вытекающий из природы человека, основанный на известных уже нам естественных принципах общественной жизни; его основные законы - неизменные и вечные законы. Установление этого нового порядка создаст положение, говорит Дезами, при котором человек не сможет быть ни испорченным, ни злым. Открытие такого положения, по словам Дезами, потребовало у него длительных размышлений и анализа существующих общественных отношений. Этой связи своего построения с существующими общественными отношениями Дезами придает, по-видимому, большое значение. Предлагаемая система, читаем мы в передовой статье редактируемого им «Альманаха общности», не является теорией, созданной в отрыве от элементов существующего общества¹⁷⁷.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

¹⁷³ «Lamennais, refute par lui meme»; смотри книгу R.Garaudy. Les sources francaises du socialisme scientifique... Paris, 1948, 210.

¹⁷⁴ Code de la Communaute, 362-367, 414.

¹⁷⁵ «Almanach de la Communaute 1843», Paris, X.

¹⁷⁶ Code de la Commimaute, 383-384.

¹⁷⁷ Dezamy Th. Calomnies et politiques de m-r Cabet, Paris, 1842.

Мир, говорит Дезами, повторяя мысль Морелли, - это стол, накрытый для всех. Согласно велениям природы, ее продукты должны быть использованы для удовлетворения потребностей человека. Но производство продуктов требует труда; поэтому все, кто пользуется продуктами, должны участвовать в труде. Общество - солидарное единство, в котором непрерывно совершается взаимный обмен услуг, в котором сочетаются желания и интересы, дарования и усилия всех его членов, это как бы организация взаимного страхования от всех случайностей. Основные принципы такого единства требуют, чтобы земля и ее продукты составляли единое общественное владение. Образцом применения этих принципов Дезами считает описанные Морелли общины дикарей, живущих на берегах Миссисипи в полном согласии с простыми побуждениями человеческой природы. У них, как и в пчелином улье, все общее, все равны, все трудятся соответственно способностям, все пользуются продуктами труда в соответствии с потребностями¹⁷⁸. Общество должно вернуться к вечным законам природы и разума, к социальному равенству и абсолютной общности. В нем не должно быть частной собственности, ничто никому не должно принадлежать, кроме вещей, которыми человек пользуется в данное время¹⁷⁹. Ценности всего общества, составляющие единое владение, должны быть в распоряжении всех.

Дезами признает существование природного неравенства способностей, но считает, что это неравенство не дает права на какие-либо привилегии; задача общества в том, чтобы предотвращать нежелательные последствия природного неравенства. Сочувственно цитируя Леру, Дезами решительно высказывается против сен-симонистского принципа: «от каждого по его способностям, каждому по его делам»; этот принцип, указывает он, является утверждением нового вида неравенства, новой «аристократии способностей»¹⁸⁰. Превосходство в способностях возлагает на человека дополнительные обязанности, не давая ему никаких дополнительных прав.

Только общность способна полностью обеспечить самое священное право человека - право на существование. При порядке общности нравы, воспитание, законы ведут к росту братских чувств среди людей, к взаимопомощи, иногда к героизму. Но общность, - полемизирует Дезами со сторонниками идеалистического, морального обоснования коммунизма, - нельзя основывать на самопожертвовании. Самопожертвование не является свойством нашей природы; в наши дни оно - результат общественного порядка, дитя эксплуатации и отец фанатизма. Если это добродетель, то добродетель рабства. Самопожертвование может служить защитой тирании. Строить на нем общество - все равно что строить пирамиду, начиная с вершины¹⁸¹.

В описании коммунистического общества мы находим у Дезами немало черт, свидетельствующих о его знакомстве с системами утопистов начала XIX в., в особенности с системой Фурье. У коммунистов XVIII в. - у Морелли, у бабувистов - коммунистическое общество изображается как единое централизованное хозяйственное целое. Более мелким хозяйственным единицам они не уделяют большого внимания. У Дезами описание основных хозяйственных ячеек коммунистического общества - «коммун» - занимает главное место, и совершенно ясно, что в этом описании его вдохновляет описание фаланги у Фурье. Коммуны объединяются в провинции, провинции - в республики, республики - во всечеловеческую общность. Городских центров ни в провинциях, ни в республиках не должно быть. Коммуна раз в год дает отчет о состоянии своего хозяйства центральному управлению вышестоящего объединения, которое в случае надобности совершает перераспределение богатств из одной коммуны в другую, наблюдая за тем, чтобы отдельным коммунам было в равной мере обеспечено необходимое изобилие¹⁸². Коммуны братаются одна с другой, помогая друг другу в труде и соединяясь для общих празднеств.

При строе общности исчезает противоположность между городом и деревней: коммуна соединяет в себе преимущества того и другого. Коммуна среднего размера объединяет около 10 тыс. человек. Дезами не дает единообразного плана построения коммуны: оно зависит, по его мнению, от числа жителей, от природы, от климата и т.д. Однако некоторые соображения по этому вопросу он все же высказывает. Так, жилые помещения он считает более целесообразным располагать в центре территории, а пахотные земли, виноградники, луга - на периферии; вокруг жилых домов должны быть разбиты парки, сады, огороды. Коммуна занимается как сельскохозяйственным, так и промышленным трудом; для промышленного производства она организует общие мастерские. Где почва неудобна для сельского хозяйства, большее внимание уделяют ремеслам. Подобно Фурье, Дезами описывает условия жизни в коммуне, восхваляя ее

¹⁷⁸ Code de la Communaute, 84-85.

¹⁷⁹ Ibid., 431.

¹⁸⁰ Ibid., 101.

¹⁸¹ В «L'Egalitaire», 1840, Дезами оценивает значение самопожертвования несколько иначе, считая необходимым положить самопожертвование в основу общественного здания. По-видимому, он находился сначала в этом вопросе под некоторым влиянием утопистов, стоявших на позициях руссоизма, и лишь позже перешел к иной концепции, более соответствовавшей его материалистическому пониманию природы человека.

¹⁸² Code de la Communaute, 431.

восхваляя ее здания, ее общие кухни, общие столовые (залы для трапез). Каждый гражданин, как и в фаланге Фурье, пользуется удобным индивидуальным жилищем (три комнаты, ванная, уборная).

Дезами убежден, что в коммуне силы общества и его благосостояние будут непрерывно расти. Жители коммуны будут в изобилии снабжены всем необходимым, полезным и даже приятным; они будут находить удовольствие и пользу и в своем труде, и в своих развлечениях, и во всех условиях своей жизни (приятная, разнообразная по цвету и покрою одежда, здоровое питание в общественных столовых, комфортабельное жилище). Все предметы потребления подчинены в коммуне не требованиям моды и легкомыслия, но требованиям гигиены и здорового развития человека. Коммуна, однако, отнюдь не устраняет из обихода драгоценности, цветы, духи и т.п.

Как мы уже знаем, Дезами высказывается против сен-симонистской «иерархии способностей», как против нового вида аристократии. Но столь же решительно он высказывается против грубой уравнительности, против математического равенства. Из четырех рассматриваемых им способов распределения и потребления - частная собственность, сен-симонизм, абсолютное равенство и равенство пропорциональное - он признает приемлемым только последнее. Каждый гражданин должен принимать участие в общем труде пропорционально своим силам, своему разуму, своим способностям. Каждый имеет право на продукты общего труда и на пользование общими удовольствиями пропорционально сумме своих потребностей.

В принципиальных вопросах организации труда и распределения Дезами не мог, конечно, пойти за Фурье, не отказавшись от своего коммунизма. Но в конкретной характеристике процесса труда в коммуне Дезами повторяет многое из того, что говорит Фурье об организации труда в фаланге. Труд в коммуне - труд привлекательный. Человек по природе своей существо активное. Труд в коммуне распределяется между ее членами в соответствии с их естественными склонностями и потому не может не давать им удовлетворения. Естественное влечение к труду усиливается удовольствием от работы в больших объединениях, отвращением к одиночеству. К этому присоединяется воздействие воспитания и общественного мнения: привычку к труду люди усваивают с молоком матери, леность встречает общее порицание, хороший труд доставляет общий почет. Наконец, к труду в строе общности влечет человека любовь к равенству и братству, рождающие в его сердце благородный энтузиазм.

Естественное стремление человека к разнообразию находит удовлетворение в системе дробности трудовых процессов и в их частой смене: каждый трудящийся в течение дня переходит от одного вида труда к другому. Единообразный и слишком продолжительный труд в конце концов отупляет человека. Дробный труд упражняет различные способности и дарования человека, укрепляет в нем братские чувства, наносит удар цеховой ограниченности¹⁸³.

Условия труда в коммуне Дезами резко отличаются от условий труда в современном ему обществе. Труд происходит в чистых и удобных мастерских, материалы труда хорошо подготовлены, трудовые процессы значительно упрощены и облегчены машинами, все более подчиняющимися силы природы воле человека, время труда сокращено до 5-6 часов в день. Необходимо особенно подчеркнуть исключительное значение, которое Дезами придает изобретению новых машин и быстрому их распространению при строе общности. Все эти перемены в условиях труда не могут не повышать еще больше его привлекательности.

При строе общности, утверждает Дезами, исчезнет множество ненужных профессий, число рабочих многих других профессий значительно сократится. Очень интересен их список: наряду с духовенством, полицией, сборщиками налогов, юристами, нотариусами, адвокатами, тюремными смотрителями и шпионами мы видим в нем работников кабаре и кафе, наряду с армией и рабочими военных заводов - историков. Особое отвращение проявляет Дезами к работникам суда, этим «насекомым, всюду сеющим ненависть и раздоры». Мало понятно включение в список военных (мы увидим, что войну Дезами считает возможной и при коммунизме). И совсем непонятно, почему из всех отраслей науки гонению подвергается только история.

В результате правильной организации труда, роста его производительности, уничтожения паразитизма расходы общества сократятся на девять десятых, а его продукция возрастет не меньше чем в пять раз. При меньшей продолжительности труда на долю каждого будет приходиться больше продуктов и лучшего качества.

Таким образом, более легкий труд обеспечит гражданам приятную жизнь, без снедающих нас ныне тревог. Сопоставляя, с точки зрения экономии, строй общности со строем индивидуалистическим, Дезами иллюстрирует преимущества строя общности примерами, напоминающими о Фурье: один на всю коммуну большой, хорошо вентилируемый и сухой амбар взамен двух тысяч небольших; один винный погреб, одна кухня вместо двух тысяч и т.п.

¹⁸³ Code de la Communauté, 158-163.

Дезами предвидит обычное для критиков общности возражение: никто не захочет брать на себя грязной и отталкивающей работы. Фурье, как известно, поручает такие работы детям, любящим, по его словам, возиться в грязи. Мор предусматривает возникновение некоей аскетической секты, добровольно посвящающей себя служению обществу в форме выполнения самых неприятных общественных функций. Дезами отвергает эти решения проблемы. Он полагает, что неприятные работы могут распределяться между гражданами в порядке повинности или по жребию и будут тем или иным способом компенсированы (например, более кратким сроком работы). Необходимость для человека неприятных работ будет, по его мнению, постепенно устраняться с успехами механики и химии. В своем стремлении как можно ярче выразить идею привлекательного, радостного труда при системе общности Дезами доходит до того, что приравнивает труд в коммуне к игре, забаве¹⁸⁴.

В строе общности, утверждает Дезами, никакие общественные обязанности не будут принудительными. Гражданин сам будет свободно выбирать себе профессию, брать на себя задачу совершенствовать общество своей деятельностью и своими знаниями сообразно своим вкусам, потребностям и личным дарованиям. Дезами считает, что в гармоническом обществе такая свобода выбора профессий не может быть поводом к раздорам. Все общественные функции равно почетны. Равноценность и равная привлекательность профессий, братские чувства между гражданами будут сильнее индивидуальных капризов. В качестве доказательства возможности такого свободного порядка Дезами ссылается на жизнь пчел, муравьев, бобров и т.д.

В системе общности не может быть граждан, вовсе не трудящихся. Все граждане приступают к физическому труду в возрасте, определяемом наукой - научным пониманием природы человека и его развития; гражданин освобождается от физической работы в соответствии с указаниями той же науки. Дети, больные и слабосильные не принуждаются к труду, который мог бы их чрезмерно утомлять. Дисциплина труда соблюдается по внутреннему влечению, а не в силу какого-либо приказа. Для современного человека это кажется невероятным, говорит Дезами; но о людях будущего нельзя судить по настоящему. После установления порядка общности, после упразднения собственности в сердцах лютей сами собой исчезнут порождаемые собственностью пагубные страсти¹⁸⁵. Общность приведет к гармонизации чувства граждан: под воздействием условий коммунистического порядка эгоистические чувства будут отмирать, а чувства бескорыстные - развиваться.

Все преимущества системы общности найдут яркое выражение в изображаемой Дезами организации сельскохозяйственных работ. При использовании отдельных участков своей территории, говорит Дезами, коммуна будет исходить из свойств почвы, отводя каждый участок под соответствующую почве культуру. Коммуна будет стремиться оздоравливать и украшать свою землю. Она покончит с личными и временными интересами, подобными тем, которые при существующем строе привели к обезлесению юга (имеется в виду, конечно, юг Франции). Сельскохозяйственный труд, как и другие виды труда, будет свободным, осуществляемым не по принуждению, а по простому призыву руководителей. Широкое использование животных и машин облегчит сельскохозяйственный труд и увеличит его привлекательность. В сельском хозяйстве будут широко применяться средства защиты труда от неблагоприятных условий погоды: крытые коляски, непромокаемые шатры с отоплением и вентиляцией и т.п.¹⁸⁶

Изменение условий жизни в будущем обществе неизбежно отразится на организме человека. Общность - «святая общность» («*sainte communauté*»), как называет ее Дезами, - воздействует на природу человека в направлении ее совершенствования. Утроятся его физические силы, возрастет его долголетие, усовершенствуется его интеллект¹⁸⁷.

Как мы уже говорили, изменятся также и моральные качества человека. При коммунизме творить добро - естественно, творить зло - бессмысленно. При коммунизме не будет противоречия между склонностями человека и его обязанностями: сама организация общества обеспечит применение всех способностей и свойств человеческого организма. Установление равенства сделает возможным существование подлинного гармонического общества. Ибо с установлением равенства все поймут, что, только трудясь в интересах общего блага, можно достигнуть личного счастья.

Строй общности сделает доступными для всех достижения наук и искусств. Потребность в знании, интерес к произведениям искусства присущи всем, как всем присущи и способности к наукам и искусствам. Коммунистический порядок прекратит монопольное их использование и будет содействовать их развитию. Общность вовсе не враждебна, добавляет Дезами, правильно понимаемой роскоши, поднимающей силы нашего духа.

¹⁸⁴ Code de la Communauté. 181.

¹⁸⁵ Code de la Communauté, 154-158.

¹⁸⁶ Ibid., 170-177.

¹⁸⁷ Ibid., 210.

Роскошь - зло, если она является делом неразумного собирательства, ее делают злом монополия и частная собственность. Когда благоденствия наук и искусств станут достоянием всех, знание не сможет служить источником привилегий, характерных для режима собственности. При общности люди, конечно, будут ценить преимущества таланта, но ученые не могут образовать касту там, где нет невежества, которое можно эксплуатировать. Люди науки и люди искусства будут также заниматься в той или иной форме промышленным или сельскохозяйственным трудом. Они будут принимать участие в работах первой необходимости, особенно когда коммуна будет их призывать к этому в общественных интересах.

При строе общности умственный и физический труд будут, таким образом, неразрывно связаны. Общество будет заинтересовано в развитии у человека разнообразных способностей и не будет бояться развития естественных потребностей. Никто не будет подавлять научные и художественные дарования. Науки и искусства не будут более пособниками несправедливости и извращенности, они станут средством достижения действительного счастья, действительной цивилизации. Они будут выполнять свое истинное назначение - служить движущей силой общественной активности. В будущем обществе не нужны будут меры, охраняющие от вредного влияния ложных воззрений: щитом от них будет наука¹⁸⁸.

Коммуна является социальным и политическим единством - единством с точки зрения целей и единством с точки зрения управления. Задачей политической организации коммунистического общества является содействие развитию производства, науки и искусства. В государственных органах равных царят гармония и разум: при общности интересов в них не может возникать отношений подчинения. Эта гармония будет служить основой коллективной силы общества, его общего и единого разума. Равные будут составлять как бы единую семью. Все в этой семье будет идти само собою, ибо общественные отношения будут истинным выражением законов природы. «Весы правосудия» не будут там нужны. Законы, регулирующие экономическую жизнь, будут иметь организующий, направляющий характер. Это указание Дезами напоминает идею Сен-Симона о замене в будущем обществе системы господства системой администрации, управления людьми - управлением вещами¹⁸⁹. Но Дезами на этой формуле не останавливается. По его мнению, идея принуждения, в какой бы то ни было форме, чужда природе человека, хотя внезапный отказ общества от всякого принуждения он и не считает возможным. В журнале «Communaute» мы находим утверждение, что в будущем обществе будут вовсе не нужны ни законы, ни правила, что их полностью заменят нравы и принципы. В «Кодексе общности» Дезами заявляет, что во всех основных вопросах жизни и деятельности в коммунистическом обществе приказы уступят место приглашениям. Советам руководителей все будут охотно следовать, ибо они будут соответствовать природным влечениям и воле каждого.

Таким образом, в нормально организованном обществе репрессивные санкции будут, по мнению Дезами, не нужны. Свобода будет служить наивысшей гарантией как интересов индивида, так и интересов общества.

Отрицательное отношение к законам, имеющим принудительную силу, как мы видим, не мешает Дезами признавать необходимость общественной организации направляющей и советующей. Но характер этой общественной организации сделает невозможным возникновение в обществе деспотизма и произвола. Сроки выполнения политических функций будут в нем кратки, и эти функции будут считаться второстепенными. Лица, их выполняющие, будут находиться в двойном подчинении: основному закону и общественному разуму просвещенного народа. Дезами признает, что политическая конституция может влиять на совершенство общественного строя. Хотя иногда у него и проскальзывает мысль, что в обществе равных при строгом соблюдении его основных законов - законов равенства и общности - возможны различные формы правления¹⁹⁰, все же совершенно бесспорно, что наилучшей формой он считает демократию. После установления строя общности, говорит он, в силу закона прогресса унитарная общественная организация вскоре достигнет совершенства, и тогда, естественно, установится «чистая демократия», невозможная при существующем порядке. Эта демократия будущего, основанная на общем труде и общем изобилии, на распространении знаний и общественном воспитании, не будет похожа, утверждает Дезами, на демократии прошлого. Не может быть и речи о том, чтобы при такой демократии какая-либо часть общества кого-либо подавляла или поработала. При установившемся строе общности, при полной гармонии диктатура, по мнению Дезами, немислима, если не говорить о диктатуре природы, разума, науки. Враги общности, говорит Дезами, обвиняют коммунистический строй в деспотизме и тирании. Безумно выдвигать такие обвинения против порядка, который имеет своей единственной целью вести людей к счастью путем самой неограниченной свободы¹⁹¹.

¹⁸⁸ Code de la Communaute, 353-362.

¹⁸⁹ Saint-Simon H. de. Oeuvres choisies Paris, 1859, III, 277-296.

¹⁹⁰ Code de la Communaute, 396.

¹⁹¹ Code de la Communaute, 409-411.

Принципу народного суверенитета Дезами придает лишь относительное значение: вне законов природы не может быть ничего абсолютного. Но при строе общности ум, чувства и интересы каждого, а, следовательно, и общая воля, будут неизбежно приведены к природе, а тем самым - к абсолюту. С точки зрения Дезами, научное доказательство соответствия закона общим интересам имеет гораздо большее значение, чем одобрение его большинством. Народное решение и общая воля - не одно и то же, сочувственно вспоминает Дезами замечание Руссо.

В «парламенте» коммунистического общества будут представители всех наук, всех искусств и всех отраслей промышленности. Женщины будут в нем представлены наравне с мужчинами. «Парламент» будет выполнять одновременно функции политического корпуса и функции академии, школы. Как политический корпус «парламент» будет иметь своей задачей одобрение и опубликование всех успехов, всех открытий, имеющих значение для общества. Общественное управление, связь которого с «парламентом» у Дезами не вполне ясна, будет, с одной стороны, распределять между всеми общественные продукты, с другой - призывать всех людей доброй воли принять участие в тех или иных работах. Каждая коммуна будет иметь свое политическое собрание, призванное направлять деятельность коммуны. Каждая нация будет иметь собрание, предназначенное направлять деятельность нации - национальный конгресс. Наконец, будет создан великий общечеловеческий конгресс, направляющий общие действия народов всего земного шара. Конгрессы - не представительные учреждения, в них нет делегатов от коммун. Функции конгрессов выполняют отдельные коммуны, специально намечаемые ежегодно для этой цели коммунарами, выполняющими эти функции в истекающем году. Выдвигая это своеобразное положение, Дезами исходит из того, что в совершенном обществе граждане каждой коммуны способны принимать общее решение, вырабатывать общие для всех коммун «законы». Законами будут считаться предложения, получившие общее одобрение. Политическая машина будет двигаться как бы сама собою; распространение просвещения придаст политическим истинам такую ясность и бесспорность, что противников их можно будет найти разве лишь в доме умалишенных. Следует отметить, что изображение политического механизма при строе общности не отличается в «Кодексе» четкостью¹⁹².

Дезами убежден, что установление строя общности приведет к большим изменениям в семейных отношениях. Он резко критикует Кабе за идеализацию (в «Икарии») патриархальной семьи со свойственным ей семейным домохозяйством, с властью отца, с подчиненным положением женщины. Кабе, говорит Дезами, сохраняет в Икарии «хлам мелкого хозяйства», щедро наделяя отдельные семьи не только индивидуальными столовыми и салонами, но даже амбарами и мастерскими¹⁹³. Все это, по мнению Дезами, излишне и вредно, поскольку семья при коммунизме не должна иметь никаких хозяйственных функций. С другой стороны, Дезами отвергает восходящую к Платону традицию регламентации половых отношений в интересах общества и человеческого рода. Эта система, говорит он, угрожает разрушить «сладкое чувство любви». В этих вопросах, по мнению Дезами, важно не законодательство, а воспитание, знание, пример. Выражение «общность жен» Дезами считает недопустимым. Слово «общность» может быть прилагательно к вещам и никак не может быть прилагательно к людям. Несмотря на все свое почтение к Фурье, Дезами, по-видимому, не придает серьезного значения изображаемому Фурье формам брака.

Идеал Дезами - свободный союз мужчины и женщины, полное равенство полов, свобода расторжения браков. Необходимость свободы развода он подкрепляет ссылками на авторитет Ликурга. Мора, Кампанеллы, Морелли, Руссо, Гельвеция¹⁹⁴. Причины, извращающие любовь в современном обществе, - это собственность и принуждение. Целительными средствами и здесь являются общность имущества и свобода. Все хотят быть счастливыми; кто же захочет, при общности интересов в системе коммунизма, извращать общественную мораль, соответствующую потребностям и страстям человеческого организма, кто захочет мешать радостям другого человека? Культура и труд помогут обществу бороться с извращениями, если они все же возникнут. Но главный удар духу семейственности нанесет «единый общественный очаг». При существующем порядке домашний очаг имеет известное значение как единственный центр дружбы и любви. Но лишь очень немногие семьи соответствуют этому назначению. При строе общности с исчезновением дробных очагов неизбежно исчезнет и связанная с ними нерасторжимая моногамия.

¹⁹² Несколько более четко, чем у самого Дезами, политическая система будущего общества дана в резюме «Кодекса», составленном Навелем и напечатанном в «Almanach de la Communaute 1843», 37-46.

¹⁹³ Code de la Communaute, 338-339.

¹⁹⁴ Ibid, 251-253.

Родительский очаг, семья неспособны обеспечить детям всестороннее воспитание. А между тем воспитание - краеугольный камень всего общественного здания. Воспитание должно основываться на положениях социальной науки, читаем мы в «Communautaire»¹⁹⁵, оно должно быть универсальным, как эта наука, охватывающим человека полностью. Все от воспитания, говорит Дезами, повторяя Гельвеция, - добро и зло, вера, нравы, привычки. Хорошее воспитание не совместимо с собственностью: общественный порядок налагает на воспитание свою печать. Все выдающиеся умы проповедовали общественное, равное и бесплатное воспитание. Такое воспитание должно быть осуществлено в республике равных, и оно будет служить надежным средством ее укрепления. Дезами подчеркивает, что таких же взглядов на воспитание придерживались и бабувисты. У бабувистов, говорит Дезами, отечество овладевает индивидом с его рождения и не покидает до самой смерти¹⁹⁶.

Организация воспитания в строе общности во многом напоминает учение о воспитании Фурье. Общественное воспитание - трудовое, политехническое воспитание, сочетающее изучение теории с практикой. В коммуне нет касты ученых, теоретики являются одновременно практическими работниками в той или иной отрасли физического труда. Соответственно и в период воспитания общество заботится не только об умственном развитии будущего гражданина, но и о его профессиональном обучении. Имеются школы с разными уклонами, связанные с той или иной профессией. Так как каждый гражданин в обществе равных должен обладать несколькими профессиями, то и в период обучения ученики переходят от одной специальности к другой. Система воспитания свободна от принуждения. Переход с одной ступени образования на другую, высшую, определяется силами и способностями учащихся. Обучение наглядно: в значительной своей части оно происходит в мастерской, в саду, в кухне, в конюшне и т. д. Воспитание организовано так, чтобы дети могли постепенно все больше втягиваться в серьезный промышленный и сельскохозяйственный труд. Воспитание отдельно для мужского и женского пола, причем девушки привлекаются к более легким видам труда. Обучение «взаимно»: в школах строя общности все - учителя, все - ученики (?). Общее, равное, энциклопедическое, производственное воспитание в коммунах призвано развивать силы тела, ума и сердца, укреплять узы братства, внушать любовь к общности соединять все сердца и все умы в чувствах взаимной благожелательности, изгонять из сердец стремление к господству, к привилегиям¹⁹⁷. Воспитание будет выявлять дарования и склонности каждого и будет давать им, в интересах общества, возможно более полное развитие. Равенство образования обеспечит равновесие сил в коммуне, единообразное и ясное понимание истины¹⁹⁸.

4

Участник тайных обществ последнего десятилетия Июльской монархии и клуба Бланки в 1848 г., Дезами принадлежал к революционному крылу утопического коммунизма своего времени. Тайные общества, к которым он примыкал, со всей определенностью высказывались за необходимость «социальной революции». Он сам считал себя продолжателем дела Бабефа и Буонарроти¹⁹⁹. Мы уже знаем, что в деле общественного преобразования он придавал очень большое значение научной теории «общности» и ее распространению среди масс. Именно такую теорию стремился он дать в своем «Кодексе общности». Но задача построения научной теории социальной революции - задача, которую несколько лет спустя гениально разрешил Маркс, была не под силу Дезами. Его представления о путях общественного преобразования противоречивы и лишены подлинно научной, материалистической основы.

Взгляды Дезами на процесс развития общества, как и взгляды его учителей-материалистов XVIII в., имеют своей основой рационалистическое понимание общественных отношений. Как мы уже знаем, согласно его учению, существующий порочный порядок - результат заблуждения, суеверий, религиозных предрассудков. Он убежден, что здание предрассудков уже обветшало. Чтобы нанести ему окончательный удар, чтобы привести людей к братству, надо, по мнению Дезами, религии и невежеству противопоставить просвещение, надо дать в руки народа орудие знания²⁰⁰.

¹⁹⁵ Ibid., 261-264.

¹⁹⁶ Code de la Communauté, 270-276.

¹⁹⁷ Code de la Communauté, 281-291, 435-436.

¹⁹⁸ Ibid., 420.

¹⁹⁹ См., например, «L'Egalitaire», 1840, N 1.

²⁰⁰ Code de la Communauté, 365.

Но Дезами - не только верный ученик рационалистов, он в то же время реалистический и вдумчивый наблюдатель. Он понимает, что общество разделено на классы. Он без всяких оговорок цитирует статью Рейно из «Encyclopedic nouvelle»:

«Я утверждаю, что народ состоит из двух классов, различных по условиям жизни и по интересам: пролетариев и буржуа»²⁰¹.

Дезами видит, что недовольство неравенством растет. Он чувствует приближение бури, чувствует необходимость срочного разрешения проблемы социального переустройства. И он не может не понимать, что недовольство существующим неравенством вызывает «интеллектуальное кипение» не в среде правящих, а в народных массах²⁰², что истинные друзья равенства - бедные, пролетарии²⁰³. Поэтому, говоря о необходимости широкой пропаганды истины, он призывает обращаться с нею именно к пролетариям²⁰⁴. С пролетариатом связывает он, в первую очередь, свои надежды на будущее. Но, не обладая материалистическим пониманием истории, Дезами не в состоянии удержаться на этой классовой позиции и соскальзывает иногда с нее на позицию чисто идеалистическую. Так, он заявляет, что для разрешения социальной проблемы нужно содействие всех «людей доброй воли»; так, он призывает проповедовать богатым и бедным общность их интересов²⁰⁵. Таким образом, он как будто считает необходимым участие буржуазии в деле осуществления принципа общности. Не народ должен стать буржуазией, говорит он, имея, очевидно, в виду лозунг Июльской монархии «enrichissez vous!» («обогащайтесь!»), но буржуазия должна стать народом.

Следует указать, что слово «пролетариат» у Дезами, как и у других утопистов первой половины XIX в. (например, у Бланки), очень близко к понятиям «народ», «беднота». Опираясь и в этом вопросе на авторитет Рейно, Дезами относит к пролетариату, с одной стороны рабочих, которые производят все богатства нации и которые обладают только поденной платой за свой труд, с другой стороны - неисчислимое население деревень, которое обрабатывает поля и виноградники, не получая в свою пользу их урожая.

В понимании классового деления общества Дезами исходит не из места, занимаемого тем или иным классом в производстве, но из их доходов¹. Мы называем, - говорит он, - пролетарием гражданина, который не имеет никаких доходов, или такого, которому его доходы не обеспечивают даже необходимого. 2. Мы называем мелким собственником гражданина, которому его доходы обеспечивают необходимое. 3. Мы называем крупным собственником, капиталистом, богатым, буржуа гражданина, доход которого превышает разумные потребности»²⁰⁶. Пролетарии составляют, продолжает Дезами, подавляющее большинство нации. Это - двадцать два миллиона некультурных, заброшенных, несчастных людей, вынужденных поддерживать свое существование на шесть су в день²⁰⁷. Нечего удивляться, говорит Дезами, что эти несчастные, побуждаемые нуждой и отчаянием, с яростью потрясают своими тяжелыми цепями и восклицают грозным голосом: «жить работая - или умереть в бою».

Люди, владеющие сейчас властью и богатством, говорит Дезами, уступят их лишь под давлением силы «социальной организации народа»²⁰⁸. По-видимому, под «социальной организацией народа» Дезами понимает организацию «пролетариата» (конечно, в характерном для него, весьма неопределенном смысле этого слова). Необходимо, говорит он, найти общую платформу, на которой пролетариат мог бы объединиться, необходимо выковать его собственное единство, чтобы он мог в соответственный момент выступить как сила, с которой считаются. Пролетарии! - восклицает Дезами,- народы для своего освобождения имеют иногда один час в столетие. Когда этот час придет, остерегайтесь упустить его в ссорах между собою²⁰⁹. Мы уже знаем, что Дезами высоко оценивает общественное значение философии и считает весьма важным распространение ее среди народных масс. Единство философской доктрины является для него необходимым условием единства «пролетарской» организации. Всякое нарушение единства доктрины он считает поэтому опасным для дела народа.

²⁰¹ «Almanach de la Communaute 1843», 69.

²⁰² Code de la Communaute, 75.

²⁰³ Ibid., 402-403.

²⁰⁴ Ibid., 216: «изливайте, изливайте истину на голову пролетария».

²⁰⁵ Ibid., 71-76.

²⁰⁶ «Almanach de la Communaute, 1843», 79.

²⁰⁷ Ibid., 69-71. Интересно, что в примечании к этому месту Дезами прибавляет к указанным двум составным частям пролетариата третью - мелких собственников, имеющих ничтожный доход (17-18 франков).

²⁰⁸ Code de la Communaute, 414.

²⁰⁹ Ibid., 417.

Так Дезами приводит своих читателей к мысли (хотя и выраженной не очень отчетливо) о необходимости самостоятельной политической организации «пролетариата». Если бы пролетарии примкнули к одной из существующих политических «когорт», хотя бы то были радикалы, это доказывало бы, что они плохо понимают свои истинные интересы. Партию, вокруг которой должны объединиться пролетарии, Дезами называет «народной партией». Под этим названием скрывается, по-видимому, не одна политическая организация, а ряд политических обществ, последовательно сменявших друг друга в 30-х и 40-х годах. Народная партия, говорит Дезами, неуверенная и малочисленная, подвергавшаяся стольким гонениям, распыленная и считавшаяся уничтоженной, - эта народная партия пробудилась, полная сил и жизни. Ей достаточно было прикоснуться к земле действительного равенства, чтобы восстановить свои силы, сегодня она сильнее, чем когда-либо. В ее руках судьба будущего, ибо она несет действительное исцеление страданий человечества.²¹⁰

Для искоренения зла существующих социальных отношений, для «обращения угнетателей к братству» необходимо противопоставить несправедливости упорное сопротивление, говорит Дезами; чтобы народ пошел вперед, надо пробить брешь в системе существующих привилегий²¹¹. Вряд ли эти выражения можно понимать в смысле мирных преобразований. Основной тон «Кодекса общности», как и других произведений Дезами периода 1840-1843 годов, - тон революционный. Дезами избегает, - надо думать из соображений цензурных, - прямо и подробно говорить о необходимости насильственного переворота. Иногда он даже как будто намечает меры предупреждения этой «опасности». Наш голос, говорит он, предостерегает людей, уснувших на краю бездны²¹². Проповедь общности интересов богатых и бедных он рекомендует как лучший способ «спасти мир от кровавой революции»²¹³. Он призывает богатых уступками закрыть пучину революции, дав бедным место на жизненном пиру рядом с собою. Он заявляет, что осуществление его системы не требует «кровавой катастрофы»²¹⁴. Но все эти предупреждения носят, по-видимому, чисто риторический характер. Идея революции как необходимого пути общественного преобразования занимает прочное место в построениях Дезами. Принцип общности он называет революционным девизом; революционные вспышки, происходящие иногда в больших городах, которые часто бывали очагами революции, могут быть, по его мнению, использованы для дела свободы, если движением сумеют овладеть разумные люди (по-видимому, та же «народная партия», о которой шла речь выше). О периоде перехода к новому порядку он говорит как о революционном периоде, в течение которого молодежь привыкнет к жизни в военных лагерях, - совершенно очевидно, что при этом имеется в виду участие молодежи в гражданской войне²¹⁵. Подобных положений можно найти немало как в «Кодексе общности», так и в других произведениях Дезами. Обычно в качестве силы, творящей революцию, мы видим у Дезами народ; но почти столь же часто он дает этой силе более определенное наименование: революцию делает пролетариат²¹⁶. Самое существенное, однако, не в этих отдельных фразах, а в том месте, которое занимает революция в рисуемой Дезами перспективе преобразования: без революции весь изображаемый им план преобразования становится совершенно невозможным.

Дезами относится с уважением к деятелям 1793 г. Они создали политическое единство страны. Но они не решили основной проблемы будущего - не сумели обеспечить единство социальное. Для этого надо было открыто поднять знамя коммунизма. Но деятели революции не дошли до ясного понимания значения общности как надежного орудия в борьбе против их врагов. Поэтому они не сумели вырвать самые опасные корни древа феодализма и монополии, не смогли опереться на подлинную демократию. В конституции 1793 г. догма равенства не нашла должного отражения. В результате все усилия пролетариата и «пуританской» части Конвента были парализованы. Революция была приостановлена «термидорианским топором». Если бы революционеры того времени провели надлежащие мероприятия в духе общности (а это инстинктивно делал народ), революция имела бы иной исход²¹⁷.

Если народ сейчас усыплен рабством, не следует отчаиваться: его сон - сон льва. Он однажды проснется, гордый и страшный, - и горе тому, кто попытается его остановить²¹⁸. В победе восставшего народа Дезами не сомневается. Стихийные движения народных масс служат, по его мнению, доказательством роста новой силы, которая стремится уравновесить силу закона и против которой закон ничего не может сделать. Ближится, утверждает он, реальная эмансипация

²¹⁰ Code de la Communaute, 243-244.

²¹¹ Ibid, 383-384, 414.

²¹² Ibid, 449.

²¹³ Ibid, 88.

²¹⁴ «Almanach de la Communaute», 7.

²¹⁵ Code de la Communaute, 81, 115, 301.

²¹⁶ Code de la Communaute, 413.

²¹⁷ Ibid, 368, 392.

²¹⁸ Ibid, 367-368.

реальная эмансипация «пролетарских классов»²¹⁹. Заслуживает внимания, что в своем изображении процесса подготовки социальной революции Дезами почти ничего не говорит о роли тайных обществ и о возможности осуществления переворота путем заговора. По-видимому, опыт восстания 1839 г. внушил ему скептическое отношение к заговорщическим методам борьбы.

Дезами ясно видит те опасности, которые ожидают народ после революции. В своих действиях, направленных на осуществление принципов равенства и братства, революционеры должны будут сочетать осторожность с быстротой и смелостью. Их лозунгом должно быть: ничего не откладывать, очень немного предоставлять случаю. Хотя, как мы видели, Дезами считает, что после окончательной победы общности о диктатуре не может быть и речи, для переходного периода он, примыкая к якобинской традиции и солидаризируясь с бабувистами, признает революционную диктатуру неизбежной²²⁰. Подчеркнем, однако, что мысль о классовой, пролетарской диктатуре Дезами совершенно чужда.

Дезами осуждает полумеры, предлагаемые Кабе в «Икарии»: сохранение на 50 лет прав собственников на их имущество, отказ от обязательного труда и т.д. Пока не исчезнут последние следы привилегий, народ может бояться их возврата, а его уверенность необходима для успеха преобразования. С другой стороны, аристократы будут неизменно злобствовать, и медлительность будет лишь поддерживать их ненависть к новому порядку. Сохранение за ними собственности обязательно толкнет их к тому, чтобы использовать ее против народа путем организации всякого рода козней и спекуляций. Система террора как средство борьбы против врагов революции, по мнению Дезами, не только бесполезна, но и вредна. Она лишь плодит новых врагов, оставляя в их руках самое опасное оружие: собственность и деньги.

Нужна одновременная экспроприация собственности и денег - этого нерва тирании. Нельзя называть гуманностью и великодушием, если народ, победив и обезоружив отчаявшегося врага, тотчас вернет ему в руки смертоносное оружие. Это не гуманность, а безумие. Нельзя говорить, что экспроприация - насилие и гнет. Мы не должны допустить, чтобы на народ вновь надели оковы. Когда строй общности окончательно установится, он будет более терпимым и великодушным, чем любая другая система. Коммунистическому обществу будет чуждо всякое насилие. Но народ никому не оставит опасной монополии богатства²²¹.

«На следующий день» после социальной революции временное революционное правительство должно будет принять ряд переходных мероприятий, которые должны дать непосредственное удовлетворение наиболее вопиющих нужд народа. К числу таких мероприятий относятся: концентрация в общественных магазинах всех богатств, братское, равное распределение продуктов, использование запасов мебели и одежды (Дезами убежден, что этих запасов хватит на десять лет), перераспределение жилищ. Совершенно ясно, что в этих своих проектах Дезами следует традициям бабувизма. Возрадуйтесь, несчастные пролетарии, - восклицает Дезами, - покиньте ваши лачуги и конуры: есть достаточно здоровых и комфортабельных жилищ, ими нужно лишь правильно воспользоваться²²².

Эти меры, по мнению Дезами, привлекут к революционному правительству сердца всех мелких землевладельцев, всех мелких собственников. Энтузиазм к делу общности воодушевит несчастных, а они составляют девять десятых населения. Они скорее умрут, чем покинут это дело. Поколение, воспитанное после установления строя общности, будет ему всецело предано. Даже экспроприированные прервут состояние самоизоляции, чтобы занять место на «братском пиршестве».

При строе общности, говорит Дезами, «все люди будут жить, как братья, независимо от цвета кожи, расы, страны»²²³. Братство народов не должно знать границ; коммунизм - лучшее средство их объединения, лучшее средство преодоления узкого национализма²²⁴. Конечную цель развития человечества Дезами видит в международном торжестве коммунизма. Он мечтает о времени, когда падут все барьеры между нациями, когда все народы сольются в единый народ. Он предполагает, что у этого единого народа будет единый язык, в основу которого будет положен язык латинский. Победа коммунизма в одной стране - лишь начало. Дезами убежден, что после этой первой победы в течение нескольких лет может произойти полное освобождение всех народов.

²¹⁹ «L'Egalitaire», 1840, N 1.

²²⁰ «L'Egalitaire», 1840. См. выше вторую главу второй части настоящей книги.

²²¹ Code de la Communauté, 472-474.

²²² Code de la Communauté, 460-461.

²²³ Ibid., 431.

²²⁴ Ibid., 464-467.

Первому коммунистическому обществу, по мнению Дезами, нечего бояться того, что деспоты составят против него «священный союз». При его огромных ресурсах ему нетрудно будет сокрушить эту реакционную лигу. На этот период возможной борьбы с деспотическими государствами Дезами считает необходимым сохранение революционным государством вооруженных сил. Подобно Буонарроти он полагает, что эта армия может сыграть большую роль в деле окончательной победы строя общности. В случае крайности, - говорит он, - коммунистическое государство пошлет за границу 300-400 тыс. бойцов, и меньше чем через десять лет войны эта армия добьется общего освобождения народов²²⁵.

Полное торжество коммунизма будет сопровождаться большими общими хозяйственными работами, которые осуществляют промышленные армии. Оно не только приведет к расцвету наук и искусств, но и вызовет значительное улучшение климата. Преобразование социального строя не может не отразиться как на человеке, так и на внешнем мире. Не подлежит сомнению, что эта идея исправления климата, как и идея промышленных армий, унаследована Дезами от Фурье.

После окончательного установления строя общности «производительные армии», по мнению Дезами, полностью заменят армии разрушения. Дезами называет промышленные армии одним из прекраснейших результатов системы общности. Промышленные армии будут распространять свою деятельность на весь земной шар, возделывая, оплодотворяя и украшая землю, производя, как бы по волшебству, грандиозные работы, о которых в настоящее время нельзя даже и мечтать. Они будут осушать болота, орошать пустыни, проводить каналы, регулировать течение рек.

Организация промышленных армий имеет в концепции Дезами не только большое экономическое значение, - не менее важны моральные результаты их деятельности. Молодежь, говорит Дезами, всегда стремится к большим делам. В XVIII в. ее привлекал Новый Свет; сейчас он утратил свою притягательную силу. При строе общности эти стремления молодежи будут отчасти находить свое удовлетворение в путешествиях, которые сыграют большую культурную роль, служа как бы цементом, скрепляющим здание общности. Они будут содействовать общению людей разных стран, сокрушению барьеров, отделяющих одну страну от другой, распространению по всей земле принципов общности. Но несравненно большее значение в этом процессе объединения будет иметь совместное участие представителей разных стран в больших общих работах, осуществляемых промышленными армиями. Работа в промышленных армиях будет привлекать молодежь больше, чем обычная работа в коммуне. Труд будет перемежаться там с празднествами, театральными представлениями. Молодежь будут соблазнять переезды из одной страны в другую, братание с жителями новых и новых мест, освоение для культуры новых и новых частей нашей планеты. Деятельность промышленных армий, сопровождаемая повсеместным распространением наук и искусств, в краткий срок привлечет к цивилизации 600 миллионов варваров и завершит тем самым объединение всего человечества на основе принципов равенства и братства.

5

Таковы были основные положения доктрины Дезами, если судить по его выступлениям и произведениям 1840-1843 годов. Представление о Дезами было бы неполным, если бы мы оставили без рассмотрения работы Дезами второй половины сороковых годов. Мы уже упоминали, что в 1846 г. Дезами выпустил в свет книгу под заглавием: «Организация свободы и всеобщего благосостояния»²²⁶. Содержание этой книги столь далеко от принципов коммунистической системы, изложенной в «Кодексе общности», что, сопоставляя их, трудно поверить, что обе книги принадлежат одному автору.

Основными свойствами человеческой природы, - пишет Дезами в «Организации свободы», - являются любовь к благосостоянию и стремление к свободе. Из-за обладания этими благами люди ведут постоянную борьбу, на почве которой вырастают их пороки и преступления. Для обеспечения счастья людей, их мира и братства необходимо согласование их интересов. Люди теоретически признают значение порядка и морального закона, но на практике, не зная истинных причин зла и средств его устранения, они приходят к различному пониманию своих интересов и ведут из-за этого друг с другом ожесточенную борьбу. Дезами осуждает тех, кто считает создавшееся в обществе положение безвыходным. Этот скептицизм крайне вреден; не веря в возможность выхода, люди отдаются своим эгоистическим побуждениям и тем усугубляют царящее зло. На самом деле зло устранимо. Эгоистические устремления людей порождены их невежеством, ложным пониманием людьми их интересов.

²²⁵ Ibid., 475.

²²⁶ Dezamy Th. Organisation de la liberte et du bien-etre universel. Paris, 1846.

Те, кто знает огромные выгоды справедливого порядка, никогда, не смогут отдаться эгоистическим страстям. Некоторые люди уже поняли, каков должен быть этот порядок, но не говорят об этом, боясь навлечь на себя вражду тех, кому общественное зло полезно. Некоторые односторонние проекты действительно могли кое-кого напугать. Нужно не это, нужна справедливая система, которая объединила бы все интересы. Такой согласующей все интересы системой Дезами считает предлагаемую им систему учреждений «кредита и солидарности»²²⁷.

Проект общественного преобразования, предлагаемый Дезами, предусматривает создание общественных банков, служащих интересам различных групп населения. Это - Земледельческий банк, Банк сельского хозяйства и индустрии, Банк труда. Совершенно ясно, что осуществление проекта не предусматривает устранения классовой структуры общества. Наоборот, и землевладельцы, и промышленники, по мнению Дезами, от осуществления его плана только выиграют. Более дешевый и надежный общественный кредит освободит их от ростовщиков, от угрозы кризисов и волнений, и тем самым упрочит их положение²²⁸. С другой стороны, Дезами склонен верить, - и пытается убедить в этом читателя, - что новые кредитные установления освободят рабочих от наемного рабства, от salariата. Банк труда, говорит он, имеет целью материальное и моральное освобождение тех, кто обладает только своими руками, - пролетариев. Они будут получать через банк необходимые им сырье, орудия производства и средства существования. Обеспечением оказываемого кредита должны служить изготовляемые рабочими продукты. Через банк рабочие будут реализовать произведенные ими предметы по их реальной себестоимости. За счет этой операции и будет происходить погашение полученного ими кредита. Кредит будет оказываться всем трудящимся, за исключением недобросовестных и неспособных²²⁹.

Приведенный план, говорит Дезами, не может вызвать никакой дезорганизации в обществе. Только банкиры и ростовщики могут считать себя затронутыми. Если эта система не устраним сразу всех зол, то она, во всяком случае, значительно облегчит положение трудящихся²³⁰. Без революций и потрясений эта система покончит немедленно с состоянием нищеты и угнетения большинства людей. Дезами предполагает, что его план должен быть осуществлен государством, по-видимому, преобразованным на демократических началах (Дезами говорит о политической эмансипации пролетариата). Но если государство этого не сделает, то достаточно было бы, чтобы для целей организации кредита объединили свои средства несколько крупных собственников. Достаточно организовать несколько образцовых банков, чтобы они быстро распространились по всему цивилизованному миру²³¹. Интересно отметить, что Дезами именует свой план системой гарантизма, тем самым раскрывая его родственную связь с фурьеризмом, школу которого он в свое время прошел.

План кредитной реформы Дезами является образцом мелкобуржуазной утопии, тщетно измышляющей средства для устранения эксплуатации (салиариата) без всякого потрясения основ капиталистического общества. Следует подчеркнуть, что термин «пролетариат» и в этом плане, как и в более ранних работах Дезами, имеет не вполне определенное значение, что операции Банка труда могут иметь своим результатом, в лучшем случае, превращение наемного рабочего в самостоятельного товаропроизводителя, что в этой связи Дезами не упоминает даже о возможности их объединения в рабочие ассоциации, идея которых усиленно пропагандировалась в эти годы Бюше, Луи Бланом и многими Другими писателями-социалистами. К какой бы цели ни мечтал Дезами привести человечество посредством своего кредитного плана,- к коммунистическому порядку этот план, во всяком случае, привести не мог.

Мало правдоподобно, чтобы сам Дезами этого не понимал. Гораздо более вероятно, что к 1846 году он утратил былую веру в те принципы коммунизма, которые он защищал в своем «кодексе». В пользу этого предположения говорит весьма неопределенный характер того журнала, который он пытался издавать после революции 1848 года. В первом номере этого журнала он заявлял, что полезные идеи есть и у коммунистов, и у социалистов, и у защитников организации труда. Он призывал сторонников всех этих направлений к объединению во имя общей цели. Он одобрял тех коммунистов, которые отказываются от насильственных способов осуществления своих идей и ждут их торжества от убеждения и свободной ассоциации²³². Во втором номере своего журнала Дезами воспроизвел почти полностью текст своего проекта организации Банка труда.

²²⁷ Organisation de la liberte, I-V.

²²⁸ Organisation de la liberte, III, 31-

²²⁹ Ibid., VIII-IX, 66.

²³⁰ Ibid., X.

²³¹ Ibid., X, 24-25, 113.

²³² «Les Droits de l'Homme». Paris, 1848, N 1.

Отход Дезами от революционно-коммунистических позиций, которые он занимал в начале 40-х годов, не был, по-видимому, ни временным, ни случайным. Но это не умаляет значения для истории утопического коммунизма тех его произведений, которые были написаны в 1840-1843 годах и о которых мы говорили выше. Книги этого периода, в особенности «Кодекс общности», при всех идейных колебаниях Дезами, несравненно богаче оригинальными мыслями, чем произведения более известного его современника и противника - Кабе. В начале сороковых годов Дезами был, несомненно, крупнейшим теоретиком утопического коммунизма.

Дезами выгодно отличается от большинства утопистов своего времени последовательной защитой материалистического понимания мира и природы человека. Это дало основание некоторым историкам социализма называть его «материалистическим коммунистом»²³³. Но материализм, который положил Дезами в основу своей теории, - «метафизический материализм» XVIII в.

В понимании общественного развития он не мог подняться над идеализмом. Мы видели, как много в «Кодексе» наивно-рационалистических черт, как далек Дезами от материалистического понимания происхождения «общественных зол» и грядущего социального преобразования на началах общности.

Дезами, несомненно, склонялся к насильственным методам общественного преобразования, как бы ни были неудачны (для понимания его подлинных взглядов) отдельные его выражения. Он ждал «исцеления» общества от народного восстания. Он считал необходимым для установления нового порядка создание сильной власти, способной провести революционные преобразования: экспроприацию богатых и подавление их сопротивления. Но материальные, экономические условия возможности и необходимости социальной революции Дезами полностью игнорировал, ограничиваясь чисто рационалистическим указанием на ее идейные предпосылки - на торжество идей коммунизма в общественном мнении.

Совершенно естественно, что Дезами, свидетель и наблюдатель процесса роста классового самосознания пролетариата, считает пролетариат основной силой грядущей революции, называя ее даже иногда «революцией пролетариата». Но и в этом важнейшем вопросе теория Дезами не отличается четкостью. Лишенный орудия материалистической диалектики, он не вскрывает ни причин возникновения пролетариата, ни причин роста его общественного значения, ни неизбежности его будущей победы.

Дезами понимал, что для успеха революционного движения нужна «система», нужны «принципы». Но создать подлинно научную революционную теорию было невозможно, исходя из рационализма и механистического материализма. Система Дезами оказалась столь же утопической, как и системы других социальных мыслителей его времени.

Маркс хорошо знал произведения Дезами первого периода его деятельности. На принадлежавших Марксу экземплярах книг Дезами имеются его многочисленные пометки. В «Святом семействе» Маркс дал Дезами весьма высокую оценку. Дезами, - писал Маркс, - развивал «...учение материализма, как учение реального гуманизма и как логическую основу коммунизма»²³⁴.

VI. ПИЙО

Среди пропагандистов идей утопического коммунизма во Франции 40-х годов XIX в. заметное место занимал Жан-Жак Пийо (родился в 1808 г., год смерти неизвестен). Пийо готовился к духовному званию, но в 30-х годах порвал с католицизмом. Его революционная и литературная деятельность началась в 1838 г. В 1839 г. Пийо издавал журнал «La Tribune du Peuple». В том же году он был привлечен к суду за участие в майском заговоре «Общества времен года». В 1840 г. мы видим Пийо среди организаторов и участников коммунистического банкета в Бельвиле. 1840-1841 годы были годами наиболее интенсивной пропагандистской деятельности Пийо. В 1840 г. он издал обратившую на себя внимание книгу «Ni chateaux, ni chaumières». За ней последовала «Historic des Egaux». Приговоренный к шести месяцам тюремного заключения по делу Кениссе, покушавшегося на Луи-Филиппа, Пийо в тюрьме написал брошюру «La communaute nest plus une utopie» (1841). В революции 1848 г. Пийо большой роли не играл, хотя и председательствовал в одном из революционных клубов. Проведя при Второй империи несколько лет в эмиграции, Пийо по возвращении в Париж принимал участие в революционном движении, был членом Парижской коммуны 1871 г. В 1872 г. за участие в Коммуне был приговорен к пожизненной каторге.

²³³ Malon B. Histoire du socialisme. Paris, 1882-1884, II, 153; Garaudy R. Les sources francaises..., 190.

²³⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.II, II изд., 146.

В своем журнале 1839 года Пийо выступает как решительный противник деспотизма и освящающей его религии, как ученик и последователь великих просветителей XVIII в. Он глубоко чтит имена Вольтера, Руссо и Дидро²³⁵. Значительную часть журнала Пийо отводит выдержкам из работ просветителей младшего поколения: Вольнея («Руины») и Дюпюи («Происхождение культов»). Пийо, как и его учителя, считает невежество и деспотизм основными причинами царящего в обществе зла. Наша цель, говорит он, борьба с деспотизмом, как с самой пагубной язвой человеческого общества, борьба с неотделимыми от деспотизма, невежеством и фанатизмом²³⁶. Деспотизм поощряет разделение общества на касты и неравенство состояний, господствующий в обществе дух индивидуализма. Пийо полагает, что, выступая против деспотизма и фанатизма, он защищает интересы народа, иными словами - интересы бедных. Моя руководящая идея, говорит он, любовь к народу и к истине. Враги народа - те, кто богат и счастлив. Они грабят народ, отнимают плоды его труда. Они ставят всяческие препятствия просвещению народа, видя в нем опасность для существующего строя. Народу надо узнать, что его ожидает, надо понять, где его истинные друзья. Пийо призывает народ прислушаться к его голосу, потому что он сам беден. Пийо утверждает, что мог бы снискать себе благосклонность богатых, которые охотно оказали бы ее за счет бедных. Но он предпочел пойти к бедным, чтобы помочь им постичь всю полноту их прав и сбросить тяготеющее над ними иго эксплуатации и угнетения²³⁷.

Все религиозные сказки, утверждает Пийо, опираясь на Дюпюи, - злонамеренная ложь. Они служат основанием политической и социальной тирании. Все культы и церемонии при всем их разнообразии имеют одну цель - исказить и затемнить принципы вечной истины²³⁸. Чтобы открыть эти принципы, человек должен свободно пользоваться своим разумом - орудием, которое дано ему для этой цели божеством²³⁹.

Христианская религия, по мнению Пийо, тесно связана в своем генезисе с религиями, ей предшествовавшими. Языческие культы находят свое дальнейшее развитие в культе христианском. Во времена античности человечество достигло известного уровня цивилизации. Восторжествовавшее в форме католицизма христианство погрузило Европу во мрак невежества и варварства, длившихся 14 столетий. Это были века феодализма, века господства священников и знати. Духовенство по самому своему существу принадлежит к эксплуататорам. Процессу освобождения человеческого разума содействовала, по мнению Пийо, Реформация. Этот процесс нашел свое завершение в XVIII в. Философы XVIII в. были подлинными борцами против невежества и деспотизма; «они много сделали для искоренения привычного уважения народа к традициям, для подготовки грядущей победы революции»²⁴⁰.

Революция 1789 г. была, утверждает Пийо, совершенно необходима: зло надо было вырвать с корнем. Доверять тиранам и надеяться на их обещания - преступно; их необходимо устранить от власти решительно и полностью. Это подтверждается всем поведением Людовика XVI во время революции. Он неоднократно пытался вновь захватить в свои руки власть, несмотря на свои уверения в любви к свободе Франции. Он организовал вероломный заговор против своего отечества, пытаясь предать его эмигрантам и иностранцам. Этого одного преступления было достаточно, говорит Пийо, чтобы опустить меч правосудия на голову предателя²⁴¹. Многие полагают, что революция завершилась. Но народ по-прежнему страдает от голода, он по-прежнему угнетен. Миллионы сердец требуют хлеба и призывают к мести. Революция продолжается, и она неизбежно победит²⁴².

Не подлежит сомнению, что все симпатии Пийо на стороне республики. Он превозносит Вольнея как последовательного и стойкого республиканца. Он выражает свое возмущение реакционной пропагандой, изображающей республиканцев злодеями и кровопийцами, искажающей подлинный облик борцов революции²⁴³. Иногда Пийо прямо объявляет себя республиканцем.

²³⁵ «La Tribune du Peuple», 1839, N 1.

²³⁶ «La Tribune du Peuple», N 1, VI.

²³⁷ Ibid., II-III.

²³⁸ Ibid., N 2, 174, 178-179.

²³⁹ Ibid, N 1, VI, 27.

²⁴⁰ «La Tribune du Peuple», 27; ibid., N 2, 173-174.

²⁴¹ Ibid., N 2, 176-177.

²⁴² Ibid., 175.

²⁴³ Ibid., N 1, 26.

Журнал Пийо пропитан настроением глубокой вражды к существующему социальному и политическому порядку. Здесь многое предвещает в его авторе будущего борца за коммунизм. Клеймя строй неравенства и эксплуатации, Пийо противопоставляет ему строй, основанный на равенстве²⁴⁴. Трудящийся, утверждает он, ссылаясь при этом на Вольнея, имеет больше права на владение, чем праздный, который только потребляет. Это право трудящегося - естественное право²⁴⁵. «Мы хотим, - заявляет Пийо в другом месте, - чтобы плоды труда принадлежали трудящемуся»²⁴⁶. Но как должно быть организовано общество, чтобы обеспечить права трудящихся, Пийо не указывал. По-видимому, он еще не вполне освободился от мелкобуржуазных представлений о возможности устранения общественных бед путем увеличения числа владеющих. Коммунистические воззрения Пийо, по-видимому, в это время еще не вполне оформились.

2

В июле 1840 г. на коммунистическом банкете в Бельвиле Пийо выступает уже как решительный защитник принципа общности. На этом банкете Пийо явно принадлежала ведущая роль. Он открывает банкет, и он же произносит на нем заключительное слово. Выступления Пийо проникнуты горячей уверенностью в историческом значении первого публичного и массового собрания сторонников принципа общности. Участники этого собрания совершили, говорит он, большое дело, последствия которого неизмеримы. Теперь уже никто не посмеет объявлять мысль об общности каким-то порождением большого мозга. Вскоре вся Франция узнает, что на большом собрании, в котором приняли участие 1200 человек, принцип общности был открыто провозглашен и единодушно одобрен. Наше собрание, продолжает Пийо, показало, что общность, как средство излечения всех зол человеческого общества, не только желательна, но и осуществима, притом не через тысячи лет, а немедленно. Это - величайший результат собрания. Осуществление общности обеспечит человечеству счастье, о котором оно и не смело мечтать, положит конец страданию и отчаянию, которые испытывало человечество в течение веков. И Пийо призывает всех участников собрания широко пропагандировать эту истину. Ее пропаганда приведет к быстрому росту рядов сторонников коммунизма и приблизит день, когда то, что считалось вчера прекрасной утопией, станет радостной реальностью.²⁴⁷

Во вступительных строках посвященной банкету брошюры, несомненно составленной Пийо, он с гордой уверенностью заявляет, что на бельвильском собрании эгалитарная школа сумела высоко поднять славное знамя социальной общности. В своем тосте Пийо призывает нанести решительный удар по фанатизму, сокрушить навсегда тиранию, провозгласить перед лицом всего мира вечные принципы абсолютного равенства, заложить основание истинного человеческого общества²⁴⁸.

Теоретическое обоснование защищаемой им системы общности Пийо дал в своих пропагандистских брошюрах 1840-1841 годов.

Исходным моментом своего социального учения Пийо, как и многие другие утопические коммунисты его времени, считает «науку» - познание существенных свойств и законов материи. Только наука, уничтожающая все мифы и не признающая других санкций для человеческого закона, кроме «существенных свойств материи», может открыть общий принцип, определяющий истинные условия жизни человечества. Эти рассуждения Пийо с полной очевидностью выявляют уже отмеченную нами выше связь его построений с традициями философии XVIII в. В общем он примыкает к материалистическому крылу этой философии, хотя в «La Tribune du Peuple» мы и находим еще некоторые черты деистических представлений²⁴⁹.

Еще более явственно сказывается влияние мыслителей «века просвещения» в социальной философии Пийо. Как и большинство просветителей, Пийо считает возможным вывести из общих закономерностей бытия конститутивные принципы «нормального» человеческого общества. Закон природы, утверждает он, - «неизменная основа всех законов». Голос природы всегда говорит в сердце человека²⁵⁰. Подобно мыслителям XVIII в. Пийо именует вытекающие из природы нормы человеческого общежития «естественным правом». Рационалистическому методу построения общественной «науки» у Пийо соответствуют рационалистические представления о возникновении человеческого общества и о законах его развития. Человек, рассуждает Пийо, не может жить изолированно. Изолированный человек не в состоянии ни обеспечить удовлетворение своих потребностей, ни защитить себя от враждебных сил окружающей природы. Своему соприкосновению с другими людьми человек обязан и сохранением своего существования, и теми способностями, которые отличают его от животного. Человек рожден для общества, но лишь

²⁴⁴ Ibid., N 2, 195.

²⁴⁵ Ibid., N 1, 13.

²⁴⁶ Ibid, IV.

²⁴⁷ «La Tribune du Peuple», 13.

²⁴⁸ Le premier banquet communiste. Paris, 1840, 20, 29.

²⁴⁹ «La Tribune du Peuple», N 1. VI, 27. Разум, говорит он, дан миру божеством.

²⁵⁰ Pillot J.J. «Ni chateaux, ni chaumieres». Paris, 1840, 32, 56.

осознав это свое общественное предназначение, он осуществляет его путем общественного договора.

Пийо, конечно, понимает, что общественный договор, заключение которого он склонен считать исторической реальностью, отнюдь не обеспечил благосостояния составляющих общество людей. Он знает, что человеческому роду суждено было в течение тысячелетий переживать тягчайшие и все возрастающие страдания. Основная причина несчастий человечества - глупость людей, их невежество. В течение длительного времени все делалось для того, чтобы заглушить голос природы в сердце человека. Его привели к тому, что он отвернулся от истинных принципов природы и начал принимать за них грубые подделки. Все религии имели своей целью скрывать от народа истину.

Но не следует приходить в отчаяние. Человечество шло до сих пор по ложному пути, но это не является, по мнению Пийо, основанием полагать, что расстояние, отделяющее нас от счастья, непреодолимо. Прогресс человеческого разума, освобождение человеческого ума от невежества и предрассудков может положить конец несчастьям общества. Пийо решительно отвергает положение Руссо о вреде для человечества развития наук и искусств. Наоборот, утверждает он, прогресс знания приведет человека к счастью, к полноте жизни. И Пийо твердо убежден, что этот прогресс действительно совершается. Более просвещенный разум заставляет человека считать ложью и глупостью все то, что он ранее без всякого доказательства почитал священной истиной. Старая мораль, насажденная лицемерием вместо знания, теряет свое влияние. Царство глупости приходит к концу. Господство науки начинается. С уничтожением всех религий одна истина остается и восстанавливается во всем своем блеске. Победа истины и освобождение человечества неизбежны²⁵¹.

3

«Глупость народа», его невежество, его религиозные предрассудки, пишет Пийо, таковы условия, сделавшие возможным существование порядка, основанного на эксплуатации народа и обеспечивающего ее. Религиозные мифы служили пугалом, помогавшим эксплуататорам грабить народ²⁵². Народ - производитель и хозяин всех богатств - везде умирает от голода и холода, везде он раб. Не удивительно, что с политической точки зрения слово «народ» равнозначно слову «беднота». Народом называют тех, кто не владеет ничем или владеет немногим. Существование народа ничем не обеспечено. Человек из народа, потеряв работу или лишившись трудоспособности, обречен на нищету и бесчестие²⁵³.

Говорят, будто бы христианство отменило рабство, но на самом деле христиане обращались с народом еще хуже, чем язычники. В течение долгих веков народ эксплуатировали знатные, их поддерживало и само принимало участие в эксплуатации масс духовенство. Эти два вида «каст» были тесно связаны между собой общими интересами и оказывали друг другу поддержку. Католицизм санкционировал власть человека над человеком; отрицая возможность равенства на земле, он проповедовал идею его торжества в мире, чисто воображаемом²⁵⁴. Если народ ставил под сомнение авторитет каст, то священники посылали на него проклятия неба. Это было самое действенное и самое ужасное орудие, каким можно было угрожать «мятежникам», А знатные, вооруженные мечом, пускали этот меч в ход по первому сигналу священников²⁵⁵. Всюду, куда простиралась власть католицизма, его кровавая воля, символом которой был крест, царило молчание смерти²⁵⁶. И все-таки полностью угасить требования разума кастам не удалось. Доказательством этого служит оппозиционная пропаганда сект. «Еретики» думали не столько о мифах, сколько о реабилитации человечества, угнетенного противоестественным режимом. Люди искали истину потому, что они чувствовали себя во власти лжи. Бессмертные гении, мечтавшие о благе человечества, хорошо понимали, что их мечта не может реализоваться, пока касты не будут уничтожены²⁵⁷.

Кроме каст с их привилегиями народ эксплуатирует также государственная власть (королевская власть, как чаще всего говорит Пийо). Монархия - надежное средство подавления равенства, она изобретена для устрашения народа, она - призрак, скрываясь за которым эксплуататоры человечества спокойно пожирают плоды народного труда²⁵⁸. Все прихвостни королевской власти любят, говорит Пийо, сравнивать короля с пастырем, а народ - со стадом. Это сравнение не лишено смысла. У пастуха всегда есть большая палка, чтоб защищать стадо от волков; но он пользуется ею также, чтобы наводить порядок в своем стаде. У короля вместо палки - скипетр. Говорят, что скипетр дан Провидением, чтобы защищать подданных от нападения

²⁵¹ «Ni chateaux, ni chaumieres».

²⁵² Ibid., 32.

²⁵³ Ibid., 22-23.

²⁵⁴ Pillot J.J. La communaute nest plus une utopie. Paris, 1841, 13.

²⁵⁵ «Ni chateaux, ni chaumieres», 16-17.

²⁵⁶ «La communaute», 17.

²⁵⁷ «Ni chateaux, ni chaumieres». 16; «La communaute», p.15, 17.

²⁵⁸ «Ni chateaux, ni chaumieres», 13-14.

врагов. Но если в народе начнется волнение, вызванное беспредельной эксплуатацией или тем, что его гонят на бойню во имя личных интересов монарха, вы увидите, восклицает Пийо, для кого и для чего служит этот дар Провидения²⁵⁹.

В истории монархической власти Пийо различает два периода. В первый период королевская власть, происходящая от захвата и передающаяся по наследству, почитается основанной на божественном праве. Она опирается на позорный пакт, заключенный с нею католицизмом. Для монарха божьей милостью нация - его собственность. Народы этому верили; прочность этой догмы поддерживалась всей совокупностью идейной и материальной жизни. Король представлялся народу существом, принадлежащим к особой породе. Его абсолютная власть была ограничена только некоторыми обычаями. Прав короля никто не решался оспаривать. От него исходили привилегии, в силу чего эти привилегии также признавали имеющими санкцию божественного права. Второй период в истории монархии начинается с того, что она теряет ореол божественного права. Тем не менее ее по-прежнему считают необходимой для поддержания порядка. Поэтому она продолжает свое существование. Но поскольку ее старые права утратили свое значение, вместо них создаются новые права - искусственные и условные²⁶⁰.

Переход на эту вторую стадию развития власти Пийо изображает в виде революционного переворота. Этот переворот производится народом, и целью его является ниспровержение тирании и освобождение граждан от рабства. Но во главе переворота становятся сателлиты монарха, которые всегда питались за счет пота и крови трудящихся. Они хотят сохранить все, что имели при короле, пользоваться всеми привилегиями, которые им давала только что уничтоженная власть. Им удается одурачить народ и обеспечить себе не только старые привилегии, но и некоторые новые. Но они понимают непрочность создавшегося положения и для его охраны восстанавливают единовластие. Так возникает в результате революции новая монархическая власть, лишенная религиозной санкции. Старая монархия создавала привилегии каст; при условной монархии сама королевская власть - создание и орудие привилегий²⁶¹.

После этого переворота на место каст, обладавших ранее богатствами, властью и почестями и обосновывавших свои притязания «божественным правом», приходят котерии, реализующие свои притязания при помощи коварства и интриг²⁶². Их девиз: «все для нас». При режиме котерии, как и при режиме каст, в обществе сохраняется вопиющее неравенство. У привилегированных развиваются искусственные потребности, которые они не в состоянии удовлетворить даже при существующем порядке. А между тем во имя их удовлетворения все человечество оказывается вынужденным прозябать в нищете. Большинство ходит в рубище и живет в хижинах для того, чтобы некоторые из членов общества могли носить ткани, украшенные золотом и драгоценными камнями, и обитать в громадных дворцах²⁶³. Привилегированные пишут во главе всех законов слово «равенство», обманывая народ, при помощи пустых форм. Но обманщики понимают, насколько их власть противоречит справедливости и разуму, и они не брезгают никакими средствами для того, чтобы удержать ее в своих руках²⁶⁴.

Все нации переживали множество революций. Иногда их вожди действительно стремились к благу человечества. Но и в этих случаях, придя к власти и почувствовав себя удовлетворенными, они забывали о нуждах народа. Положение масс оставалось абсолютно тем же, если не становилось хуже. В стране, пережившей революцию, продолжали существовать господа и рабы, дворцы и хижины. Привилегии лишь переходили в другие руки²⁶⁵. Естественно, что у народа возникало представление о бесполезности революций²⁶⁶.

4

Изложенные нами рассуждения Пийо о революциях носят весьма абстрактный характер. Они, несомненно, представляют известный теоретический интерес. Но для революционной и коммунистической пропаганды Пийо гораздо большее значение имели опыт и результаты конкретной революции - французской революции конца XVIII в. Именно этот опыт позволяет ему видеть во Франции основной очаг, из которого исходит «возрождающий огонь», распространяющий жизнь во всех частях земного шара²⁶⁷.

Революцию Пийо считал естественным следствием зол старого порядка, пренебрегавшего правами народа и принимавшего все меры к тому, чтобы заставить народ о них забыть. Чтобы освободить народ от ига старого деспотизма, необходимо было доказать народу ложность религии и разъяснить его права.

²⁵⁹ Ibid., 5-7.

²⁶⁰ «Ni chateaux, ni chaumieres», 8-10, 40.

²⁶¹ Ibid., 11-14.

²⁶² Ibid, 14-15, 17.

²⁶³ Ibid . 53, 54.

²⁶⁴ «Ni chateaux, ni chaumieres», 15, 19-20.

²⁶⁵ Ibid., 35.

²⁶⁶ Ibid., 18-46.

²⁶⁷ Ibid., 39-40.

Мы уже знаем, какую роль сыграла в разрешении этой задачи философия XVIII в. Философы, по мнению Пийо, установили ту истину, что все люди равны по происхождению и по праву природы. Открытие этой истины должно было бы привести к окончательному решению социального вопроса. Но философия не довела своего дела до конца, не начертала плана социальной организации, соответствующей ее принципам. Народ не смог поэтому использовать в полной мере осознанные и завоеванные им права. Этим, как и в других революциях, воспользовались испорченные люди, чтобы занять место старых господ²⁶⁸.

Высшим пунктом в развитии французской революции XVIII века Пийо считал 1793-й год. Бессмертная революция 1793 года, говорит он, ни в чем не похожа на все ей предшествовавшие. Дело не в непосредственных результатах для народа, так как его положение после революции стало хуже, чем когда бы то ни было. Заслуга деятелей 93 года в том, что они открыли перед народом новый путь - путь к счастью, - с которого ничто не может его совратить²⁶⁹. Их миссия состояла в том, чтобы разрушить старое социальное здание, его «идеи, учреждения, предрассудки, безобразия». Некоторые из людей 93 года понимали, что этого недостаточно, что человечество не может жить среди развалин. К числу тех, кто пытался в 93 году работать над построением нового мира, Пийо относит эбертистов. Но усилия эбертистов были несвоевременны. Они первыми возвестили необходимость построить преграду возвращению старого общества. Этим они заслужили вечную славу и за это заплатили своими головами²⁷⁰.

Французская буржуазная революция XVIII в. не принесла окончательной победы делу освобождения народа, и в этом смысле ее результаты соответствовали той характеристике, которую Пийо давал революциям вообще. Во Франции, как и в других странах, эксплуататоры стремились во что бы то ни стало сохранить в свою пользу привилегии, отнятые у старых каст. Для достижения этой цели они использовали ложь, запугивание, лицемерие, насилие. Таким позорным способом им удалось восстановить старые прерогативы, лишь слегка изменив их формы и названия²⁷¹.

После гибели эбертистов еще одну попытку восстать против возвращения к строю привилегий сделали Бабеф и его товарищи. В бабувистах Пийо, несомненно, видит своих прямых предшественников и учителей. Бабеф указал на опасность попыток возвратиться к прошлому. Он подчеркивал, что революция была сделана во имя человеческого достоинства и вечных прав человека, что старый режим бы их преступным нарушением. Революция, утверждал Бабеф, не может ограничиться сменой привилегированных. Привилегия преступна всегда, новые привилегированные будут неизбежно такими же несправедливыми, как прежние. Смелые апостолы равенства, бабувисты, были убеждены, что их жертва, каковы бы ни были ее непосредственные результаты, не будет бесполезной для человечества. Они изложили свои идеи и составленном ими «Манифесте равных», который произвел громадное впечатление. Господствующему в обществе соперничеству они противопоставили в «Манифесте» идею сотрудничества, общности труда и наслаждений, принципам произвола и принуждения - принципы убеждения и гармонии. Они призывали установить порядок, обеспечивающий достоинство и довольство всех, вместо порядка, охраняющего гордость и излишества немногих и покупаемого ценой унижения и лишения большинства. Бабувисты доказывали, что предлагаемая ими система не только логически вытекает из принципов 93 года, но и намечает единственный способ осуществления действительной ассоциации, соответствующей природе человека и обеспечивающей полное удовлетворение его истинных потребностей²⁷².

Пийо убежден, что голос истины, звучавший в пропаганде бабувистов, нашел бы очень скоро отклик в народных массах, если бы не был вскоре подавлен привилегированными. Новые привилегированные больше боялись коммунистов, чем тех, кто носился с преступной мыслью вернуть родину к старому порядку, хотя бы с помощью иностранцев. Для них революция была лишь средством устранения старых привилегированных и замены их людьми более «просвещенными». Вождей коммунизма убили. Им отрубили головы... Но разве убить, спрашивает Пийо, значит опровергнуть и убедить? Их мысль не умерла. Верный Буонарроти сохранил ее чистой и прекрасной в течение 40 лет заключения и преследований²⁷³.

После побед над Горой, над эбертистами и коммунистами, говорит Пийо, место старой знати окончательно заняла буржуазия. Она правила Францией в течение всего времени, прошедшего со дня переворота 9 термидора. За 45 лет она создала шесть правительств, последовательно сменявших друг друга. Все эти правительства прилагали свои усилия к тому, чтобы изгладить

²⁶⁸ Ibid, 41-42.

²⁶⁹ «Ni chateaux, ni chaumieres», 42.

²⁷⁰ «La communaute» 22-23.

²⁷¹ «Ni chateaux ni chaumieres», 47.

²⁷² «La communaute», 23-24.

²⁷³ Ibid, 25-27.

изгладить глубокие следы 93 года. Но нация не переставала проявлять презрение к старому режиму и ко всему, что могло приблизить к нему. Об это и разбивались все правительства²⁷⁴.

При всех изменениях правительственных систем власть оставалась в руках привилегированных. За власть боролись различные котерии, к числу которых необходимо отнести, по мнению Пийо, и либералов эпохи Реставрации и республиканцев 30-х годов. Все они были согласны в том, что общественное достояние должно оставаться в руках небольшого числа индивидов, что? только им должны принадлежать исключительно все блага жизни, все почести, все уважение. А для этого было необходимо, чтобы массы всегда оставались в положении пролетариата, живущего в непрерывном труде, и чтобы их заработка едва хватало для удовлетворения самых насущных потребностей²⁷⁵. Современный пролетарий, говорит Пийо, работает по 18 часов в сутки и к тому же не уверен в том, захочет ли человек, которому он отдает свою жизнь за малую толику золота, повторить завтра эту унижительную сделку. Как часто пролетарий оказывается без заработка из-за того, что новое изобретение делает его труд ненужным, или из-за того, что он слишком стар, или из-за того, что предпринимателю не нравятся его мнения²⁷⁶.

Иногда Пийо наряду с излюбленными им терминами «касты» и «котерии» употребляет также для характеристики отдельных общественных групп термин «классы». Иногда, как мы видели, он говорит о буржуазии и о пролетариате. Но его понимание классового строения общества весьма неотчетливо. Он называет классом пролетариат; классами же он называет и остатки старых сословий, или, по его обычной терминологии каст, - попов и знатных; наконец, классом он называет «адвокатов» (?); с другой стороны, он никогда не говорит о классе буржуазии. Во всяком случае, что бы ни разуметь под классами, в современном обществе нет, по мнению Пийо, ни одного класса людей, которым их положение и их принципы обеспечивали бы уверенность в настоящем и спокойное ожидание будущего. Все больны жестокой болезнью сомнения. Современное общество - агломерация существ, вечно подозревающих друг друга и готовых по малейшему поводу растерзать друг друга. Все в обществе непрочное, все может быть завтра отвергнуто: вера, власть, право, богатство, мастерство, преступления и добродетели²⁷⁷.

5

Общество не может оставаться долго в таком состоянии, и оно не может возвратиться к прошлому - к старому порядку каст. Ему открыт только один путь - путь к равенству. Необходимо полностью изменить лицо Земли, дать обитателям мира совершенно новую жизнь, примеров которой нельзя найти в прошлом. Для этого надо порвать с прошлым, отвергнуть то, что уважали более всего, искать то, что до настоящего времени было в небрежении. Задача гигантская, восклицает Пийо, но ее разрешение необходимо для сохранения рода человеческого²⁷⁸.

В достижении этих высоких целей Пийо твердо убежден, ибо он уверен в неизбежном торжестве истины. Когда наука, освобожденная от всего, что ее стесняет и гасит, провозгласит во всеуслышание истины, вытекающие из существа вещей, - единственным возможным для человечества способом существования будет абсолютное равенство²⁷⁹. Нельзя сомневаться в возможности установления на земле царства равенства, т.е. царства справедливости и мира, царства добродетели и благосостояния²⁸⁰.

Абсолютное равенство - призыв подлинной науки. Но абсолютное равенство может быть достигнуто только при господстве принципа общности²⁸¹. Общность - единственный способ осуществления равенства. Все наши надежды, говорит Пийо, мы возлагаем на общность. Вне этой системы нет ни равенства, ни свободы, ни братства - и потому нет счастья для рода человеческого²⁸². Все иные попытки достигнуть равенства Пийо считает несостоятельными. Желая, очевидно, отмежеваться от сторонников упрощенного уравниательства, Пийо усиленно подчеркивает, что общность - отнюдь не прокрустово ложе, сводящее всех людей к единой мерке²⁸³.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

²⁷⁴ Ibid, 29–30.

²⁷⁵ «Ni chateaux, ni chaumieres», 43-45.

²⁷⁶ «La communaute», 21-22.

²⁷⁷ Ibid, 20, 22.

²⁷⁸ «Histoire des Egaux», 9-10.

²⁷⁹ «Histoire des Egaux», 29.

²⁸⁰ «Ni chateaux, ni ichaumieres», 36.

²⁸¹ «Histoire des Egaux», 29.

²⁸² «Ni chateaux, nichaumieres», 59-60.

²⁸³ Ibid., 59.

Равенство было всегда, с самой далекой древности, целью стремлений человечества. Но эти стремления были несознательными. Потребность равенства была в состоянии чувства, а не в состоянии знания. В этом была причина ошибок и неудач человечества. В сущности уже основатели древних мистерий, говорит Пийо, видели истину, но считали ее недоступной для массы. Дальше их пошел Ликург, который попытался практически приблизиться к равенству. Но ему была чужда идея солидарности, и он построил свой социальный закон не на основах общности, а на основах индивидуализма, и поэтому не мог создать абсолютного равенства. Провозглашая равенство, Ликург сохранил рабство²⁸⁴. Столь же отрицательно относится Пийо и к последующим уравнивательным попыткам. Нечего бросать нам обвинения в «аграрном законе» или в «робеспьеризме», говорит он, Гракхов и монтаньяров мы считаем славными мучениками за благо человечества. Мы стремимся подражать им в добродетели и храбрости. Но их систему социальной организации мы не приемлем²⁸⁵.

Пийо не считает возможным заранее предсказать в деталях формы - общественной организации, основанной на общности. Он намечает лишь ее основные принципы, вытекающие, по его мнению, из вечных и неизменных законов общественного бытия. Эти принципы, как показывает опыт, легко осуществимы. Человечество, утверждает Пийо, состоит из существ, равных по своей природе. В обществе не должно быть ни первых, ни последних, ни великих, ни малых, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, ни господ, ни рабов. Первые же мероприятия общества равных должны оградить его от возможности возврата к какой бы то ни было форме неравенства²⁸⁶. Известные различия в физических и духовных качествах людей Пийо признает, но эти качества должны вести в обществе равных лишь к различиям в выполняемых индивидами функциях. Каждый член общества должен использовать все свои способности для блага всех. Право жить имеет лишь тот, кто трудится. При строе общности личный интерес и общественный интерес совпадают. Отдавая обществу свой труд, индивид тем самым получает право на удовлетворение обществом его истинных потребностей. Общество равных ставит себе целью дать каждому из своих членов возможно большую сумму благополучия. Однако, стремясь обеспечить своих членов необходимым, оно отказывается от излишнего²⁸⁷.

«Когда воссияет день равенства», говорит Пийо, в обществе не будет несчастных, страдающих от голода и холода; в нем не будет ни бедных, ни богатых, все будет принадлежать всем. Но ни у кого не будет индивидуального права «пользоваться и злоупотреблять». Все будут одинаково обеспечены жилищем и одеждой, все будут одинаково питаться за общим столом²⁸⁸. Все дети будут получать одинаковое общественное воспитание. Земля не будет принадлежать никому, а ее плоды будут принадлежать всем.

Единственным законным сувереном Пийо признает общественное мнение, или всеобщий разум, представляющий собой сумму индивидуальных разумов. Руководителем общественного мнения при строе равенства должна быть наука. Равенство не допускает ни мистических, ни религиозных догм²⁸⁹. Наука уничтожит все мифы, она не признает другой санкции для человеческого закона, кроме существенных свойств материи²⁹⁰.

Различные функции, в своей совокупности представляющие то, что обычно именуется управлением, в республике равных, или коммуне, будут рассматриваться как обязанности членов общества, распределяемые между ними, подобно другим обязанностям. Отправление этих функций не может служить основанием или поводом для каких-либо преимуществ в удовлетворении потребностей. Общество равных не знает никаких других наград, кроме общественного уважения²⁹¹. По-видимому, Пийо полагает, что необходимость государственной организации постепенно исчезнет в обществе равных. В соответствии со своими идеалистическими представлениями о развитии общества он, как и просветители XVIII в., связывает возможность исчезновения государства с ростом просвещения. Может ли, спрашивает он, общество достигнуть такой степени просвещения, когда никакое правительство не имело бы оснований к тому, чтобы заставлять его подчиняться своей воле? Чтобы не оставить никакого сомнения в смысле этого вопроса, Пийо рядом с ним ставит другой: организованная анархия, т.е. научная и рациональная гармония, - не есть ли это нормальное состояние, в котором должно жить общество?²⁹²

²⁸⁴ «La communaute», 11-12.

²⁸⁵ «Ni chateaux, ni chaumieres», 29.

²⁸⁶ «Histoire des Egaux», 21-22.

²⁸⁷ «Histoire des Egaux», 30; «Ni chateaux, ni chaumieres», 55-57.

²⁸⁸ «Histoire des Egaux», 21; «Ni chateaux, ni chaumieres», 20, 24, 58.

²⁸⁹ «Ni chateaux, ni chaumieres», 57-58.

²⁹⁰ Ibid., 20.

²⁹¹ «Ni chateaux, ni chaumieres», 57-58.

²⁹² «La communaute», 32.

Уравнительный закон, утверждает Пийо, пригоден для всех народов вселенной, независимо от внешних условий их жизни²⁹³. Но Пийо понимает, что прогресс происходит в различных странах неравномерно, что требует сохранения границ между отдельными государствами. Пийо осуждает национальный эгоизм, но если от него откажется только одно государство, рассуждает он, то оно неизбежно будет растерзано и уничтожено другими государствами. Если порядок общности утвердился только в одной стране, а в окружающих странах сохранится строй, основанный на эксплуатации, - это положение создаст, по его мнению, для передового общества целый ряд трудностей. Водружая знамя равенства, передовое общество неизбежно идет к разрыву уз дружбы и торговых отношений с соседями. Но эта изоляция не опасна для общества равных ни в экономическом, ни в военном отношении. Общество равных в состоянии заменить иноземные продукты собственными, полнее используя свои внутренние возможности; может создать прочную оборону страны, укрепив ее естественные границы. Обществу равных нечего бояться военного нападения: рабы не в силах бороться со свободными²⁹⁴.

Пийо хотел изобразить жизнь общества равных в форме рассказа о некоем фантастическом народе, будто бы существовавшем на протяжении тысячелетий, «не зная ни бога, ни дьявола, ни рая, ни ада, ни короля, ни каст, ни богатых, ни бедных»²⁹⁵. Началом осуществления этого замысла была его брошюра «Histoire des Egaux», за которой должны были последовать «многие тома». В этом труде Пийо предполагал во всей полноте развить принципы эгалитарных законов, показать социальную структуру общества равных²⁹⁶. Но этот труд Пийо остался незавершенным.

6

Пийо полагает, что условия, необходимые для установления строя общности, давно уже созрели. Как истинный ученик просветителей XVIII в., Пийо верит в то, что успехи, достигнутые человеческим разумом, неизбежно приведут к осуществлению справедливого порядка²⁹⁷. Этот порядок, говорит он, мог бы быть введен 2 тысячи лет назад. Но умы человеческие двигались тогда по ложным путям. Потребовалось много времени и много впечатлений, чтобы вывести их на истинный путь. Во почему истина была постигнута так поздно, вот почему она пока еще остается в состоянии теории²⁹⁸.

Из этого рационалистического представления об историческом процессе Пийо делал иногда наивно-идеалистические выводы в отношении будущего. Все люди без исключения, говорил он, присоединили бы свой голос к нашему голосу, если бы только они могли понять, как прекрасна жизнь, которую мы им возвещаем. Нам нужно только провозгласить наши принципы, указать средства их применения в действительности и проповедовать их тотчас и неустанно²⁹⁹. Не удивительно, что мы находим иногда у Пийо весьма наивные попытки доказать богатым и сильным, что в конечном итоге строй, основанный на равенстве, будет выгоден и для них не в меньшей степени, чем для бедных, что «в равенстве нет ничего пугающего для привилегированных»³⁰⁰. И Пийо верит, что настанет день, когда Земля ответит на эти доводы криком любви, забвения и примирения, когда короли и подданные, касты и простой народ, буржуа и пролетарии, богатые гордецы и нищие, судьи и преступники отбросят безумие прошлого, чтобы признать принципы святого равенства, продиктованные наукой³⁰¹.

Однако уроки классовой борьбы конца XVIII-начала XIX в. не прошли для Пийо бесследно. Наряду со слащавыми картинками всеобщего примирения и просветления мы находим у него также более трезвые, более реалистические представления о процессе общественного преобразования и о роли в нем различных общественных групп. Вера в возможность всеобщего единения во имя принципа равенства оттесняется в его сознании основывающимися на историческом опыте представлениями о неизбежной реакции эксплуататоров на всякую попытку отнять у них доходы. Преступления и лицемерие, говорит Пийо, не позволяют без сопротивления отменить нечестивые привилегии, которыми они пользовались столь долгое время³⁰².

²⁹³ «Ni chateaux, ni chaumieres», 54.

²⁹⁴ «Histoire des Egaux», 50-51, 56, 58-60.

²⁹⁵ «Histoire des Egaux», 35.

²⁹⁶ «Histoire des Egaux», 1; «Ni chateaux, ni chaumieres», 58.

²⁹⁷ «Ni chateaux, ni chaumieres», 54.

²⁹⁸ «Histoire des Egaux», 23-24.

²⁹⁹ Ibid., 23.

³⁰⁰ «Ni chateaux, ni chaumieres», 49, 55.

³⁰¹ «La communaute», 27-28.

³⁰² «Ni chateaux, ni chaumieres», 35.

Чтобы удержать строй, основанный на неравенстве, в распоряжении привилегированных есть только два средства. Они могут попытаться вернуть народ к тому состоянию, в котором он находился до 93 года, т.е. погрузить его вновь во мрак невежества. Этот путь невозможен. Второй способ состоит в том, чтобы для защиты своей власти все время держать наготове топор, сохранять строй неравенства при помощи тюрьмы и эшафота. Этот второй путь может задержать крушение существующего строя, но лишь на очень краткий срок. Он неизбежно приведет эксплуататоров к пропасти, в которую они падут, покрытые кровью и бесчестьем. Вести подобную войну с народом - предел ослепления и жестокости³⁰³.

Таким образом, переход к строю общности не обходится без борьбы. В этой борьбе эксплуататоры являются естественными защитниками существующего порядка. В качестве борца за порядок равенства столь же естественно выступает у Пийо «народ». Все формы правления, не исключая абсолютной монархии, имеют своим источником народ: народ - истинный суверен³⁰⁴. Народ вправе переменить все в своих законах, нравах и верованиях. Народ вправе судить тех, кто считает себя его господами и судьями. Это его вечная и незыблемая привилегия³⁰⁵. Народ бесспорно вправе изменять свою социальную организацию, как только он найдет это необходимым и полезным³⁰⁶.

Это рассуждение о правах народа приводит Пийо к интересной оценке задач исторической науки. Народ убеждают в том, будто бы судьбы человечества совершаются без его участия. Историки в своих трудах дают обычно длинные списки счастливых разбойников, порабовавших народ, рассказывают об их интригах и преступлениях. О народе в истории нет и речи. Вы не узнаете из исторических трудов ни о происхождении того или иного народа, ни о причинах его благосостояния или упадка, ни о его обычаях и законах. Правильность оценки исторических фактов зависит от интереса к ним и от той общей цели, которую ставит перед собой автор. Истинная задача историков состоит, по мнению Пийо, в том, чтобы рассказами о борьбе народа, за свободу научить народ завоевывать эту свободу и побеждать нечестивую расу тиранов³⁰⁷.

Только народ в состоянии обеспечить лучшее будущее человечества. Задача тех, кто хочет бороться за это будущее, состоит в том, чтобы внушить народу идею общности, объединить его под этим знаменем. Говоря о суверенитете народа, Пийо, очевидно, имеет в виду всю совокупность граждан. Но, призывая к объединению народа под знаменем равенства, он, по-видимому, незаметно переходит к другому пониманию этого термина, исключаящему из народа эксплуататоров и привилегированных. Народ, говорит он, не должен сомневаться в своей силе. «Паразиты трусливы и малочисленны, вас в 200 раз больше, чем их»³⁰⁸. В другом месте Пийо еще более определенно говорит о «классе, являющемся жертвой привилегий», как о подлинной опоре принципа общности³⁰⁹.

Как мы видим, представления Пийо о путях перехода к строю общности весьма сбивчивы. Наиболее устойчивым и практически наиболее значимым следует признать представление о революционном преобразовании, основную действующую силу которого составляют угнетенные и эксплуатируемые. Уже в «La Tribune du Peuple» Пийо, восхваляя революцию XVIII в., заявлял, что революция не умерла, что она продолжает бороться и что она неизбежно победит. В брошюре «Ni chateaux, ni chaumieres» Пийо повторяет свое указание на неизбежность революции, подчеркивая на этот раз отличия грядущей революции от революций прошлого. Ее цель - разрешение проблемы социального строя: в соответствии с этим она пойдет иным путем, она будет выдвигать иные принципы, прибегать к иным средствам. Она объявит войну насмерть всем кастам и всем котериям, которые пришли им на смену³¹⁰.

Пийо понимает, что народ решается на открытую революцию лишь тогда, когда его страдания доведены до крайних пределов. Но у народа сейчас нет, по мнению Пийо, иного выхода. Великий акт преобразования не допускает мировых полумер. В «Histoire des Egaux»³¹¹, рассказывая историю своего утопического народа «равных», Пийо изображает победу строя равенства как победу великой кровавой революции, как результат длинного ряда кровавых бурь. Сколько пота и крови пролил народ, - восклицает он, - прежде чем ему удалось прийти к организации, давшей удовлетворение потребностям всех!³¹²

³⁰³ Ibid., 51-52.

³⁰⁴ Ibid., p.25.

³⁰⁵ «La communaute», 4.

³⁰⁶ «Ni chateaux, ni chaumieres», 25.

³⁰⁷ «Histoire des Egaux», 40-43.

³⁰⁸ «Ni chateaux, ni chaumieres», 24.

³⁰⁹ «Histoire des Egaux», 17.

³¹⁰ «Ni chateaux, ni chaumieres», 40-41, 47-49.

³¹¹ «Ni chateaux, ni chaumieies», 42-46.

³¹² «Histoire des Egaux», 21, 35 -37.

Как мы видели, необходимой предпосылкой революции являются, по мнению Пийо, страдания народных масс. Но для успеха необходимы настойчивая пропаганда истины и организованность ее сторонников. Молчание просвещенных людей недопустимо: оно может задержать реализацию истины³¹³. Борцы за истину должны объединить свои усилия. Их проповедь неизбежно найдет самый широкий отклик, особенно во Франции, где головы организованы для восприятия, а сердца - для любви ко всему великому и благородному. Из 35 млн. жителей Франции 30 млн., утверждает Пийо, откликнутся на этот призыв³¹⁴. Под их знамена встанут все честные люди, все, чье сердце не испорчено неравенством, чей разум не соvrащен невежеством и предрассудками³¹⁵.

В деле подготовки революции особое место Пийо отводит коммунистам. Малочисленные, изолированные коммунисты, говорит Пийо, осмелились напасть на общество многочисленное и испорченное. Коммунисты смеялись над его презрением и не боялись его ярости. К истинным коммунистам, просвещенным и мужественным, и обращается Пийо в первую очередь. Я вам несу доводы, - говорит он, - при помощи которых вы победите, оружие для борьбы и советы, как воспользоваться победой. Общество еще долго может сопротивляться вашим изолированным усилиям, вашей неопытности в борьбе. Для успеха нашего дела недостаточно ненависти к тирании - необходимо единение всех коммунистов, необходима солидарность в их усилиях, согласованность в их пропаганде³¹⁶.

Пийо сознает, однако, что среди людей, провозглашающих себя сторонниками равенства, есть лицемеры, мечтающие лишь о том, чтобы, прикрываясь этим лозунгом, пробраться самим к власти и богатству, чтобы удовлетворить свою жадность за счет старых обладателей власти. Таких людей он считает более опасными врагами, чем самих привилегированных. Этим тайных врагов, скрывающих свои преступные замыслы под яркими фанфаронадами, необходимо разоблачать, чтобы народ знал, откуда ему грозит опасность. Человечество постоянно и предательски обманывали те люди, которые овладевали его доверием. Наилучшим пробным камнем искренности пропаганды коммунистов является та ненависть, которую они вызывают у наших врагов. «Ничто не доказывает лучше, - говорит Пийо, - что мы действительно поняли равенство и средства его осуществления, чем ярость, которую испытывают при нашем приближении»³¹⁷.

Именно на коммунистов возложено историей дело преобразования человеческого общества. Народ должен понять, что все партии, если они не принимают принцип самого абсолютного равенства, соответствующего вечным законам природы, - это только котерии. От них народ ничего не должен ждать, кроме роста своей нищеты³¹⁸. Для коммунистов революция отнюдь не средство обеспечить свое собственное благополучие. Они совсем не похожи на прежних реформаторов. Они не мечтают ни о тронах, ни о богатствах. Коммунисты приносят человечеству исполнение тех обетовании, которые так часто ему давали, прикрывая ими честолюбие и жадность³¹⁹.

Пийо отнюдь не склонен скрывать, что возглавляемое коммунистами дело преобразования потребует небывало жестоких битв, но нет ничего прекраснее, заявляет он, чем их результаты³²⁰. Конечно, многие не согласятся терпеть страдания во имя будущих благ. Как быть в этом случае, спрашивает Пийо и отвечает: а как поступают в Бисетре³²¹ с людьми, отказывающимися от холодного душа?³²²

В коммунистах своего времени Пийо видит хранителей традиций Бабефа, продолжателей его славного дела. Может быть, и мы погибнем, как они, восклицает Пийо: другие возьмут на себя нашу задачу!

Пийо сохранил верность революционным принципам до конца своих дней. Это подтверждается не только фактом его избрания на дополнительных выборах 16 апреля 1871 г. в Парижскую коммуну, но и всем его поведением в Коммуне. Известно, что вскоре после своего избрания он выступил с горячим призывом мобилизовать все силы на дело защиты Коммуны от ее врагов. С делом организации обороны было связано, очевидно, избрание Пийо в состав комиссии, которая должна была посетить гвардейские казармы. Он был одним из инициаторов разрушения

³¹³ Ibid, 17-18, 24.

³¹⁴ «Ni chateaux, ni chaumieres», 34-35.

³¹⁵ «Histoire des Egaux», 18, 30.

³¹⁶ Ibid. 31-34.

³¹⁷ «Histoire des Egaux», 10-14.

³¹⁸ «Ni chateaux, ni chaumieres», 21.

³¹⁹ «Histoire des Egaux», 10, 33; «Ni chateaux, ni chaumieres», 48.

³²⁰ «Ni chateaux, ni chaumieres», 36.

³²¹ Имеется в виду известная больница для умалишенных.

³²² «Ni chateaux, ni chaumieres», 60.

Вандомской колонны³²³. 17 мая 1871 г. Пийо произнес речь, в которой доказывал необходимость действовать против врагов Коммуны революционными методами.

«Мы переживаем революцию, - говорил он, - и мы должны действовать как революционеры, необходимо создать трибунал, который судил бы и приводил в исполнение свои приговоры без всякого промедления»³²⁴. Совершенно очевидно, что в данном случае Пийо вдохновлял революционные традиции якобинской диктатуры. В соответствии с теми же традициями Пийо выступал и голосовал за создание Комитета общественной безопасности³²⁵. Пийо было, очевидно, ясно также своеобразие социального характера революционного движения 1871 г., его коренное отличие от предшествовавших революций. Очень часто, говорил Пийо в заседании 30 апреля 1871 г., декреты Коммуны остаются мертвой буквой. В обществе формируются группы, которые стремятся, идя под флагом республиканизма, погасить пламя Коммуны и заменить ее чем-то вроде республики 48 года³²⁶.

Жан-Жак Пийо, утопический коммунист 40-х годов, сумел занять тридцать лет спустя достойное место среди борцов и мучеников Парижской коммуны.

VII. Б Л А Н К И

1

Один из наиболее привлекательных, наиболее авторитетных представителей французского утопического коммунизма, Бланки, прожил долгую жизнь. Около полувека отдал он делу революционной борьбы во имя коммунизма. Многие годы провел он в тюрьмах Июльской монархии, наполеоновской империи и Третьей республики. Его последние политические выступления относятся к 1880 году. Но его мировоззрение, основные политические и социальные идеи, которыми он руководствовался в своей революционной деятельности, сложились в 30-40-х годах XIX столетия и окончательно оформились во время революции 1848 г. Ни дальнейший рост классовой борьбы пролетариата, ни возникновение и распространение научного коммунизма не внесли существенных изменений в революционные взгляды Бланки. «...Бланки, - писал Энгельс в 1874 г., - революционер прошлого поколения»³²⁷.

Кипучая революционная деятельность, заполняющая всю сознательную жизнь Бланки, началась еще во время реставрации. В 20-х годах юный Бланки участвовал в заговорщической организации карбонариев. В конце 20-х годов он был трижды ранен в уличных схватках с полицией и войсками и впервые арестован. В июле 1830 г. он принимал активное участие в революционной борьбе и был горько разочарован ее результатами - установлением буржуазной монархии Луи-Филиппа.

Вступив в республиканское общество «Друзей народа», Бланки примкнул к его левому крылу. К первым годам Июльской монархии относятся два документа, характеризующие взгляды Бланки этого периода. Первый из них - выступление на судебном процессе «Друзей народа» в январе 1832 г. (так называемый «Процесс 15-ти»)³²⁸, второй - речь на собрании, организованном обществом 2 февраля того же года. Первое выступление было тогда же напечатано «Друзьями народа» в сборнике, посвященном процессу, второе дошло до нас в рукописи.

В своей речи на суде Бланки резко поставил проблему классового расслоения общества, связав борьбу за политические права, которую ведут «Друзья народа», с материальными нуждами, интересами и страданиями народных масс. Однако представления Бланки о классах современного ему общества не отличаются необходимой четкостью, а его социальная программа еще весьма неопределенна.

На вопрос председателя суда о его профессии Бланки с гордостью ответил: «Пролетарий». Но дальнейшие его пояснения показывают, что для него слово «пролетарий» означало трудящегося вообще. «Такова профессия, - заявил он, - тридцати миллионов французов, которые живут своим трудом и лишены политических прав». Ясно, что понятию «пролетарий» Бланки придает здесь тот же смысл, какой демократические деятели того времени придавали понятию «народ». Противопоставление «аристократия богатства» - «народ» или «буржуазия» - «народ» характерно для общественной мысли изучаемого периода. Неотчетливость этого противопоставления отражала, несомненно, недостаточный уровень капиталистического развития Франции, незавершенность промышленной революции. Как мы еще увидим, и Бланки зачастую заменяет слово «пролетарий» словом «народ» или словом «бедные» как равнозначными.

³²³ «Proces-verbaux de la Commune de 1871 Paris, 1924, t.I, 373, 409-410; t.II, 92.

³²⁴ Ibid., t. II, 385.

³²⁵ Ibid., 21, 23.

³²⁶ Ibid., 585.

³²⁷ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV, 225.

³²⁸ См. в первой главе второй части настоящей книги, 96 и след.

В затаенном против него и его товарищей судебном процессе Бланки видит эпизод в войне богатых и бедных. Богатые тунеядцы, живущие за счет пота пролетариев, выступают здесь против «жадной черни», которая будто бы стремится их ограбить и которая на деле содержит своим трудом и привилегированных и государство. В государстве Бланки видит механизм, выкачивающий средства из народных масс и обеспечивающий их эксплуатацию привилегированными. Привилегированные захватили и управление и суд. Миллионы пролетариев не принимают в этой организации никакого участия. Долг всех честных людей - призвать пролетариев опрокинуть этот порядок, взять власть в свои руки и самим создать для себя законы.

Политический вывод, к которому ведет Бланки своих слушателей, ясен: устранить недостатки существующей общественной организации может только политическая демократия. Общая социальная тенденция речи также бесспорна: цель борьбы Бланки видит в установлении социального равенства. Коммунистических выводов в своей речи Бланки не делает. Из конкретных мероприятий, необходимых для улучшения участи угнетенных, он выдвигает лишь реформу налогов. Это связано, несомненно, с тем, что систему налогового обложения Бланки наивно считает основным механизмом, при помощи которого богатые грабят бедных. Эти грабительские налоги должны быть отменены: должны быть введены налоги, изымающие излишек у тунеядцев для распределения его через систему национальных банков (идея, внушенная, по-видимому, пропагандой сен-симонистов) среди бедняков, которых отсутствие средств обрекает на бездействие³²⁹.

Более конкретную характеристику классовых сил, борющихся в современной ему Франции, Бланки дал в своем выступлении на собрании 2 февраля.

Не следует себя обманывать, говорил здесь Бланки: между классами, составляющими нацию, идет смертельная борьба. Подлинно национальная партия, к которой должны примкнуть все патриоты, - это партия масс. В истории современной Франции Бланки обнаруживает влияние трех «интересов»: интересы так называемого высшего класса, интересы среднего класса, или буржуазии, наконец, интересы народа. В 1814-1815 гг. буржуазия, утомленная правлением Наполеона, - главным образом вследствие того, что война нарушала спокойствие и вредила торговле, - встретила иноземных солдат как освободителей, как посланцев божиих. Бурбоны вознаградили за это буржуазию Хартией, при посредстве которой знать, крупные собственники, с одной стороны, и средний класс - с другой, поделили между собой власть над страной. Народ был отстранен. Лишенный вождей, деморализованный поражением, он молчал.

Буржуазия поддерживала Бурбонов вплоть до 1825 г. Но затем Карл X, считая себя достаточно сильным, чтобы править без буржуазии, решил отстранить ее, как в 1815 г. был отстранен народ. Буржуазия была возмущена, началась война буржуазии против правительства Карла X в газетах и на выборах. Но борьба велась во имя Хартии, только во имя Хартии. Народ молча смотрел на эту ссору, в которой его интересы не принимались в расчет. Когда победа начала склоняться на сторону буржуазии, Карл X решился на государственный переворот: распустил палату и пригрозил военной силой. Роялисты были уверены в себе, а буржуазия впала в панику. Ни та, ни другая сторона не ожидала вмешательства народа.

Когда народ поднялся, пробудившись от сна, в котором он пребывал в течение 15 лет, буржуазией овладел еще больший ужас. Сначала она ждала победы Карла X и трепетала перед ее последствиями; затем, когда вопреки ее ожиданиям победил народ, она была совершенно ошеломлена. Как же случилось, что революция, это неожиданное проявление силы масс, осталась безрезультатной? Она должна была покончить с исключительной властью буржуазии, должна была привести к признанию интересов и власти народа; она привела к установлению деспотизма среднего класса. Это произошло потому, что народ не сумел воспользоваться своей победой.

В краткой борьбе июльских дней из народа не успели выделиться его естественные вожди, и он доверился тем, кто возглавлял буржуазию в ее борьбе против Бурбонов. Народ, одержав победу, вернулся в свои мастерские, буржуазия вышла на арену. Не смея из страха перед народом вернуть Карла X, она объявила королем другого Бурбона. Средний класс, который прятался во время сражения и который его не одобрял, похитил плоды победы, достигнутой вопреки его воле; а народ, который сделал все, не получил ничего. Но все же он появлялся на политической сцене, он совершил акт властелина. Отныне война будет идти в основном между ним и средним классом, а не между буржуазией и высшими классами. Наоборот, буржуазия по необходимости будет призывать на помощь своих старых врагов, стараться примирить их со своей властью, чтобы с большим успехом сопротивляться угрожающему нашествию пролетариев. Страх перед народом и стремление найти опору в аристократии определяют всю политику правительства Луи-Филиппа, реакционную во всех ее проявлениях, по существу восстановившую порядок Реставрации.

³²⁹ Procès des quinze publié par la Société des Amis du Peuple, 1832, 77-85.

«Два принципа разделяют Францию, принцип легитимности и принцип народного суверенитета», - таков вывод Бланки из его исторического обзора. Третьего знамени нет. Все, кто боится анархии и держится за старые формы, группируются вокруг знамени легитимности. Все люди будущего, массы, измученные эксплуатацией, объединены идеей народного суверенитета³³⁰.

Как мы видим, и в этой речи характеристики социальных групп отличаются неопределенностью, и в этой речи нет указаний на конкретные мероприятия, при помощи которых массы смогут добиться освобождения от эксплуатации. Пока в центре внимания Бланки стоит политическая цель борьбы - установление народного суверенитета. Но общие почти всем демократам 30-х годов уравнивательные тенденции были присущи, несомненно, и Бланки; по всей вероятности, уже и в 1832 г. он сочувствовал социализму. Он, несомненно, еще до революции 1830 г. был знаком с произведениями сен-симонистов и с книгой Буонарроти «Заговор равных». Во всяком случае, к 1834 г. социалистические убеждения Бланки полностью оформились. В относящейся к этому году статье, предназначенной им для журнала «Le liberateur». Бланки выступает уже не только против неравенства, но и против уравнивательных рецептов борьбы с общественным злом, противопоставляя им принцип «ассоциации».

Существует два источника богатства, пишет Бланки, разум и труд. Это - душа и жизнь человечества. Но для их действия необходим пассивный элемент - земля. Эта необходимая основа деятельности должна бы принадлежать всем и использоваться совместно. На самом деле этого нет. Земля составляет частную собственность. Частный захват земли, закрепленный потом законом как собственность, есть результат насилия или хитрости. Постепенно право собственности распространилось на орудия труда, на накопленные продукты труда, именуемые капиталом.

Установление собственности породило конфликт между правом человека на существование и привилегией небольшого числа собственников. Капитал оплодотворяется трудом. С другой стороны, он составляет необходимую для труда первичную материю. Поэтому большинство, не обладающее капиталом, принуждено трудиться на пользу владеющего меньшинства. Логическим следствием такой организации является рабство. Но принцип равенства, заложенный в сердце человека, в течение ряда веков стремится уничтожить эксплуатацию человека человеком во всех ее формах. Первый удар по священному праву собственности он нанес, уничтожив домашнее рабство, превратив рабов - эту движимую собственность - в сервов, составляющих собственность недвижимую, неразрывно связанную с землей. Но все же рабство существует и сейчас. Нельзя считать свободным того, кто будучи лишен орудий труда, находится всецело в руках привилегированных. Наследственная передача земли и капитала отдает граждан под иго собственников. Положение рабочего хуже, чем положение негров-рабов на плантациях. Рабочий не составляет капитала подобно рабу: его беречь незачем, его смерть не есть потеря, ибо всегда найдутся другие ему на смену.

Бедный, продолжает Бланки, не знает источника своих несчастий. Невежество, порождение рабства, делает из него послушное орудие привилегированных. Если в Лионе пролетариат поднялся, как один человек, то это было вызвано тем, что противоречие интересов достигло остроты, при которой не могло устоять даже самое упорное ослепление. Положение чревато мятежом. Чувствуя это, защитники существующего порядка начинают проповедовать общность интересов, солидарность между капиталистом и рабочим. Мало кто этому поверит: каждый день проливает новый свет на эту выдумку об ассоциации паразита и его жертвы. Факты свидетельствуют о борьбе, о борьбе не на жизнь, а на смерть между прибылью и заработной платой. Бланки убежден, что победа в этой борьбе достанется не бездельникам, а трудящимся, что право собственности идет к своему закату. Настанет день, когда исчезнут последние привилегии, служащие ему убежищем. Человечество не стоит на месте. Оно либо прогрессирует, либо регрессирует. Регресс привел бы к рабству, этому последнему слову собственности. Прогресс ведет к равенству³³¹.

Скажем, однако, сразу, говорит Бланки в заключение своей статьи, равенство не может быть достигнуто разделом земельных владений. Бесконечное дробление земли ничего не изменит по существу в праве собственности. Обладание орудиями труда и дух эксплуатации восстановят вновь большие состояния и неравенство. Индивидуальная собственность должна быть заменена ассоциацией. Только ассоциация обеспечит господство справедливости и равенства.

³³⁰ Изложение речи Бланки 2 февраля 1832 г. мы даем по тексту речи, напечатанному в книге R.Garaudy. Les sources francaises du socialisme scientifique, p.222-232.

³³¹ Blanqui A. La Critique sociale, t.II, 118-127.

В изложенной статье чувствуется известное влияние на Бланки сен-симонистского учения, особенно сен-симонистской теории прогресса как смены форм эксплуатации. Возможно, что к этому же источнику восходит и понимание будущего общественного строя как ассоциации, хотя в распространении идей ассоциации большую роль играла в этот период пропаганда Фурье и его учеников. Но, отмечая возможные влияния на Бланки утопических школ начала XIX в., необходимо сразу же отметить, что мирный утопизм и религиозная окраска их учений оставались Бланки всегда чуждыми. Усваивая те или иные идеи из наследия сен-симонизма или Фурье, он сочетал их с революционными традициями бабувизма.

В той же статье 1834 г. имеется еще одна заслуживающая внимания черта: характеристика положения наемного рабочего в капиталистическом строе. Эта характеристика, конечно, очень абстрактна, подобные ей мы можем найти даже в XVIII в. (например у Лэнге). Но все же здесь Бланки делает известный шаг вперед к уточнению понятия «пролетарий», тем самым приближаясь к пониманию подлинной движущей силы предстоящего социального переворота. Как мы увидим, полной ясности в этом вопросе Бланки не мог достигнуть. Не подлежит сомнению, что этот шаг в развитии социальных взглядов Бланки явился результатом тех толчков, которые получала его мысль от окружающей действительности - от растущей классовой борьбы французского пролетариата, в частности от борьбы лионских рабочих, о которой он в статье упоминает.

1834 год, как мы уже говорили, можно считать поворотным пунктом в истории революционного движения во Франции 30-х годов. После подавления лионского и парижского восстаний 1834 г. большинство буржуазных республиканцев покинуло ряды революционных организаций. Вновь возникшие тайные общества вербовали своих членов почти исключительно в рабочей среде и в близком к пролетариату слое мелкой буржуазии³³². В этих новых тайных обществах - в «Обществе семейств» и в «Обществе времен года» - Бланки выдвинулся на руководящее место. О тех идеях, которые пропагандировал Бланки в это время, мы можем судить лишь по программным документам обществ. В составлении их принимал участие, конечно, не только Бланки, но с основными их положениями он, несомненно, был согласен.

Документы, о которых мы говорим, исходят из того, что существующее правительство действует в интересах небольшого числа привилегированных. До 1830 г. это была наследственная аристократия. В 1830 г. ее место заняла аристократия богатых: денежные люди, банкиры, поставщики, монополисты и т.д. Участь пролетария в современном обществе подобна участи раба и негра, соткана из нищеты и страданий. Конечной целью организации объявляется свержение существующего правительства силой оружия. Предстоящая революция должна быть не политической революцией, а социальной: необходимо уничтожить все виды аристократии, все виды привилегий. Для завершения революции нужна на некоторое время сильная революционная власть³³³.

Документы тайных обществ, как и выступления Бланки 1832 г., не дают ясного ответа на вопрос о социальных целях революции, хотя и говорят, что это - революция социальная. Они ограничиваются в этом отношении лишь общими формулами: в основе общества должно лежать равенство; существование каждого члена общества должно быть обеспечено при том условии, что он является трудящимся; все члены общества имеют равные права и равные обязанности и т.д. Основным общественным противоречием и здесь представляется противоречие между «аристократией богатства» и «народом» как совокупностью трудящихся. Важную особенность документов составляет требование революционной диктатуры, унаследованное Бланки от бабувизма и прочно вошедшее в его концепцию революционного процесса. Следует, однако, отметить, что диктатура в понимании Бланки есть диктатура революционной организации и отнюдь не диктатура революционного класса.

12 мая 1839 г. «Общество времен года», одним из вождей которого был Бланки, сделало попытку поднять в Париже восстание. Последовавший арест вырвал Бланки вплоть до революции 1848 г. из рядов активных революционных борцов. Годы заточения не прошли для Бланки бесплодно. В революцию он вошел несравненно более зрелым политическим борцом, зачастую способным нащупать практические решения, наиболее соответствующие интересам трудящихся, хотя и по-прежнему чуждым научного понимания путей социальной революции и условий грядущей победы коммунизма.

³³² О тайных обществах этого периода см. первую главу второй части настоящей книги.

³³³ Meilhou Rapport (Affaire de 12 et 13 mai 1839), 18-19, 57, 61, De la Hodde. L'Histoire des Societes secretes, 173-174, 192-194. См. также первую главу второй части настоящей книги.

С первых же дней революции Бланки настойчиво указывает на опасности, угрожающие молодой республике. Он отмечал наличие двух борющихся тенденций развития - к «уравнительной республике» и к «буржуазному конституционализму». Вся его деятельность, вся его пропаганда были подчинены единой задаче - задаче борьбы против буржуазной реакции, грозящей свести на нет результаты народной победы февральских дней. Конечная цель этой борьбы ясно сформулирована Бланки в выступлении 31 марта в организованном им «Республиканском центральном обществе». Республика для нас, говорил здесь Бланки, уточняя понятие «уравнительная республика», это полная эмансипация трудящихся. Это - наступление нового порядка, который уничтожит последнюю форму рабства - пролетариат. Тирания капитала более нетерпима, чем тирания сабли и кадила. Февральская революция имела целью ее сокрушить. Такова же цель «Республиканского центрального общества», каждый из его членов берет на себя обязательство бороться за нее, пока она не будет достигнута³³⁴.

Основной силой, на которую можно опереться в борьбе за «уравнительную республику». Бланки считает рабочих, в первую очередь рабочих Парижа. Первое выступление Бланки против временного правительства было связано с вопросом о знамени республики. По существу это был для него вопрос об «уравнительном» или «буржуазном» пути революции. Трехцветное знамя, заявлял Бланки, не есть знамя республики, это - знамя Луи-Филиппа и монархии. Оно обогрено много раз кровью рабочих. Народ водрузил красные знамена на баррикадах 48 г., как он это делал в июне 1832, в апреле 1834, в мае 1839. Они освящены дважды: поражением и победой. Отныне это - знамена народа... Их падение - оскорбление для народа, профанация его мертвецов. Реакция сорвалась с цепи. «Рабочие,- взывал Бланки, - это падает ваше знамя! Слушайте внимательно: республика не замедлит за ним последовать»³³⁵. Несколько дней спустя, 2 марта, в клубе Бланки был принят адрес временному правительству. Адрес посвящен в основном тем мерам, которые должно принять правительство для обеспечения подлинной свободы печати, союзов и собраний. Но в нем есть два параграфа, непосредственно касающиеся интересов рабочих и их места в революции. §8 адреса требует немедленной организации национальной гвардии, в состав которой должны войти все рабочие без исключения с оплатой по 2 франка за каждый день действительной службы. §9 предусматривает отмену всех статей уголовного кодекса и всех специальных законов, воспрепятствующих коалиции рабочих³³⁶.

Большой интерес представляет кампания, которую вел Бланки за отсрочку выборов в Учредительное собрание. В течение пятидесяти лет, писал Бланки в петиции 17 марта, контрреволюция одна только имела право голоса. Народ не знает правды; надо, чтобы он ее узнал. И для этого недостаточно одного дня или одного месяца. Надо, чтобы свет проник в самые маленькие деревушки... Не говорите, что наши опасения химеричны. Выборы, если они состоятся, будут реакционными. Роялистская партия, единственно организованная благодаря своему длительному господству, будет руководить ими при помощи интриги, подкупа, социальных влияний; она выйдет из выборов победительницей. Но эта победа будет, по мнению Бланки, началом гражданской войны. Ибо Париж, сердце и мозг Франции, не отступит перед этим возвратом прошлого. Представьте себе, писал далее Бланки, печальные последствия конфликта между парижским населением и собранием, которое будет считать, что оно представляет страну и которое не будет ее представлять, ибо голосование, которое состоится завтра, будет ложью. Оценивая как громадную опасность для дела революции политическую отсталость деревенского населения Франции, Бланки требовал отсрочки выборов как необходимого условия политического перевоспитания крестьянских масс. Исходя из того же трезвого понимания соотношения общественных сил, он с большой проницательностью определил политическое значение введенного временным правительством 45-процентного повышения налога, - этой меры, оттолкнувшей от революции крестьянские массы, - определив его как «смертный приговор республике».

Бланки понимал, что главной реакционной силой является напуганная революцией буржуазия. Но с особой резкостью он нападал на тех, кто, выдавая себя за демократов, по существу предавал интересы народа, служил делу буржуазной реакции. Выступая со все большей решительностью против временного правительства, Бланки сурово осуждал его «левую» часть, так называемых «монтаньяров 1848 г.», отличие которых от монтаньяров 1793 г. он видел в том, что они совершенно оторваны от парижских масс. Он разгадал смысл организации Люксембургской комиссии как маневра, отвлекающего рабочих от революционного действия.

³³⁴ Рукопись Бланки; цит. по книге Molinier. Blanqui Paris, 1948, 42.

³³⁵ Рукопись Бланки; цит. по книге Molinier Blanqui Paris, 1948.

³³⁶ Ibid., 37.

Подводя в 1851 г. итоги опыта революционных лет, Бланки писал: «Какой подводный камень грозит грядущей революции? Тот же, о какой разбилась революция вчерашнего дня: заслуживающая сожаления популярность буржуа, переряженных в трибунов. Ледрю-Роллен, Луи Блан, Кремье, Ламартин, Гарнье-Пажес, Дюпон де л'Эр, Флокон, Альбер, Араго, Марра... Мрачный список - зловещие имена, написанные кровавыми буквами на всех мостовых демократической Европы. Это временное правительство убило революцию. На его голову падает вся ответственность за все бедствия, за кровь тысяч жертв. Реакция только занималась своим ремеслом, умерщвляя демократию. Подлинное преступление совершили те изменники, которых доверчивый народ признал своими вождями и которые его предали реакции...»

Совершенно естественна та ненависть, какую питали к Бланки не только откровенные реакционеры, но и люди, прикрывавшие свое служение реакции либеральными, демократическими и даже «социалистическими» фразами. «Вся контрреволюция, - писал Прудон, - бледнеет при одном имени Бланки». В борьбе с самым опасным для нее противником, с человеком, наиболее способным объединить вокруг себя парижские массы, реакция не брезгала никакими средствами. 31 марта в Париже был опубликован документ, будто бы уличавший Бланки в даче судебным властям Луи-Филиппа показаний, компрометирующих его сотоварищей по движению 1839 г. Несмотря на то, что к клеветнической кампании примкнул бывший товарищ Бланки по «Обществу времен года» - Барбес, клевета, немедленно опровергнутая Бланки, могла внести лишь временное смущение в ряды его сторонников. Для борьбы с его влиянием нужны были более решительные меры. 26 мая Бланки был арестован в связи с его участием в демонстрации 15 мая. Ко времени июньского восстания парижские рабочие были лишены своего наиболее преданного и наиболее авторитетного вождя. Бланки был вновь на много лет оторван от непосредственной борьбы за дело революции.

Революционная деятельность Бланки в 1848 г. получила весьма высокую оценку со стороны Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс называли Бланки пролетарским революционером³³⁷. В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал о демонстрации 15 мая: «День 15 мая... привел лишь к удалению с общественной арены на все время рассматриваемого нами цикла Бланки и его единомышленников, т. е. действительных вождей пролетарской партии»³³⁸. Во втором обращении ЦК к Союзу коммунистов сообщалось: «Из французских революционеров к нам присоединилась действительно пролетарская партия, вождем которой является Бланки»³³⁹. В одном из писем Маркс назвал Бланки «головой и сердцем пролетарской партии во Франции»³⁴⁰. В марте-апреле 1850 г. Маркс и Энгельс вели переговоры с двумя представителями Бланки в Лондоне и заключили с ними соглашение, в основе которого лежало признание в качестве общей цели ниспровержения власти привилегированных классов и подчинения этих классов диктатуре пролетариата впредь до реализации коммунизма.

После поражения революции 1848 г., находясь в заточении, Бланки продолжал работать для революции, стараясь поддерживать связь с оставшимися на свободе друзьями и пересылая им руководящие письма и заметки политического содержания. В 1864 г. он бежал из заключения. 14 августа 1870 г. Бланки участвовал в неудачной попытке восстания против правительства Наполеона III, скомпрометированного поражением во франко-прусской войне. После свержения Наполеона Бланки издавал газету «Отечество в опасности», в которой горячо пропагандировал защиту Франции как очага революции против реакционного пруссачества. В первые дни республики Бланки совершил грубую политическую ошибку, призывая массы во имя «обороны отечества» к абсолютной поддержке буржуазного временного правительства. Он не сумел понять, что это правительство, контрреволюционное по своему существу, боится вооруженных французских рабочих больше, чем прусской оккупации, и потому совершенно неспособно организовать оборону; что оно является, как говорил Маркс, не правительством национальной обороны, а правительством «национальной измены»³⁴¹. Дальнейшее развитие событий заставило Бланки отказаться от этой ошибочной позиции и выступить решительно и резко против буржуазных политиков, готовых из страха перед революционным движением масс предать страну, заключив союз с Вильгельмом и Бисмарком. 17 марта 1871 г., накануне провозглашения Коммуны, Бланки был арестован как участник попытки восстания против временного правительства 31 октября 1870 г. Избранный членом Коммуны, он не мог принять участия в ее деятельности. После освобождения в 1879 г. Бланки, несмотря на свои 74 года, вернулся вновь к политической борьбе, которую прервала только его смерть 1 января 1881 г.

³³⁷ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, I изд., 305.

³³⁸ Там же, т.VIII, II изд., 126.

³³⁹ Там же, 328.

³⁴⁰ Письмо к Ватта, цит. по книге R.Garudy. Les sources francaises etc., 217.

³⁴¹ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч.; т.XIII, ч.2, 293.

Бланки не оставил после себя систематического изложения своих философских, социальных и политических взглядов. Его литературное наследие состоит из ряда журнальных статей по отдельным вопросам философии, политической экономики и политики, а также из большого числа разрозненных рукописей, до сих пор еще полностью не опубликованных. Тем не менее сопоставление этих статей, заметок и записей, зачастую противоречивых, позволяет восстановить с достаточной полнотой теоретические положения, которыми руководствовался Бланки в своей революционной деятельности.

Оба основных направления французского утопического социализма начала XIX века - фурьеризм и сен-симонизм - в своих общих философских принципах примыкали к идеализму. И той и другой школе были присущи религиозные тенденции, хотя они и отмежевывались от официального христианства. Как мы уже знаем, не были свободны от религиозных настроений и многие коммунисты той эпохи. Крупнейший пропагандист бабувистских традиций революционного коммунизма, Буонарроти, в философских вопросах находился, как мы знаем, под влиянием идеализма Руссо. Следуя за Руссо и Робеспьером, он защищал идею «гражданской религии», считал необходимой для прочности человеческого общества веру в Верховное существо и в бессмертие души. Системе Бланки совершенно чужды всякие черты идеализма. Он - последовательный ученик французских материалистов XVIII в. со всеми их сильными и слабыми сторонами.

Спиритуализм для Бланки - не только ошибочная философия. Спиритуализм - политическое и социальное преступление, так как из него вырастают все религии, а религии - источник невежества, эксплуатации, нищеты. Спиритуализм - краеугольный камень всякого угнетения, надежнейшее орудие тирании. Религия, говорит Бланки, естественный союзник консерватизма, ибо в неподвижности - сущность религии. Религия отнимает у своих приверженцев всякое стремление к прогрессу, убаюкивает чувство несправедливости. «Бог» - слово, которое прикрывает наше бессилие и наше неведение. Оно претендует все объяснять; но оно не объясняет ничего и воспрещает всякое объяснение. Религия обрекает ум и волю на застой. Когда человеческий дух перестает понимать, он говорит: «бог!» Это слово всегда держало человеческий дух в цепях и стремится удержать его в цепях навсегда. Только наука может, преодолевая препятствия, которые ставит вера, вести человечество по пути знания и действия, которые обеспечивают его величие и свободу. Вера взывает к человеку: «На колени! Нечестивец, здесь нет прохода». Наука говорит ему холодно: «Вставай и пойдем!» - и человек проходит. Знание означает движение и жизнь³⁴².

Народы не имеют более жестокого врага, чем религия. Христианство и опиум, пишет Бланки, - два яда, идентичные по своему действию. Отвлекая мысли и деятельность человека от земных, социальных задач, направляя их к небу, религия делает человека безразличным ко всему, кроме будущей жизни, ослабляет борьбу человечества за справедливость. Из сил, защищающих интересы господствующих классов, церковь, по мнению Бланки, - самая мощная сила. Борьба с религией занимает в учении Бланки не меньшее место, чем она занимала у просветителей XVIII века. Искоренение всех видов монотеизма он считает первой задачей революции³⁴³.

Если такова социальная роль исторических религий, то не менее сурово оценивает Бланки попытки «ложных мессий» XIX века основать новые религии. Эти попытки, по его мнению, реакционны по существу, хотя и прикрываются маской прогресса. Массы не нуждаются в этих карикатурах на прошлое. Общую черту всех новых религий - сен-симонизма, фурьеризма, позитивизма - составляет их отрицательное отношение к революции. Все они нападают на революцию, стремятся заменить ее. Но, отмежевываясь от революции, они неизбежно покидают пути будущего и скатываются к союзу с правительствами прошлого, стараются купить их поддержку своими выступлениями против революции и революционеров. Их остатки можно найти в Сенате и в других советах императорского правительства³⁴⁴.

Всем идеалистическим и религиозным фантазиям Бланки противопоставляет материализм и атеизм. Атеизм, говорит он, учение о несотворенном, вечном мире, живущем по своему собственному закону, неизбежно овладеет человечеством. Это учение имеет своей основой знание, каждодневно доставляющее для его подтверждения новые аргументы. Религии еще представляются хозяевами положения, но в действительности религиозные догмы уже мертвы. Мир движется вперед, возглавляемый знанием. Поражение религий неизбежно.

³⁴² Из рукописного наследия Бланки; цит. по книге Garaudy R. Les sources francaises etc., 263-264.

³⁴³ Blanqui. Critique social, t.II, 113.

³⁴⁴ Бланки имеет в виду правительство Наполеона III.

Подобно своим учителям в области философии Гельвецию и Гольбаху, Бланки не был в состоянии подняться до материалистического и диалектического понимания общественного развития. Закономерность явлений общественной жизни представлялась ему несовместимой с прогрессом человеческого общества, с усовершенствованием общественных отношений в результате сознательной деятельности людей. Слово «закон», писал он, имеет смысл только в отношении к природе. То, что называется законом, неизменным порядком, несовместимо с разумностью и волей. Там, где действует человек, нет места закону. В вопросе о закономерности исторического процесса Бланки делает, несомненно, шаг назад по сравнению даже с Сен-Симоном и Фурье.

Бланки считает исторический процесс движением прогрессивным. Но этот прогрессивный характер придают ему разум и воля, размышление и опыт человека - силы, которые Бланки считает, очевидно, не подчиняющимися общей закономерности. Ничто в истории не возникает внезапно. Человечество путем незаметных переходов проходит через ряд этапов, отделяющих его младенчество от его зрелости. Даже революции, при всей кажущейся внезапности, медленно нарастают под скрывающей их оболочкой, которая в конце концов разрывается, как разрывается оболочка куколки, скрывающая бабочку. Если не говорить о внешних завоеваниях, внутренняя эволюция расы или народа совершается путем переходов с одной ступени на другую. Каждый век имеет собственную структуру и собственную жизнь, составляющую часть в общей жизни человечества³⁴⁵. Совершенно ясно, что Бланки незаметно для самого себя возвращается в этих рассуждениях к признанию некоторой исторической закономерности.

Бланки не может не понимать, конечно, значения для общественного развития экономических отношений. Он часто подчеркивает, что происходящая в обществе борьба определяется материальными интересами, что те или иные идеи и принципы выражают эти интересы. Но в сложном сплетении сил, действующих в человеческой истории, основной силой, движущей человечество вперед, он признает все же рост знаний, просвещение, усовершенствование человеческого разума. Философия, заявляет он, правит миром; это - аксиома. С этим идеалистическим пониманием исторического развития связана, несомненно, характерная для Бланки - и особенно для бланкистов - тенденция ставить на первое место среди задач партии борьбу с религией как с основой всех зол.

Основное содержание истории общества составляет для Бланки движение к коммунизму. Человечество начинает свой путь с абсолютного индивидуализма и через длинный ряд усовершенствований оно должно прийти к коммунизму. Прогресс - приближение к коммунизму, коммунизм и цивилизация - одно и то же. Идею первобытного коммунизма, коммунизма как порядка, свойственного детству человечества, Бланки решительно отвергает как не соответствующую действительности. Отсутствие собственности на землю не есть еще коммунизм. Зачем делить то, чего люди еще не обрабатывают? Нельзя считать признаком коммунизма в современном обществе тот факт, что люди не поделили между собою пространство океанов. Не коммунизм, а индивидуализм составляет первую форму общества. Его господство есть господство невежества, варварства. Дикари - крайние индивидуалисты. Коммунизм не совместим с невежеством, коммунизм является последним словом социальной науки, высшим выражением принципа ассоциации. В соответствии со своим рационалистическим пониманием истории Бланки утверждает, что каждый шаг по пути ассоциации является результатом работы человеческого разума, прогресса знаний. «Орудие освобождения, - пишет он, - не рука, а мозг»³⁴⁶. Задержки на этом пути вызываются остановками в развитии разума: так, прогресс был издержан, прерван христианством. Коммунизм будет неизбежным следствием, социальным и политическим выражением полного торжества просвещения³⁴⁷.

Мы говорили уже о возможном влиянии сен-симонизма на исторические представления Бланки. Это влияние не было, по-видимому, особенно глубоким и длительным. Во всяком случае историческая периодизация Бланки во многом отличается от периодизации сен-симонистов. Основной гранью, разделяющей историю человеческих обществ на две резко отличные части, является у Бланки разделение труда³⁴⁸. До разделения труда индивидуализм сохраняет свой основной устой - экономическую независимость отдельных семейств.

³⁴⁵ Blanqui. Critique sociale, t.I, 41, 45.

³⁴⁶ Из рукописей Бланки; см. статью Mason E. Blanqui and Communism. Political Science Quarterly, 1929, XLIV, N 4, 504.

³⁴⁷ Blanqui. Critique sociale, т. II, 67-75; т. I, 173 и др.

³⁴⁸ Ibid., т. II, 79; т. I, 3 и сл.

Люди не знают обмена, каждая семья производит сама все ей необходимое. Однако при единстве этого экономического принципа человечество проходит в период его господства три фазы социально-политического развития. Первая фаза - каменный век. Люди живут изолированно, не зная иных общественных соединений, кроме семьи. Вторая фаза охватывает конец каменного века и начало века бронзы. Люди соединяются в племена. Они живут скотоводством и охотой. Земля остается общей. Появляются зачатки правительства в форме иерархии и власти вождей. Третья эпоха - век бронзы и век железа. Люди переходят к обработке земли, за которой следует ее присвоение. С исторической точки зрения этот кажущийся успех индивидуализма составляет, по мнению Бланки, большой шаг в направлении к коммунизму. В этот период возникают политическая и социальная власть монархии и аристократии, касты, вассальные отношения. Но обмена нет, денег нет, следовательно, заключает Бланки, нет и капиталистической эксплуатации³⁴⁹.

Разделение труда - величайший переворот в жизни человечества. Разделение труда повышает его производительность, улучшает качество продукции. Разделение труда разрушает обособленность индивидов, устанавливает новый принцип: каждый работает для всех, все для каждого³⁵⁰. Но этот бесспорный прогресс куплен ценой полной потери личной независимости, ценой установления рабства под видом солидарности. Отказ от личной независимости не был ни внезапным, ни сознательным. Никто не давал на него своего согласия, никто не согласился бы обменять чувство личной свободы на позолоченное ожерелье цивилизации³⁵¹. Режим разделения труда замещал режим индивидуальной изолированности путем целого ряда трансформаций, растянувшихся на длительный период. Каждый шаг на этом пути казался желанной победой, изменение происходило мало-помалу, не затрагивая ни привычек, ни предрассудков.

С упрочением принципа разделения труда общество основывается на обмене. На первых порах, пока потребление, а, следовательно, и обмен, охватывает небольшое число предметов, возможен обмен в натуре, обмен продукта на продукт. Но с ростом производства такой обмен стал совершенно невозможен. Возникла потребность в посреднике, и таким посредником по своим специальным качествам, естественно, сделались драгоценные металлы. Появление денег было, таким образом, вызвано необходимостью; но опыт показывает, что за их услуги обществу пришлось заплатить очень дорого. Основным условием обмена, его законом, утверждает Бланки, является эквивалентность обмениваемых предметов. При соблюдении этого закона деньги служили бы источником благодетельных. Но в действительности их применение породило ужасные злоупотребления: ростовщичество, капиталистическую эксплуатацию и ее пагубные последствия - неравенство и нищету³⁵².

Когда возникли деньги, говорит Бланки, перед человечеством было открыто два пути: путь братства и путь эгоизма. Первый путь привел бы вскоре человечество ко всеобщей ассоциации: потребности производства и его прогресса неизбежно вызвали бы кооперацию усилий отдельных работников. Но эгоисты, жадные люди поняли вскоре мощь денег, поняли, какое значение может иметь обладание этой «чудесной лампой»³⁵³. «Вампиризм» этих людей повел общество по пути эгоизма, накопление денег, - а только деньги и составляют капитал, - совершилось не посредством ассоциации, а посредством индивидуального захвата, за счет масс, на пользу немногих. Немногие оказались владельцами орудий труда, а большинство оказалось вынуждено на них трудиться. Могло ли быть иначе, спрашивает Бланки, в те века невежества и дикости, когда люди не знали другого права, кроме силы, другой морали, кроме «императора-эку», так весь мир охватило зло ростовщичества³⁵⁴.

Бланки резко осуждает капитал в его современной форме. Капитал, говорит он, не есть «накопленный труд», как утверждают экономисты; это - «украденный труд». Но глубокого экономического анализа капитализма как своеобразной формы эксплуатации, мы у Бланки не находим. В своем понимании капитала и капиталистической эксплуатации Бланки остается на уровне мелкобуржуазных утопистов первой половины XIX в. Для него капитал - синоним ростовщичества, источник капиталистической прибыли он видит в неэквивалентном обмене, в «незаконном проценте». Не случайна проявляющаяся иногда у Бланки терпимость к прудонизму. Прудонизм и коммунизм - это, по его мнению, «братья-враги». Их объединяет и позволяет им носить одно и то же имя социализма отрицательное отношение ко всем формам процента.

³⁴⁹ Ibid., т. II, 77-79.

³⁵⁰ Blanqui. Critique sociale, т. II, 3-5. 42-43.

³⁵¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, 9.

³⁵² Ibid., 39-42.

³⁵³ Бланки имеет в виду чудесную лампу Аладина из «Тысячи и одной ночи».

³⁵⁴ Blanqui. Critique sociale, т. II, 43-45.

Буржуазную политическую экономию Бланки обвиняет в том, что она, оправдывая заем из процентов, впадает в противоречие с «аксиомой» равноценности обмениваемых предметов. Естественно, что, стоя на мелкобуржуазных позициях в вопросе о существовании капиталистической эксплуатации, Бланки оказывается не в состоянии понять классовую структуру капиталистического общества. С мелкобуржуазным пониманием процесса эксплуатации связано, несомненно, и его представление о «пролетариате», как об общественной группе, охватывающей всех, кто живет своим трудом, не эксплуатируя труда других.

Критика капитализма у Бланки носит по преимуществу характер оценки с точки зрения морали и разума: существующий порядок не отвечает требованиям справедливости, логики, здравого смысла. «Справедливость,- говорит он,- единственный критерий, который должно применять в человеческих делах». Его применение неизбежно ведет к социализму. Буржуазная политическая экономия безразлична к морали, и это лишает ее всякой ценности как социальную науку³⁵⁵. «Достаточно одного взгляда,- говорит Бланки,- чтобы измерить пропасть, отделяющую социализм от политической экономии. Это две диаметрально противоположные концепции общества. То, что с точки зрения одной - добродетель, с точки зрения другой - преступление. Отрицанию соответствует утверждение, проклятию - одобрение, панегирику - анафема». Политическая экономия - кодекс взаимного истребления, в ее сухих страницах нет никаких признаков идеи справедливости, ничего, кроме эгоизма, кроме войны человека с человеком. Бланки возмущается претензией буржуазной политической экономии на открытие «вечных» экономических законов, которым будто бы соответствует капиталистический порядок. Термин «закон» в понимании экономистов - это, утверждает он, «нелепость, лицемерие, плутовство, а иногда все это вместе...»

Та же глубоко ошибочная теория эксплуатации приводит Бланки к искажению исторической перспективы, к смешению в его представлениях форм эксплуатации. У Бланки деспотическая власть капитала, «императора-эку», начинается с незапамятных времен. К тому моменту, когда «поднимается занавес истории», она распространена уже в Европе, Азии, Африке. Капитал царит в Египте, в Финикии, в Греции, в Карфагене. Он господствует в республиканском Риме. Патриции - это ростовщики, правящие не только силой меча, но и силой денег (сестерции). Все «великие люди римской республики - Сципион, Лукулл, Катон, Брут, Кассий - были займодавцами». В течение столетий патрициат и «пролетариат» боролись за политическую и социальную власть. «Римская история, - по словам Бланки,- длинный рассказ о борьбе между капиталом и трудом». Хотя поражение в этой борьбе и приводит «неоплатного должника» к превращению в раба, положение пролетария в Риме в основном представляет, как полагает Бланки, полную аналогию с положением европейского рабочего. В римской республике три орудия тирании - священство, деньги и сабля - находятся в одних руках. Из этих трех средств угнетения основным является «капитал», два другие служат ему жандармами. Победа Цезаря над республикой была обусловлена тем, что на сторону Цезаря стали массы. Цезаризм обязан своим успехом всеобщей ненависти к тирании ростовщиков. Но массы ничего не выиграли от этой революции. Сабля не находилась более в руках ростовщиков, но ростовщичество по-прежнему управляло Римом. Когда к этим двум силам присоединилось христианство, настал конец античной цивилизации. «Христианство,- пишет Бланки в одной из своих заметок,- находится между двумя цивилизациями: одной - на смертном одре, другой - в колыбели. Христианство, ненавидя первую, ее убило, а само погибло от рук второй, которая отомстила за свою предшественницу. Между этими двумя цивилизациями - истинное царство христианства, средние века, варварство»³⁵⁶.

Выросший на развалинах Рима новый, феодальный порядок передал власть в руки знати и духовенства. Денежный человек оказался жертвой военного человека. Но мир начал затем вновь подниматься по ступеням цивилизации, и в настоящее время круг завершен. Капитал господствует в обществе. Одержимый жадностью к прибыли, он понял значение ассоциации, и это прекрасное орудие прогресса стало в его руках средством уничтожения мелкой и средней индустрии, мелкой и средней торговли. Над прахом скромного буржуа возвышается более сведущая и более страшная, чем старый патрициат, власть тройственного феодализма: финансового, промышленного и торгового, - власть, которая держит под своей пятой все общество. Общество стремится к пропасти, как бы охваченное слепым безумием. Тщетны почти всеобщие призывы к равенству. С каждым днем все больше углубляется разрыв между двумя кастами - изобилием и нищетой. Промежуточные слои исчезают.³⁵⁷ Все завоеванные знания становятся оружием в руках капитала против труда и мысли³⁵⁷.

³⁵⁵ Ibid., т. I, 11; т. II, 58.

³⁵⁶ Из рукописей Бланки. См. указанную статью Mason E. «Blanqui and Communism». Political Science Quarterly, 1929, XIV, 505.

³⁵⁷ Blanqui. Critique sociale, т. I, 47-48, 176 и др.

Резюмируя свои исторические сопоставления, Бланки приходит к следующему обобщению: «Приемы тирании неизменны. Их можно найти везде и всегда, и они опираются на те же основания: невежество и легковерие»... «Так идут дела с начала исторических времен». Но Бланки убежден в том, что этот порядок, основанный на эксплуатации, не может быть вечной судьбой человеческого рода. По-видимому, он, как и его учителя-бабувисты, был склонен думать, что «борьба бедных против богатых» присуща всякому обществу, в котором царит неравенство. Однако, с другой стороны, он утверждал, в некотором противоречии с этой концепцией, что именно в настоящее время (т.е. в середине XIX в.) «император-эку» впервые наталкивается на восстание своих жертв³⁵⁸.

В обществе идет ожесточенная борьба между двумя классами: буржуазией и пролетариатом³⁵⁹. Пролетарии не могут прожить и 24 часов без орудий труда, которые находятся во власти привилегированных. «Между этими классами не может быть никакой общности интересов. Между двумя частями общества немислимы иные отношения кроме борьбы». Господство буржуазии колеблется. Буржуазия видит свою последнюю надежду в цезаризме, тогда как народ становится под знамя республики. Буржуазия ищет себе поддержку в католической церкви, забыв о былом вольнодумстве. «Мы видим теперь союз Тьера и Монталамбера, - пишет Бланки, - союз банка и духовенства». Промышленники Эльбефа собираются под знаменем Лойолы. Они будут ходить к мессе каждое воскресенье, чтобы молиться о сохранении социального порядка и их эку³⁶⁰. На одной стороне насилие, несправедливость, мрак; на другой - справедливость, братство, просвещение. Исход борьбы, по мнению Бланки, не вызывает сомнений³⁶¹.

Хотя имеются люди, принадлежащие по рождению к буржуазии и примыкающие к рядам пролетариата, хотя есть пролетарии, сражающиеся в рядах буржуазного лагеря,- борьба идет между прибылью и заработной платой, между капиталом и трудом. Бланки считает естественным и исторически неизбежным, что вождями революционного движения являются выходцы из буржуазии. В рядах буржуазии имеется некоторое избранное меньшинство, которое составляет душу, жизнь революции. От него исходят идеи преобразования, поднимающие и возбуждающие массы. Многие из этих «избранных» живут сами в крайней нищете. Их существование пугает капитал, и капитал не напрасно их боится. Эти «деклассированные» буржуа поддерживают в массах брожение, ведут их на бой против буржуазии. «Кто водрузил знамя пролетариата? Кто провозвестник, кто апостол доктрины равенства? Кто ведет народ на бой против буржуазии? - Сама буржуазия. Но какой девиз стоит на ее знамени? Демократия? - Нет, пролетариат». Бланки едко высмеивает людей, которые считают себя демократами и заявляют, что они не принадлежат ни к лагерю буржуазии, ни к лагерю пролетариата. Прикрываться такими неопределенными фразами могут те, кто стремится обмануть народ; те, кому действительно дороги его интересы, должны без оговорок и утайки примкнуть к своему лагерю и открыто носить свою кокарду. В пример «демократам» своего времени Бланки приводит деятелей Горы 1793 г., которую он явно идеализирует. Боевая жизнь Горы, говорит он, была коротка и окончилась, как и жизнь Христа, на Голгофе. Со дня падения монархии и до последнего движения предместьев в прерииале Гора и народ составляли, по его мнению, неразделимое целое, единое и в дни победы и в дни поражения³⁶².

4

Бланки не верит в возможность изменения условий жизни угнетенных масс при помощи средств, предлагавшихся различными школами утопического социализма. Он признает, что постановка вопросов социального преобразования принесла известную пользу, уяснив недостатки существующего порядка и внушив массам веру в лучшее будущее, в социализм. Утопические учения дали ценный материал для «практических» коммунистов, но только материал. Ни одна из социалистических школ не может претендовать на то, что она дала рецепт спасения человечества от всех социальных зол. Рассуждения утопистов о будущем обществе Бланки называет «революционной схоластикой». Их споры привели бы к полному крушению, если бы народ, увлекшись ими, пренебрег единственным практическим условием успеха, т.е. силой. Будущее общество не может быть созданием ума того или иного мыслителя. Коммунизм будущего - не

³⁵⁸ Ibid., t.I, 46.

³⁵⁹ Оценивая это положение Бланки, не следует, конечно, забывать о свойственном Бланки понимании термина «пролетариат»; он насчитывает во Франции 32 млн. пролетариев, т.е. относит к пролетариату всех людей, не имеющих «серьезной собственности и живущих трудом своих рук».

³⁶⁰ Из рукописей Бланки, см. указ. статью Mason E.

³⁶¹ Blanqui. Critique sociale, t.I, 51.

³⁶² Приветствие Бланки социалистическому банкету 3 дек. 1748 г. «La Revolution de 1848», vol.CXI. Sept. 1925, 546.

утопия; это - общий результат всего исторического движения, а не «яйцо, снесенное и высиженное в каком-то углу человеческого рода птицей о двух ногах без перьев и без крыльев»³⁶³.

Мечта утопистов о построении нового общества без ниспровержения старого правительства представляется Бланки абсолютно неосуществимой. Как только правительства заметят опасность, они без труда пресекут все попытки осуществления этих утопических планов. Бланки считает также не имеющими серьезного значения попытки улучшить положение трудящихся на путях кооперации. Кооперативное движение - это, по мнению Бланки, ловушка для пролетариев, средство незаметно перетянуть их в лагерь врага³⁶⁴. Кооперативные планы вносят разделение в рабочий класс. Кооперативные организации доступны только верхнему слою пролетариата. Они бесполезны для широких масс рабочих. Более того: они отнимают у масс их естественных руководителей, наиболее способных и энергичных представителей пролетариата, которые проникаются мелкобуржуазными интересами и привычками. Кооперация создает новую касту, полубуржуазную, эгоистичную и консервативную. Значение этого ублюдочного опыта, который окрещен именем социализма, состоит, по мнению Бланки, в том, что он - отрицание революционного социализма, его могила.

Иначе оценивает Бланки стачечное движение как естественное, и притом массовое, средство в борьбе труда с капиталом. В связи с этим он положительно относится к профессиональным союзам и к кассам взаимопомощи рабочих. Но и стачка годится лишь как временное орудие обороны против угнетения. Народ должен концентрировать свои усилия на политическом перевороте, который один только способен привести к преобразованиям социальным³⁶⁵. «Государство, - говорит Бланки, - есть жандарм богатых, охраняющий их от бедных. Необходимо создать иное государство, которое было бы жандармерией бедных против богатых...». «Социализм немыслим без политической революции».

Революция, которую предвидит и к которой стремится Бланки, имеет своей непосредственной задачей низвержение власти капитала, своей конечной целью - установление коммунистического порядка, полное устранение всякой эксплуатации. Но представления Бланки о движущих силах революции и о путях построения коммунизма совершенно утопичны. Нечеткое понимание классовой структуры общества не могло не отразиться отрицательно на этой стороне его взглядов. Растворяя пролетариат в общей массе народа, в бедноте, он не мог правильно определить историческое место классовой борьбы пролетариата в процессе подготовки социальной революции и в самой революции.

Бланки представлял себе революцию как вооруженное восстание, осуществляемое хорошо подготовленной конспиративной организацией. Организация, порядок и дисциплина - вот основное, что нужно, по его мнению, для успеха восстания. Технической подготовке восстания он уделял большое внимание и составил по этому вопросу хорошо разработанную инструкцию. Он полагал, что грядущая революция будет революцией в интересах пролетариата, что она завершит вековую борьбу «бедных и богатых», «труда и капитала». Он рассчитывал на поддержку восстания парижскими рабочими. В революции 1848 г. возглавляемая им организация стойко защищала дело пролетариата и в этом смысле являлась «пролетарской партией». Но революционная деятельность Бланки, достигшая наибольшей высоты в 1848 г., не была освещена революционной теорией. Значения для революции роста классового самосознания пролетариата, роста его организованности он не сумел оценить; он не сумел понять, что для осуществления социальной революции нужна «...рабочая партия, опирающаяся на рабочее движение, классовая партия»³⁶⁶. Поэтому и соотношение между дисциплинированной группой революционеров и массами он представлял себе неправильно. Он не понимал необходимости живой и непосредственной связи революционной организации с реальной классовой борьбой пролетариата. Борьбе за непосредственные материальные нужды масс Бланки не придавал большого значения.

Бланки относится критически к укоренившейся традиции созыва после победы революции учредительного собрания. Он зло и едко высмеивает буржуазный парламентаризм, разоблачает характерное для буржуазных парламентов своекорыстие, продажность, безразличие так называемых «представителей народа» к подлинным интересам народа. Не придает он большого значения с точки зрения обеспечения интересов народа и всеобщему избирательному праву.

³⁶³ Blanqui. Critique sociale, т. I, 199.

³⁶⁴ Ibid., II, 129-130.

³⁶⁵ Blanqui. Critique sociale, т. II, 166-167.

³⁶⁶ В.И. Ленин. Соч., т. 17, 129.

При недостаточной сознательности и организованности народа, при наличии находящихся в руках правящего класса мощных аппаратов материального и духовного воздействия результаты всеобщего голосования весьма сомнительны. Народ в течение десятков лет слушал только одну сторону. Чтобы разумно судить, он должен иметь время выслушать другую³⁶⁷. Для закрепления победы революции, для проведения необходимых преобразований нужны не выборы, не учредительные собрания, нужна, по мнению Бланки, революционная диктатура.

Как мы уже говорили, диктатура в представлении Бланки не есть диктатура класса. Желая определить ее характер, Бланки говорит о «диктатуре Парижа». Правление Парижа, утверждает Бланки, есть правление самой страны: Париж - подлинное национальное представительство³⁶⁸. Париж - мозг Франции. Революционность Парижа доказывает его способность управлять Францией. Очевидно, однако, что Бланки имеет в виду, говоря о диктатуре Парижа, диктатуру революционной организации, опирающейся на определенную часть парижского населения - на парижский плебс. Бланки неоднократно повторяет, что первоочередной задачей революционного правительства, задачей, разрешение которой совершенно необходимо в целях закрепления результатов революции, для обеспечения интересов народа, является разоружение буржуазии и вооружение рабочих (иногда Бланки говорит: рабочих и республиканского населения). Буржуазная национальная гвардия должна быть распущена, вместо нее должна быть создана национальная милиция из рабочих. В первую очередь Бланки имеет в виду парижских рабочих как наиболее культурную часть трудящихся. Пролетариат провинциальных центров, по его мнению, еще недостаточно образован, а крестьянство отстало и в религии и в политике. Но в дальнейшем о «мечтает «о паризификации» всей Франции, окончательно закрепляющей победу революции. «Оружие и организация, - заявляет Бланки, - решающий элемент прогресса, серьезное средство покончить с нищетой. У кого есть оружие, у того есть и хлеб. Франция, покрытая вооруженными тружениками, - это наступление социализма. Перед лицом вооруженных пролетариев исчезнут все трудности, все сопротивления, все невозможности»³⁶⁹.

Революционная власть должна нанести решительные удары по ныне действующей системе управления и суда, системе, служащей целям укрепления и охраны власти богатых над бедными. Все высшие и средние чиновники должны быть устранены. Существующая армия должна быть распущена и взамен нее должна быть организована новая национальная армия без отрыва от места жительства. Существующая судебная власть должна быть упразднена и судьи уволены, функции суда должны быть возложены на арбитров в гражданских делах и на присяжных - в уголовных. Должны быть также приняты меры против церкви, освящающей существующие порядки своим учением и своим духовным авторитетом. Вся эта «черная армия» должна быть изгнана. Должны быть изгнаны также аристократы; серьезные враги республики должны быть преданы суду. Наконец, врагам не должно быть предоставлено никаких свобод³⁷⁰.

Едва ли не самую утопическую часть в рассуждениях Бланки о социальной революции составляют его взгляды на пути реализации коммунистических принципов. Бланки не надеется на то, что коммунизм можно будет установить очень скоро. Современное настроение умов не располагает его к чрезмерному оптимизму. Принимая это во внимание, он призывает к осторожности: прямое нападение на принцип частной собственности было бы, по его мнению, не только бесполезно, но и опасно³⁷¹. Мы знаем, что основной опорой несправедливого общественного строя является, согласно идеалистической концепции Бланки, невежество. И, наоборот, коммунизм несовместим с невежеством. Коммунизм не может войти в жизнь без своего необходимого спутника, просвещения³⁷². На пути к коммунизму много препятствий: армия, суд, христианство, политическая организация... Но невежество страшнее их всех, на его преодоление потребуется немало лет³⁷³.

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

М., 1960

³⁶⁷ Blanqui. Critique sociale, т. I, 206-217, Partie en danger, стр. 262.

³⁶⁸ Ibid., I, 206, 208.

³⁶⁹ Avis au peuple. «La Revolution de 1848», CXI, sept. 1925.

³⁷⁰ Blanqui. Critique sociale, т. I, 205-206, 211. Бланки неоднократно указывал, в частности, на невозможность сохранения свободы лживой буржуазной прессы.

³⁷¹ Ibid., 211, 208.

³⁷² Blanqui. Critique sociale, т. I, 177-178.

³⁷³ Ibid., 183.

Нельзя поэтому, рассчитывать, что общность будет установлена завтра. Коммунизм будет входить в жизнь постепенно, шаг за шагом, параллельно с развитием образования. Он утвердится полностью с того дня, когда просвещение станет всеобщим. Он неизбежно родится из всеобщего обучения и может родиться только из него, только из распространения просвещения³⁷⁴. «Нет прочной революции без просвещения!» - восклицает Бланки. В обществе просвещенных людей не будет ни эксплуатации человека человеком, ни власти человека над человеком. Дальнейшее развитие этой мысли приводит Бланки к выводу о невозможности сохранения в просвещенном обществе государственной власти. Свобода - значит просвещение! Равенство - значит просвещение! Братство - значит просвещение! Учителя, книги и печатный станок - таковы подлинны силы революции³⁷⁵.

Бланки намечает некоторую программу экономических мероприятий, которые должно будет провести революционное правительство на следующий день после победы. Государство конфискует владения церкви и изгнанных аристократов. Государство установит свой контроль над крупными промышленными и торговыми предприятиями; с их владельцами будет заключен договор, обязывающий их продолжать работы по-прежнему, сохраняя на работе персонал и не изменяя заработной платы. Те предприниматели, которые откажутся от такого соглашения, будут высланы, а во главе их предприятий будет поставлено назначенное государством правление. Это, конечно, в первую очередь мера обороны против возможных контрударов буржуазии в области экономической, хотя в результате она и может привести к переходу крупных предприятий в руки государства. По всем прочим вопросам экономики, - в том числе и по вопросам рабочих ассоциаций и кредита, - Бланки ограничивается указанием на необходимость создавать для их обсуждения совещания компетентных лиц³⁷⁶. Но для того чтобы принципы ассоциации действительно вошли в жизнь, необходимо, чтобы благодеяния ассоциации стали понятны широким массам. Этому препятствует политика современных правительств, стремящихся держать народ в темноте: значение ассоциаций станет ясным для всех промышленных рабочих, если власть будет заботиться о просвещении.

Отметим, что Бланки выделяет здесь промышленных рабочих в особую категорию, наиболее восприимчивую к идеям ассоциации. Он считает более трудной задачей привлечение к ассоциации крестьянства, более невежественного и крепко привязанного к своему клочку земли. Он рекомендует относиться с большим вниманием и осторожностью к интересам и настроениям крестьянства, которого еще пугают слова «раздел» и «коммунизм». Он понимает значение крестьянства для успеха дела революции. Крестьянам нужно разъяснить, что революция не посягает на мелкую и среднюю собственность, что их вступление в ассоциацию зависит исключительно от их собственного решения, что никто их к этому не принуждает³⁷⁷.

(В общем, представления Бланки о переходном периоде от существующего строя к коммунизму или к «интегральной ассоциации» весьма неопределенны. У Бланки имеются положения, свидетельствующие о его способности к трезвой оценке реального соотношения сил в период непосредственной борьбы за построение коммунизма (возможный саботаж предпринимателей, настроения крестьянства), но эти положения тонут в рассуждениях о просвещении как основной предпосылке общественного преобразования, как о силе, автоматически приводящей к торжеству коммунизма. Энгельс справедливо указывал, что у Бланки по существу нет «...определенных практических предложений социального переустройства»³⁷⁸).

Попытки изображения будущего коммунистического строя Бланки считает безнадежными и ненужными. Он издевается над врагами коммунизма, которые требуют, чтобы им сейчас же сказали, кто будет при коммунизме опораживать их ночные горшки. «Будет лучше заниматься задачами настоящего дня, - говорит он. - Будущее не принадлежит нам, нас не касается. Наш единственный долг - приготовить для его организационной работы хороший материал. Все прочее не входит в нашу компетенцию»³⁷⁹. Этот отказ от обсуждения проблем будущего общества Бланки пытается обосновать теоретически. Он утверждает, что существующая организация является барьером, заслоняющим от нас будущее; она как бы покрывает это будущее непроницаемым туманом. Пока не настал момент смерти и возрождения общества, представления о будущем неизбежно неясны. Преграду между нами и будущим может сокрушить только революция. Только смерть старого мира освободит элементы, движение которых должно организовать новый порядок. Никакие усилия мысли не смогут предвосхитить это освобождение. Социальный вопрос может поэтому, по мнению Бланки, стать вопросом серьезного обсуждения и практики лишь после полного разрешения вопроса политического. К спорам различных социалистических течений о

³⁷⁴ Ibid., 127-128, 184.

³⁷⁵ Из рукописи Бланки: цит. по указ. статье Mason E.

³⁷⁶ Blanqui. Critique sociale, т. I, 204.

³⁷⁷ Blanqui. Critique sociale, т. I, 209-211.

³⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 225.

³⁷⁹ Blanqui. Critique sociale, т. I, 196.

социалистических течений о будущем обществе Бланки относится иронически: стоя на берегу реки, они с ожесточением спорят о том, находится ли на противоположном берегу поле маиса или поле ржи. Они упорно стараются разрешить этот вопрос, не преодолев стоящего перед ними препятствия. «Эх, переплыть бы нам сначала, - восклицает Бланки. - А там уж увидим...»³⁸⁰

* * *

Остановившись в своем идейном развитии на уровне, достигнутом им в 30-40-х годах, Бланки не смог до конца своей жизни освободиться от наивно-рационалистических представлений об историческом развитии человеческого общества. Он не понял значения для революции теории научного коммунизма, хотя и был знаком с деятельностью и некоторыми трудами Маркса и Энгельса. Роль пролетариата как движущей силы социалистической революции была Бланки не вполне ясна. Неудивительно, что после 1848 г. его деятельность как вождя социалистического движения не имела уже былого значения. Неудивительно, что его последователи, усвоившие и упорно защищавшие все устарелое и отжившее в его воззрениях, играли в рабочем и социалистическом движении второй половины XIX в. отрицательную роль. Но анализ и оценка бланкизма этого времени выходят за пределы настоящей работы.

Не обладая научной теорией социализма. Бланки в течение своей долгой политической жизни делал немало ошибок и в своей практической деятельности. Об этих ошибках не следует, конечно, забывать. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что преданность Бланки делу коммунизма и его пламенный революционный темперамент позволили ему во многих отношениях подняться значительно выше других мыслителей и деятелей его времени. Не следует забывать, что именно его партию называл Маркс в 1848 г. партией революционного пролетариата³⁸¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пролетариат конституируется как класс лишь после промышленной революции, лишь в процессе роста капиталистической индустрии. На первых ступенях своего развития пролетариат, объединяемый местом, которое он занимает в общественном производстве, близостью жизненных условий и интересов, составляет все же по выражению Маркса только «класс в себе». Пролетариат приходит к классовому самосознанию, превращается из класса в себе в класс для себя путем длительного и сложного процесса.

Первые проблески зарождающихся чувств солидарности и революционных настроений могут быть отмечены в рабочих массах очень рано. «Самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата вспыхивали, - говорит Энгельс, - при каждом крупном буржуазном движении» - в XVI веке в Германии, в XVII веке в Англии, в XVIII веке во Франции. Наиболее ярким примером такого движения, - отражающего стремления пролетаризированных масс, - был во время французской буржуазной революции так называемый заговор Бабефа³⁸².

Пролетаризация масс, рост кадров наемных рабочих в связи с успехами капитализма обусловили появление во Франции в начале XIX века ряда теоретических построений, объединяемых общим наименованием «утопический социализм». «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, - писал Ленин, - сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать как отражение этого гнета и протест против него»³⁸³.

Эти утопические системы, указывали в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс, возникли в развитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией». В этот период рабочие представляли собой рассеянную по всей стране и разъединенную конкуренцией массу. Поэтому творцы утопических систем, отмечая противоречия классов, «не видят на стороне пролетариата никакой исторической самодеятельности»³⁸⁴.

Утопический социализм «критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации»³⁸⁵. Великие утописты искренне стремились найти способ устранения эксплуатации человека человеком. Но найти общественную силу, которая способна стать творцом нового общества, они не могли. Считая себя стоящими над классовыми противоречиями, они верили, что эти противоречия будут сняты открытой ими социальной наукой.

³⁸⁰ Blanqui. Critique sociale, т. II, 115-116, 314.

³⁸¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, II изд., 126.

³⁸² Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, 509.

³⁸³ В. И. Ленин. Три источника, три составные части марксизма. Соч.

³⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, 455.

³⁸⁵ В. И. Ленин. Три источника, три составные части марксизма. Соч., т. 19, 7.

Ни одна из систем утопического социализма не отвечала потребностям растущего в своем классовом самосознании пролетариата. Ни сен-симонизм, ни фурьеризм не смогли завоевать сколько-нибудь прочного и длительного влияния в рабочем классе. В сороковых годах наследники великих утопистов стояли в стороне от рабочего движения.

Внутренние закономерности капиталистического развития с исторической неизбежностью ведут не только к росту числа пролетариев, но и к росту их классового самосознания. В тридцатых и сороковых годах этот процесс шел во Франции весьма быстрыми темпами. Французский пролетариат все более решительно и твердо вступал на путь классовой борьбы, все определеннее тяготел к коммунизму. «Социализм,- писал Энгельс,- означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм - рабочее»³⁸⁶. Подъем коммунистической пропаганды в последние восемь лет Июльской монархии, появление ряда систем утопического коммунизма свидетельствовали о росте боевой активности пролетариата, о том, что на историческую арену выходит новая общественная сила. Но французский рабочий класс накануне Февральской революции далеко не ясно представлял себе пути борьбы и необходимые условия своей победы; в его мирозерцании были еще сильны чуждые его подлинным интересам мелкобуржуазные традиции. Мы видели, как явственно еще влияние этих традиций сказывается в построениях многих коммунистов этого периода - Кабе, Лаотьера, даже Дезами. Утопический коммунизм был не в состоянии дать научное обоснование классовой борьбе пролетариата и тем самым поднять ее на более высокую ступень. Для этого необходима была новая теория. Это новая теория должна была научно осмыслить место пролетариата в истории человечества и историческую роль его борьбы; этого не могли сделать системы утопического коммунизма, исходившие из «вечных» принципов разума и справедливости, из «естественных прав» человека. Для разрешения задач, поставленных перед пролетариатом историей, надо было создать подлинно объективную историческую науку, т.е. науку материалистическую, критически переоценив все, что дала для понимания общественных явлений буржуазная научная мысль. Надо было извлечь из фантастической оболочки все ценное, что содержали в себе системы утопистов. Надо было изучить и обобщить опыт реальной борьбы рабочего класса. Но вся эта работа, громадная сама по себе, могла дать лишь материал для новой теории. Чтобы ее действительно создать, необходимо было открыть подлинно научный метод-метод диалектического материализма. Необходим был гений Маркса.

Хотя отзвуки былого влияния утопических учений, - отзвуки все более отдаленные, все более слабые,- могут быть отмечены во французском социалистическом и рабочем движении вплоть до XX века, - все же можно с полным основанием сказать, что 1848 год нанес всем разновидностям утопических систем, в том числе и утопическому коммунизму, смертельный удар. В области теоретической закат утопизма был возведен выходом в свет в начале 1848 года «Манифеста Коммунистической партии». На прочной основе материалистического анализа «Манифест» построил учение о классовой борьбе пролетариата, о неизбежности пролетарской революции, о грядущей победе коммунизма. «Манифест» разрешил научно оказавшуюся неразрешимой для утопистов проблему соединения коммунизма с рабочим движением, показав вместе с тем всю непрочность, всю научную беспомощность их учений. В области политической 1848 год обнаружил полную неспособность утопистов овладеть революционными массами и повести их в бой за торжество своих идей, их полную практическую беспомощность. Пора расцвета утопического коммунизма, явным образом, отошла в прошлое.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.III.
Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.IV.
Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.V.
Маркс К. и Энгельс Ф. (о книгах) - А.Шеню. «Заговоры, тайные общества и пр.»; Л. де ла Одд; «Рождение республики в феврале 1848 г.». К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. VIII.
Маркс К. Классовая борьба во Франции. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. VIII. Маркс К. Письмо к Энгельсу 30 янв. 1865 г. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XXIII.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.
К.Маркс. Ф.Энгельс. Соч., т.XV.
Энгельс Ф. Эмигрантская литература.
К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV.

³⁸⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XVI, ч. II, 52.

Энгельс Ф. Предисловие к 4-му немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии». К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XVI, ч.II.

Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т.1.

Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. Соч., т.2.

Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. Соч., т.4.

Ленин В.И. Что делать? Соч., т.5.

Ленин В.И. План чтения о Коммуне. Соч., т.8.

Ленин В.И. Уроки Коммуны. Соч., т.13.

Ленин В.И. Лев Толстой и его эпоха. Соч., т.17.

Ленин В. И. Две утопии. Соч., т.18.

Ленин В.И. Три источника, три составные части марксизма. Соч., т.19.

Источники

«L'Atelier», Paris.

«Le Communautaire. Journal demontrant la science sociale». Paris, 1840. «De legalite». Paris, 1833. Анонимно. «Droits de l'Homme». Paris, 1848. «L'Egalitaire». Paris, 1840.

«Expose des principes republicains». Анонимно. (Paris). «La Fraternite». Paris, 1841 и след. «L'Homme libre». Paris, 1839. «L'Humanitaire». Paris, 1841. «L'intelligence». Paris, 1837. «Manifesto de la Societe des Amis du Peuple». Paris, 1830.

«Le Moniteur republicain». Paris, 1839.

«Le Populaire». Paris, 1841 и след.

«Le Travail». Lyon, 1841.

«La Tribune du peuple». Paris, 1839.

«Le Tribune du peuple» Paris, 1794-1796.

Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf. Vol.II. Paris, 1854.

Almanach de la Communaute pour 1843. R.p. Th.Dezamy. Paris, 1842.

Avis au peuple. «La Revolution de 1848». CXI. Sept. 1925.

Babeuf G. Pages choisies, ed. par M.Dommanget. Paris, 1935.

Babeuf G. Textes choisis. Preface, commentaire et notes explicatives par G. et C. Willard. Paris, 1950.

Blanqui A. Critique sociale. Vol. I-II. Paris.

Blanqui A, Pages inedites (1848-1852). «Revolution de 1848». 1925. T. 13, № III

Bourgin G. et H. Le socialisme francais de 1789 a 1848, Paris, 1912. (Многочисленные выдержки из источников).

Bouton V. Profils revolutionnaires par un crayon rouge. Paris, 1848-1849. Buonarroti Ph. Conspiration pour l'Egalite dite de Babeuf. Bruxelles, 1829. Buonarroti Ph. Conspiration pour l'Egalite dite de Babeuf. Preface par G.Lefebvre. 2 vol. Paris, 1957.

Буонарроти Ф. Заговор равных. 2 тт. М.-Л., 1948. («Предшественники научного социализма»)

Cabet E. Comment je suis communiste. Paris, 1841.

Cabet E. Douze lettres d'un communiste a un reformiste sur la communaute. Paris. 1842.

Cabet E. Histoire populaire de la Revolution fancaise de Г 1789 a 1830. Paris, 1839-1840.

Cabet E. Ma ligne droite ou le vrai chemin du salut pour le peuple. Paris, 1841.

Cabet E. Mon credo communiste. Paris, s. a. Cabet E. Les masques arraches. Paris, 1844.

Cabet E. Petite communaute de devoues et petite colonie fraternele. Paris, 1843.

Cabet E. Realisation de la Communaute dIcarie. Paris, 1847.

Cabet E. Refutation de la brochure de M. Thore. Paris, s. a.

Cabet E. Refutation des doctrines de «l'Atelier». Paris, 1842.

Cabet E. Refutation de «l'Humanitaire». Paris, 1841.

Cabet E. Toute la verite au peuple. Paris, 1842.

Cabet E. Voyage et aventures de lord William Carisdall en Icarie. Traduit de l'anglais de Francis Adams par Th.Dufruit. I-II. Paris, 1840. Cabet E. Voyage en Icarie. Paris, 1842.

Кабэ Э. Путешествие в Икарию, тт.1-2. М.-Л., 1948 («Предшественники научного социализма»).

Constant A.-L. Bible de la liberte. Paris, s.a.

Dezamy Th. Calomnies et politiques de m-r Cabet. Paris, 1842.

Dezamy Th. Code de la Communaute. Paris, 1842.

Dezamy Th. Consequences de l'Inbastillement et de la pai-x a tout prix, depopulation de la capitale, trahison du pouvoir. Paris, 1840.

Dezamy Th. Le jesuitisme vaincu et aneanti par le socialisme. Paris, 1845.

Dezamy Th. M.Lamennais refute par lui-meme. Paris, 1841.

Dezamy Th. Organisation de la liberte et du bien-etre universel. Paris, 1846.

Дезами. Кодекс общности. М., 1956 («Предшественники научного социализма»).

Diderot D. Lettres a Sophie Volland. Texte, en grande ipartie inedit, public pour premiere fois dapres les manuscrits originaux avec introduction, des va-riantes et des notes par Andre Babelon. 3 vol. Paris, 1930.

Diderot D. Oeuvres completes. Paris, ed. Assezat, 1875-1877.

Дидро. Собрание сочинений, 1-10, М. 1935-1947.

L'Enciclopedie ou le Dictionnaire raisonne. Paris, 1751-1780.

Esquiros A. Evangile du peuple. Paris, 1840.

Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire. Geneve, 1868.

Girod de l'Ain. Rapport fait a la cour des pairs (Affaire de mois d'avril 1834). (Paris, s.a.).

Gisquet H. Memoires. Vol.(I)-III-IV. Paris, 1840. Jaunez-Sponville P. et Bugne N. Ruvarebohni. 1809. Ed. par C.i.

Rash, vol.I-II. Paris, 1881. Lahaultiere R. De la loi sociale. Paris, s.a. Lahaultiere R. Les dejeuners de Pierre. Paris, 1841. Lahaultiere R. Petit catechisme de la Reforme sociale. Paris, 1839. Lahaultiere R. Reponse philosophique a un article sur le Babouvisme. Paris, 1840.

La Hodde L. de. Histoire des societes secretes. Bruxelles, 1850.

Laponneraye A. Defense du citoyen Laponneraye 21 avril 1832. Paris, 1833.

Laponneraye A. Lettre aux proletaires. Paris, 1833.

Laponneraye A. Deuxieme lettre aux proletaires. Paris, 1833.

Laponneraye A. Refutation des idees napoleoniennes. Paris, 1839.

Mably G. Collection complete de ses oeuvres. Paris, 1794.

Мабли Г. Избранные произведения. М.-Л., 1950 («Предшественники научного социализма»).

Merilhou. Rapport (Affaire des 11 et 13 mai 1839). Paris, s.a.

Meslier J. Le testament de Jean Meslier, v. -III, ed. par Roudolph Charles. Amsterdam, 1865.

Мелье. Завещание, I-III. М., 1955 («Предшественники научного социализма»).

Morelly Code de la Nature ou le veritable esprit de ses lois (1775). Paris, 1755, также 1910, 1950 и др. изд.

Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М., 1956 («Предшественники научного социализма»).

Morelly. Le Prince. 1751.

Morelly. Naufrage des ties flottantes ou la Basiliade. Messine, 1753.

Pillot J.J. Histoire des Egaux ou moyen detablir 1egalite absolue parmis les hommes. Paris, 1840.

Pillot J.J. Ni chateaux, ni chaumieres. Paris, 1840.

Pillot J.J. La communaite nest plus une utopie. Paris, 1841. «Premier banquet communist le I-er juillet 1840». S.1., s.a.

«Proces des citoyens Vignerte et Pagnerre». Paris (1834).

«Proces des citoyens. Voyez d'Argenson, Ch. Teste et A. Mie».

«Proces du droit dassociation (15 decembre 1832)». Paris (1832).

«Proces du Quinze public par la Societe des Amis du peuple». Paris, 1832.

«Proces-verbaux de la Commune de 1871, ed. par D.Bourgin et G.Henriot. Paris, 1924, vol.I-II.

«Протоколы Парижской Коммуны», под ред. Э.А.Желубовской и А.И.Молока, т. I, М., 1959.

Restif de la Bretonne N. Decouverte australe. Leipsick, 1781.

Ретиф де ла Бретонн. Южное открытие. М.-Л., 1936.

Restif de la Bretonne N. Monsieur Nicolas ou le coeur humain devoile. Vol.XIV-XV. Paris, 1797.

Saint-Simon, H. de. Oeuvres choisies. Paris, 1859, vol.III.

Teste Ch. Project de constitution republicaine. Paris, 1833.

Vairasse d'Alais D., Histoire des Sevarambes, peuples qui habitent une partie du troisieme continent ordinairement appelee Terre Australe. Paris, 1677-1679.

Верас Д. История севарамбов. М. 1947 («Предшественники научного социализма»).

Vignerte J.J. Au redacteur en chef du «National». Paris, (1833).

Villegardelle, F. L'Accord des interets dans l'association. Paris, 1844.

Villegardelle, F., ed. Code de la Nature par Morelly. Reimpressien complete avec l'Analyse raisonne du systeme social de Morelly. Paris, 1841.

Villegardelle F. Histoire des idees sociales avant la Revolution. Paris, 1846. Voyez d'Argenson. Boutade dun riche a sentiments populaires. Palis, s.a.

Voyez d'Argenson. Projet de Defense des accuses davril. Paris, s.a.

Voyez d'Argenson. Discours et opinious, vol.I-II. Paris.

Литература

- Беер М. Всеобщая история социализма и социальной борьбы. М.-Л., 1927.
- Брюа Ж. История рабочего движения во Франции, т.I. М., 1953.
- Бернштейн С. Необабувизм в прессе 30-40-х годов, (сб. «Памяти Бабефа». М., 1960).
- Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. (М.), 1906.
- Волгин В.П. Предшественники современного социализма, ч.I. М., 1928.
- Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958.
- Герье В.И. Учение о нравственности и социальная утопия Мабли. «Русская мысль», 1885, кн. 1 и 2.
- Далин В. М. «Неизвестная рукопись Бабёфа» («Французский ежегодник», 1958); «Бабёф весной 1793 г.» (сб. «Памяти акад. А.М.Панкратовой». М., 1958).
- Гуго К. и Штегман К. Справочная книга социалиста, т.1-2. СПб., 1906.
- Жеффруа Ж. Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки. М.-Л., 1925. Зайдель Г.С. Теодор Дезами. («Под знаменем марксизма». М., 1924. № 1, 3).
- Зеваес А. Огюст Бланки. Пг. 1922.
- Иоаннисян А.Р. Ретиф де ля Бретонн. Вступит. статья к «Южному открытию» Ретифа. М.-Л., 1936; «Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории» («Вопросы истории», 1957, № 6).
- Кучинский Ю. История условий труда во Франции с 1700 по 1949 г. М., 1950.
- Люкс Т. Этьен Кабе и икарыйский коммунизм. СПб., 1906.
- Михайлов А. Пролетариат во Франции, 1789-1852. СПб., 1872.
- Плеханов Г.В. Французский утопический социализм. Соч. т.XVIII, М.-Л., 1925; Очерки по истории материализма. Соч. т. XVIII. М.- Петроград, 1923.
- Потемкин Ф.В. Введение; глава первая «Франция накануне революции 1848 г.» (В кн.: Революция 1848-1849, т.I. М., 1952). «Революция 1848-1849 гг.» М., 1952.
- Ренар Ж. Республика 1848 г. (1848-1852). СПб., 1907.
- Свентоховский А. История утопий. М., 1910.
- Софронов С.С. Политические и социальные идеи Мабли. В сб. «Из истории социально-политических учений». М., 1955).
- Чичерин Б.Н. История политических учений, т.III. М., 1871.
- Щеглов Д. История социальных систем, т.II. СПб., 1889.
- Щеголев П. П. Заговор Бабёфа. Л., 1927.
- Щеголев П.П. Грах Бабёф. М., 1933 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Щеголев П.П. Филипп Буонарроти и его книга «Заговор равных». («Ученые записки Ленинградского ун-та». Серия исторических наук. вып 6. 1940).
- Adker G. Geschichte des Sozialismus und Kommunismus. Leipzig, 1899.
- Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf, v.1-11. Paris, 1854.
- Allix E. La philosophic politique et sociale de Mably. «Revue des etudes historiques». Paris, 1899. Ascoli G. Quelques notes biographiques sur Denis Veirasse d'Allais, dans les «Melanges Lanson». Paris, 1922.
- Atkinson G. The extraordinary voyages in French literature before 1700. New York, 1920.
- Angrand P. Etienne Cabet et la Revolution de 1848. Paris, 1948.
- Angrand P. Cabet et la Republique de 1848.
- Bernstein S. Buonarroti. Paris, 1948.
- Blanc L. Histoire de dix ans. Vol. I-V. Paris, 1841-1844.
- Bougie C. Socialismes francais. Paris, 1932.
- Bourgin H. Les systemes socialistes. Paris, 1923.
- Bourgin G. et Terrier M. «1848». Paris, 1948. (Альбом. Иконография Бланки).
- Bruggeman, F. Utopie und Robinsonade. Weimar, 1914.
- Bruhat G. L. Les journees de Fevrier 1848. Paris, 1948.
- Buffenoir M. Le communisme a Lyon de 1834 a 1848. «Revue d'Histoire de Lyon». Lyon, t.VIII. 1909.
- Cahen L. L'idee de lutte de classe au XVIII siecle. «Revue de Synthese historique», 1906, t.XII.
- Charlety S. La monarchie de Juillet (1830-1848). Paris, 1901.
- Chinard C. L'Amerique et le reve exotique dans literature francaise au XVII et au XVIII siecles. Paris, 1913.
- Chinard C. Introduction к книге: Morelly. Code de la nature. Paris, 1950.
- Cuvillier A. Hommes et ideologies de 1840. Paris, 1956.

Dautry J. Histoire de la revolution de 1848. en France. Paris, 1948.

Dautry J. Morelly et la «Code de la Nature». «La Pensee», 1956, N 56.

Dautry J. La tradition babouviste de la mort de Babeuf a la Revolution de 1848. (сб.: «Памяти Бабёфа». М., 1960).

Deville J. Thermidor et Directoire. «Histoire socialiste», vol.II. Paris, s.a.

Dolleans E. Histoire du mouvement ouvrier. Paris, 1936.

Dommanget M. August Blanqui a Belle-Ile. Paris, 1934.

Dommanget M. Un drame politique en 1848 (Blanqui et le document Taechereau). Paris, 1948.

Dommanget M. Blanqui, la querre 1870 et la Commune. Paris, 1947.

Dommanget M. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1922. Espinas A. La philosophic sociale du XVIII siecle et la Revolution. Paris, 1848.

Festy O. Le mouvement ouvrier au debut de monarchic de Juillet. Paris, 1908.

Fourniere E. Le .regime de Louis Philippe (1830-1848). Paris, (1906).

Garaudy R. Les sources francaises du socialisme scientifique. Paris, 1949.

Garaudy R. Theodore Dezamy. «La Pensee» 1949 N 3.

Geffroy G. L'Enferme. Paris, 1897. Girsberger H. Der utopische Socialismus des XVIII Jahrhunderts in Frankreich. Zurich, 1924.

Haar J. Jean Meslier und die Beziehung von Voltaire und Holbach zu ihm. Hamburg, 1938.

Haenich, W. La vie et les luttes de Philipp Buonarroti. Paris, 1838.

Hearnshaw, F.L.C., ed. The social and political ideas of some great trench thinkers on the Age of Reason. New York, 1930. См. гл.IX, автор С.К.Driver.

Hugo, C. Sozialismus in Frankreich von der Reformation bis zur Revolution. (In: «Vorlauffer des neueren Socialismus», v.11. Stuttgart, 1895).

Jaffe M. Le mouvement ouvrier a Paris pendant la Revolution francaise, 1789-1791. Paris, 1924.

Jaures J. Blanqui. (J.Jaures. Oeuvres, v.III. «Etudes socialistes». Paris, 1948).

Lefebvre, G. Eine Erwahnung Babeufs. (В книге: V.Markov, hrsg., «Jakobinei und Sansculotten.» Berlin, 1956).

Le Flamanc, A. Les utopies prerevolutionnaires et la philosophie du XVIII siecle, Paris, 1936.

Lepine J. Gracchus Babeuf. Paris, 1949.

Lefebvre G. Les origines du communisme du Babeuf. (В книге: Etudes sur la Revolution Francaise. Paris, 1954).

Levasseur E. Histoire des classes ouvrleres et de 1industrie en France de 1789 a 1870. Paris, 1904.

Lichtenberger A. Le socialisme au XVIII siecle. Paris, 1895.

Lichtenberger A. Le socialisme et la Revolution francaise. Paris, 1, 1899.

Louis P. Histoire du socialisme en France de la Revolution a nos jours. Paris, 1936.

Malon B. Histoire du socialisme, t.II. Paris, 1852-1854.

Malon B. Restif de la Bretonne. «Revue socialiste», v.IX, Paris, 1889.

Mason E. S. Blanqui and Communism. «Political Science Quarterly». 1929, XLIV, N 4.

Matiez A. La Directoire. Paris, 1934.

Molinier S. Blanqui. Paris, 1948.

Mo range G. Les idees communistes dans les societes secretes et dans la presse sous la monarchie de Juillet. Paris, 1905.

Morehouse A. Voltaire and Jean Meslier. London, 1936.

Mornet D. Les origines intellectuels la Revolution francaise. Paris, 1938.

Milhi Em. von der. Denis Veiras et son Histoire des Sevarambes 1677-1679. Paris, 1938.

Perreux G. La propagande republicaine. Paris, 1930.

Peneux G. Au temps des Societes secretes. Paris, 1931.

Pruhdhommeaux J. Icarie et son fondateur E.Cabet. Paris, 1907-1926.

Puech J. L. La vie et loeuvre de Flora Tristan (1803-1848). (Nogent-de-Rolrou). 1932.

Robiquet P. Buonarroti et la secte des Egaux. Paris, 1910.

Sensier G. La Babouvisme apres Babeuf 1830-1848. Paris, 1912.

La Serve P. Mably et les physiocrates. Poitiers, 1911.

Stammhammer J. Bibliographic des Sozialismus und Kommunismus, 3Bd. Jena, 1898-1909.

Stein L. Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1848.

Stein L. Geschichte der sozialen Bewegungen in Frankreich. Munchen, 1921.

Stewart N. Blanqui. A bibliography. London, 1939.

Tchernoff I. Le parti Republicain Sous la monarchie de Juillet. Paris, 1901.

Thompson D. The Babeuf plot. London, 1947.

Walter G. Les origines du communisme. Paris, 1935.

Wassermann S. Les clubs de Barbes et de Blanqui en 1848. Paris, 1913.

Weill G. Les journaux ouvriers a Paris (1830-1870). «Revue d'histoire moderne et contemporaine». Paris, 1907-1908. Vol.9.

Zevaes A. Une revolution manquee: l'Insurrection de 12 mai. Paris, 1933.